ISBN 978-5-4211-0048-5

ЧАСТНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ:
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Том
1

ЧАСТНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Том 1

МОСКВА
2011

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

Российский национальный комитет
Международной Федерации
исследователей женской истории

Ярославский
государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского

Совет по консолидации женского движения России

ЧАСТНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Материалы Четвертой международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории
и Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо – Маклая РАН

20 – 22 октября 2011 года, Ярославль

Том 1

Москва
2011

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО–МАКЛАЯ РАН

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

Российский национальный комитет Международной Федерации
исследователей женской истории
Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д.Ушинского
Совет по консолидации женского движения России

ЧАСТНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ:
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Материалы Четвертой международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории
и Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо – Маклая РАН

20 – 22 октября 2011 года, Ярославль

Том 1

Москва
2011

При поддержке Программы Фундаментальных исследований ОИФН Российской Академии наук «Историко–культурное наследие и духовные ценности России», Global Fund for Women и Американской ассоциации женщин–славистов (American Association for Women in Slavic Studies)

РАИЖИ ИАЭ РАН ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Совет по консолидации женского движения России

Отв. редакторы:
Н.Л. Пушкарева, Н.В. Новикова, М.Г. Муравьева
***Частное и общественное*: гендерный аспект:** Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20 – 22 октября 2011 года, Ярославль. – М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 1. – 555 с.

ISBN 978-5-4211-0048-5

Издание включает в себя материалы четвертой международной научной конференции РАИЖИ (Российской ассоциации исследователей женской истории), которая состоится в 2011 году в Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского. Конференция посвящена анализу исторически сложившегося противопоставления «личного» и «общественного», «частного» и «общего», интимно–домашнего и публичного в контексте женской и гендерной истории. Круг вопросов, связанных с понятием «частного», обсуждается с точки зрения влияния символического порядка общества на социальное поведение его членов, анализа ментальных стереотипов и ценностных установок людей, моделей материальной организации культур и специфики самоидентификации мужчин и женщин, стариков и детей в прошлом и настоящем.

УДК
ББК
© Коллектив авторов, 2011
© ИЭА РАН, 2011
© Ярославский государственный педагогический университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Пушкарева Н.Л., Новикова Н.В.
ЧАСТНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ 16

РАЗДЕЛ 1. ЖЕНСКАЯ ТЕМА В АНТИКОВЕДЕНИИ И МЕДИЕВИСТИКЕ

Кононенко А.Н.
БРАК В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ: ЛЮБОВЬ ИЛИ РАСЧЁТ 18

Толстых Е.В. СЕМЕЙНО – БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ ПО ГОРТИНСКОМУ КОДЕКСУ 19

Данилов Е.С. РОЛЬ РИМСКИХ ЖЕНЩИН В ВОЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКЕ: ОТ РЕСПУБЛИКИ К ИМПЕРИИ 23

Поликарпова Н.А. ФЕНОМЕН ГЕНДЕРНОГО СДВИГА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЕРТИ В ЭПОХУ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ 26

Бородина С.Н.
«БОЖЕСТВЕННАЯ АВГУСТА»: ЖИЗНЬ РАДИ ВЛАСТИ 30

Беликов А.П. КЛЕОПАТРА VIII: РАБЫНЯ ЧУВСТВ ИЛИ ПРАГМАТИЧНЫЙ ПОЛИТИК? 34

Бардашова Т.Н. ВАСИЛИССА КАК ОПЕКУН НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА (X–XII ВВ.) 37

Величко Л.Н. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ ФЛОРЕНТИЙСКИХ ГОРОЖАН XIV–XVB. 41

Ануприенко И.А. ДОННА И ЕЕ ДОМ: ВОЗМОЖНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ДОМАШНИМ ХОЗЯЙСТВОМ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (НА ПРИМЕРЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ

ГОРОЖАНКИ МАРГАРИТЫ ДИ МАРКО ДАТИНИ) 44

Черкашенина А.И. ЖЕНЩИНА И ПЛАТЬЕ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ: КУЛЬТУРА, ЭКОНОМИКА, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ 48

Степанов В.Ю. РАСЦВЕТ И ЗАКАТ БЕГИНОК: ИСТОРИЯ УНИКАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ 52

Леонова Т.А. ЖЕНЩИНА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕМЬЕ: ПАРТНЕР И СПУТНИЦА МУЖА? 56

Васильева Н.И. ПРОБЛЕМЫ БРАКА, СЕМЬИ И ЖЕНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ С. УЭМПЛ 63

Трофимова В.С. ПРОБЛЕМА СЕМЕЙНО—БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XVII ВЕКА ВО ФРАНЦИИ И ЕЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ 67

Астэр И.В. ГЕНДЕР И МОНАШЕСТВО 70

РАЗДЕЛ 2. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, БЫТ, ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Козлова С.Ю. СТАРОСТЬ: НАКАЗАНИЕ ИЛИ БЛАГОДАТЬ? (ОТНОШЕНИЕ К СТАРОСТИ НА ПРИМЕРЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО СЛАВЯНСКОГО ОБЩЕСТВА) 73

Блохина Е.А. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКИХ ИМПЕРАТРИЦ XVIII ВЕКА: ПОЛИТИКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ 77

Егерева Т.А. ГАЛЛОФОБИЯ Ф.В. РОСТОПЧИНА В 1812 Г., ИЛИ КУДА МОСКОВСКИЙ ГЕНЕРАЛ—ГУБЕРНАТОР «ПЕШКОМ ХОДИЛ» 78

Солодянкина О.Ю. ЛОШАДИ И СОБАКИ В ЖИЗНИ РУССКОГО ДВОРЯНИНА: ЧАСТНОЕ VS ПУБЛИЧНОЕ 83

Бородина Е.В.
РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. 86

Левандовский А.А.
СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАПАДНИЧЕСКОМ КРУГУ 89

Лигенко Н.П. «ПЕРЕПИСНЫЕ ЛИСТЫ» ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ 1897 Г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ЧАСТНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КУПЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ 93

Веременко В.А. НЕМНОГО О ЛЮБВИ… (ДВОРЯНСКИЙ БРАК И СЕМЬЯ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.) 96

Трефилова М.Н. ЛЮБОВЬ И БРАК В ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИАЛКИ В НАЧАЛЕ XX В. 100

Леонов М.М. НАЗИДАНИЯ В ДЕВИЧЬИХ АЛЬБОМАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ 104

Середа Н.В. И ВОТ У ЖЕНЩИНЫ ПОЯВИЛОСЬ ИМЯ… 108

Устюгова В.В. ПЕРВОЕ КИНО В ПРОВИНЦИИ – МЕЖДУ МАССОВЫМ И КАМЕРНЫМ: СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ К РЕАЛИЯМ XX В. 112

Кривоконь А.В. ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОЙ ГОРОЖАНКИ РУБЕЖА XIX – XX В. 115

Николаенко О.А. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ПОЛЬСКИХ ЖЕНЩИН В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. – ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧЬЯ 118

Сак К.В. ПО РАСЧЕТУ ИЛИ ПО ЛЮБВИ: КАК ЖЕНИЛСЯ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ? 123

Кольчугина С.В. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУПЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ) 128

Безгин В.Б. НАСИЛИЕ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ КОНЦА XIX ВЕКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ 132

РАЗДЕЛ 3. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «МУЖСКОМ» И «ЖЕНСКОМ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Айрапетова В.В. ОБРАЗ СЕМЬИ В ВОСПОМИНАНИЯХ П.А. ФЛОРЕНСКОГО 137

Сараева Е.Л. «ЧАСТНОЕ И ОБЩЕЕ» В ИДЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ А.И. ГЕРЦЕНА 141

Котлова Т.Б. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ УСПЕХЕ НА РУБЕЖЕ XIX – XX В. 146

Ковалева Т.М. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЕМЬЕ В ЖЕНСКИХ ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. 150

Яхно О.Н.
ЧТО И КАК ПИСАЛИ О МОДЕ В ЖУРНАЛАХ НАЧАЛА XX ВЕКА 154

Крадецкая С.В. НЕОМАЛЬТУЗИАНСТВО И РОССИЙСКИЕ ФЕМИНИСТКИ НАЧАЛА XX В. 159

Газихмаева С.С. «ЛИЧНОЕ» И «ОБЩЕСТВЕННОЕ» В «ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДНЕВНИКАХ» А.М. КОЛЛОНТАЙ 163

РАЗДЕЛ 4. ИНДИВИД И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ РОССИИ: РОЛЬ, ВОВЛЕЧЕННОСТЬ, УЧАСТИЕ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Керов В.В. «В СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ ЖЕНЩИНА ПОЛУЧИЛА ПРЕИМУЩЕСТВА»: ГЕНДЕРНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В СТАРОВЕРИИ И ЕГО ФАКТОРЫ 168

Сухова О.А. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КРЕСТЬЯНСКОГО «БУНТА» В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ) 173

Чуракова О.В. «ЕЁ ДУША ТРЕПЕЩЕТ ПРЕДЧУВСТВИЕМ ГРЯДУЩЕГО»: РОССИЙСКАЯ ЖЕНЩИНА НАЧАЛА XX ВЕКА В ПОИСКАХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВОГО ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА ПО

ЖЕНСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ) 177

Волкова Е.Ю. РОЛЬ ЖЕНЩИН В СМЕНЕ ОБЩЕСТВЕННО–ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КОСТРОМСКОГО КРАЯ) 181

Успенская В.И., Козлова Н.Н. ЖЕНСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX–XX ВВ.

Луговая А.В. УЧАСТИЕ ИНСТИТУТОВ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В АКТУАЛИЗАЦИИ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ) 189

Федюк В.П., Ольнева О.В. «ЖЕНСКОЕ ЛИЦО» РЕВОЛЮЦИИ. РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В 1917 Г. 191

Козлова Н.Н. ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ГЕНДЕРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ 195

Лялина А.Н. СОЗДАНИЕ АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ ЖЕНЩИНАМИ (ЖЕНОТДЕЛОВ) В 1920–Е ГГ. НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ 200

Такташева Ф.А. ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД И ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ 203

Винокурова Л.И. ЖЕНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ В СЕЛЬСКОЙ ЯКУТИИ 1980–1990–Х ГГ. 207

РАЗДЕЛ 5. ЛИЧНОЕ VS ОБЩЕСТВЕННОЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Марасанова В.М. РОЛЬ ЖЕНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В УКРЕПЛЕНИИ ИМИДЖА ВЛАСТИ И РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЗАДАЧ 211

Сафронова Ю.А. «ГЛУБОКО ВАС УВАЖАЮЩАЯ РУССКАЯ ГРАЖДАНКА…» ЖЕНСКИЕ ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ. 1879—

1881 ГГ. 216

Благодетелева Е.Д. ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.) 222

Морева О.В. «ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ» И. БЛОХА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 228

Заболотная Л.П. НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЕ ДЕТИ И ИХ ПРАВО НА НАСЛЕДОВАНИЕ В МОЛДОВЕ В XVII ВЕКЕ 232

Козлова О.А. «МАТЁРАЯ ВДОВА». ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРАВА ВДОВ И ОВДОВЕВШИХ МАТЕРЕЙ В МОСКОВИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА 238

Муравьева М.Г. СЕМЕЙНЫЕ УБИЙСТВА В РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ 243

Цыбульникова А.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ СТАТУСА КУБАНСКОЙ КАЗАЧКИ В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX В. 248

Всеволодов А.В. «А ПОСЛЕ НЕЕ ПО СПРАВКЕ ОСТАЛОСЬ ИМУЩЕСТВО...»: ЧТО НАСЛЕДОВАЛИ И ЗАВЕЩАЛИ ВДОВЫ ВОЛОГОДСКИХ СВЯЩЕННИКОВ КОНЦА XIX В. 254

Адоньева И.Г. «ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ ЗАКОНА»: ВАРИАНТЫ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ГОРОЖАНОК НА РУБЕЖЕ XIX – XX В. 259

Феля А.У. РАЗВОДЫ В БЕССАРАБИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: МЕЖДУ НОРМОЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ 264

Стрекалова Н.В. СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИН «СРЕДНЕГО КЛАССА» ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА В 1907 – 1917 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВА) 270

Поповкин А.А.ТРИ ПОРТРЕТА ЖЕНЩИН– БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦ: АННА АКСАКОВА, АНТОНИНА БЛУДОВА, МАРФА САБИНИНА 274

Трошина Т.И. ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И РЕГИОНАЛЬНАЯ

СПЕЦИФИКА (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.) 277

Нагаева Г.А. ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 281

Майорова О.Н. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОМЫСЛОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ АЛАТЫРСКОГО УЕЗДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. 284

Гончаров Ю.М. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. КАК СФЕРА ПРОЯВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ 288

Кокурина Ю.В. РОЛЬ ЖЕНЩИН В ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ХАРАКТЕР, МАСШТАБЫ УЧАСТИЯ 292

Литвин Ю.В. ОРГАНИЗАЦИЯ АКУШЕРСКОГО И ПОВИВАЛЬНОГО ДЕЛА ЗЕМСТВОМ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — XX НАЧАЛО В.) 296

Никонова И.Е. СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ В РОССИИ: ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 299

РАЗДЕЛ 6. РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ, ЧТЕНИЯ, НАУЧНОЙ РАБОТЫ В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Трофимова О.В., Трофимова Я.В. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ В ИНОЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ: ГЕНДЕРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ 302

Борисова А.В. ОБРАЗОВАНИЕ ЖЕНЩИНЫ–ДВОРЯНКИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. 306

Шаматонова Г.Л. ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ЖЕНЩИН В РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ) 310

Паравина М.Н. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЖЕНСКИХ И МУЖСКИХ

ГИМНАЗИЙ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ 314

Тончу Е.А. ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ОТ ЧАСТНОГО К ГОСУДАРСТВЕННОМУ И ОБЩЕСТВЕННОМУ 318

Казакова–Апкаримова Е.Ю. РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГОРОДАХ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ЧАСТНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ 322

Паршина В.Н. РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛКИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ) 324

Попова О.Д. МЕЧТЫ И ГРЕЗЫ ЕПАРХИАЛКИ… (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ВОСПИТАННИЦ ЗАКРЫТЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ) 328

Смеюха В.В. ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЯ «ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ») 332

Минеева Т.А. СЕМЬЯ ИЛИ НАУКА? НЕРАЗРЫВНОСТЬ ЧАСТНОЙ И ПУБЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН–ИСТОРИКОВ В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX В. 335

Соколовская З.К. ЖЕНЩИНЫ–УЧЕНЫЕ – ГЕРОИНИ КНИГ СЕРИИ «НАУЧНО–БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК» 338

Валькова О.А. «И ЧТО ТАКОЕ... УЧЕНАЯ ЖЕНЩИНА, ФИЛОСОФКА, ЖЕНЩИНА СО ВКУСОМ»... В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.? 341

Курто О.И. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И БЫТ ВОСПИТАННИЦ ШКОЛЫ ПРИ КОНВЕНТЕ СЕСТЁР ФРАНЦИСКАНОК–МИССИОНЕРОК ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ (1924–1950 ГГ.) В Г. ХАРБИНЕ 345

Соболева Е.С. СОЗИДАТЕЛЬНИЦЫ КУНСТКАМЕРЫ: ПЕРВЫЕ ЖЕНЩИНЫ НА СЛУЖБЕ В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В 1890–Е – НАЧАЛЕ

1920–Х ГГ. 347

РАЗДЕЛ 7. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Каиль М.В. ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩИНА: ГРАНИЦЫ ЧАСТНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО В РЕАЛИЯХ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ НАЧАЛА 1920–Х ГГ. 352

Мирошниченко М.И. ЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ В ЖИЗНИ ДЕВИЦ–КАЗАЧЕК НА УРАЛЕ В СЕРЕДИНЕ 1920–Х ГГ. 356

Лебедева Л.В. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНКИ РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКИ ПЕРИОДА НЭПА 360

Обрезкова Н.В. КЛУБНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК НОВАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУГА ГОРОЖАНОК ЮГА РОССИИ В 1920–Е ГОДЫ 363

Скорик А.П. КАЗАЧИЙ ФОЛЬКЛОР ЮГА РОССИИ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧАСТНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ СФЕРЫ 1930–Х ГОДОВ 368

Савчук А.А. ПРИЧИНЫ ПРОСТИТУЦИИ И МЕРЫ БОРЬБЫ С НЕЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРВ. ПОЛ. 1920–Х ГГ. 371

Хлынина Т.П. «ДУМАЮ, ЧТО ЭТО ПИСЬМО НЕ ОСТАНЕТСЯ БЕЗ ВНИМАНИЯ, ИБО ЭТО ГОЛОС МАСС»: «ЖЕНСКОЕ» И «МУЖСКОЕ» В ОТНОШЕНИИ К АБОРТАМ В 1930–Е ГГ. 375

Борисенко Е.А. СКОЛЬКО СТОИТ ЧЕЛОВЕК: ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ–ЗАКЛЮЧЕННОЙ В НОРИЛЬСКОМ ИТЛ 379

Макарова Н.Н. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ: ЧАСТНОЕ VS ОБЩЕСТВЕННОЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МАГНИТОГОРСКА 1930–Х ГГ.) 383

Стецура Ю.А. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРИЗЫВ МОЛОДЁЖИ И ЕЁ ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ 387

Ялозина Е.А. ТРУЖЕНИЦЫ «ТРЕТЬЕГО ФРОНТА»:

ЖЕНЩИНЫ–УЧИТЕЛЯ В 1920–Е ГГ. 391

Околотин В.С. УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В РЕАЛИЗАЦИИ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (1929 – 1935) 394

Салова Ю.Г. ЯРОСЛАВСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ–ДОШКОЛЬНИКОВ В 1920–Е ГОДЫ 398

Белова Н.А. ГЕНДЕРНЫЙ СОСТАВ УЧИТЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920–Е ГГ. 402

Бочан С.А. ФЕМИНИЗАЦИЯ «МУЖСКИХ ОТРАСЛЕЙ» НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В 1930–Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ДОНА И КУБАНИ) 405

Миронова Н.П. ОБРАЗ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ–УЧЕНОГО В КОМИ ФИЛИАЛЕ АН СССР В 1950–Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЛОВЫХ ДНЕВНИКОВ) 409

Стяжкина Е.В. «…ОСОБЕННО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ЕЙ УДАВАЛИСЬ НУЖНЫЕ ЗНАКОМСТВА»: ЖЕНСКИЕ ПРАКТИКИ В СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1960 – СЕР. 1980–Х ГГ. 413

Зиннатуллина Э.Р. FEMINA SOVIETICA – ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ 417

Новинская Т.Ю. ЖЕНЩИНА И ГОСУДАРСТВО В СЕРЕДИНЕ ПРОШЛОГО ВЕКА 421

Виниченко И.В. ЖЕНСКОЕ РАВНОПРАВИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ МОДЫ 424

Черепанова Р.С. ДИСКУРС О СЧАСТЬЕ И ГРАНИЦЫ ЧАСТНОГО ПРОСТРАНСТВА В СССР 1960–Х ГГ. В ВОСПРИЯТИИ ШКОЛЬНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ И ЕЕ ОКРУЖЕНИЯ 429

Фокин А.А. «ЖЕНСКИЙ КОММУНИЗМ» НА РУБЕЖЕ 1950 – 1960–Х ГГ. 432

Жидкова Е.М. ПРОБЛЕМА ЧАСТНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО

В ПОЛИТИКЕ ВОСПИТАНИЯ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» В ГОДЫ ХРУЩЕВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 436

Нарский И.В. 1960–Е БЕЗ ПОЛИТИКИ: ВОСПОМИНАНИЯ ДОМОХОЗЯЕК О ЖИЗНИ В ПЕРИОД ОТТЕПЕЛИ 439

Микова О.С. ЭЛЕМЕНТЫ СОВЕТСКОГО УЮТА В ИНТЕРЬЕРЕ КОМНАТЫ СОВРЕМЕННОГО ПЕРМСКОГО ГОРОЖАНИНА 443

Мищенко Т.А. ЦЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В 1960 – 1980 ГГ.: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В ГЕНДЕРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ 447

РАЗДЕЛ 8. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЙН

Щербинина Ю.В., Щербинин П.П. СОЛДАТСКИЕ ДЕВКИ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – XIX В. 451

Воробьева И.Г. ЖЕНЩИНЫ ВО ВРЕМЯ РУССКО–ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877 – 1878 ГГ. 455

Трусова Д.С. САНИТАРНЫЙ ПОЕЗД ТАМБОВСКОГО ДАМСКОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА 457

Юкина И.И. ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА ЖЕНЩИН 462

Садовская В.Ю. ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ (1918 – 1925 ГГ.): ЛИЧНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ 464

Бокова Е.А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 468

Королева Т.В. СУФРАЖИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 471

Семенова Е.Ю. МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОНТАКТЫ ЖЕНЩИН ПОВОЛЖСКОГО ГОРОДА С ВОЕННОПЛЕННЫМИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СТОЛКНОВЕНИЕ

ИНДИВИДА С КОЛЛЕКТИВНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТАНОВКОЙ 475

Шнырова О.В. ФЕМИНИЗМ, СУФРАЖИЗМ И ВОЙНА: ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 479

Гафизова Н.Б. МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ: ДИСКУССИИ О СТРАТЕГИИ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ И РОССИЙСКИХ ЖЕНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ (1914 – 1917 ГГ.) 483

Шестова Т.Ю. ЖЕНЩИНЫ–ВРАЧИ И АРМИЯ В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА 487

Левшин К.В. ДЕЗЕРТИРЫ КРАСНОЙ АРМИИ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ (1918 – 1921 ГГ.) 491

Маркwик Р. «EVERY ROSE HAS ITS THORNS»: DIARY OF A DECEASED FEMALE FLYER IN THE GREAT PATRIOTIC WAR, 1941 – 45 495

Чарон Э. «GIRLS» OR «YOUNG WOMEN»? CLASSIFYING FEMALE SOVIET COMBATANTS IN THE GREAT PATRIOTIC WAR, 1941 – 45 496

Матвеева С.В. ГЕРОИНИ ТРУДОВОГО ФРОНТА: О ВКЛАДЕ ЖЕНЩИН ГОРОДА АЛАТЫРЯ И АЛАТЫРСКОГО РАЙОНА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 497

Соловьева В.В. БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ СОВЕТСКОГО ТЫЛА (1941 – 1945 ГГ.): ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ 500

Золотухина М.В. ДЕТСТВО ДЕВОЧЕК ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНОЙ ИСТОРИИ 504

РАЗДЕЛ 9. ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Морозова Л.Е. ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРИИ ЯРОСЛАВНЫ 505

Логунова М.О. ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА – ВДОВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I 508

Дубровина А.В. В.А. МОРОЗОВА: НА ПУТИ К ИДЕАЛУ 512

Любина Г.И. СЕСТРЫ ГОРТЫНСКИЕ В ПОИСКАХ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ: ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ, СРЕДЫ, ОБРАЗОВАНИЯ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА) 516

Скутнев А.В. А.И. КРАСОВСКИЙ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ РУССКОГО ЧИНОВНИКА XIX В. 519

Третьякова С.Н. О.А. НОВИКОВА: ЖИЗНЬ ДЛЯ РОССИИ 523

Морозова О.М. ЛИЧНЫЕ ДНЕВНИКИ ГЕНЕРАЛА И.Г. ЭРДЕЛИ: ЛЮБОВЬ И ВОЙНА 526

Долгова Е.А. СОЦИАЛЬНО–БЫТОВЫЕ КОНТУРЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ Н.И. КАРЕЕВА В 1917 – 1931 ГГ. 530

Гнатюк Т.Ю. Е.В. КОЗЛОВА. РУССКАЯ ПУТЕШЕСТВЕННИЦА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 534

Зезегова О.И. С.М. ГЛАГОЛЕВА–ДАНИНИ – ИСТОРИОГРАФ И ИСТОРИК ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 538

Краснодембская Н.Г., Бестужевка Л.А. МЕРВАРТ И ЕЁ РОЛЬ В РОССИЙСКОЙ ИНДОЛОГИИ 542

Воронина М.С. БОШ – ФАМИЛИЯ БЕЗ ЖЕНСКИХ МАРКЕРОВ 545

Ивашкин С.Н. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ САМОРЕАЛИЗАЦИИ. ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА ФУРЦЕВА НА ПОСТУ МИНИСТРА КУЛЬТУРЫ СССР 548

Алексеева Е.В. ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЛИЧНОЕ В СУДЬБАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ XX ВЕКА И ИХ РОССИЙСКИХ СПУТНИЦ 551

ВВЕДЕНИЕ

Четвертая Международная конференция, собравшая сегодня в Ярославле историков и этнографов, антропологов и филологов, юристов и культурологов, социологов, психологов и журналистов, организована «*Российской ассоциацией исследователей женской истории*» (РАИЖИ). Это профессиональное сообщество, объединяющее специалистов в различных гуманитарных областях, вдохновленных идеей продвижения направления женской и гендерной истории, создания единого поля для обсуждения актуальных проблем истории женского движения, этнографии и истории пола, семьи, сексуальности, морали и этики, женской литературы и женской культуры, применяющих методы гендерной экспертизы текстов и исследований.

РАИЖИ проводит ежегодные конференции в разных городах России, вовлекая в дискуссии, обмен мнениями, переписку и живое неформальное общение все большее число участников.

В рамках этой конференции мы предлагаем подвергнуть анализу исторически сложившееся противопоставление «личного» и «общественного», «частного» и «общего», интимно–домашнего и публичного. Был ли дом для женщины ее личным пространством и когда он таковым стал? Каковой была «частная сфера», в пространстве которой, как принято считать, женщина доминировала и успешно самореализовывалась? Кто господствовал и задавал правила в жизни публичной, каковы были пути женщин и мужчин к признанию в ней? Как были связаны интересы общественные и личные в судьбах конкретных мужчин и женщин в разные эпохи?

Круг вопросов, связанных с понятиями «частного» и «общественного», требует обсуждения проблем влияния символического порядка общества на социальное поведение его членов, анализа ментальных стереотипов и

ценностных установок людей, моделей материальной организации культур и специфики самоидентификации мужчин и женщин, стариков и детей в различных контекстах.

Интерес к истории частной жизни и различиям в понимании содержания *частного* и *общественного* в разных странах, в разные эпохи, равно как и этнография пола или история повседневности различных эпох – темы для нашей историографии, одновременно, и старые, и новые. Новым для всех нас является особый, пристальный интерес к гендерному аспекту этой темы, к различиям в осмыслении *частного* и *общественного* мужчинами и женщинами.

В этом году мы получили беспрецедентно много (более 300) заявок на участие, что свидетельствует об устойчивом внимании к дисциплине, о росте сообщества исследователей женской истории. Материалы этой книги показывают круг проблем, которые интересуют ученых и выносятся на обсуждение в рамках предстоящей конференции.

Н.Л. Пушкарева, Н.В. Новикова

А.Н. Кононенко

Ставрополь, Ставропольский государственный университет

БРАК В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ: ЛЮБОВЬ ИЛИ РАСЧЁТ

Ещё Эрих Фромм писал: «Когда мы думаем об индийской, египетской или греческой… религии, мы оказываемся в сердце патриархального мира с его мужскими божествами, над которыми властвует один верховный бог»[1]. На Олимпе господствовали не богини, а боги. Абсолютно доминирующую роль играл мужчина. Более того, можно сказать, что женщину вообще воспринимали как зло. Об этом свидетельствует миф, что Пандору решил сотворить Зевс для того, чтобы отомстить Прометею и всему человеческому роду за то, что тот украл для людей огонь (Теогония. 591). Женщине отводилась сугубо ограниченная роль, которую четко определил ещё Аристотель говоря о том, что мужчине и женщине следует объединяться для продолжения рода (Аристотель. Афинская полития. 1. I, 4). Основная цель вступления в брак с женщиной заключалась в рождении полноправных граждан.

При заключении брака в расчёт не брались какие–либо чувства, как со стороны мужчины, так и со стороны женщины. Основными критериями выбора жены были её законное гражданство, приданое, знатность рода и т. д. Но так же принимались во внимание и личностные характеристики девушки: её воспитание, умение рационально вести домашнее хозяйство, характер и т. д., если сказать одним словом – её добродетели. И об этом сохранилось достаточное количество свидетельств. Так, Платон подчеркивает, что

[1] Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 144.

«добродетель женщины – и тут не трудно рассудить, состоит в том, чтобы хорошо распоряжаться домом, блюдя все, что в нем есть, и оставаясь послушной мужу» (Платон Менон, 71 е). Для древних греков женщина – существо неполноценное, полностью подчиненное власти мужчины. Её стандартные добродетели – это набор качеств, выгодных ее мужу. В обязанности жены входит забота о рациональном использовании имущества и продуктов, руководство рабами.

Ни в одном из источников ни разу не было упомянуто о любви или хотя бы симпатии между будущими супругами, решение о женитьбе основывалось лишь на голом рациональном начале. Именно исходя из этого девушке с ранних лет прививались умения и навыки, необходимые ей в будущей семейной жизни, более того, все ее воспитание было направлено именно на выработку безусловной покорности. Суть же древнегреческой семьи заключалась в том, что женщина в ней выполняла функции хозяйки, рационально управляющей своим домом, а мужчина, в свою очередь, полностью реализовывался на общественном поприще.

Е.В. Толстых

Ставрополь, Ставропольский государственный университет

СЕМЕЙНО–БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ ПО ГОРТИНСКОМУ КОДЕКСУ

Гортинский кодекс регулирует в основном имущественную сторону семейных отношений (семейное, наследственное право, некоторые вопросы имущественного права); это подтверждает выводы Л.А. Пальцевой[2]. К разделам, содержащим нормы семейного права, в источнике относятся: «Раздел имущества в случае развода или смерти одного из супругов» (II. 45 –

[2] Пальцева Л.А. К вопросу о кодификации права в древней Греции. // Древнее право Jus antiquum. 2002. № 2 (10). С. 23.

III. 44), «О владении родовым имуществом» (VI. 2 – 46), «Усыновление» (X.33 – XI.23) и некоторые пункты Дополнений (IX. 24 – XII. 35). Гортинский кодекс четко указывает на объем имущества, которое жена при разводе может забрать из дома мужа: это то, с чем она пришла в его дом, половина дохода от её имущества и половина от того, что она напрядёт. Жене полагается также пять статеров в случае, если бывший муж «будет повинен в её одиночестве» (сумма носила характер компенсации, то есть подлежала единовременной выплате)[3].

Большинство пунктов Гортинских законов посвящено семейно–брачным отношениям среди свободных полноправных граждан. На высоком уровне в источнике находится разработка наследственного права. Вся власть над членами семьи и ее имуществом сосредоточена в руках отца. Мать в древнегреческом семействе, как видно из приведенных выше примеров, могла распоряжаться только собственным имуществом. Все, что принадлежит семье, не должно дробиться до тех пор, пока живы родители.

Когда в перечне наследуемого имущества нет движимого, но имеется дом, то дочери получают свою долю, согласно закону. В случае, если отец захочет при жизни сделать дочери свадебный подарок, то стоимость этого подарка не должна превышать установленную законом сумму. В тех случаях, когда женщина по каким–либо причинам не имела завещанного ей отцом или братом имущества, она должна получить свою долю в наследстве. Таким способом законодатель пытается уравнять в имущественном отношении всех гражданок древней Греции.

Гражданское и семейное право, судя по источнику, в описываемый период знает категорию наследства, которое на современном языке называется вымороченным. В этой связи необходимо указать характерную особенность

[3] Батыр К.И. Архаическая Греция. М., 2007. С. 102–104.

источника – стремление сохранить имущество внутри коллектива граждан, так как все, что принадлежало покойному, достается этому коллективу, а не идет в доход государства.

С точки зрения правоспособности младших членов семьи, интересен раздел «О владении родовым имуществом». Первое его положение запрещает кому бы то ни было брать в залог от сына какое–либо имущество, являющееся собственностью его отца. Сын может быть полностью сделкоспособен только в отношении того имущества, которое он приобретет самостоятельно или получит по наследству. Аналогичные ограничения имеют место для отца в отношении имущества, унаследованного или приобретенного его детьми, для мужа относительно имущества жены и для сына в отношении имущества матери.

Наказанием за нарушение норм данного раздела было признание сделки ничтожной, а в ряде случаев и присуждение продавшего или заложившего такое имущество лица к уплате двойной стоимости его лицу, купившему или принявшему такое имущество в залог. Если от совершения этой сделки невиновная сторона потерпела ещё какой–нибудь ущерб, то его необходимо возместить в простом размере.

В случае смерти матери отец семейства приобретал ограниченную правоспособность в отношении ее имущества, имел право им распоряжаться, исключая продажу и залог. Чтобы соблюсти имущественный интерес детей, оставшихся без матери, законом была норма, дающая детям право полного распоряжения имуществом покойной, если отец повторно вступал в брак.

Отдельно в Гортинском кодексе разбиралось наследование дочери («Право наследования дочери» (VII. 15 – IX. 24). С первых его положений в очередной раз явно выявляется стремление законодателя сохранить

имущество наследодателя в рамках его семьи. Для этого закон предписывает выдавать дочь – наследницу за старшего брата покойного отца[4]. Если же братьев не оказывается, то за старшего из их сыновей. Когда дочерей – наследниц несколько, то каждая из них должна стать женой одного из отцовских братьев, либо племянников от братьев. Каждый из имеющих право стать мужем наследницы может взять в жены не более одной девушки.

Имели место случаи, когда дочь получала наследство, не достигнув брачного возраста, или же его еще не достигало лицо, которое имело по закону право на ней жениться. Гортинский кодекс устанавливает «порог зрелости» для девушек – старше 12 лет, для молодых людей различаются понятия «достигший зрелости» (16–18 лет) и «совершеннолетний» – после 18 лет.

Исходя из норм, упомянутых в источнике, ясно, что часты были случаи, когда молодой человек, уже будучи зрелым, но еще не совершеннолетним, заявлял об отказе жениться на достигшей зрелости наследнице. Тогда девушке давалось право владеть всем имуществом до тех пор, пока тот юноша на ней не женится. Чувства одного из молодых людей нередко приносились в жертву имущественному интересу, в этом кроется причина отсутствия комфортного психологического климата в большинстве древнегреческих семей.

Иногда в такие семейные дела вмешивался судья. Так, если достигнув совершеннолетия, мужчина все еще не хотел жениться на наследнице, желающей стать его женой, ее родственники обязаны вчинить иск («судья пусть определит, чтобы он женился в течение двух месяцев»).

---

[4] Латышев В.В. Очерк греческих древностей: государственные и военные древности. М., 1999. С. 97.

Если девушка не желала заключить брак с мужчиной, имеющим право стать ее мужем, она не утрачивала права собственности на дом, но из остального имущества ей позволялось взять только половину. Утраченная ею при этом половина имущества, по нормам кодекса, отходила несостоявшемуся мужу в качестве компенсации за моральные и нравственные страдания.

Если у наследницы не было женихов, отвечающих названным в законе требованиям, она оставалась при всем унаследованном ею состоянии, но будущего мужа, как и в предыдущем случае, обязана была выбрать только из своей филы. Когда в филе не находилось лица, желавшего вступить в брак с такой девушкой, ее родственники объявляли в своей филе о наличии «свободной» девушки и интересовались, не желает ли кто–то на ней жениться. Если жених находился, ему в обязанность вменялось сделать это не позднее чем через 30 дн. с момента объявления его согласия на брак. Если жениха ни в своей, ни в родственной филе не было, такой невесте позволено было выйти замуж «за кого будет в состоянии».

Е.С. Данилов

Ярославль, Ярославский ГУ им. П.Г. Демидова

РОЛЬ РИМСКИХ ЖЕНЩИН В ВОЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКЕ: ОТ РЕСПУБЛИКИ К ИМПЕРИИ

В античном социуме информация о частной жизни индивида играла важную роль в формировании общественного мнения о нем (*Plut*. Prae. ger. reip. 4). К распространению подобной информации, как недвусмысленно указывают греческие и римские авторы, были причастны представители прекрасного пола (*Men*. Arrefora. fr. 37; *Juven*. Sat. 6. 398–412). В определенной ситуации женские сплетни угрожали общественному порядку (*Polyb*. XV. 30; *Gell*.

N. A. I. 23; ср. *Macrob*. Sat. I. 6. 19–25). Через женщин шел неформальный информационный обмен, и это говорит об особой их функции в полисе[5]. Мы обратим внимание на роль римских женщин в сфере военной разведки и политического шпионажа. Частную разведку, особенно в период поздней Республики, имел каждый влиятельный римский политик – Красс, Помпей, Цезарь, Цицерон, Марк Антоний, Октавиан Август[6]. Но роль женщин в добывании тех или иных сведений нам до конца не известна.

Впрочем, до нас дошло несколько ярких примеров использования римских женщин в качестве источника политической информации. Аристократка Фульвия сообщала Цицерону о планах Катилины и его сторонников (*Sall*. Cat. 23. 3–4; *App*. B.C. II. 3; *Plut*. Cic. 16; ср. *Plut*. Alex. 48–49). Сервилия, сестра Катона Младшего, имела связь с Цезарем (*Plut*. Cat. Min. 24) и, вероятно, снабжала его необходимыми данными[7]. Август встречался с чужими женами, чтобы через них выведывать замыслы противников (*Suet*. Aug. 69. 1)[8].

На факт использования любовных связей в шпионской практике косвенно указывает насильственное привлечение гетер (актрис, танцовщиц,

---

[5] Строгецкий М.В. Роль информации и проблема коммуникативных отношений в классическом полисе // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. Э.Д. Фролова. Вып. 2. СПб., 2003. С. 139–141; Квашнин В.А. Римские женщины в политической жизни средней Республики // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. № 14 . М., 2007. С. 60–61.

[6] См., например: Sheldon R.M. Toga and Dagger: Espionage in Ancient Rome // Quarterly Journal of Military History. Autumn 2000. P. 28–33.

[7] «Цезарь был весьма привлекателен для женщин. Он использовал свою внешность, чтобы совратить жен многих своих врагов и даже некоторых друзей… Женщины, казалось, оставались преданными ему даже после того, как он терял к ним интерес…» (Данниган Д. Путь воина / Пер. с англ. О.И. Максименко. М., 2006. С. 40–41).

[8] Август сделал сестру Октавию орудием своей политики, выдав ее по смерти ее мужа в 40 г. до н.э. за Марка Антония, разумеется, для того, чтобы иметь самую свежую информацию о всех шагах, закулисных делах и сношениях своего соправителя и соперника по власти. Эта шпионка в роли жены была неразлучной спутницей своего супруга, когда он отправился в Грецию (Поляков Г.П. Витрувий и Август // ВДИ. 1938. № 4. С. 157).

музыкантов) к даче свидетельских показаний в ходе судебных процессов. К примеру, по делу сенатора Помпедия во времена Калигулы была призвана в свидетельницы актриса Квинтилия. Главный обвинитель, некий Тимидий, пытался заставить ее лжесвидетельствовать. Женщина подверглась пыткам лишь потому, что Помпедий был ее поклонником и возлюбленным, а значит, она могла слышать неприличные отзывы последнего об императоре Гае (*Joseph*. A.J. XIX. 1. 5; ср. *Arist*. Pol. 1313b 11–15; *Polyaenus*. Strat. V. 2. 13)[9].

Некоторые высокопоставленные женщины, ведя активные политические игры, становились не источником, а потребителем разведывательной информации. Видимо, Теренция, жена Мецената, доверенного лица Августа (*Dio Cass*. LII. 1. 2), знала все, что знал ее муж, и могла использовать это в личных интересах (*Suet*. Aug. 66. 3)[10]. То же самое можно сказать и о Ливии, жене самого принцепса (*Plut*. De garr. 11)[11]. Феодора, супруга Юстиниана Великого, имела множество соглядатаев, которые сообщали ей о том, что говорилось и делалось на агоре и в частных домах (*Procop*. S.H. XVI. 14).

Приведенные примеры, конечно же, не соответствовали традиционным римским понятиям о добродетельной матроне, которой свойственны целомудрие, добродетельность, благожелательность, простота в обращении, старательность в прядении и ткачестве[12], набожность, свобода от суеверий, умеренный образ жизни (Laudatio Turiae I. 30–36=ILS 8393). С такими представлениями контрастирует громкий скандал, произошедший в 39 г. и

---

[9] «В привычках гетер было не напиваться на пирах и не говорить больше, чем следовало, т.е. внимательно слушать собеседника» (*Lucian*. Dial. meret. VI. 3).

[10] Август жаловался, что Меценату недостает умения молчать. Дела императора рассматривались гражданами как частная сфера, несмотря на то, что касались они всего общества в целом (Winterling A. «Öffentlich» und «privat» im kaiserzeitlichen Rom // Chiron. Bd. 1. 1971. S. 238–239).

[11] См.: Barret A. Livia: first lady of Imperial Rome. New Haven – L., 2002.

[12] См.: Ляпустин Б.С. Женщины в ремесленных мастерских Помпей // Быт и история в античности. М., 1988. С. 69–87.

связанный с одной из эмансипированных женщин. Корнелия, супруга наместника Паннонии Гая Кальвизия Сабина, захотела посмотреть, как устроен военный лагерь. Она переоделась легионером, ночью пробралась в укрепление, вступила в разговор со стражей (*Tac.* Hist. I. 48; *Plut.* Galb. 12; *Dio Cass.* LIX. 18. 4).

Участие римских женщин в военной разведке[13], в отличие от политического шпионажа, крайне редко фиксируется античными авторами. Такие случаи интерпретируются как курьез, анекдот или выдумка. Легендарная девица Клелия, попавшая в числе заложников в лагерь Порсены в 508 г. до н.э., смогла бежать, переплыв Тибр. По требованию этрусских послов она была возвращена, но восхищенный царь позволил ей вернуться вместе с несколькими несовершеннолетними (*Liv.* II. 13. 6–11; *Flor.* I. 4. 7; *Aur. Vict.* De vir. ill. XIII). Дважды побывав в стане врага, она, как кажется, не могла не поделиться увиденным и, скорее всего, была допрошена магистратами (*Dionys.* Ant. Rom. V. 33. 2; *Plut.* Poplic. 19). Возможность привлечения женщин к разведывательной деятельности можно объяснить тремя основными причинами. Первая причина – это слабость мужчин перед женскими чарами. Вторая – готовность женщины идти на риск. Третья – периодическая и ситуативная невозможность использования иных источников информации. У нас нет оснований говорить об участии римских женщин в шпионаже, но саму возможность существования такого положения вещей мы признать должны.

Н.А. Поликарпова

Ярославль, Ярославский ГПУ им. К.Д. Ушинского

ФЕНОМЕН ГЕНДЕРНОГО СДВИГА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЕРТИ В РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

[13] О роли женщин в вооруженных конфликтах см.: Кревельд М. ван. Трансформация войны. М., 2005. С. 268–280.

Политическая обстановка в эпоху ранней Римской империи (принципата) не отличалась стабильностью: как отмечают римские авторы, времена относительной устойчивости перемежались периодами, когда «смена принцепса открывала путь к своеволию и беспорядкам» (Тацит, Анналы, I,16). Причиной тому, во многом, была двойственность идеологической основы режима принципата. Идейная дихотомия выражалась не просто в несоответствии декларируемых идеалов и ценностей республиканских времен реалиям нового времени, действительным потребностям и ожиданиям общества, но и в том, что действия находившихся у власти лиц диссонировали с нормами, которые они же пытались возродить[14].

Состояние ценностно–нормативного бинаризма и социального дисбаланса вызывало стремление к перераспределению властных прерогатив в обществе и семье, способствовало размыванию ранее ригидных границ между приватной («женской») и публичной («мужской») сферами, порождало феномен гендерного сдвига – смещения поло–ролевой идентичности индивида. Эти процессы сопровождались изменениями способов самоидентификации и вариантов репрезентации лиц определенного пола, оказывали влияние на действия людей и их мотивы, ценностные ориентиры и образ мысли, а также неотъемлемую составляющую менталитета индивидов любой эпохи – представления о смерти.

Так, маскулинизация римлянки, проявлявшаяся во включении в сферу женской субъективности мужских повседневных практик, способствовала преодолению рамок частной сферы и «обогащению» новыми смыслами восприятия женщиной смерти. Жизненный опыт римских императриц

[14] Принятый Августом в 18 г. до н.э. закон против прелюбодеяния Lex Julia de adulteries coercendis не единожды нарушался самим императором, чьи действия, оставаясь безнаказанными, подрывали веру в силу закона и те ценности, которые в нем утверждались. (Светоний. Жизнь двенадцати Цезарей, II, 69).

показывал их внутреннюю силу и стойкость, поскольку в походах периода принципата воинов нередко сопровождали жены, притом даже беременные (Там же, III, 33), разделявшие судьбу и часть обязанностей своих мужей, видевшие все ужасы и мучения походного образа жизни. Они испытывали на себе риск быть захваченными в плен и даже убитыми.

Стремление дезавуировать приписываемую женщине социальную «ущербность» толкало римлянок на узурпацию исключительного права домовладыки распоряжаться жизнью и смертью представителей своей семьи. По свидетельствам римских авторов, ради избавления от тяготивших рамок семьи и быта женщина была готова в «вино подмешать для мужа отраву из жабы» (Ювенал, Сатиры, I, 68–72) или ядом детей отравить за обедом (Там же, VI, 639–642).

Свое стремление к эмансипации древние римлянки сосредоточивали не только на желании расширить возможности самореализации за счет утверждения в общественной жизни – они пытались также нивелировать политику двойных стандартов в интимной сфере. В Древнем Риме считалось, что в гетеросексуальных отношениях мужчина играет «активную» роль завоевателя, а представительница «слабого» пола выступает в качестве «пассивного» объекта, своего рода трофея в борьбе между мужчинами за право обладания ею (Овидий, Искусство любви, II,233,247–248). Однако в эпоху ранней империи одним из вариантов перераспределения ролей в сексуальных отношениях была ситуация, когда женщина через «завоевание» предмета своей страсти демонстрировала проигравшим соперницам и самому мужчине свое превосходство (Там же, II, 435–436).

Другим способом демонстрации влияния в интимной сфере являлись внебрачные связи римлянок с рабами. Но подобные отношения, как и любые связи вне брака, воспринимались социумом прежде всего как проявление

женской безнравственности и склонности слабой, движимой страстями женской души к разврату[15]. Кроме того, в представлении жителей Древнего Рима существовала прямая связь между женским прелюбодеянием и отравлением[16]. Так, командующий преторианской гвардией Сеян совратил жену своего политического противника Ливиллу, «внушил ей желание соединиться с ним в браке, стать его соправительницей и умертвить мужа (ведь потерявшая целомудрие женщина уже ни в чем не отказывает!)» (Тацит, Анналы, IV, 3).

Объектом для реализации женской мести нередко были дети, т.к. умерщвление ребенка рассматривалось как способ пресечь возможность воплощения отца – средоточия жестокости, похоти, разврата – в своем потомстве.

Процесс смещения гендерной идентичности у мужчин наиболее ярко проявлялся во внешних вариантах репрезентации. Императоры Калигула и Нерон «выходили к народу в цветных, шитых жемчугом накидках, с рукавами и запястьями, иногда в шелках и женских покрывалах» (Светоний, Жизнь двенадцати Цезарей, IV,52; VI, 51). Как утверждали моралисты, подобный «наряд был недостоин не только римлянина и не только гражданина, но и просто мужчины и даже человека» (Светоний, Жизнь двенадцати Цезарей, IV, 52).

Признаки гендерного сдвига у мужчин могли также обнаруживаться в нетрадиционных сексуальных предпочтениях. Если гомосексуализм в Древнем Риме не являлся девиацией, а считался одним из проявлений нормы, то сознательный выбор, особенно свободным и знатным римлянином, «пассивной» роли в однополых связях воспринимался как извращение, уподоблявшее мужчину женщине – существу слабому, зависимому, инертному.

---

[15] Edwards K. The politics of immorality in Ancient Rome. Cambridge, 1993. P. 43.
[16] Ibid. P. 52.

Обвинения в любви к сексуальным практикам (неважно, мнимым или действительным), где мужчина представал в «пассивной» женской роли, часто использовались общественными деятелями в качестве доказательства политической слабости своего оппонента[17].

Таким образом, особым социальным явлением в эпоху ранней Римской империи был гендерный сдвиг, проявлявшийся в перераспределении функций, способов действия, вариантов репрезентации, сексуальных предпочтений между представителями разных полов. Для женщин процесс смещения идентичности был преимущественно направлен на преодоление своей юридической «неполноценности» в семье и самореализацию в сфере публичного. «Примеривание» римлянкой коннотировавшихся как маскулинные качеств и моделей поведения, с одной стороны, открывало перед ней возможность осознания кончины «чужого» – врага (как непосредственного противника римского государства, так и вытесненного из категории «своих» члена семьи) в качестве не вызывавшего скорби и сожаления деяния, но, с другой стороны, существенно повышало тревожность такой женщины за свою жизнь.

Феминизация мужчины, в свою очередь, проявлялась преимущественно во внешнем облике, а также в интимной сфере. Трансформация поло–ролевой идентичности мужчины была менее глубока и вариативна, а новый способ репрезентации практически не был сопряжен с опасностью для жизни.

С.Н. Бородина

Ставрополь, Ставропольский государственный историко–культурный музей–заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

«БОЖЕСТВЕННАЯ АВГУСТА»: ЖИЗНЬ РАДИ ВЛАСТИ

[17] Edwards K. The politics of immorality in ancient Rome. P. 71.

Ливия Друзилла являлась третьей по счету женой Октавиана Августа и матерью его преемника, императора Тиберия. Наделяя Августа разного рода демоническими качествами, исследователи зачастую упускают из виду ту роль, которую в формировании политики первого принцепса играло его ближайшее окружение. Рядом с ним была его жена Ливия Друзилла, умная, хитрая и честолюбивая. И если она не вторгалась в государственные дела открыто, то, несомненно, влияла на мужа, его решения, замыслы, планы[18].

Ливия Друзилла, женщина знатного происхождения и красивая, стала женой Августа в 38 г. до н. э., когда ей было девятнадцать лет. От первого мужа она имела сына Тиберия, а через три месяца после свадьбы с Августом родился второй сын Друз Старший, который официально считался сыном ее первого мужа[19]. Свою собственную семейную жизнь Август нередко подчинял политическим интересам. Более того, он хотел представить свою семью в глазах римлян неким эталоном добропорядочности. Но она таковой не была.

Ливия Друзилла была моложе мужа на 5 лет и пережила Августа на 15 лет. Жена первого римского императора, мать будущего императора Тиберия, Ливия принадлежала к плебейскому роду Ливиев, но, будучи красивой, умной и расчетливой, удачно устроила жизнь. Август любил Ливию, окружил ее заботой и уважением, держал в курсе государственных дел, советовался по многим вопросам. Ее влияние на мужа, особенно в поздние годы, усилилось.

Ливия была расчетливой и, видимо, в чем–то лицемерной женщиной, которая в то же время поддерживала имидж достойной супруги «божественного Августа», разделяющей провозглашенные им семейно–религиозные идеалы[20]. Римские историки отзываются о Ливии как об интриганке, действовавшей, однако, крайне

---

[18] Гиленсон Б. Ливия // Галерея знаменитых женщин. Кн. 1. М., 2001. С. 14.
[19] Федорова Е.Ф. Люди императорского Рима. М., 1990. С.106.
[20] Гиленсон Б. Указ. соч. С. 16.

осторожно, за кулисами, устраняя некоторых родственников мужа, которые могли представлять опасность для её сына Тиберия, с которым она связывала далеко идущие планы. Тацит справедливо назвал Ливию «матерью, опасной для государства, и злой мачехой для семьи Цезарей» (Tac. Ann. I. 10).

Между Ливией и Августом шла скрытая борьба, Ливия хотела, чтобы наследником был Тиберий. Принцепс же, не имевший своих сыновей, хотел, чтобы престол унаследовали его внуки. Ливия же этому тайно противодействовала.

Август высоко ценил Тиберия, считал его своим лучшим военачальником. Но юридически Тиберий не имел право наследовать принцепсу. В большей мере на это могли претендовать прямые потомки Августа, его внуки Гай, Луций и Агриппа. Привязанность к ним деда вызывала тревогу у Ливии, делавшей ставку на Тиберия. С завидной целеустремленностью Ливия начала устранять соперников своего сына.

В семейной жизни Августа явно присутствовала атмосфера того же самого нравственного разложения, которое охватило и всю верхушку римского общества. Как писал Светоний, «сладострастным утехам он предавался и впоследствии и был, говорят, большим любителем молоденьких девушек, которых ему отовсюду добывала сама жена» (Svet. Avg. 71). Ливия прекрасно понимала, насколько удачную партию она сделала этим замужеством. Поэтому она сквозь пальцы смотрела на продолжавшиеся увлечения мужа. Более того – сама поставляла ему жертв его сладострастия, тщательно отбирая их так, чтобы среди них не оказалось сильных личностей, которыми он мог бы увлечься всерьёз. Расчётливый Август, как можно понять, ценил и уважал только столь же холодно–рассудочных женщин,

поэтому Ливия устраивала принцепса. Это было поистине редкое единение душ двух бездушных людей[21].

Теперь Тиберий остался единственным родственником Августа, который мог стать его наследником. Когда Август встретился с пасынком после долгой разлуки, то отозвался о нем образно: «Бедный римский народ: в какие медленные жующие челюсти ему предстоит попасть». Вступив в восьмой десяток, Август чувствовал, как силы его покидают, говорил о желании «доброй смерти». Умер он на руках у Ливии со словами: «Ливия, помни, как мы жили вместе. Живи и прощай» (Svet. Avg. 99).

В последние дни жизни Августа Ливия проявила немалую активность. В связи с ухудшающимся состоянием здоровья принцепса, по словам Тацита, «некоторые подозревали, что тут не обошлось без злого умысла Ливии» (Tac. Ann. I. 5). Тиберий взял на себя управление Римом, а Ливия была принята в род Юлиев и получила имя Августы. При вступлении Тиберия на трон в адрес принцепса, как и можно было предполагать, полились неумеренные восхваления; то же относилось и к его матери. Раздавались предложения именовать Ливию «матерью отечества».

Однако намерения вдовствующей императрицы натолкнулись на неожиданное препятствие – таковым явился сам Тиберий. Человек уже немолодой и крайне самолюбивый, он, конечно, сознавал, чем обязан матери, но неимоверно тяготился необходимостью постоянно проявлять эту благодарность. Вскоре вражда их стала открытой (Svet. Tib. 50–51).

Ливия болезненно переживала метаморфозу, происшедшую с ее сыном, пыталась протестовать, но Тиберий стоял на своем. Полного разрыва между ними не произошло: для Ливии идти на это было бессмысленно и опасно — она сама устранила с его пути всех соперников. Тиберий же, особенно

[21] Фелорова Е.В. Указ. соч. С. 107.

поначалу, нуждался в советах матери по многим важным проблемам. Тиберий не раз говорил, что женщинам не к лицу вторгаться в государственные дела. В итоге он почти перестал общаться с матерью. Тем не менее, само ее существование ставило моральную преграду самовластию Тиберия, и лишь после ее кончины террор с полной силой обрушился на римскую аристократию, не обойдя и императорскую фамилию.

Ливия скончалась в 28 г. в возрасте 86–ти лет. Тиберий, ни в чем не нарушив приятности своего уединения и не прибыв в Рим отдать последний долг матери, в письме к сенату сослался на свою занятость и урезал (из скромности) определенные сенаторами в память Ливии почести, добавив, чтобы ее не обожествляли, ибо так хотела она сама.

Жена Августа и мать Тиберия была, безусловно, неординарной, сильной и сложной личностью. Сохраняя внешнюю благопристойность, она активно участвовала в жёстких интригах, связанных с соперничеством и борьбой за власть и влияние. В полной мере стремилась она реализоваться как лицо, приобщённое к верховной власти, даже после смерти Августа. Но интриги Ливии все же были покрыты флером благочестия. После Августа наступила эпоха неприкрытого насилия. Сама же честолюбивая «Божественная Августа» Ливия Друзилла всю жизнь была одержима стремлением добиться власти. И даже сына, Тиберия, считала всего лишь средством к этому.

А.П. Беликов

Ставрополь, Ставропольский государственный университет

КЛЕОПАТРА VII: РАБЫНЯ ЧУВСТВ ИЛИ ПРАГМАТИЧНЫЙ ПОЛИТИК?

Личность Клеопатры в античных источниках имеет негативную оценку. Крайняя враждебность к царице видна в творчестве Горация (который именовал ее fatale monstrum – Hor. Od. I. 37), Вергилия, Проперция. Проявлением откровенной лжи о Клеопатре был пассаж Секста Аврелия: «Она была так развратна, что часто проституировала, и обладала такой

красотой, что многие мужчины своей смертью платили за обладание ею в течение одной ночи» (LXXXVI.2). Это «обвинение» нельзя воспринимать всерьёз. Секст Аврелий – автор поздний и плохо информированный, очевидно, он исходил не только из анекдотических слухов, но и из реалий своего времени. Но Клеопатра – отнюдь не Мессалина. Любвеобильность царицы – миф[22], он потому и оказался столь живучим, что люди любят мифотворчество. Можно согласиться и с тем, что неприязнь античных авторов к Клеопатре – проявление сексизма[23].

Сразу отметим: отрицательное отношение к ней, господствующее в источниках, объясняется тем, что она «чужая». И не просто чужая, а ещё и царица чужого государства, с которым Рим вёл войну, следовательно – подлежащая дегуманизации в пропагандистской войне представительница экзотического и *испорченного* Востока. К тому же – женщина. Более того, женщина, пытавшаяся *управлять* мужчиной и римлянином, что по римской ментальности считалось недопустимым.

Парадоксально, но мы ничего не знаем об интимной жизни той самой Клеопатры, которая является для нас олицетворением любви[24]. Утверждения об аморальности Клеопатры – это в значительной степени результат воздействия поздней пропаганды[25]. У нас нет оснований считать Клеопатру развратной женщиной. Единственный, кроме Цезаря и Антония, любовник, которого ей приписывали современники, был Гней Помпей–младший[26].

К сожалению, негативное отношение к Клеопатре присутствует и в новейшей литературе, между тем, эта царица ставила перед собой

---

[22] Томашевич О. Пояснения к иллюстрациям вместо послесловия // Фрэн И. Клеопатра, или неподражаемая. М., 2001. С. 469.
[23] Хьюз–Хэллет Л. Клеопатра: правда, легенда, ложь. М., 1999. С. 72–74.
[24] Декс П. Клеопатра. Ростов–на–Дону, 1998. С. 30.
[25] Weigall A. The life and times of Marc Antony. London, 1931. P. 292.
[26] Декс П. Указ. соч. С. 31.

осмысленные и потенциально достижимые цели. Она жила «крайне целомудренной жизнью»[27]. Царица большого государства, попавшего в сферу влияния Рима, она не могла позволить себе жить эмоциями, была «энергичной и деятельно здравомыслящей в самой отчаянной ситуации»[28].

Клеопатра применяла классические женские уловки, чтобы завоевать и удержать Антония (Plut. Ant. XXVI–XXVII; LIII) – те приёмы и уловки, которые пускает в ход женщина, когда мужчина ей *нужен*. Антоний, пусть во многом вынужденно, стал для Клеопатры любовником–другом–опорой.

Все сохранившиеся изображения Клеопатры показывают: она была далеко не красавица, но обладала шармом, и, как пишет Дион Кассий, у неё был прелестный голос, наслаждением было и смотреть на неё, и слушать её речи (XLII.34). Римляне, видевшие её, знали, что красотой и молодостью она уступала Октавии (Plut. Ant. LVII). Антония, падкого на пышность и внешний блеск, она покорила броским эффектом своего хорошо продуманного появления в Тарсе.

На монетах Антоний изображался как преемник Цезаря и глава всей «цезарианской партии»[29], ему было вдвойне лестно покорить царицу и в этом тоже стать преемником Цезаря, унаследовав не только его ауру, но и его женщину. Она стала его любовницей, но, возможно, так и не смогла реально покорить его сердце[30]. Он всегда нуждался в сильном руководителе, притом таком, кому он мог бы всецело доверять и с которым его связывали бы общие цели. Клеопатра идеально подходила для такой роли. Движущей силой в этом

---

[27] Lindsay J. Marc Antony. His World and his Contemporaries. London, 1936. P. 226.
[28] Петров А.М. Несколько страниц в защиту Клеопатры (исторический источник и литературная несправедливость) // Восток–Запад–Россия. Сб. статей. М., 2002. С. 384.
[29] Morawiecki L. Political Propaganda in the coinage of the Late Roman Republic (44–43 B.C.). Wroclaw, 1983. P. 54.
[30] Scullard H.H. From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 B.C. to A.D. 68. London, 1964. P. 171.

союзе была она[31]. Антонию нужны были деньги, Клеопатре необходим был Антоний[32]. Царица высчитала возможного победителя в римской борьбе за власть и сделала ставку на него[33]. Египту едва ли удалось бы остаться нейтральным в этой борьбе, но Клеопатра просчиталась, оценивая шансы претендентов на победу!

Клеопатра покончила с собой не от утраченной любви и не потому, что сама жизнь без Антония была для неё невыносимой. Главное – она не хотела украсить собой триумф Октавиана. Гордая царица не могла в цепях войти в Рим, который она при Цезаре покорила своим великолепием. Она была хорошим политиком и умелым дипломатом. Царица нравилась египтянам, что удавалось очень немногим Птолемеям. Клеопатра даже выучила египетский язык, чтобы стать ближе своим подданным. Она реально заботилась о благе государства. Правда, для неё забота о державе одновременно была заботой о себе самой.

Клеопатра всегда уважала только силу и авторитет. Жизнь в условиях интриг и борьбы за власть сделала её жестокой и бескомпромиссной правительницей. Ради власти Клеопатра была готова на всё. Тем более после того, как у неё родился ребёнок от Цезаря – она хотела сберечь для наследника своё царство, доставшееся ей в нелёгкой борьбе с братом. Царица просто не могла позволить себе быть слабой женщиной и лишала себя того, что было доступно любой простолюдинке: любить беззаветно и безоглядно.

Т.Н. Бардашова

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

ВАСИЛИССА – ОПЕКУН НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА (X–XII ВВ.)

[31] Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 344.
[32] Craven L. Op. cit. P. 39.
[33] Huzar E.G. Marc Antony. A Biography. Minneapolis, 1978. P. 189.

История Византии богата примерами, когда василиссы правили империей при своих малолетних сыновьях–императорах[34]. В частности, первые попытки оставить императрицу царствовать при несовершеннолетнем наследнике византийской короны фиксируются уже в VII в. Впрочем, тогда в 641 г. инициатива василевса Ираклия I не встретила одобрения среди элиты страны, и его супруга Мартина так и не стала временным правителем при своем багрянородном пасынке Константине III[35]. Другой пример связан с именем августы Феодоры, которая в соответствии с желанием своего покойного супруга императора Феофила, на протяжении шестнадцати лет (842–856) царствовала при своем сыне – Михаиле III[36]. Кроме того, за пять десятилетий до этого супруга усопшего василевса Льва IV Ирина не только соправительствовала со своим несовершеннолетним сыном–императором Константином VI, но и в 797 г. отстранила его от власти, единолично управляя империей до 802 г[37].

Между тем, в византийском государстве отсутствовала династическая наследственность императорской власти[38]. Институт опекунства, эпитропия, был призван сохранить власть малолетнего византийского правителя. Однако в силу отсутствия в Византии династического закона, инструмент опекунства не имел какого–либо официального оформления. Обычно по воле усопшего василевса опекуном, иначе эпитропосом, при малолетнем сыне–соправителе, назначались, либо близкие родственники–мужчины умершего василевса,

[34] ФЦП «Научные и научно–педагогические кадры инновационной России» (проект «Византийская империя в периоды расцвета и упадка»,ГК 02.740.11.0578).
[35] Райс Т.Т. Византия. М., 2006. С. 34–35.
[36] McClanan A. Representations of early Byzantine Empress. NY, 2002. P. 6.
[37] Garland L. Empresses. Women and Power in Byzantium, ad 527–1204. L, 1999. P. 76–95.
[38] Каждан А.П. Византийская культура X–XII вв. СПб., 1997. С. 104.

либо патриарх, либо августа – мать несовершеннолетнего греческого василевса.

В этой связи нельзя не провести параллели между византийской эпитропией и западноевропейским институтом регентства. Действительно, два этих инструмента очень похожи, и, зачастую, практику опекунства в Византии называют не иначе как термином «регентство»[39]. Но понятие «регентство» по отношению к византийскому материалу не совсем корректно. Если западноевропейский регент, не всегда являвшийся коронованной особой, осуществлял полномочия главы государства вместо малолетнего наследника престола, то византийский эпитропос, за исключением патриарха, как правило, был носителем императорского достоинства, при этом он лишь соправительствовал с несовершеннолетним василевсом, отчасти выполняя государственные функции.

Надо полагать, что к X в. практика женского правления во время малолетства наследника престола в Византии уже сложилась. Именно поэтому выбор в рамках данного исследования периода с X по XII в. кажется вполне закономерным, ведь на этот временной промежуток приходится царствование при своих малолетних сыновьях–василевсах сразу четырех августейших регин: Зои Карбонопсии – супруги византийского императора Льва VI Мудрого при сыне Константине VII Багрянородном (914–919), Феофано (Анастисии) – супруги греческого автократора Романа II при сыновьях Василии II и Константине VIII (963), Евдокии – супруги василевса Константина X при малолетних Михаиле, Андронике и Константине (1067), а также Марии Антиохийской – супруги Мануила I Комнина при несовершеннолетнем сыне–наследнике византийского престола Алексее II Комнине (1180–1181).

---

[39] The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A.P. Kazdan. NY; Oxford. 1991. V. 3. 1778–1779.

Источниковая база исследования покоится на источниках нарративного характера. Преимущественно это сочинения византийских авторов: Продолжателя Феофана, Михаила Пселла, Льва Диакона, Никифора Вриенния, Анны Комниной, Никиты Хониата, Иоанна Киннама, Псамафийской хронике и др[40]. На протяжении трех столетий четыре императрицы становились правительницами империи при своих несовершеннолетних сыновьях. Синклит поддерживал решение византийского правителя в вопросе престолонаследия[41].

Насколько же широка была правовая компетенция императрицы, царствующей со своим несовершеннолетним сыном? Фигура василевса была призвана символизировать блеск и величие Византийской империи, а также подчеркивать ее особое место среди других государств средневековой Европы. Но сложная система придворного церемониала была направлена на демонстрацию таинственной связи греческого императора с небесным царем[42]. Тем не менее, греческий автократор возглавлял лишь мужскую половину двора. В церемониях женской части дворца, называемом «двором женщин», первенствующее положение занимала василисса. Конечно, граница, отделяющая «двор женщин» от «двора мужчин», не была непреступной. Случаи, когда императрица становилась опекуном своего венценосного сына, прецедент как раз такого порядка. Не вызывает сомнений, что все церемониальные действа возглавлял сам несовершеннолетний император, августа же чествовалась как императрица и мать наследника[43].

---

[40] Продолжатель Феофана. СПб., 1992; Михаил Пселл. Хронография. СПб., 2003; Лев Диакон. История. М., 1988; Никифор Вриенний. Исторические записки. М., 1997; Анна Комнина. Алексиада. СПб., 2010; Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина. Рязань, 2003; Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Рязань, 2003; Псамафийская хроника // Две византийские хроники. М., 1957.
[41] Лев Диакон. История. Кн. 2. Гл. 10. С. 20.
[42] Каждан А.П. Указ. соч. С. 105.
[43] Диль Ш. Византийские портреты. С. 143–144.

Василисса обладала правом смещения представителей византийской элиты с государственных постов, а также назначать угодных ей лиц на придворные должности[44]. Власть василиссы–соправительницы не была прочной. С достижением василевсом 16 лет августе подобало передать свою властную компетенцию венценосному сыну, на что, как показала история Византии, были способны отнюдь не все императрицы[45]. Реальную возможность сохранения власти за своими сыновьями для императриц предоставляло повторное замужество[46].

Императрица Евдокия также расценивала второе замужество как вынужденную необходимость. Таких сюжетов немало в последующей истории Византии, когда императрицы вновь и вновь оказывали решающее влияние на сохранение преемственности власти в Византийской империи[47].

Л.Н. Величко

Ставрополь, Ставропольский государственный педагогический институт

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ ФЛОРЕНТИЙСКИХ ГОРОЖАН XIV–XVВВ.

Эпоха Средневековья долгое время представлялась исследователям «миром мужского господства». Однако уже в начале XIII в. общая картина восприятия женщины и её места в обществе несколько меняется. Церковная идеология нуждалась в практическом подтверждении провозглашаемых этических принципов поведения, основ морали и нравственности,

---

[44] Каждан А.П. Указ. соч. С. 106.
[45] The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 3. P. 1778–1779.
[46] Лев Диакон. История. Кн. 3. Гл. 9. С. 30; Кримський А.Ю., Кезма Т. Оповідання арабського історика XI віку Абу–Шоджі Рудраверського про те, як охрестилася Русь // У друкарні Української академії наук, 1927. С. 8.
[47] Connor C.L. Women of Byzantion. New Hafen; London, 2004. P. 214; James L. The Role of Women. P. 649; Kyrris C. P. Le rôle de la femme dans la société Byzantine particuliér ement pendant les derniers siécles // JÖB. 1982. Bd. 32/2. P. 467.

направленных в том числе на укрепление церковного брака и важной роли женщины─матери. Женщина удостаивалась внимания только тогда, когда заслуживала святость, и чтобы описать её путь к Богу, обращались к её мирской жизни[48]. Немалую роль в изменении презентации женских образов играли представители городской среды. Об этом можно судить, обратившись к нарративным источникам, вышедшим из под пера флорентийских горожан XIV–XV вв.

В торгово–предпринимательской среде Флоренции признание индивидуального начала распространялось не только на мужчин, но и на женщин, особенно вдов, взявших на себя функции воспитания детей, сохранения имущества и фактически бравших на себя обязанности глав семейств. Возможно, сдвиг в восприятии роли женщины в обществе был связан с постепенным обособлением супружеской семьи, начавшимся с середины XIV в., и признанием за женщиной определённой роли в воспитании потомства.

Однако, женские образы, возникшие на страницах мемуаров флорентийцев, – скорее наброски, чем законченные портреты. Уровень презентации в них ниже, чем в мужских биографиях, а описания сводятся к рассказу о благочестии, констатации фактов добропорядочности в браке, безупречного материнства и вдовства.

Самым выдающемся флорентийским биографом по праву считается Веспасиано да Бистиччи (1421–1498 гг.)[49], секретарь Козимо Медичи и владелец мастерской по переписки книг. Помимо биографий пап, кардиналов, епископов, владетельных синьоров он оставил жизнеописания знаменитых женщин Флоренции, образы которых характеризуются более глубоким

[48] Дюби Ж. Почтенная матрона и плохо выданная замуж // Одиссей. Человек в истории. 1996. С. 132.
[49] Vite di uomini illustri del secolo XV в. Scritte da Vespasiano da Bisticci. Bologna, 1893. Vol. 3.

уровнем репрезентации личностного начала по сравнению с образами, созданными предшественниками. Веспасиано, так же как и авторы семейных хроник, прежде всего, ценил в женщине качества, присущие идеальной жене и управительнице дома: «Я знаю моих сверстниц, которые противостоят праздным женщинам, аккуратнейших, принимающих участие в управлении их домами, среди которых монна Нанна, Джованна, дочь Бартоломео Валори, почтеннейшего гражданина в его время, и жена мессера Джаноццо Пандольфини, женщина, которая стала выдающимся образцом следования обычаям и достойному воспитанию детей, как женского, так и мужского пола. Она руководила всем домом, всеми домочадцами и всеми людьми. Была благочестивой женщиной. Навещала она больных и бедных»[50].

Бистиччи далеко ушёл в мужских жизнеописаниях от христианских канонов изображения личности[51], однако в описании женских образов генеральной линией для него остаётся мирской аскетизм. Признавая это, нельзя не отметить, что биограф отходит от традиции описания жизни своих героинь как биографий светских монахинь. Описывая жизненный путь «достойнейших женщин», биограф затрагивает и такие стороны их жизни, как светские приёмы. Рассказывая о приёме послов Сигизмунда Венгерского, биограф особенно подчеркнул, что «Алессандра, как самая красивая и благовоспитанная, стояла в первом ряду рядом с послами… Алессандра танцевала, приглашённая послами и всё удивлялись её ловкости и умению изящно двигаться. Было также решено, что она поднесёт послам бонбоньерку с конфетами. Взяла она коробку и с несказанным изяществом поднесла её послам, и казалось, что только она могла это сделать. Послам понравились

---

[50] Vite di uomini illustri del secolo XV в. P. 536.

[51] См.: Сидоров А.И. «Астроном» как писатель и историк: опыт культурно–антропологического прочтения каролингской биографии // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2003. Вып.III. С. 5–19.

её тонкие и изысканные манеры, впрочем, как и всем окружающим»[52]. Биограф подробно останавливается на её умении танцевать и светской обходительности, которую юная Алессандра проявила, когда сопровождала послов в гостиницу. Не меньшее восхищение у него вызывало умение Алессандры Строцци вести дом, воспитывать как собственных детей, так и племянников.

Женский идеал в представлении Бистиччи усложняется и приобретает новые качества. Если для Д. Веллути, П. Да Чертальдо женщина – прежде всего жена, мать и рачительная хозяйка, то для Бистиччи – ярко выраженная индивидуальность, незаурядная личность с сильным характером. Флорентийцы отдавали себе отчёт в том, что семейные традиции и социально–политический опыт передаются через посредство женщин, а значит, ей отводилась не менее значимая роль в обществе, чем мужчине.

И.А. Ануприенко

Ставрополь, Ставропольский государственный педагогический университет

ДОННА И ЕЕ ДОМ: ВОЗМОЖНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ДОМАШНИМ ХОЗЯЙСТВОМ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (НА ПРИМЕРЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ГОРОЖАНКИ МАРГАРИТЫ ДИ МАРКО ДАТИНИ)

Патриархальные основы итальянских городских семей второй половины XIV – XV веков предусматривали полное подчинение женщин мужчинам. Но такая ситуация в значительной мере являлась идеальной. Так или иначе женщинам приходилось жить самостоятельно в рамках собственного домохозяйства. По данным налоговых списков выяснилось, что список 1352 г. (Libro della Sega), опубликованый Б. Барбадоро в 1931 г., и Кадастр 1427 г. содержат сведения, что в 1352 г. 812, т. е. 8% от общего числа находящихся в списке налогоплательщиков, были женщины, полностью держащие в своих

[52] Vite di uomini illustri del secolo XV в. P. 543.

руках домашнее хозяйство. Из них 57% – вдовы, 43 % – незамужние, брошенные, живущие раздельно с мужьями. В 1427 г. женщин, полностью держащих в руках домашнее хозяйство, было 621 (около 14% из всех, внесенных в список от двух картьер Сан Спирито и Санта Кроче). Из них 93% – вдовы, 7% – не вдовы. Итальянский исследователь Фьюми подчеркивал, что в число женщин–налогоплательщиц в списке 1352 г. включались наиболее бедные, часто называемые «постаревшими женщинами»[53]. Однако при этом необходимо учитывать и другой показатель – декларирование женщинами своей роли в домохозяйстве. По списку 1352 г. из 812 женщин, являющихся шефами домохозяйств, 203 (25%) объявляли об этом, тогда как в 1427 г. только 73 женщины (12%) объявляли об этом. От этого зависела ставка налогообложения[54].

Исследования, посвященные женскому труду в сфере городского производства и торговли, начались сравнительно недавно. Традиционно они продолжают опираться на два показателя: первый – труд дома и второй – работа маргинальная, промежуточная. В глазах окружающих женский труд приобретал некоторую респектабельность лишь в том случае, когда исчезновение супруга делало ее работу неизбежной при условии, что она будет производить ее, не компрометируя честь покойного[55]. Однако в отношении к женскому труду и самостоятельности заметна некоторая положительная динамика, касающаяся прежде всего вдов, «женщин – наполовину мужчин»[56], часто вынужденных или

[53] Fiumi E. La demografia fiorentina nelle pagine di Giovanni Villani // Archivio Storico Italiano (ASI). CVIII. 1950.P. 78–158, 109.
[54] Chabot I. La reconnaissance du travail des femmes dans la Florence du bas Moyen Age: idéologique et ré alité // La donna nell'economia secc. XIII–XVIII. A cura di Simonetta Cavaciocchi. Firenze, 1990.
[55] Ibid. P. 56
[56] San Bernardino da Siena. Predica // San Bernardino da Siena. La Prediche volgari / A cura di Luciano Banchi. Siena, 1880–1881. Vol. II–III. P. 136.

желающих ради детей стать хозяйкой в доме и принять ответственность за семью[57]. Некоторые аспекты, которые касаются этой темы, можно рассмотреть на материале писем Маргариты Датини[58] своему мужу богатому купцу Франческо ди Марко Датини (1335–1410)[59].Он часто отсутствовал дома и поэтому обменивался женой письмами[60].

Жена Франческо Датини монна Маргарита, согласно исследованиям, проведенным Ф. Мелисом[61] и И. Ориго[62], сумела стать надежным компаньоном своего мужа в делах, она управляла огромным домом в отсутствие супруга, причем все служащие уважали ее как авторитетную правительницу. Практически в каждой зажиточной семье имелись загородные поместья, где производились натуральные продукты и запасы питания, необходимые для семьи[63]. Поэтому забота о припасах всегда занимала сознание всякого горожанина, в частности, его жены. Ассортимент производимых продуктов был велик: «Мне и Никколо показалось правильным купить кедровых орехов... Еще отправили вам много апельсинов и прекрасной черешни, белого вина, хлеба и салфеток, словом, всего, что вам необходимо»[64]. Очень скрупулезно учитывала монна Маргарита имеющиеся в доме продукты и всегда давала о них мужу самый полный и обстоятельный отчет: «Пошли мне два мешка муки... О сале нечего сказать… ветчина тоже

---

[57] Barbaro F. De re uxoria liber in partes duas / Per cura di Attilio Gnesotto. Padova, 1915; Barbaro F. De re uxoria liber // Prosatori latini dell'Quattrocento / A cura di E. Garin. Milano, Napoli, Torino, 1976. V. I. P. 153–154.
[58] Datini M. Le Lettere di Marhgerita Datini a Francesco di Marco, 1384–1410 / Ed. par. V. Rosati. Prato, 1977. P. 20–90.
[59] Origo I. The merchant of Prato Francesco di Marco Datini (1335–1410). N.Y.,1957. P. 109.
[60] Ibid. P. 130.
[61] Melis F. Aspetti della vita economica medieval. Siena, 1962. Vol. 1.
[62] Origo I. The merchant of Prato… .P. 131.
[63]Cronica volgare di Anonimo fiorentino dall'1385 al 1409. Attributita / A cura di P. Minerbetti // Reram Itali Carum Scriptores. Citta di Castello. 1903–1955. XVII. P. 11.
[64] Datini M. Le Lettere di Marhgerita Datini… 29, 64.

хорошо сделана, и если бы я была на твоём месте, то я бы не приказала солить её по–другому». Еще один продукт, необходимый для заготовки впрок и применяющийся как лекарственное средство, – это уксус: «Не знаю, почему ты спрашиваешь меня об уксусе, а когда я говорю тебе правду…». Монна Маргарита занимается производством необходимых продуктов у себя в хозяйстве, следит за садом и за огородом: «потратили четыре сольди на покупку семян ячменя, бобов и других овощей, чтобы посеять их в нашем огороде»[65]. Маргарита следит и за чистотой и опрятностью всей одежды в доме, так как многие семьи экономили на одежде, считая, что лучше починить и почистить старую, нежели тратиться на новую.

Все ключи обычно должны были находиться в руках хозяйки дома, за исключением тех, которые используются ежедневно – от буфетной и кладовой: «Я сначала не давала ему ключ, потом все же я решила дать ему ключ. Он нашел там те бумаги, которые ты просил»[66]. Отсюда видно, как важна для хозяйки дома прерогатива владения ключами, сколько волнений связано с тем, что по приказу главы дома надо на короткое время передать один из ключей служащему для того, чтобы найти необходимые бумаги. О деньгах, которые были им должны, Маргарита также считает нужным напомнить своему супругу, и это еще один показатель ее бережливости и экономности: «Я посылаю тебе отчет во всем». Маргариту тяготило то обстоятельство, что она, супруга, как бы далеко и долго он не отсутствовал, находится под строгой системой контроля в доме.

Маргарита Датини, заботясь о порядке в торговле, в письмах давала своему супругу очень дельные советы: «все улажено с этими

---

[65] Ibid. P. 43, 66, 73.
[66] Datini M. Le Lettere di Marhgerita Datini…P. 27.

благословенными налогами…»[67]. В одном письме Маргарита проявляет интерес к делам мужа: «Написать это письмо меня побудило желание знать, как ты поступил с делами Паоло да Пистойя». Маргарита часто делает в своих письмах упор на то, что она лучше, чем ее супруг, разбирается в прислуживающих ему людях и располагает большей информацией о них. Это казалось женам купцов нормой в условиях, когда они были полностью «прикреплены» к семейным структурам, должны были служить культу семьи и домашнего очага[68].

Таким образом, одной из самых важных функций женщины была функция управления хозяйством, слугами, домом, загородными поместьями. Женщины идентифицировали себя с домашним очагом. Многообразные функции по управлению домашним хозяйством лежали на их плечах, обеспечивая им возможность самореализации. Часто замужние женщины, подобно Маргарите Датини, стремились быть идеальными хозяйками, всесторонне обеспечить потребности семьи, поэтому многие из них прославились именно благодаря своим качествам умелых хозяек, которые заслуживали почета и уважения со стороны семьи и общества.

А.И. Черкашенина

Ставрополь, Академия народного хозяйства и госслужбы

при Президенте РФ (Ставропольский филиал)

ЖЕНЩИНА И ПЛАТЬЕ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ:

КУЛЬТУРА, ЭКОНОМИКА, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Культурный код одежды, вне зависимости от времени и пространства, является первым маркером социального статуса. Одежда всегда служила великолепнейшей репрезентацией личной и групповой идентичности, играла

[67] Datini M. Le Lettere di Marhgerita Datini… P. 51, 46.

[68] Репина Л.П. Мужчины и женщины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002. С. 88.

свою роль в контексте самых широких интеллектуальных полей[69]. Так, в XV в. в Англии, так же как и во Франции, появляется мода на вышитые женские платья, которые обильно украшаются гербами и эмблемами, свидетельствуя о богатстве и статусе своей обладательницы[70], а главным образом — её супруга. В одежде имело значение всё: цвет, покрой, отделка.

Обратимся к тексту поэмы «Жемчужина» и посмотрим, сколь впечатляющей является картина торжествующего девства: *«Дитя, стоит, как королева»; «Дитя, невинность, налегке / Вся в обрамлении жемчужин»; «Гербовой лилии подобна, / Она стояла, глядя в воду; / Плащ белый облегал удобно, / И красоте ее в угоду / Расшит был жемчугами дробно»; «Так герцогиня во дворец / Должна входить в венце надетом! / Оплечь власа ложились цветом, какой лишь золоту присужен, невинность чистая при этом / Цвела в сиянии жемчужин»[71].*

Обращает на себя внимание гипертрофированная тавтологичность образного ряда — образ жемчуга на протяжении 5 строф встречается 13 раз: *«Плащ белый облегал удобно, / И красоте ее в угоду / Расшит был жемчугами дробно»; «На ней жемчужный был венец /Увенчан маленьким букетом / Жемчужным — ни один цветец/Украшен не был самоцветом»; «Цвела в сиянии жемчужин»; «Не счесть жемчужин — столько их / И на груди, и на подоле / Горошин белых, не других, / Лишь белые на белом поле…».*

---

[69] Рассмотрев концепты Фортуны и одежды от античности до позднего средневековья, Денни–Браун утверждала: «То, что в античности символизировало отсутствие контроля со стороны смертных над материальными обстоятельствами, стало к концу средневековья символом власти самостоятельно себя облекающего субъекта». Denny–Brown A. Fashioning Change: Wearing Fortune's Garments in Medieval England // Philological Quarterly. 2008. Vol. 87. No. 1–2. P. 9.

[70] Pearsall D. The Assembly of Ladies // The Floure and the Leafe; The Assembly of Ladies; The Isle of Ladies. Kalamazoo, Michigan, 1990. Footnote to line 83. [электронный ресурс] URL:http://www.lib.rochester.edu/camelot/teams/assint.htm

[71] Жемчужина // Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь:[сб. средневековых английских поэм] / пер. Н. Резниковой и В. Тихомирова. М., 2006. С. 161–165.

Такой семантический ряд акцентирует наше внимание на символике жемчуга. Частые упоминания белого цвета (цвета невинности) и аллюзии на королевские регалии и знаки высшего достоинства сообщают нам глубокий сакральный смысл, который проясняется по ходу прочтения поэмы. Рай, вечность, святость, чистота, блаженство — вот что визуализируют жемчужно–белые оттенки образного ряда.

Ещё один примечательный в смысле цветовой символики фрагмент, на этот раз из *Пролога Батской Ткачихи* Чосера[72]. Там алый — это цвет веселья, яркости, привлекательности, а также похоти и порока; он суггестивно дополняет образ Батской ткачихи. Кроме того, представление Чосера о женщинах её типа и класса с помощью данного цветового кода также приобретает в нашем восприятии чёткость, зримость, объёмность. Алый в английской культуре — это также цвет потустороннего мира, «доброго народца», фэйри и эльфов. Именно в алое платье одета будущая жена сэра Гавейна, когда Артур встречает её на вересковой пустоши, между дубом и остролистом в образе уродливой старухи.

Цветовая символика одежды приобретает широкую распространенность благодаря соответствующему топосу куртуазной культуры. Ещё Й. Хёйзинга отмечал дихотомию зеленого и голубого как символ важной для куртуазии бинарной оппозиции верности/непостоянства в любви[73]. Это справедливо и для английской ветви куртуазного дискурса — так, в анонимной поэме «Ассамблея знатных дам» (предположительно 1470—1480гг.) главная героиня в своем видении встречает некую прекрасную даму, «достойную всяческого поклонения»[74], одетую в голубое платье, вышитое незабудками и

---

[72] Chaucer G. The Canterbury Tales. The Wife of Bath's Tale, lines 549—568.
[73] Хёйзинга Й. Осень средневековья. Глава 9, абзац 2.
[74] «*Of grete worship she semed for to be*». The Assembly of Ladies, line 80.

понизу — девизом "*Bien loialment" — «Очень верная*»[75]. Прекрасная дама говорит о том, что зовут ее «Непоколебимость» (*Perseveraunce*), и что она «много дней» живет при дворе достойнейшей госпожи Верности[76]. Тот же код мы встречаем и в стихотворении Чосера «Против женского непостоянства»[77].

Не только ношение, но и создание платья было тесно связано с женской сферой дискурса: например, оно часто мыслилось как занятие женщины. Это само по себе примечательно, потому что изготовление одежды часто «выводит» женщину за рамки типичных внутрисемейных занятий, включает её в более широкий круг экономических и социальных отношений[78].

Женщины–ткачи этой программе следовали, причем так успешно, что включились в жёсткую конкуренцию с мужчинами–ткачами на правах отдельной гендерно–профессиональной группы. Так, в городе Бристоле в сер. XV в. был принят специальный ордонанс, запрещающий женщинам и девушкам занятия ткачеством, дабы они не перебивали работу у мужчин, которые из–за этого «*бродяжничают, не нанимаются, и не могут иметь работу, чтобы жить»*[79].

Женщины были активно заняты в поставках текстиля и изготовлении одежды для королевского двора в Лондоне конца XV в. Согласно документам, относящимся к этому аспекту коронации Ричарда III Глостера (корпусу Королевского Гардероба — «*Great Wardrobe»*), производством одежды из шелка и бархата были заняты женщины — *silkwomen*; при этом у них иногда

---

[75] Ibid., line 83–88 и также см. примеч. и коммент. Дерека Пирсола.
[76] Ibid., lines 91, 95—98.
[77] Chaucer G. Against women unconstan // The complete works of Geoffrey Chaucer. Oxford, 1889. P. 405.
[78] Langland W.The vision of Piers Plowman. Electronic Text Center. University of Virginia Library. PASS. VI.
[79] Ордонансы бристольских ткачей за 1461 г. The Little Red Book – V. II. P. 127—129; Бристольские ремесленные цехи в XIV–XV веках. Сб. под ред. Т.В. Мосолкиной. Саратов, 1995. С. 34.

были специфические деловые отношения с мужьями, которые, впрочем, порой выступали как полноправные, или даже неполноправные коммерческие партнеры своих жен. Примером такой семьи могут послужить Сесилия и Джон Уолкоты, горожане и торговцы тканями[80].

Те женщины, кому не посчастливилось проявить коммерческую или иную активность в сфере ремесла, были целиком зависимы от мужей в столь важной сфере. Так, из письма леди Маргарет Пастон своему мужу явно проступает вся глубина такой зависимости: «Моя матушка послала к моему отцу в Лондон за мастердевиллерской тканью, чтобы сделать платье для меня; а он ответил матушке и мне, когда прибыл домой, что он велел вам купить её, когда уезжал из Лондона. Молю вас, если она еще не куплена, купите её и пришлите домой так скоро, как вы можете; потому что у меня нет платья на эту зиму, кроме моего черного и моего зеленого льерра, и это так тягостно, что я принуждена их носить»[81].

Одежда и *одевание* напрямую связано с властью, в нашем случае — с властью мужа над женой. Несмотря на материальную и финансовую тяжесть данных обязательств, мужья все–таки шли на подобные расходы: это было репрезентацией их социального статуса, выражением симпатии к жене и символом власти над нею. Роль, значение концепта одежды в сфере *женского* не исчерпывается указанными фактами: мы лишь перечислили некоторые вехи, остальные ещё ждут своего тщательного и глубокого исследования.

В.Ю. Степанов

Москва, ФГУ РГРК «Голос России»

---

[80] Note of F. Sutton and P.W. Hammond// The Coronation of Richard III: the extent documents. Ed. by Anne F. Sutton and P.W. Hammond. NY, 1983. P. 409.
[81]Letter from Margaret Paston to John Paston I from 14 December 1441 // The Paston Letters: a selection in modern spelling. Oxford, 1999. P. 4.

РАСЦВЕТ И ЗАКАТ БЕГИНОК: ИСТОРИЯ УНИКАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Доклад посвящён истории бегинок – полусветского–полумонашеского женского ордена, широко распространённого в Средние Века на территории Западной Европы. Как история бегинок, так и их богословское наследие очень мало изучены в России. В докладе рассматриваются история возникновения движения бегинок и причины его популярности, а также причины последующего падения этой популярности и упадка ордена.

Большинство современных исследователей датирует возникновение движения бегинок промежутком между 1170 и 1180 гг. До XIX в. в науке бытовало мнение, что бегинки существовали и в более ранее время, но современные учёные отвергают эту версию как базирующуюся на не заслуживающих доверия легендах и поддельных документах. Помимо женской ветви ордена, существовала и мужская, называвшаяся «бегарды», но она была малочисленнее, чем женская, состояла, как правило, из людей из самых низов общества, была слабо организована и сравнительно скоро прекратила своё существование.

Не являясь в строгом смысле слова монашеским орденом (бегинки не имели устава, имели право в любой момент покинуть орден и выйти замуж и т.п.), но и не будучи в то же время чисто светским образованием (большое значение придавалось молитвенно–созерцательной жизни), объединения бегинок в определённом смысле являлись альтернативой как светскому, так и монашескому образу жизни, предоставляя женщинам средневековой Европы, до появления течения бегинок вынужденных выбирать лишь из двух вариантов – замужество или монастырь – некий «третий путь». В отличие от монастырей, располагавшихся, как правило, в уединённой сельской местности, бегинажи (общежития бегинок) образовывались непосредственно на окраинах города (а порой и в самом центре), но, подобно монастырям,

были отгорожены от внешнего мира, представляя собой некий «малый город в городе» со всем, что необходимо для жизни, включая порой даже пивоварню. Формируясь изначально как приюты для женщин, чьи мужья погибли в крестовых походах, и для мужчин, потерявших работоспособность в результате травмы, болезни или старости (что касается мужчин–бегардов, то в основном это были представители низших слоёв общества — ткачи, сукновалы и т.п.), бегинажи позволяли решать как проблему вдов, оставшихся без попечения, так и мужчин, оставшихся без возможности своим трудом добывать средства к существованию.

Примерно одновременно с орденом бегинок и бегардов возникают такие монашеские ордена, как францисканцы и доминиканцы, очень скоро образовавшие тесную связь с бегинками и бегардами. Основатель ордена францисканцев св. Франциск Ассизский и его последователи выдвинули идею возвращения к «евангельской бедности», почти полного отказа от собственности и существования за счёт подаяний. Далеко не все церковные иерархи приняли эту идею, и католическую церковь в XIII в. охватили споры, подобные спорам «стяжателей» и «нестяжателей», имевшим место позднее в России в конце XV — начале XVI вв. Среди бегинок и бегардов однозначного мнения по этому вопросу не было. Если бегинки склонялись к тому, чтобы жить трудом своих рук и не принимать пожертвований извне (впрочем, в разных общинах и в разное время было по–разному), то бегарды, как правило, просили милостыню. Не «светские» священники и епископы, не монахи (монастыри были отдалёнными от городов, в сельской местности), а бегинки и бегарды оказывали наибольшее влияние на умонастроения зарождавшегося в то время городского пролетариата.

На протяжении всего XIII в. католическая Церковь преследовала бегинок и бегардов, обвиняя в ереси. В начале XIV в. бегинкам, однако, удалось избавиться от всех обвинений, и преследования постепенно прекратились.

Тем не менее, католическая Церковь так никогда и не признала официально за бегинками статус ордена, несмотря на то, что женская ветвь ордена существует до сих пор (хотя сегодня число её членов исчисляется буквально единицами). Членами ордена бегинок были такие выдающиеся женщины – мистические богословы, как Мехтхильд Магдебургская, Хадевич из Антверпена, Беатрис из Назарета, Маргарита Порете (принадлежность последней к бегинкам, впрочем, оспаривается некоторыми исследователями). Сочинения их посвящены мистическому слиянию человеческой природы с Богом, описываемому в аллегорических брачно–любовных символах. Богословие бегинок впитало в себя величайшие достижения предшествующей религиозно–мистической мысли – от мистического богословия св. Бонавентуры и св. Бернара Клервосского до поэзии трубадуров, которая, подобно поэзии суфиев (влияние которой она, кстати, испытала), лишь внешне представляет собой чисто «светскую» любовную лирику, а на самом деле имеет «эзотерический» религиозно–мистический смысл.

Богословские идеи бегинок оказали значительное влияние на таких крупных представителей немецко–фламандского мистического богословия, как Мейстер Экхарт, Ян ван Рюйсбрук Удивительный, Иоханн Таулер, Генрих Сюзо, а через них – на М. Лютера и других идеологов протестантизма.

Несмотря на самые жестокие преследования, на протяжении XIII – XIV вв. движение бегинок продолжало расти и быть популярным. Впоследствии, однако, популярность бегинок падает. Но, по мнению автора этих строк, не преследования со стороны церковных властей стали главной причиной последовавшего за «золотым веком» бегинок упадка этого уникального женского движения. Напротив, как пик наибольшей популярности бегинок, так и расцвет бегинского мистического богословия приходится как раз на эпоху гонений. А период упадка ордена как раз совпадает по времени с той эпохой,

когда церковные преследования прекратились. Упадку движения бегинок, по мнению автора, способствовали социальные и экономические причины.

К мистически–богословскому наследию бегинок сегодня обращаются представители различных мистических и «эзотерических» течений, находя параллели между религиозными идеями бегинок и таких течений, как суфизм, буддизм, даосизм и проч. К наследию бегинок обращаются также представители таких школ, как экзистенциализм и психоанализ, видя в автобиографически–мистических сочинениях бегинок уникальные документы внутренней, духовно–душевной жизни глубоких, незаурядных личностей.

Т.А. Леонова

г. Уфа, Башкирский государственный

педагогический университет им. М. Акмуллы

ЖЕНЩИНА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕМЬЕ: ПАРТНЕР И СПУТНИЦА МУЖА?

В Средние века положение женщины в семье и обществе определяло христианское учение, утверждавшее, что грехи рода человеческого, а, значит и его беды, происходят от Евы. Женщину стали считать сосудом греха, и более – инструментом Дьявола. В крайних учениях христианство провозгласило женщину существом низшего порядка. Общение с женщиной даже в браке рассматривалось как грех для мужчины. Хронист Салимбене (XIII в.) повторяет расхожую характеристику женщины, часто встречающуюся у средневековых авторов: «Женщина – сталь, смола, крушина, колючий репейник, цепкий чертополох, крапива, осиное жало»[82].

Складывающаяся картина безысходной жизни женщины в Средние века, как считают современные исследователи, не совсем верна. Оценивая положение женщины в Средневековой Европе, авторитетный исследователь

[82] Салимбене де Адам. Хроника / Пер. с лат. М., 2004. С. 147.

данной проблемы французский историк Р. Фоссье писал, что «мы жертвы одновременно и наших источников, и нашего подхода» как историков современных. Он имел в виду, что современные оценки положения женщины основаны на источниках, принадлежащих к сфере общественной жизни, а именно: экономика, политика, администрация. Именно здесь женщина, даже в силу своей физической природы, играла менее важную роль, чем мужчина. В тоже время, по мнению Р. Фоссье, значительную роль в жизни человека Средневековья играл дом, домохозяйство, где правила женщина. Следовательно, чтобы реально оценить положение женщины в семье, необходимо иметь представление о домохозяйстве[83].

Вместе с тем медиевисты вслед за Ж. Дюби отмечают значительное смягчение нравов, особенно в отношении к женщине, с XII в. в результате формирования культа Девы Марии, а затем Дамы, в рыцарской среде[84]. Рост социального престижа женщины также совпал по времени с началом процесса оформления супружеской семьи и церковного брака. В богословии появились мнения менее жесткие в отношении женской природы. Обычно они основывались на древних авторитетах, прежде всего – Библии. Одним из постулатов особенности природы женщины, её взаимоотношения с мужем, был библейский факт создания Евы из ребра Адама. Так, Петр Ломбардский, продолжатель идей Пьера Абеляра (XII в.) заявил, что Бог не сделал женщину из головы Адама, ибо женщина не предназначалась для его руководства, но и не из его ног, чтобы не быть рабыней, а именно из Адамова ребра, так как она должна была стать его спутницей и другом. Это клише широко

---

[83] Фоссье Р. Люди Средневековья. СПб., 2010; Ястребицкая А.Л. Проблема взаимоотношения полов как диалогических структур Средневекового общества в свете современного историографического процесса // Средние века. Вып. 57. М., 1994. С. 128.
[84] Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщины во Франции XII в. // Одиссей. 1990.

использовалось в проповеднической литературе, в которой отношения партнерства трактовались как результат истинной супружеской любви[85]. В XIII в. даже суровый проповедник Бертольд Регенсбургский (Германия), который резко порицал женщин за многие пороки, но считал при этом, что женщины целомудреннее мужчин, добросердечнее их, охотнее ходят в церковь на проповедь. Он считал, что женщин больше попадет в царствие небесное, чем мужчин[86].

В средневековых гендерных представлениях придавалось очень большое значение воздействию жены на мужа. Не случайно в критических инвективах против женщин подчеркивалось, что женщина своим коварным умом и льстивыми устами может воздействовать на любого мужчину. Однако эти качества не всегда интерпретировались в негативном плане. В XIII в. проповедник Томас Чобхем утверждал, что жена – это увещеватель мужа. «Ни один священник не способен размягчить сердце мужчины, как это может сделать его жена… Даже если муж жесткий и немилосердный притеснитель бедных, она может уговорить его быть милостивым»[87]. Позднее, в XIV в. известный французский юрист Пьер Дюбуа выдвинул идею об использовании жён – верных христианок, в качестве своеобразных миссионеров. После подходящего доктринального образования они могли бы выявлять мужей не христиан, способствовать их обращению[88].

Опираясь на мысли прогрессивных современников, средневековый моралист Филипп Новарский выдвинул идею сотрудничества супругов в

---

[85] Vecchio S. The good Wife // A History of Women in the West / G. Duby and M. Perrot, gen. ed. – II. Silences of the Middle Ages / ed. K. Klapisch–Zuber. Cambridge, Massachusetts, L. England. P. 110.
[86] Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
[87] Coss P. An age of difference // A social History of England, 1200—1500 / Ed. By R.Horrox and W.M.Ormrod. N–Y., L., 2006. P. 58.
[88] Vecchio S. The good Wife… P. 116.

семье. Он определил качества мужчины и женщины, которые компенсируют и дополняют друг друга в семейной жизни. С его точки зрения, мужчина должен обладать щедростью, куртуазностью, смелостью, мудростью. Женщине, чтобы заслужить почет и уважение, необходимо совсем немного – целомудрие. Более того, те достоинства, которые есть у мужчины, не приемлемы для женщины. Так, щедрость – это недостаток для женщины, ее порок: «Если муж ее щедр, и она также, то это разорение для дома, если же он не столь щедр, то это позор для него». Милостыня – это единственный вид щедрости, которым может обладать женщина.

Действительно, многие женщины были надежными спутницами. Они вели домашнее хозяйство, распределяли семейный бюджет (в Европе этим занимались чаще женщины, чем мужчины). На всех социальных уровнях женщина, как правило, занималась ведением домашнего хозяйства. На ее плечах было разумное распределение средств семьи и обеспечение ее питанием.

Исследования крестьянского домохозяйства показывают, что женщина выполняла важнейшие функции, связанные с семейной экономикой. Это не только чистка и уборка дома, но поддержание огня в очаге, что было не так легко, если учесть что не существовало простых и доступных средств его извлечения. Огонь в открытом очаге, как и для освещения, был достаточно опасной повседневной обязанностью женщины. Документы судебных расследований свидетельствуют о пожарах, в которых гибли недостаточно осторожные женщины в своих домах и хозяйственных постройках[89].

Но большую часть женской работы в крестьянском хозяйстве занимал не дом, а повседневные сельскохозяйственные заботы: уход за скотом и птицей; сад и огород; сезонные работы в поле, где помогали мужьям в уборке урожая,

---

[89] Hanavalt B. Peasant women's contribution to the home economy in late Medieval England // Women and work in preindustrial Europe. Bloomington, 1986. P. 9.

заготовке сена и соломы. Женщина из крестьянской семьи часто искала самостоятельно дополнительные источники пополнения семейного бюджета. В самых бедных семьях – это поденная работа в состоятельных крестьянских или господских хозяйствах. В зажиточном крестьянском хозяйстве женщины чаще были связаны с рынком, где они торговали яйцами, изготовленным маслом и сыром. На продажу шло пиво и другие напитки, которые делали женщины по традициям той местности, в которой они проживали.

Нацеленность женщины на обеспечение питанием своих детей в голодные годы толкала ее на воровство птицы, мелкого рогатого скота, зерна. Исследования женской преступности в Средние века свидетельствуют о том, что в голодные годы периода «климатического кризиса» в начале XIV в. и Черной смерти произошел всплеск такого рода женских преступлений[90]. Развивающаяся в Средние века практика использования кормилиц для младенцев состоятельных семей давала возможность заработать самым естественным путем кормящей женщине. Более того, к XV в. городские власти стали поощрять семьи и частных лиц, взявших в дом сироту. К таким людям относились как к няням и кормилицам, труд которых оплачивался[91].

Не только в крестьянском хозяйстве, но и в хозяйстве сеньора–землевладельца экономия и рачительное распределение ресурсов семьи оборачивались не меньшей выгодой, чем даже поступления от держателей. Потому проповедник Томас Чобхем в начале XIII в. поучал мужей не обращаться со своими женами грубо, ибо они для супругов должны быть дороже, чем все их владения[92]. Женщину в аристократической семье с детства учили вести домашнее хозяйство, контролировать слуг и

---

[90] Ibid. P. 12–13.
[91] Otis L.L. Municipal wet nurses in fifteenth century Montpellier // Women and work in preindustrial Europe. Bloomington, 1986. P. 8.
[92] Coss P. Op. cit. P. 58.

управляющих. При надобности женщина могла защитить домашний очаг не хуже мужа. Нередко женщины высших сословий хорошо владели оружием и конем, умели руководить обороной замка и командовать вассалами.

По убеждению многих исследователей, с наступлением эпохи Возрождения женщина стала менее самостоятельной, прежде всего в городе, который дал стимул расцвету личности мужчин. Практически повсеместно были приняты законы, ограничивающие права и свободу женщин. В обществе наметилась тенденция ограничить действия женщины только домом и семьей. Английский проповедник, составивший руководство «Семейные обязанности» (1622 г.) подчеркивал, что попечением женщины является домашнее хозяйство, которым она руководит, советуясь с мужем. В ведении жены должны находиться следующие дела: руководить убранством дома; заботиться о ежедневном обеспечении семьи; управлять служанками; воспитывать детей, пока они маленькие[93].

Наиболее яркие свидетели повседневного образа мысли и действия женщин – это их собственные письма и дневники. От эпохи Возрождения сохранилась переписка с мужьями и родственниками женщин, занимающихся управлением хозяйства в отсутствие мужа. Это письма женщин из семейства Пастонов (Англия), письма Александры Строцци, Маргариты Датини (Италия). Письма полны повседневных забот женщин, управляющих домохозяйством в отсутствие мужа. Они не просто исполнительницы, но они принимают самостоятельные решения, выступают советчицами супруга и детей. Женщинам из состоятельных семей не лишними были знания законов, чтобы в отсутствие мужа защищать интересы семьи и домохозяйства. Так, в 1465 г. Маргарет Пастон (Англия) в суде защищала интересы своей семьи по иску герцога Сеффолкского, который

---

[93] The English Renaissance: An anthology of sources / Ed. by K. Aughterson. L., New York, 1998. P. 469.

претендовал на поместье Пастонов, о чем написала мужу[94]. Маргарет не просто сразилась в суде, но и выиграла процесс.

Невзирая на спорные оценки положения женщины в семье и обществе, историки склонны считать, что благодаря развитию института брака, укреплению статуса семьи, ее положение по отношению к мужу в Средние века можно охарактеризовать как семейное партнерство. В семье муж и жена представляли разные сферы жизни повседневности. Муж был олицетворением публичной жизни вне дома, а жена – частной, связанной с домохозяйством. Супружество воспринималось и современниками как партнерство и даже кооперация, о чем свидетельствуют дневники и переписка супругов, сохранившиеся от XIV–XV вв.[95] В XVII в. в протестантской литературе, созданной для руководства в семейной жизни («Семейные обязанности», 1622 г.) пастор У. Гог настоятельно подчеркивал эти отношения сотрудничества между мужем и женой: «Так как знания жены о превосходстве мужа лежат в основе всех ее обязанностей, так и знание мужа о том, что дружба связывает его с женой, должно делать его более хорошим супругом для нее»[96].

Исследования теологических сочинений, на которых базировались до недавнего времени представления о положении женщины Средневековья, давали идеализированный образ взаимодействия двух полов с точки зрения мужчины. С позиции так называемой «женской логики» Средневековья, в силу ограниченности источников, гендерные отношения эпохи выражены значительно слабее. Однако это не означает, по нашему мнению, что проблема взаимоотношения полов в их реальном контексте не разрешима. Новые источники и обозначившиеся проблемы взаимоотношения полов в сфере

---

[94] Private Life in the Fifteenth Century / Illustrated Letters of the Paston Family / Ed. by R. Virgoe. L., 1989.
[95] Coss P. Op. cit. P. 59.
[96] The English Renaissance: An anthology of sources… P. 468.

повседневности способны дать новую картину их взаимоотношения в средневековой семье.

Н.И. Васильева

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПРОБЛЕМЫ БРАКА, СЕМЬИ И ЖЕНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ С. УЭМПЛ

Пол Фридман и Габриэль Шпигель выделяют несколько основных тенденций в американской историографии, начиная с конца 70–х начала 80–х годов XX века[97]. Первым (по времени самым ранним) стало появление американской феминисткой историографии, а потом и исследований по гендерной истории. Сначала феминистская историография ограничивалась демонстрацией присутствия женщин в истории, делая их «видимыми» акторами на исторической сцене. В частности, это характеризовало школу Барнард/Колумбия, которая сформировалась из бывших студентов профессора Колумбийского университета Джона Манди, основными представителями которой стали Джо Энн Макнамара и Сьюзен Фоней Уэмпл[98].

В 1981 г. С.Ф. Уэмпл издала свою первую монографию, посвященную проблемам женской истории «Женщины во франкском обществе: брак и монастырь с 500 по 900»[99]. М. Мейер[100] обратил внимание, что при её создании

---

[97] Freedman P., Spiegel G.M. Medievalisms Old and New: The Rediscovery of Alterity in North American Medieval Studies // The American Historical Review. 1998. Vol. 103. No. 3. P. 677–704.

[98] Джон Хайн Мунди является почетным профессором Колумбийского университета. Многие из его учеников приняли участие в сборнике, посвященном его отставке. Women of the Medieval World: Essays in Honor of John H. Mundy / Edited by J.KIRSHNER and S.F. WEMPLE. Oxford, 1985.

[99] Wemple S.F. Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister, 500 to 900 (The Middle Ages). Philadelphia, 1981.

[100] Meyer M.A. Review // The American Historical Review. 1982. Vol. 87. No. 3. P. 763–764.

она использовала свои более ранние работы[101]. При написании работы она опиралась на источники гражданского и канонического права, чтобы оценить насколько законы исполнялись, дополнила их материалами нарративных источников: писем, поэтических и исторических сочинений. Также привлекались монастырские картулярии, хроники и агиографическая литература.

Сначала Уэмпл рассмотрела, что представляли собой семейно–брачные отношения в Поздней Римской империи и варварских племенах. Источники этого периода, по мнению С. Уэмпл, свидетельствовали о высокой ценности жизни женщин, прежде всего ценилась их способность рожать детей. Рассмотрев римское право III–IV веков и германский обычай, Уэмпл представила результат их синтеза в области брачного законодательства, в следствие чего в римском праве власть мужа над женой была усилена. Римский брак sine manu, который позволял женщине оставаться под опекой её семьи, не был признан вестготской и бургундской кодификациями римского права. В VI и VII веках незамужние женщины находились под властью отца, в браке они находились под властью мужа. Вдова становилась главой дома, получала контроль над имуществом и была опекуном своих детей.

Брак предполагал три ступени: сватовство, помолвку и свадьбу. Сватающийся обычно скреплял соглашение, давая залог. Жених должен был ждать иногда несколько лет, прежде чем отпраздновать свадьбу. Это не было единственной формой брака, женщина все еще могла быть похищена. Существовал и Friedelehe, который меровингские короли заключали с женщинами – своими подданными, хотя этот вид брака не защищал женщину в экономическом

[101] McNamara J. A., Wemple S. F. Sanctity and power: the dual pursuit of medieval women//Becoming Visible. Women in European History. Boston, 1977. P. 90–118; McNamara J. A., Wemple S. F. Marriage and divorce in the Frankish kingdom//Women in Medieval Society. Philadelphia, 1976. P. 95–124;Wemple S. F. Atto of Vercelli. Church state and Christian society in 10th century Italy. Roma, 1979.

отношении. Союзы между свободной женщиной и несвободным мужчиной были осуждены как незаконные. Женщина могла потерять жизнь, свободу и собственность, дети низводились до положения рабов, не наследовали имущество матери. Но никакой закон не препятствовал мужчине иметь связи со служанками, и он мог признать детей наследниками.

Законы о разводе так же содержали двойные половые стандарты. В дополнение к разводу по взаимному согласию, позволенному и римским и германским законом, варварские правды облегчали развод для мужчины. По римскому праву человек мог расторгнуть свой брак в случае, если жена совершила прелюбодеяние, колдовство или была сводней. По германскому закону, мужчина мог отослать жену, если она не могла иметь детей или совершила любое серьезное преступление. Согласно римскому закону, ей разрешалось развестись с мужем, если она могла доказать, что он виновен в действительно тяжких преступлениях. Вестготская правда разрешала ей вчинить иск о разводе, если муж был признан виновным в мужеложстве или вынуждал её прелюбодействовать с другим. Преданность в браке требовалась лишь от жены, но не от мужа, если только он не грешил с чужой женой.

Самым важным в истории женщин со времени описанного Тацитом, до кодификации германского права, было расширение их имущественных прав. Германские женщины первоначально не имели права наследовать и не могли владеть собственностью. Но к концу V века выкуп за невесту развился в подарок невесте, который она получала по частям или полностью. Таким образом, варварские правды уравняли положение германской невесты с римлянкой. Под влиянием римских законов германские законы о наследовании так же изменились. Вестготский закон гласил, что в случае смерти беззавещания все сыновья и дочери обладали равными правами на наследство.

Целомудрие женщин из низших слоев, равно как и знатных, защищалось от насилия со стороны посторонних. Менее всего ценилась жизнь и

достоинство обычной рабы–служанки, затем шли полусвободная и вольноотпущенница. Только женщины, ушедшие в монастырь, и пребывавшие там, либо посвятившие себя Богу, оставшись дома, были свободны от забот о браке. Меровингские хроники и жития святых содержат много историй о принятии женщинами обетов девственности и сексуального воздержания. Выделяют три образа поведения, встречающиеся в источниках: восстание против родителей или мужей, напряженность и примирение через посредничество влиятельного человека, и сознательное повиновение – все эти типы, по мнению Уэмпл, соответствовали примерно трем различным стадиям в истории женского монашества.

В VI в., когда женские монастыри были малочисленны, решение посвятить жизнь служению Богу требовало от женщин героических усилий. В VII и VIII вв. женские монашеские общины были повсюду, и женщины могли найти церковнослужителей, ходатайствующих за них перед родными. В VI–VII вв. женские монастыри возникали, как правило, в пределах городов, где ниже был риск подвергнуться насилию. В IX и X вв., когда от монахинь требовалось затворничество, родители побуждали дочерей вступать в монастыри.

Во Франкском королевстве христианство не влияло на семейное законодательство до VIII в. Римское и германское культурное взаимодействие привело к расширению прав и женских ролей. Принятие христианства первоначально стало фактором эмансипации франкских женщин. Однако эти преимущества исчезли, как только элементарные социальные, политические и религиозные структуры, развились в более сложные институты. Сексуальные неравенства были усилены, придавая большее значение женским частным проблемам ведения домашнего хозяйства, что уменьшило власть и влияние аристократок, ограничило их возможности и роли. Усложнение общественных структур повлекло за собой снижение авторитета женщины в семье, сокращение её имущественных прав.

В.С. Трофимова

Санкт–Петербург, Санкт–Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА СЕМЕЙНО–БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XVII В. ВО ФРАНЦИИ И ЕЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

В течение XVII в. во Франции происходит секуляризация и формализация брачных отношений. Брак становится актом гражданского состояния. Начало этому положил еще Ордонанс Блуа 1579 г. Он предписал священникам вести реестры для записи бракосочетаний. Необходимо было также получить согласие на брак родителей или опекунов, чтобы избежать обвинения в похищении человека. Присутствующие при бракосочетании имели право выступить в защиту или против супружеского союза жениха и невесты. Ордонанс 1639 г. был направлен против получивших широкое распространение тайных браков. Он позволял лишать наследства вступающих в брак без согласия родителей. Надо отметить, что Франция не была единственной страной, где принимались подобные законы. По наблюдениям авторов «Истории женщин на Западе», «в Европе XVI–XVII вв. появилась масса указов против брака без родительского согласия, которые все больше лишали молодых людей права выбрать себе супруга / супругу, даже если они предварительно дали друг другу клятву, обменялись кольцами или имели сексуальную связь. Патерналистская модель брака, особенно действенная в городских районах… оставалась незыблемой до XVIII в.»[102]. Наконец, ордонанс 1667 г., получивший название «Кодекс Людовика», был направлен на дальнейшую формализацию брака. В соответствии с этим законом, при заключении брака должны были использоваться две

[102] История женщин на Западе. В 5 т. Т.III Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро: под ред. Н. Земон Дэвис и А. Фарж; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарева. СПб., 2008. С. 82.

регистрационные книги, в книге–оригинале свои подписи ставили супруги и четыре свидетеля. К 1691 г. была выработана стандартная форма регистрационной книги для записи актов гражданского состояния: крещений, бракосочетаний и погребений, – с заранее пронумерованными страницами.

Сугубо церковный брак требовал лишь присутствия приходского священника и двух свидетелей. Между тем, тайный брак, хотя и не признавался недействительным, не порождал юридических последствий. Другой проблемой могло стать несогласие священника обвенчать жениха и невесту. С этим нередко сталкивались гугеноты, в особенности после отмены Нантского эдикта в 1685 г. Для таких случаев существовал так называемый «брак а–ля Гомин» (бракосочетание в присутствии, но без благословения священника, а также в присутствии нотариусов и свидетелей). Такой вид брака в принципе считался действительным. Однако в 1692 г. Парижский парламент сделал благословение священника обязательным для заключения брака.

Столь разновекторное движение в сфере семейно–брачных отношений привело к их активному обсуждению этой проблемы в обществе. Всплеск интереса к проблемам семейно–брачных отношений наблюдается в 1690–е годы. Катализатором дискуссии стала женоненавистническая Десятая сатира Никола Буало (1694). По мнению Ш. Перро, брак – движущая сила общественного, политического и религиозного воспроизводства. Отдельные исследователи считают его «Апологию» проявлением нового, буржуазного женоненавистничества: он выводит женщин из публичной сферы и заключает их в частную сферу[103]. Перро становится апологетом традиционного брака, в котором жена занимает подчиненное положение, и ее роль сводится к

[103] Haase D. The Greenwood Encyclopedia of Folktales and Fairy Tales. Westport, 2008. P. 739.

материнству и ведению домашнего хозяйства, а также к заботе о больных и поддержанию благочестия.

Хотя дискуссия о браке 1690–х годов охватила, прежде всего, высшие слои общества и получила преломление в произведениях известных французских писателей того времени, она затронула и широкую публику, когда вышла на подмостки театров. Многие французские пьесы последнего десятилетия XVII века касаются проблематики семейно–брачных отношений, прежде всего, комедии Данкура и Реньяра. В них поднимается тема супружеского союза как сделки, уделяется внимание договорной процедуре заключения брака. Важное место занимает нотариус, составляя, скрепляя подписями брачный контракт. Несмотря на требование получения родительского согласия, в комедии конца XVII в., по мнению Л.И. Мурсалиевой, «отмечается ослабление родительского произвола»[104]. Ту же тенденцию наблюдает и С.Ф.М. Грико, но уже в сфере собственно сексуальных отношений. Отметив «распространение добрачной сексуальной практики в конце XVII в.», она связывает ее с «растущей потребностью создавать брак на основе сердечной привязанности» и ослаблением родительского контроля и делает вывод о распространении «более либеральных сексуальных нравов»[105]. Во французских пьесах 1690–х годов все большую роль играл прагматизм в супружестве; герои комедий Реньяра не верили в «рай в шалаше». Со Средних веков во французской народной культуре реакцией на несообразности в семейно–брачных отношениях были шаривари. Эти шумные процессии, выражавшие протест молодежи в т.ч. против неравных браков, видели, несмотря на запреты властей, вплоть до XX в.

---

[104] Мурсалиева Л.И. Тема брака и галантных нравов во французской комедии рубежа XVII – XVIII веков (Данкур, Реньяр, Дюфрени) // XVIII век: женское / мужское в культуре эпохи. / Под ред. Н.Т. Пахсарьян. М., 2008. С. 399.
[105] История женщин на Западе… С. 81.

Французская литература конца XVII в. остро реагировала на изменения в семейно–брачных отношениях. Прагматическое отношение к браку как к акту гражданского состояния, а не к религиозному таинству, нашло преломление в сатирах Буало, комедиях Реньяра. Защитники брака (Шарль Перро) выражали в своих произведениях новое, буржуазное понимание супружества.

И.В. Астэр

С.–Петербург, С.–Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

ГЕНДЕР И МОНАШЕСТВО

Изучение монашества предполагает обращение к гендерной проблематике[106]. Женское монашество как единственная социально притягательная альтернатива общепринятой модели брачно–семейной жизни, замужества и материнства, к тому же, как единственная институционализированная форма самовыражения женщины в религиозной сфере, развивалось параллельно мужскому монашеству. И в христианстве, и в буддизме основной путь женщины к открытому выражению своих религиозных убеждений – монашество. В обеих конфессиях женское монашество возникло одновременно с мужским[107].

У монашествующих нет ни мужского пола, ни женского, и духовные законы одинаковы для тех и других. Но, к примеру, в христианстве считается, что женщина имеет более слабое телесное сложение, ее душевная работа осуществляется иначе, чем у мужчины: женщина руководствуется чувствами, а не благоразумием и духовным разумом, а значит, некоторые страсти

[106] Проект «Социальная работа как служение: программа повышения квалификации специалистов» поддержан грантом Благотворительного фонда преподобного Серафима Саровского № VII–47–42.

[107] В буддизме орден монахинь был создан самим Буддой, в раннем христианстве, по мнению исследователя истории первых монастырей, женское монашество в III в. развивалось быстрее мужского: Сидоров А.И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М., 1998.

присущи женщинам больше, чем мужчинам. И, соответственно, в истории русских православных монастырей срок между поступлением в обитель и принятием пострига для мужчин и женщин отличался: в мужских монастырях он составлял в 6 лет, в женских – 26.

В буддизме наличие половой дискриминации в средние века считалось нормой: монах обязан был следовать 250 предписаниям, тогда как монахини – 500. Подобное социальное положение – закономерность всех крупных религий на сегодня, поскольку Церковь является институтом с формальной системой подчинения, а в религиозной иерархии, как и в других областях общественной жизни, женщины имеют меньше шансов прийти к власти.

Помимо символической иерархии, мировые религии являют собой, по большей части, «мужскую деятельность». В христианстве Бог – это Бог–отец, «мужское начало», богочеловек Иисус явился в мужском облике, женщина сотворена из ребра мужчины, все апостолы – мужчины. В махаяне (одном из течений буддизма) женщины представлены в более выгодном образе, чем в других, – и тем не менее, в целом буддизм, как выразился один из его исследователей, представляет собой «созданный мужчинами общественный институт, в котором безраздельно господствует патриархальная структура власти»[108]. В священных текстах женщины изображены, с одной стороны, мудрыми, добрыми, преданными, с другой – загадочными, извращенными, злыми. Противоречивый образ женщины, несомненно, отражает неоднозначное отношение к ней мужчины.

Вместе с тем, секуляризация оказала огромное влияние, и, главным образом, на женское монашество. Так, в русском православном монашестве в конце XVIII века – благодаря стараниям наиболее деятельных монахинь, из числа изгнанных после закрытия их монастырей, – стали создаваться первые

[108] Paul D. Women in Buddism: images of the feminine in the Mahayana tradition. Berkeley, 1985. P. XIX.

неофициальные православные общины, по аналогии с монастырем, но ориентированные на активную деятельность в обществе. Пример монахинь в деле организации подобных общин поддержали мирянки, им помогали окрестные города и деревни, нуждавшиеся в духовной и социальной помощи. Между 1764 и 1917 годами в России было основано 220 женских религиозных общин. С течением времени Церковь и государство, не отягощая государственный бюджет финансовой поддержкой общин, стали выказывать одобрение их деятельности; позже многие из них благодаря социальному служению превратились в официальные монастыри. К 1914 г. общее количество женских монастырей и общин достигло 475, причем они были плотно населены (56016 монахинь и 94629 послушницы)[109].

Одной из причин численного роста женского монашества, думается, были демографические и социальные процессы, происходившие в России. В связи с разрушением патриархального типа семьи в деревне появилось большое количество незамужних женщин, для которых было неприемлемо монашество в том виде, в котором оно существовало ранее. Именно данная категория пополняла ряды послушниц женских монастырей, желая принятия не собственно монашества, а участия в растущей внешней деятельности своих обителей при больницах, богадельнях, школах, приютах.

Русскому православному монашеству, начиная с XIX в., присуща гендерная поляризация. Несмотря на то, что женское монашество существовало ровно столько же, сколько и мужское, исторически сложилось мнение, что духовного совершенства и святости, тем не менее, в основном достигали мужчины. В «Основах социальной концепции» декларируется единение мужского и женского монашества, но традиции в отношении женщин

[109] Смолич И.К. Русское монашество (988–1917). Приложение к “Истории Русской Церкви”. М., 1997. С. 291–293.

и их религиозной роли предполагают лидерство мужчины. Однако сама подготовка к принятию социальной концепции нам представляется во многом обусловленной активным вмешательством в жизнь общества женских монастырских общин, породивших целый ряд религиозно–философских дискуссий в к. XIX – н. XX вв. о предназначении монашества и приведших не только к новому осмыслению монастырских практик[110], но и к актуальному видению социально–экономических и общественно–политических проблем.

РАЗДЕЛ 2. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, БЫТ, ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

С.Ю. Козлова

Ярославль, Ярославский ГУ им. П.Г. Демидова

СТАРОСТЬ: НАКАЗАНИЕ ИЛИ БЛАГОДАТЬ? (ОТНОШЕНИЕ К СТАРОСТИ НА ПРИМЕРЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО СЛАВЯНСКОГО ОБЩЕСТВА)

Конструирование своей гендерной идентичности женщиной протекает через принятие и усвоение гендерных норм и правил, предлагаемых семьёй и обществом: будь то правила поведения, определённого внешнего вида, ношения соответствующей одежды, мимики, жестов или нормы приятия жизненных и религиозных ценностей. Процесс построения гендерной идентичности продолжается всю жизнь человека и подвергается постоянным изменениям. Вместе с эволюцией общественных представлений о должном гендерном поведении или с изменением культурной и бытовой среды, женщина вынуждена подстраиваться под новые «гендерные правила».

[110] Направленность на единение чисто монашеской практики (молитвенной вне мира) и диаконисской (служение в миру) была отражена уже в материалах Поместного Собора 1917–1918 гг.

«Гендерные правила» не только выдвигают ряд требований, но и влияют на формирование мироощущения, миропонимания женщины и её представления о своём месте в мире. Старость для женщины – это период жизни от утраты способности организма к продолжению рода до смерти. В период средневековья слабое развитие медицины приводило к тому, что детородный период женщин из–за болезней часто заканчивался к 25–30 годам[111]. Но этот возраст указывает лишь на физиологическую старость.

Биологическая старость в средневековье облекалась в отталкивающий образ (без указания возрастных границ), вырабатывался определенный стереотип изображения стариков: *«И долгие годы согнули уже мою спину, и морщинистая кожа уже обезобразила мое лицо, и грудь моя дышит уже тяжело, как у усталого коня, и голос осипший хрипит, как у гуся, и болезненная старость ослабила мою память»[112].* Чешская королева Сватава (перв. четв. XII в.) говорила сыну Собеславу: *«*[выслушай] *мои старческие просьбы. Прошу, не печаль это морщинистое, залитое слезами, лицо»[113].*

Психологическая старость наступала тогда, когда женщина сама начинала осознавать себя старой. Но представление о собственной старости и отнесение себя к данной социально–психологической группе могло не совпадать с общественным мнением. Что было позволительно в одном возрасте, осуждалось в другом. Весьма примечателен комментарий хрониста, которым сопровождается сообщение о браке чешской княжны и польского князя Мешко I: *«Дубравка, весьма бесстыдная женщина. Будучи уже в*

---

[111] Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 32.
[112] Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962. С. 239.
[113] Там же. С. 237.

преклонном возрасте, она вышла замуж… и надела девичий венец, что было большим безрассудством с ее стороны»[114].

Средневековые источники содержат противоречивые сведения об отношении к старым людям в ранний период, что создаёт трудности для понимания истинного положения стариков у славян. Высокий социальный статус людей «умудренных жизнью» подтверждается традицией брать в плен старейшин при захвате городов. Например, княгиня Ольга сожгла город древлян (Искоростень), при этом «*городских... старейшин забрала в плен»*[115]. По другим известиям, у балтийских славян существовал обычай предавать старых, неспособных к войне и работе людей насильственной смерти.

С принятием христианства социальная функция защиты пожилых людей легла на Церковь. Особое отношение сформировалось к вдовам. Распространённой в славянском обществе стала христианская заповедь: «*Не презирай вдовы и странника, стоящих у твоей двери»*[116]. Именно вдов, женщин, лишённых опоры в лице мужа, Церковь брала под своё особое покровительство. Имели место и случаи насильственного пострижения вдов, но со стороны средневекового общества уже возникал вопрос: *«совершил ли кто–нибудь грех, если сделал монахиней женщину–вдовицу, которая не хотела принимать монашеский постриг?»*[117]

Всех вдов условно можно разделить на две категории: вдовы без детей, считавшиеся «беззащитными, жалкими личностями, негодными вещами, не выполнившими своё назначение» и так называемые «матёрые вдовы», то есть «имевшие детей», которые были «почти совершенно равноправны с

---

[114] Там же. С. 70.
[115] Повесть временных лет. М., 2003. С. 19.
[116] Козьма Пражский. Указ. соч. С. 78.
[117] Дечев Д. Отговорите на папа Николай по допитванията на Българите. София, 1922.

мужчиной»[118]. «Матёрая вдова» считалась женщиной, достойно выполнившей своё предназначение. Нет свидетельств того, что в славянском обществе была система обеспечения и поддержки пожилых людей государством: самый древний славянский письменный законодательный памятник «Закон Судный Людем» (вторая пол. IX в.) ничего об том не упоминает. Постепенно происходят сдвиги в общественном мнении; свидетельство тому – усиление к XIV в. внимания к старости, старческим недугам, старым людям вообще. Тогда же появились зачатки формирования системы защиты женщин (в т.ч. пожилых, имевших детей): *«Кто окажется убившим… мать, будет такой убийца сожжен на огнь»[119].*

Отношение к старости в раннесредневековом обществе было крайне противоречивым, предполагавшим сочетание двух противоположных оценок: признания необходимости уважительного отношения к старым людям и констатации их немощности, причём не только физической, но и интеллектуальной. Представление о возрасте старости у средневекового европейского человека значительно отличалось от современного. Возрастной порог старости был ниже. 40–летие считалось возрастом «старых вдов», таких принимали в специально основанный для них в 1283 г. в Париже монастырь Сен–Авуа[120].

Деды, бабки и вообще старики упоминались в славянских источниках того времени редко. Когда речь идёт об описании той или иной личности, чаще всего обращаются к предкам мужского пола, не вспоминая о бабушках и прабабушках. Отношение к старости в славянском обществе периода раннего средневековья было крайне неоднозначным, но именно тогда сложились все основные стереотипы, которые и сегодня появляются при слове «старость».

---

[118] Шашков С.С. История русской женщины. СПб., 1879. С. 22–48.
[119] Законник Стефана Душана / пер. Ф. Зигеля. СПб, 1872. С. 59.
[120] Бессмертный Ю.Л. Указ. соч. С. 57.

Е.А. Блохина

Рязань, Рязанский муз. колледж им. Г. и А. Пироговых

/ С. –Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКИХ ИМПЕРАТРИЦ XVIII ВЕКА:

ПОЛИТИКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Частная жизнь – это сфера жизни и быта, которая зависит от индивидуальных частных решений, это сфера персонального выбора. Частная жизнь – это то, что человек определяет как свое личное дело. Каждый человек, осознанно или бессознательно, создает вокруг себя определенные границы, которые очерчивают приватное пространство.

Русские правительницы XVIII в. разделяли частную жизнь и различные виды государственного, ритуального, торжественного поведения. Семиотизация различного типа поведения выражалась в определенном пространстве, которое характеризовало стилевое поведение правительницы. В эпоху правления Елизаветы Петровны утраивались многолюдные балы, охоты. Судя по описаниям, даже благочестивые путешествия в монастыри больше походили на увеселительные поездки. Императорские резиденции близ Петербурга и Москвы превратились в роскошные ансамбли. Придворная жизнь строится как череда различных праздников, торжественных выходов, «походов» и «шествий».

В царствование Екатерины II отчетливо противопоставлялись Петергоф и Царское село как публичная, официальная и приватная, личная резиденции императрицы. Хотя по качеству архитектурных ансамблей такое противопоставления провести трудно. В Петербурге качествами приватного пространства обладал Эрмитаж, где Екатерина рассматривала новые коллекции, играла в бильярд, а иногда занималась резьбой по слоновой кости. В узкой компании императрица проводила вечера, смотрела спектакли, слушала музыку, играла в веселые игры. «Екатерина была запевалой, возбуждала во всех веселость и разрешала всякие вольности. Вечер

кончался за картами»[121]. Немногочисленность круга гостей Эрмитажа весьма условна – гостей могло быть до двух десятков человек, что по современным меркам вполне многолюдное общество. Кроме того, пребывание в Эрмитаже было подчинено определенным правилам, которые регламентировали свободное поведение.

Из этих небольших эпизодов можно выявить область личного, частного пространства, которое определялось как территориально, так и совершенно иным поведением правительниц, не свойственным им в общественной жизни. Стремление отойти от регламентированных церемоний общественной жизни порождало ритуализацию действий в частной жизни. Границы приватного и публичного в XVIII веке носят во многом пространственный характер. Они совпадают с приватными или публичными резиденциями, локализованы в определенных архитектурных пространствах. Бесцеремонность и свобода поведения предполагает не столько свободу личного выбора, сколь новые правила игры, предписанные существующими мотивами «простого», «сельского», «женского» поведения, которое репрезентируют императрицы в приватных пространствах.

Т.А. Егерева

Москва, Московский педагогический государственный университет

ГАЛЛОФОБИЯ РОСТОПЧИНА В 1812 Г., ИЛИ КУДА МОСКОВСКИЙ ГЕНЕРАЛ–ГУБЕРНАТОР «ПЕШКОМ ХОДИЛ»

Граф Федор Васильевич Ростопчин – один из ближайших сподвижников императора Павла I, с началом александровского царствования удалившийся от двора и благодаря своим популярным брошюрам («Ох, французы!», «Мысли вслух на Красном крыльце», «Вести, или убитый живой» и др.) снискавший славу одного из идейных лидеров московских галлофобов, в

[121] Валишевский К. Роман императрицы. Екатерина II, императрица Всероссийская. М., 2003.

преддверии войны с Наполеоном был назначен московским генерал–губернатором и получил широкие властные полномочия, которые использовал для борьбы на «идеологическом фронте». Учитывая огромную роль, которую играл деятельный градоначальник в жизни «первопрестольной», особое значение приобретали и события его частной жизни, также становившиеся фактом общественного значения, поскольку «перетекание» публичного в частное и обратно характерно для социальной жизни человечества на протяжении всей его истории[122].

По словам современников, граф был непревзойденным рассказчиком. В светском обществе, где ценился дар слова, умение ярко и остроумно выразить свою мысль, Ростопчину не было равных в мастерстве устной речи, как русской, так и французской[123]. Современники графа утверждали, что он был душой салонных бесед, одно его присутствие оживляло любой разговор[124].

Доверенное лицо Ростопчина, А.Я. Булгаков, в своих записках описал наиболее запомнившиеся ему вечерние беседы у графа в 1812 г. – в грозовой атмосфере начавшейся войны они напоминали пир во время чумы: «Ростопчин острыми своими шутками так развеселял всех гостей, что они разъезжались, забывая, что французы были уже под стенами Смоленска»[125]. Естественно, что все остроты Ростопчина были направлены на злободневный предмет разговоров – французскую армию и лично Наполеона Бонапарта. В личном отношении к Наполеону граф проделал такую же эволюцию, как и многие представители российского дворянства XIX в. На рубеже веков он был бонапартистом, причем его профранцузская ориентация во внешней

---

[122] Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 101.
[123] Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 96.
[124] Булгаков А.Я. Воспоминания о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина // Старина и новизна. 1904. Кн. 7. С. 111.
[125] Там же. С. 99.

политике, главой которой он фактически являлся в павловское царствование, послужила одной из причин разрыва с англоманом Н.П. Паниным[126]. Возможно, ему, как и другим русским консерваторам (Н.М. Карамзину, С.Н. Глинке), импонировал образ «реального политика», сумевшего «укротить волны Революции»[127] и своим консульством возрождавшего в XIX веке времена Юлия Цезаря и принципата Августа[128]. Однако провозглашение Наполеона «обыкновенным» императором вызвало искреннее разочарование Ростопчина[129], которое переросло в ненависть, когда Бонапарт стал угрожать интересам России. Причем у импульсивного графа, который был «темперамента нервного, раздражительного, желчного»[130], эта ненависть к Наполеону отражалась не только в публицистических произведениях, но и приобрела довольно своеобразное внешнее выражение в домашнем быту: «Коротким знакомым графа Федора Васильевича было известно, что возле его кабинета, в маленькой темной комнатке, куда, по известной французской поговорке, «и сам король ходил пешком», стоял прекрасный бронзовый бюст Наполеона. На императорской маковке был безжалостно вдолблен гвоздь для прикрепления дощечки, на которой, вместо императорской короны, поставлен

---

[126] 2 октября 1800 г. Павел утвердил «головокружительный» внешнеполитический план Ростопчина, предусматривавший союз с бонапартовской Францией и раздел «безнадежно больной» Турции // Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 2004. С. 289; Мещерякова А.О. Ф.В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 63.

[127] Карамзин Н.М. Известия и замечания // Вестник Европы. 1802. № 3. С. 101; Известия и замечания // Вестник Европы. 1803. № 13. С. 85; Бонапарте Единственный // Вестник Европы. 1803. № 14. С. 216.

[128] Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 216. См. также: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 282.

[129] «И стоило ли жизни близ 2 млн. людей, потрясения всех властей и произведения непонятных варварств и безбожия то, чтобы сделать из пехотного капитана императора и короля!» – Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову // Девятнадцатый век. Исторический сб. Кн. 2. М.,1872. С. 46.

[130] Вяземский П.А. Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине // Державный сфинкс. М., 1999. С. 500.

был фарфоровый сосуд, необходимый для всех приходящих за законною нуждою»[131]. Такое более чем оригинальное приспособление бюста вызывало жгучий интерес и многочисленные скабрезные шутки посетителей Ростопчина, а его супруга, находя, что подобное обустройство личного помещения является вызовом общественному мнению и хорошему тону, попросила графа убрать бюст. Однако Ростопчин, в соответствии с этикетной нормой[132] обычно демонстрировавший в домашнем быту рыцарскую вежливость по отношению к жене и охотно выполнявший все ее пожелания[133], в данном случае проявил упорство, заметив, что вызывающим его поступок стал бы, если бы он, пользуясь властью генерал–губернатора, разместил бы бюст с подобной целью на площади в Кремле, свое же приватное пространство он имеет право организовывать по собственному усмотрению[134]. Упрямство Ростопчина в данном вопросе объясняется не столько отстаиванием свободы своей частной сферы, сколько досадной оплошностью, которую совершила графиня: она упомянула, что глумиться над бюстом нехорошо и потому, что Наполеон был помазан на трон папой римским. Графиня перешла в католичество, что было крайне неприятно Ростопчину. Чтобы не спорить с женой, он избегал говорить с ней на тему о религии[135], поэтому неосторожное упоминание графиней римского папы спровоцировало непреклонность Ростопчина.

---

[131] Булгаков А.Я. Указ. соч. С. 103.
[132] «Этикетной нормой отношения мужчины к женщине в привилегированном сословии «стали почитание, восхищение, романтизированная и сентиментализированная нежность» (Пушкарева Н.Л. Мир чувств русской дворянки конца XVIII – начала XIX века: сексуальная сфера // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000. С. 108).
[133] Из писем А.Я. Булгакова к его брату // Русский архив. 1901. № 7. С. 352.
[134] Булгаков А.Я. Указ. соч. С. 104.
[135] Segur A. de. Vie du comte Rostopchine, gouverneur de Moscou en 1812. Paris, 1871. P. 163.

Итак, с подачи Ростопчина, избранная дворянская публика смеялась над Наполеоном. Однако смех не невинен, в любой культуре он выполняет определенную функцию. Можно предположить, что высмеивание французов и их императора, помимо отражения личных свойств характера Ростопчина, склонного к буффонаде[136], имело под собой и более серьезное основание. Как уже упоминалось, свою цель на посту генерал–губернатора Ростопчин видел в моральном воодушевлении москвичей на борьбу с врагом. Естественно, что идеологическая кампания Ростопчина должна была распространяться и на дворянство, тем более что, с точки зрения консерваторов, именно оно, в отличие от «народа», было заражено галломанией и безумным преклонением перед французской модой, языком, нравами[137]. Если для воодушевления простонародья Ростопчин обращался в своих афишках к традиционной русской топике речи, то для поднятия морального духа и настроения дворян, привыкших к французскому языку и свойственной ему словесной игре, неожиданным языковым каламбурам, как нельзя лучше подходила яркая, остроумная, подчас выходящая за грани светского приличия сатира на врага, звучавшая в гостиной генерал–губернатора нередко на французском же языке. Таким образом, собрания московского дворянства в доме генерал–губернатора в 1812 году, во время которых гости Ростопчина смеялись над его остротами по поводу французов и потешались над тем, как граф использует бюст Наполеона, выходили за рамки событий частной жизни генерал–губернатора и становились одним из

---

[136] Овчинников Г.Д. «Чего лучше быть русским?» Граф Ф.В. Ростопчин – литератор. Владимир, 2008. С. 40.

[137] Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 149; Ростопчин Ф.В. Ох, французы! // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 86. Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // Собр. сочинений и переводов. Ч.II. СПб., 1824. С. 7.

средств развернутой Ростопчиным идеологической кампании против французов.

О.Ю. Солодянкина

Череповец, Череповецкий государственный университет

ЛОШАДИ И СОБАКИ В ЖИЗНИ РУССКОГО ДВОРЯНИНА: ЧАСТНОЕ VS ПУБЛИЧНОЕ

Человек – часть природы, но наши взаимоотношения с природой носят сложный, амбивалентный характер. Многие из представителей флоры и фауны «вписаны» в человеческую жизнь, так же как и человек (например, существование в нем) является частью жизненного цикла ряда обитателей животного мира. Длительное время рядом с человеком «идут» собаки, скорее всего, древнейшие приручённые животные. Долго служат человеку и лошади. При этом роль животных меняется в разные эпохи и в разных регионах. Постараемся выяснить, какую роль лошади и собаки играли в жизни элиты общества – в повседневном существовании российского дворянства – и определить, была ли это публичная или частная сфера жизни.

Лошади помогали дворянину репрезентировать себя: все окружающие отмечали, какие лошади (число, порода, стать, масть и т.п.) впряжены в экипаж. Это был значимый статусный показатель. Лошадь для верховой езды также определяла положение человека в обществе. Умелый наездник – одна из важных характеристик дворянина (в меньшей степени это касалось дворянских девушек), и верховая езда была важной частью обучения дворянского недоросля, что заметно и по индивидуальным домашним программам, и по учебным планам высших заведений (например, Царскосельского лицея). Хорошо сидящий в седле дворянин с удовольствием заказывал у модного живописца портрет – не за столом в мундире, а верхом на коне. Традиционно верхом изображали и императоров в статуях, призванных запечатлеть память о них. Конь становился важной частью такого

монумента, и Петр Первый в знаменитом «Медном всаднике» гармонирует со своим вздыбленным конем, и органично в скульптуре П. Трубецкого выглядят солидный Александр III и его статичный конь.

Общие увлечения лошадьми сближали людей, и это уже было приватной сферой. Дружба на основе общего увлечения – распространенное явление. Такое увлечение «снимало» все заботы о подарках (и о взятках) «нужному» человеку – что могло быть лучше породистой лошади? Разве что прославленные Гоголем борзые щенки! Дворяне прекрасно владели «лошадиной» тактикой «кадровых перемещений»: услужить нужному человеку, предоставив ему на время племенного жеребца, было почти столь же прочно, как и породниться с ним, выдав свою дочь или племянницу.

Одним из этапов взросления детей являются ролевые игры, помогающие детям правильно освоить реалии окружающей их социальной действительности. При тогдашних коммуникациях и транспортных средствах одной из популярнейших просто обречена была стать игра в лошадки. А.П. Бологовская вспоминала, что когда девочкой на рубеже 1840–х–1850–х проводила воскресенья в Царскосельском дворце с детьми наследника престола Александра Николаевича, «несмотря на обилие, разнообразие и роскошь игрушек, одной из любимейших наших забав была игра в лошадки, а так как у меня <…> были длинные локоны, то я всегда изображала пристяжную. Великий князь Александр Александрович вплетал в мои локоны разноцветные ленточки, садился на козлы, и мы с гиком летели вдоль всей галереи, причем в пылу игры великий князь нещадно хлестал «лошадей» по ногам; доставалось, конечно, и платью»[138]. Детская игра – безусловно, занятие из частной сферы, но игра в компании с великими князьями для родителей таких «избранных» детей становилась знаком публичного признания.

---

[138]Там же. С. 45.

Аналогичную роль – и репрезентаций, и увлечений, и возможности выхода из частной сферы в публичную – играли собаки. Свора собак для охоты, породистые борзые, вбегающие в гостиную, аккуратно расчесанные комнатные собачки в женских покоях – непременный атрибут дворянской жизни. Портретов с любимыми собаками также много. Признанным любителем собак в императорской семье был Александр II. И на прогулках в загородных резиденциях, и во время визитов (например, в воспитательные учреждения) его сопровождал любимый пес, становясь источником всяких историй (с отобранным у мальчика–гимназиста кренделем[139] или вырезанным девочками–институтками на память клочком шерсти[140]). На многочисленных портретах и фотографиях Александр II запечатлен с кем–нибудь из своих любимцев (возникает ощущение, что чаще, чем с первой женой или детьми).

Деление людей на собачников и несобачников возникло не сегодня; оно было характерно и для дворянской среды. Собака могла охранять вход в кабинет, и как бы предупреждать хозяина о вторжении в его пространство постороннего; сторожевой лай заставлял погрузившегося в думы дворянина «выйти» из мира личных мыслей и вспомнить о служебных обязанностях. Если собака пропадала, объявления об этом печатали газеты. В «Санкт–Петербургских новостях» в 1766 г. в номере первом появилось объявление о пропавшей собаке, а в номере четвёртом – о сбежавшей суке.

«Собачьи» курьезы тоже весьма примечательны: собака могла появиться вместо человека. Так, казанский помещик князь А.А. Долгорукий, получивший классическое французское воспитание, выезжал за границу без жены, богатой некрасивой провинциалки, не смотревшейся рядом с декламировавшим

[139]Борисов Г. Царская собака и именинный крендель // Исторический вестник. 1911. Т. 125. № 8. С. 569–573.
[140]Ф.Л. [Левицкая Ф.] Из воспоминаний о Московском Александровском институте // Исторический вестник. 1900. № 9. С. 898.

монологи из Корнеля и Расина мужем. В одну из таких поездок «князь Алексей Александрович решил «нанять» в Германии или Швейцарии гувернантку для своих детей. Жена с нетерпением ждала «мамзели», но каково же было ее удивление, когда вместо нее супруг привез прекрасную сенбернарскую собаку.

– А гувернантка? – спрашивает жена.

– Ах, ma chère, – со смехом ответил князь, – престранная произошла история. Одну очень образованную и милую особу я совсем уже нанял, заключил с ней условие и даже часть задатка отдал, да попался случайно прекрасный экземпляр сен–бернара. Я его, разумеется, не замедлил купить. Денег оставалось немного, в обрез, чтобы вернуться домой, и я вынужден был написать гувернантке, что остальную сумму в задаток дать ей не могу, потому что изменил свои намерения, и условие с ней считаю не состоявшимся»[141].

Так, лошади и собаки заняли определенную нишу в жизни российского дворянина, находившуюся на стыке публичного и частного.

Е.В. Бородина

Екатеринбург, Уральский государственный лесотехнический университет

РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Первая четверть XVIII в. для России – период значительных социальных трансформаций, время перехода от Московской Руси к Российской империи. Годы правления Петра Великого стали для страны переломными не только с позиции повышения ее международного статуса, но и с точки зрения изменения отношений между государством и обществом.

---

[141]Корсаков Д.А. Из жизни русского дворянства прошлого времени // Исторический вестник. 1911. Т. 125. № 8. С. 500.

Изменения коснулись и положения семьи, мужчины которой превращаются в субъектов налогообложения и не имеют права покинуть территорию проживания на долгое время. Право крестьянского отхода строго регулировалось Плакатом о подушном сборе 1724 г. Наряду с крепостными возможность свободного передвижения потеряли и черносошные крестьяне. Подушным сбором также облагались посадские. В случае смерти главы семейства оно не освобождалась от налоговой повинности. Требовалось получить особое разрешение от земской конторы или других органов, выполняющих обязанности по контролю над местным населением.

Одной из причин усиления контроля над обществом являлось создание новой системы набора в армию – рекрутской повинности. В ряде случаев семья стремилась укрыть от рекрутчины новобранца или получше спрятать сбежавшего «из солдат», как это произошло в 1723 г. в Тюмени[142].

Кроме того, в судебно–следственной документации этого времени постоянно встречаются челобитные с просьбой найти «беглых» жен и дочерей. Очень часто их обвиняли в «покраже» семейного имущества и прочих правонарушениях.

Не отрицая предположения Н.Ш. Коллманн, автор статьи более склонен к другому объяснению возникновения этих челобитных. Обращения в органы власти с просьбой помочь в поиске имели разные цели: любовь и семейные чувства, стремление восстановить status quo в традиционных семейных отношениях, возвращение похищенных материальных ценностей и рабочих рук. Несмотря на то, что челобитные в органы власти порой носили декларативный характер, были обращены в сторону местного сообщества, время от времени они приносили пользу. Беглецы находились.

---

[142] ГАТО. Ф. И–181. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.

Большинство из них наказывалось за совершенные правонарушения битьем батогами. Также общественному и государственному порицанию подвергались женщины, «прижившие блудно младенца» либо замеченные в «блудном воровстве»[143]. Дела такого рода инициировались самой крестьянской общиной или церковнослужителями, периодически устраивавшими обходы с целью найти «чревастых» девок.

Если наказание за блуд не устанавливалось сразу, то впоследствии в семье мог возникнуть вопрос о замужестве обесчещенной девушки. В противном случае глава семейства мог выгнать ее из дома. Таким образом, ей ничего не оставалось, как искать помощи и защиты у публичной власти.

Частная жизнь крестьян постоянно контролировалась местным сообществом или государственными органами власти, которые привлекались по инициативе крестьянской общины или отдельных индивидуумов. Все оскорбления, драки и другие острые моменты тут же становились достоянием общественности, и в случае, если дело доходило до суда, истец и ответчик имели возможность найти поддержку со стороны местного сообщества.

Русская народная пословица «на миру и смерть красна» вполне подходит для описания роли семьи в российском обществе первой четверти XVIII в. С одной стороны, семья представляла собой сферу частной жизни для любого человека этого времени, с другой, она играла очень большую роль в стабилизации общественных отношений. Этот общественный институт являлся удобным механизмом контроля над индивидами, выполняя одновременно функции воспроизводства и сохранения морально–нравственных устоев. Кроме того, контрольно–надзирательные функции за порядком в семье и добрачных отношениях активно выполняли и другие общественные структуры – общины и

[143] ГАТО. Ф, И–181. Оп. 1. Д. 69. Л. 1., 1об.

органы государственной власти. И семья, и окружавшее ее сообщество, и государство обеспечивали стабильность бесперебойной работы общественного механизма государства в целом, но не давали возможности укрепиться и развиться сфере частных отношений.

А.А. Левандовский

Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАПАДНИЧЕСКОМ КРУГУ

Западничество относится к числу наименее изученных – и, соответственно, наименее понятых исследователями – проблем, так или иначе связанных с историей русского общества. Обычно это феноменальное, во многом, явление трактуется как всего лишь «течение общественной мысли». Я бы рискнул определить его как декларацию и воплощение принципиально нового для России образа мысли и образа жизни.

Николай I и Уваров в известной степени предугадали западничество. Именно представители этого движения в первую очередь противостояли официальной идеологии. Это противостояние, которому Герцен дал такое удачное определение – «тихая работа» – проявилась в самых разных сферах: в творчестве, преподавании, издательской деятельности. Но, что особенно, оно выходило за эти рамки, насыщая собой повседневность, диктуя вполне определенный образ жизни, заставляя следовать вполне определенным нормам поведения.

Западнические позиции в этой сфере стали определяться, по сути, еще до формирования западничества – в 1830–е годы, в то время, на которое пришлась молодость большинства корифеев западничества. Ведь почти все они вышли из двух дружеских кружков – А.И. Герцена и Н.В. Станкевича – сыгравших, как известно, выдающуюся роль в становлении русского общества для западничества, в частности, эти кружки стали чем–то вроде детской, в которой закладывались основные жизненные понятия – и в интересующей нас сфере, может быть, в первую очередь. Этому

способствовали определяющие увлечения членов кружков – социализмом в его сен–симонистской трактовке у Герцена и немецкой философией в ее крайне романтическом восприятии у Станкевича.

Сен–симонисты заявляли об извечной ошибке в отношениях к человеку: до сих пор о нем говорили, подразумевая под человеком исключительно мужчину. «Между тем человек – это мужчина и женщина вместе. Все общественные и личные функции люди должны выполняться парами, а любовь, являющаяся основой общества, – это прежде всего физическая, половая любовь». Сен–симонисты провозглашали при этом безоговорочный приоритет чувства: «связь между мужчиной и женщиной основывается только на чувстве, и это чувство не может быть заменено никаким принудительным законом»[144].

Что же касается членов кружка Станкевича, духовно окормляемых Фихте, Шеллингом, Гегелем, то и они одинокого человека, будь то мужчина или женщина, воспринимали, как нечто неполноценное – по–настоящему полноценным коллективным существом могла быть только пара – тут, как видим, единство мнений у молодых философов было полное. Однако, в отличие от своих чувственных сверстников, члены кружка Станкевича огромное, определяющее значение придавали гармонии духовной: мужчина и женщина должны быть достойны друг друга в этом отношении.

На этой, казалось бы, не очень надежной теоретической основе стали формироваться «западнические» семьи. Именно в них постепенно отлаживались, проходя испытание жизнью, те супружеские отношения, которые впоследствии стали типичными для интеллигентской среды. Тема эта чрезвычайно обширна, и каждый конкретный пример здесь нуждается в

---

[144] Левандовский А.П. Сен–Симон. М., 1973. С. 256–257.

самом тщательном изучении. Пока же обратим внимание на три возможных варианта.

Первый. Драматическая история семьи Герцена, к которой не раз обращались историки, что позволяет мне быть предельно кратким. Обращу внимание на то, что эта семья совершенно сознательно создавалась Герценом и его Наташей в противовес традиционной, которая у обоих супругов вызывала самое искреннее отвращение. Этой старой семье, погрязшей в нелепых традициях, безобразных условностях и тяжелом, домостроевском быте, чета Герценов попыталась противопоставить силу и искренность чувства, взаимное доверие и свободу отношений, на этом доверии основанную. Современники – по крайней мере, некоторые – отмечали, некоторую пафосность, декларативность этих семейных отношений.

Второй. Диаметрально противоположный пример – семья Белинских. И современники, и историки были здесь единодушны. Мария Васильевна Белинская, урожденная Орлова, как личность их не заинтересовала. Если ее и поминали, то, во–первых, как правило, не очень добрым словом, а, во–вторых, скорее как символ – символ духовной капитуляции самого Виссариона Григорьевича, выразившейся в отказе его от юношеского стремления к «духовной гармонии» в браке. В беглых упоминаниях о супруге Белинского, как правило, подчеркивалась ее полная заурядность. «Жена, говорят, мало давала ему счастия и только во время болезни ходила за ним»[145]. Между тем это «только» дорогого стоило. Судя по всему, Мария Васильевна сумела–таки продлить жизнь своему смертельно больному мужу. Один из самых трезвых и вдумчивых свидетелей этой эпохи отмечал, что «с наступившим упадком сил Белинский видел уже в домашнем очаге своем как

[145] В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977. С. 181.

бы целящую силу для своего больного сердца и в руке, которая ему служила, как бы руку, удерживавшую его на свете»[146].

Третий. Умеренный вариант: семья Тимофея Николаевича и Елизаветы Богдановны (урожденной Мюльгаузен) Грановских. Этот брак, как и брак Белинского, не вызывал в западническом кругу особого интереса, но оценивался современниками благожелательно. В нем не было и намека на герценовский пафос и, в то же время, казалось, что супругам Грановским без особого труда удалось добиться вожделенной «духовной гармонии». Правда, Елизавета Богдановна практически всегда упоминалась современниками как «приложение» к своему знаменитому мужу, но она, судя по всему, на большее и не претендовала. Как бы то ни было, жизнь этой маленькой семьи выглядела вполне счастливой, хотя и не очень продолжительной: как в известном присловье, супруги «жили счастливо и умерли в один день».

Подводя итоги, отметим, что разница всех этих вариантов западнической семьи предопределялась индивидуальностями супругов, отчасти – случаем. Искренняя любовь Герцена к Наташе не мешала его изменам. Белинский, с благодарностью принимавший заботы своей жены, мог посетовать вслух на то, что в его браке не доставало «идеального повода и отсутствовало поэтическое настроение». Но при всех различиях было в этих семьях нечто общее и обусловливалось это «нечто», как представляется, общими жизненными установками. Речь идет о неиссякаемом, не нарушаемом никакими жизненными сложностями и конфликтами взаимном уважении супругов; об их открытости, постоянном стремлении найти общий язык; о соблюдении ими внутрисемейного равенства. Все эти качества, которые, по–моему, вполне укладываются в понятие

---

[146] Анненков П.В. Замечательное десятилетие // Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 357.

«человечность», послужили фундаментом явлению, которое известно под названием русской интеллигентной семьи.

Н.П. Лигенко

Ижевск, Институт истории, языка и литературы УрО РАН

«ПЕРЕПИСНЫЕ ЛИСТЫ» ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ 1897 Г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ЧАСТНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КУПЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ

Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. относятся к распространенным видам массовых источников, содержащих систематизированный справочный материал, дающий многомерную характеристику историко–демографического, социально–экономического развития общества, в том числе и гендерного аспекта.

Первичные материалы – «переписные листы» – дают конкретную картину состояния каждого купеческого семейства на 1897 г.: численность, состав семьи, место и год рождения, место приписки и пребывания, количество и состав обслуживающего персонала, сословную принадлежность, уровень образования, вероисповедание, род занятий[147].

Выявленные 58 переписных листов содержат сведения о 58 купеческих семействах г. Сарапула, имевших собственные особняки, в которых проживало 272 человека купеческого звания, а вместе с прислугой и другими жителями – 566 человек. Таким образом, более половины обитателей дома не являлись членами семейств[148]. Людность купеческой семьи Сарапула на 1897 г. составляла 4,7 человека, преобладали нуклеарные семьи, имелись также семьи восходящие и расширенные по боковой линии.

---

[147] ЦГА УР (Центральный государственный архив Удмуртской Республики). Ф. 236. Оп. 1. Д. 193, 196, 188, 186, 176, 172, 175, 174, 182, 130, 178.
[148] ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 193, 196, 188, 186, 176, 172, 175, 174, 182, 130, 178.

Сарапульские купцы – самая многочисленная, раннего происхождения группа купеческого сословия Прикамья, где 76,4 % купеческого общества составляли старожилы, урожденные сарапульчане. Возраст глав семейств, глав домохозяйств, имел большую амплитуду колебания: от 23 до 67 лет.

Среди перечня фамилий просматриваются купеческие кланы, известные в Волжско–Камском регионе: Бодалевы, Михеевы, Пешехоновы, Смагины, Курбатовы, Дедюхины, Зылевы, Барабанщиковы, Колчины, Корешевы, Батурины, Лушниковы, Корелины, Тюнины, Башенины, Злыгостевы.

Доля купцов, находящихся в самом продуктивном возрасте от 40 до 50 лет, была наивысшей (33,4%), высоким был процент (23,5%) мужчин зрелого возраста от 50 до 60 лет, принимавших активное участие в бизнесе. Наименьшим (11,8%) было число мужчин молодого возраста, до 30 лет, и свыше 60 лет (13,7%), выступавших в качестве самостоятельных предпринимателей. Таким образом, в г. Сарапуле 74,5% купцов, активно занимавшихся предпринимательской деятельностью, были в возрасте от 30 до 60 лет. Отцы, главы семейств, организуя воедино семейные капиталы, старались удержать сыновей подле себя, приобщая их к коммерческой деятельности.

В купеческой семье особенно высоко ценили рождение сына – наследника, помощника, продолжателя рода, а также Дела, которое требовало большой заинтересованности, всепоглощающего внимания, приложения больших физических затрат, мобильности, деловой хватки, что было под силу, как правило, мужчинам. Характер заполнения «посемейного списка», казалось бы, формальная сторона дела, ярко свидетельствует о значимости мужчины в купеческой семье.

Материалы переписи представляют детальные сведения и о купеческих женах. При описании 58 домохозяйств сведения были представлены о 49 женах купцов, среди которых были как потомственные купчихи, так и женщины, вышедшие из мещанской среды, довольно редко – из крестьянской.

Купеческие жены имели возраст от 18 до 65 лет. Средний возраст купеческих жен составлял 40 лет. Жены были моложе своих мужей. Самое большое число женщин (59,2%) находилось в цветущем возрасте от 18 до 40 лет, тогда как самая высокая возрастная планка мужей достигала 40 – 70 лет.

Данные переписных листов свидетельствуют о том, что национальность и вероисповедание мужей и жен, как правило, идентичны. Подавляющее большинство купеческих пар были русскими, православными, из них четыре русские купеческие пары были записаны старообрядцами. Другие две супружеские пары по национальности являлись «татарами–магометанами и мусульманами по вере». Одна супружеская пара евреи – иудеи.

Нельзя не отметить, что жены купцов, урожденные сарапульчанки, были все грамотными. Образование получили в самых различных учебных заведениях: многие закончили женскую гимназию, обучались в земской и народной школах, городском училище, Елизаветинском институте в Москве. Нередко в купеческих семьях предпочитали домашнее обучение и воспитание. Четыре купеческие жены отмечены как неграмотные. Из них две купчихи русские, уже в преклонном возрасте: 68 и 50 лет, и две – мусульманки, молодые женщины (24 и 30 лет). С конца 1870–х, в семьях сарапульских купцов уделялось серьезное внимание обучению детей, в том числе и девочек.

На вопрос о занятии, обозначенном как «главное, доставляющее средства для существования» дело, основная масса купеческих жен ответила – «при муже». В документах отмечается, что замужняя женщина – купеческая жена могла заниматься торговой и предпринимательской деятельностью лишь с согласия мужа. Получив такое разрешение, она «вправе была вступать во всякого рода торговые обязательства без новых позволений мужа».

Помимо торговли купеческие вдовы находили себе самые различные виды деятельности. Так, 50–летняя вдова Голосова Екатерина Львовна, православная, русская, грамотная, получила домашнее образование, доходы

получала за счет содержания нахлебников (15 чел.). Уроженка г. Ряжеска Рязанской губернии, она была приписана к Ряжеску, но постоянно проживала в г. Сарапуле, в особняке по ул. Сарапульской в доме № 25.

На 50 семей г. Сарапула приходилось 157 детей, в среднем на одну семью по 3,1 человека. Наблюдалась контрастность в детности семей. В зрелых семьях, как правило, было 5–7 детей, живших еще при родителях. Местом их рождения, приписки и пребывания был г. Сарапул. У части семей, приехавших в Сарапул в 80–90–е гг., старшие дети родились на родине родителей – в Пермской, Рязанской, Уфимской губерниях, а родиной младших детей являлся г. Сарапул. Национальность и вероисповедание было идентичным родительскому, т.е. православное и староверческое у русских, мусульманское у татар, иудейское – у евреев. Дети купцов 1890–х гг., кроме двух татарских семей, обучались в различных учебных заведениях: гимназии, уездном, реальном, церковно–приходском, духовном училищах. Дошкольников обучали дома. В татарских семьях, в одной трое, в другой четверо детей были неграмотными, лишь одна, 12–летняя девочка, обучалась грамоте в домашних условиях.

Таким образом, в конце XIX в. в Сарапуле преобладали простые как по типу внутренней структуры, так и по поколенному составу семейные ячейки. Дом для купеческой жены был «частной сферой», где женщина доминировала, успешно справляясь с хозяйством. С детства погруженная в деловую коммерческую атмосферу, она была достойным помощником мужу. Чаще всего выступая как советник, она еще и управлялась с наследственным хозяйством, пожизненно закрепленным за ней в качестве приданого. Поэтому овдовев, женщины вместе с сыновьями успешно справлялись с доставшимся в наследство хозяйством.

В.А. Веременко

Санкт–Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина

НЕМНОГО О ЛЮБВИ… (ДВОРЯНСКИЙ БРАК И СЕМЬЯ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.)

В середине XIX в. дворянская семья казалась очень устойчивой структурой, мало изменившейся за предшествовавшие полтора столетия. Такая стабильность держалась, прежде всего, не на законах, для которых было характерно отсутствие четкости и единства, гигантское число лакун и неясностей, а на внутренней традиции и общесемейных интересах[149]. До второй половины XIX в. редкий дворянский брак заключался по взаимной любви.

Первые признаки изменения сохранявшейся десятилетиями модели становятся заметны во второй половине 60–х гг. XIX в. Началу новой «брачной эры» способствовало несколько обстоятельств. Прежде всего, это развернувшая на страницах общеполитической прессы дискуссия о праве женщины на образование и саморазвитие, о необходимости «эмансипировать женщину», также как перед этим осуществилась эмансипация крестьян[150]. Среди демократической дворянской молодежи появились «развивати–мужчины», готовые реализовать теоретические идеи, изложенные на страницах журнала «Современник» или романа «Что делать?» в реальной жизни. Наряду с этим проявлялись первые симптомы будущей экономической катастрофы, которой обернулась для мелкого и среднего дворянства отмена крепостного права.

Ухудшение материального положения дворянских семей, ставшее мощным стимулом к росту стремления девушек–дворянок к получению серьезного образования и профессиональной подготовки, формировало

[149] Временко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX вв.). СПб., 2007.
[150] Тишкин Г.А. Женский вопрос в России 50–60–е годы XIX в. Л.,1984.

группу лиц, нуждавшихся в помощи мужчины–развивателя и освободителя[151]. Наконец, в новых условиях шло расширение возможности для знакомств и контактов между молодыми представителями того и другого пола. Последнее осуществлялось на двух уровнях – общественном, когда в условиях роста социальной активности, юноши и девушки оказались бок о бок на многочисленных публичных лекциях, собраниях и диспутах, среди посторонних слушателей университетов, преподавателей вечерних школ, участников благотворительных акций и т.д., и бытовом – когда благодаря появлению сети женских средних учебных заведений открытого типа сформировалась новая группа девушек–дворянок, получавших образование дома и привыкших свободно и легко общаться с приходившими к ним в гости друзьями своих братьев и братьями подруг. Немаловажной чертой таких знакомств было то, что они происходили «естественно», т.е. без очевидного всем и каждому намерения найти себе брачного партнера. Это, в свою очередь, предполагало возможность по необходимости корректировать нормы «приличия» и снизить до минимума столь обязательные на балах, вечерах и других «брачных базарах» флирт и кокетство. В итоге появился совершенно немыслимый ранее феномен – «приличная» девушка–дворянка, отправляющаяся *одна*, без сопровождения, на то или иное «мероприятие».

Наметившиеся в предшествовавшие десятилетия факторы к концу 1880–х гг. проявились в полную силу. Все более усугублявшиеся с каждым годом экономические проблемы дворянских семей стимулировали рост ценности образования. Помимо организации карьеры сыновей родители все чаще заботились о приобретении дочерьми неких профессиональных навыков, необходимых для поддержания ими своего существования в видах

[151] Веременко В.А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX – начало XX вв.). СПб., 2004.

возможного безбрачия или позднего вступления в брак. Этому движению способствовала и возросшая ценность образования в обществе, нередко побуждавшая девушек из вполне обеспеченных семей стремиться к приобретению «высшего знания», и влиявшая на их родителей, вынужденных соглашаться на поступление дочерей в специализированные учебные заведения. Вместе с тем профессиональных школ для женщин было не много, и они располагались лишь в крупных городах.

Постепенно прибывшие на учение девушки «обрастали» новыми знакомыми, причем как женщинами, так и мужчинами. Их взаимные контакты в «непринужденной обстановке» вносили серьезные изменения в старый кодекс приличий.

Вслед за столицами похожие перемены происходили и в провинции. Здесь многие из девушек–дворянок, хотя и ограничились средним образованием, но также оказывались очень «занятыми»: походы в гимназию и на всякие «гимназические мероприятия», занятия с репетиторами или, напротив, собственные «уроки», встречи с подругами для совместной «подготовки» и т.д. Все это способствовало созданию новой, основанной исключительно на романтической привязанности и общности личных интересов семьи.

Этапы ее создания предполагали достаточно длительное знакомство, проходящее через стадии – встреч наедине, ухаживания, личного объяснения. Только вслед за этим, уже приняв принципиальное решение о браке, молодые люди сообщали о своем намерении родителям. Мнение последних не имело принципиального значения и крайне редко влияло на планы жениха и невесты. Вопросы о материальной стороне будущей совместной жизни супругов разрешались, большей частью, в «идеальном плане», в духе рассуждений об их совместном труде на благо общества и друг друга. Если в дальнейшем родители жениха давали молодой семье деньги на «обзаведение», а невесте выделялось некое приданое, то дети

спокойно (если не равнодушно) принимали эти дары. Если же родные ничем не могли или не хотели помочь новобрачным, то привыкшая к самостоятельной жизни молодежь не видела в этом никакого препятствия к браку. В целом к концу XIX в. подавляющая масса дворянских браков совершалась по самостоятельному выбору вступавших в них лиц. Конечно, далеко не всегда движущим мотивом была любовь. Как и раньше большую роль играли материальный фактор, общественное положение.

Таким образом, за три–четыре десятилетия в дворянской среде произошло кардинальное изменение взгляда на заключение брака, а значит и на ценности самого супружества и личной жизни в целом. Любовь, по крайней мере, внешне, «для приличия» стала неотъемлемым требованием при создании семьи. Такой подход формировал, в свою очередь, новые вопросы, на которые общество и государство вынуждено было искать ответы.

Новые ценностные ориентации наталкивались на ряд существенных и *законодательно оформленных* ограничений, действовавших при вступлении в брак. В большинстве случаев речь шла о четырех проблемах: обязательном согласии родителей брачующихся на брак своих детей; действовавшей для молодых офицеров норме о запрещении вступать в брак без уплаты реверса, невозможности создать новую семью вопреки обречению на «всегдашнее безбрачие» и, наконец, запрету венчаться в церкви по выбору брачующихся, без учета преимущественного положения православной церкви.

М.Н. Трефилова

Иваново, ДККН Ивановской области

«…КАК БУДТО ОДНА ДУША РАЗДЕЛИЛАСЬ НАДВОЕ»: ЛЮБОВЬ И БРАК В ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИАЛКИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На рубеже XIX—XX вв. в России происходили коренные перемены в социально–экономической структуре, началось становление нового типа

культуры, процессы трансформаций затронули все грани жизни общества, в том числе — сферу семейно–брачных отношений.

В середине 1990–х гг. в архив города Шуя Ивановской области был передан дневник А.Н. Сперанской, в замужестве — Зааловой (1885–1983)[152].

Антонина Николаевна родилась в погосте Преображенский Вязниковского уезда Владимирской губернии. Её отец был учителем, мать, закончившая Московский повивальный институт, работала акушеркой. С 1895 по 1902 г. Антонина училась в гимназии, затем занимала пост сельской учительницы, в 1905 г. продолжила образование в институте. В 1908 г. вышла замуж за студента из Грузии, дворянина по происхождению Николая Заалова. После ареста и ссылки мужа в Иркутскую губернию закончила образование, служила санитарным врачом на фронтах Первой мировой войны.

С первых страниц дневника 13–летняя Антонина Сперанская размышляет о любви и влюбленности: «Мне уже 13 лет, а я все еще ни в кого не влюбилась. Удивительно!». Мечтая о любви и ожидая увидеть в каждом «единственного», она одновременно терзается мыслями о греховности личного счастья: «Я думаю, что не должна мечтать о личном счастье… пользоваться им – грех. Мне кажется, что в семейной жизни я не могу быть счастливой – всё буду мучиться, укорять себя за пошлость, за мелочность, за компромисс… непременно откажусь, как бы страстно жениха ни любила – боюсь потерять уважение к себе».

Рассуждая в духе православной культуры о праве на счастье, она в то же время, вступает на путь выбора жизненных стратегий: жестко разграничивая «семейное» и «общественное» Антонина Сперанская задается сложными вопросами о роли женщины в окружающей действительности, мечтает быть мужчиной, находя выход к достижению умственного и нравственного

[152] Шуйский ГА. Ф. 280. Сперанская (Заалова) Антонина Николаевна.

равенства мужчин и женщин в образовании и приходя к выводу о единственной для себя возможности жить полноценной жизнью: «работать на пользу человечества… как учитель, воспитатель общества, борец за свободу его»[153], не быть «кухаркой или содержанкой мужа, хотя бы и любимого»[154].

Пройдя через чувство живущей в душе безотносительно к кому–либо влюбленности, полное отрицание брака: «замужество для меня хуже смерти: прощай тогда все мои мечты, все порывы», – она формирует для себя идеал взаимоотношений мужчины и женщины, который мог бы удовлетворить её надежды: «[муж] очень деятельный, в каждом пункте живет года по три, устраивает общества трезвости, чайные, пожарные дружины, читальни... жена его – она не самка, а подруга, помощница его».

Чтобы стать полноценной помощницей мужа и одновременно «быть прежде всего человеком, а не половым существом», Антонина Сперанская стремится расширять свои познания чтением, работой над собой.

Впоследствии встав перед сложным выбором: последовать за мужем в Сибирь или завершить образование, она продолжает обучение в институте. Горячо любя мужа «как будто одна душа разделилась надвое», Антонина Заалова в 1915 г. повторно отказывается от семейной жизни: «Я ехала в Земокоп по укреплению тыла и работала сначала под Киевом, когда же нас двинули на фронт, мне было жутко, но отказаться я не считала себя вправе... Нико было очень обидно, что я поехала на войну, а не к нему. Но я иначе не могла. Теперь я спокойна.., что впоследствии не упрекну себя за то, что в это ужасное время жила личной жизнью»[155].

---

[153] ШГА. Ф. 280. Оп. 1. Д. 4. Л. 2об., 357.
[154] Там же. Л. 289.
[155] Там же. Л. 414 об.–415.

Поставив общественный интерес выше интересов семьи, а собственное желание выше интересов мужа, Антонина Заалова глубже понимала и испытывала себя, но разрушала фундамент собственного брака. Выходя замуж, она искала не просто любви, её было «слишком мало», «хотя бы и безграничной»: ждала, что муж «будет нравственной опорой», нуждалась в духовном общении. Напротив, Нико, чтобы быть счастливым, было достаточно «ласки, присутствия». Муж решил, что Антонина «на фронте ради сильных ощущений и веселого житья», она же воспринимала свою службу как работу и «ответственность за двоих»[156], сделав после пережитого разочарования вывод, что «сильнее его [мужа] и приходится его поддерживать».

Осуждая выбор и воспринимая как упрек вдвойне тяжелую ответственность, которую взяла на себя жена, Николай Заалов ощущал свою несостоятельность и несоответствие их взаимоотношений общепринятой модели супружеской жизни: «я, подобно паразиту… пью твою кровь»; «оглядываясь на пройденный путь и вглядываясь в будущее, я прихожу к тому заключению, что я не эквивалент тебе; что я не мог дать и, боюсь, что не смогу дать тебе того же… что получил от тебя»[157].

Черпавшая знания о взаимоотношениях полов из произведений Льва Толстого, Леонида Андреева, Михаила Арцыбашева «и пр., пр.», гимназистка Антонина Сперанская искренне верила, что изнасилование «каждый день происходит в браке», студент–медик Антонина Заалова «совсем не понимала, какая связь между любовью и половым влечением, противопоставляла их до некоторой степени, и только благодаря своей сильной любви к Нико прощала ему обладание». Муж «мучился, будучи не в силах справиться со своим темпераментом, и… не мог разбудить [в ней] женщину».

---

[156] Там же. Л. 418.
[157] ШГА. Ф. 280. Оп. 1. Д. 18. Л. 42.

Впоследствии эту проблему внутренних взаимоотношений супругам удастся преодолеть через её описание, «разговор» в личном дневнике: опосредованную форму общения, трепетно поддерживаемую Антониной Зааловой «чтобы все время быть вместе». Воздействие внешних факторов и обстоятельств, ранее препятствовавшее сохранению брака, осенью 1917 г. вместе с освобождением Николая Заалова окажет обратный эффект на развитие взаимоотношений супругов: муж уезжал к родителям в Грузию, Антонина решила, «что в этих чрезвычайных обстоятельствах лучше быть вместе и держаться рядом... как бы в этом революционном урагане нам совсем не потерять друг друга».

Полученное образование, общественная и профессиональная деятельность расширяли кругозор, укрепляли чувство собственного достоинства, формировали духовный мир автора дневника. Безусловно, и Антонина Сперанская, и многие представительницы её поколения не были свободны от традиционных установок: старые и новые ценности в обществе и в представлениях людей были переплетены, определяя некий патриархально–буржуазный культурный конгломерат. Тем не менее, постоянное увеличение доли демократических ценностей в российской культуре на рубеже XIX–XX вв., их развитие и закрепление в сознании мужчин и женщин, трансляция новых представлений о семейно–брачных отношениях стали существенными факторами постепенной трансформации института российской семьи в начале XX в.

М.М. Леонов

Самара, Самарская академия гос. и муниципального управления

НАЗИДАНИЯ В ДЕВИЧЬИХ АЛЬБОМАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Девушка из дворянской семьи, Мария Васильевна Трофимович, попросила отца оставить памятную запись в ее альбоме. Отец сочинил

дилетантское стихотворение, полное назиданий. В нем, между прочим, были строки: «Коль будешь мать, желаю сыновей // Избавь тебя господь от дочерей»[158].

Такое пожелание, высказанное в адрес Марии, может показаться оскорбительным. Автор стиха, однако, преследовал совсем иные цели: он искренне заботился о благе своего ребенка. Дело в том, что в патриархальной среде российского дворянства воспитание девочки связывали с большими хлопотами и расходами. Требовалось обеспечить ее приданым, а затем регулярно вывозить в свет, чтобы выдать замуж. Как следует из текста посвящения, «сердечное желание» отца заключалось в том, чтобы дочь избежала горя и «долгий век счастливо провела». Залогом будущего счастья представлялись религиозность, почитание родителей, способность «приворожить супруга» и родить ему сыновей. Девичьи альбомы, подчас с обезоруживающей прямотой, сообщали о нормах и ценностях светского общества. Источники этого типа содержат богатый материал для изучения частной жизни женщин второй половины XIX – начала XX веков.

Альбом как исторический источник давно вызывает научный интерес, однако, по меткому выражению В.Э. Вацуро, «до сих пор из него извлечено гораздо меньше, чем он может дать»[159]. В данном исследовании альбом будет рассматриваться не только как литературный памятник, но и как источник по истории светской культуры середины XIX – начала XX веков. Альбомы заметно разнились по внешнему виду, содержанию, предназначению, кругу авторов. Как правило, в альбомах можно обнаружить записи в стихах и прозе, рисунки и ноты. Кроме того, популярностью пользовались разнообразные альбомы–коллекции (альбомы визитных

[158] РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 60. Л. 14. Альбом М.В. Трофимович.
[159] Вацуро В.Э. Литературные альбомы в собрании пушкинского дома (1750–1840–е гг.) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома.1977. Л., 1979. С. 3.

карточек, собрания газетных вырезок, писем и других документов в подлинниках и копиях). В отдельных альбомах сохранились гербарии и памятники материальной культуры[160]. По своему происхождению альбомы могли быть личными (мужскими, женскими, детскими) и коллективными (выпускные альбомы, альбомы в подарок юбиляру). В настоящее время принято выделять три наиболее распространенных типа альбома: литературно–бытовой, собрание текстов и собрание автографов[161].

Упомянутый выше альбом Марии Трофимович относится к классическому типу альбомов автографов. В нем несколько десятков страниц с записями и рисунками подруг и родственников. Этот «домашний» альбом был призван разнообразить досуг гостей. Стоит отметить, что домашние альбомы нередко отличались сентиментальностью и морализаторством. Так, на форзаце альбома юной Елизаветы Самариной размещена миниатюра, изображающая мать и дочь с цветами и фруктами[162]. Внутри – акварели, романтические посвящения, наставления. Основными авторами альбома были старшие братья Елизаветы, каждый из которых оставил несколько записей, по преимуществу назидательного характера.

Житейские мудрости в девических альбомах преподносились как в оригинальных текстах родственников, так и в цитатах из классиков. Воспитательная функция подобных записей не подлежит сомнению. Оформляя свои мысли как пожелания на будущее, родственники предостерегали юную хозяйку альбома от ошибок и соблазнов в настоящем,

---

[160] Например, в альбоме–коллекции И.Ф. Петерсона, помимо автографов знаменитых людей, собраны русские и иностранные ассигнации, вышивка на холсте, гербарий из листов лавра с могил Гете и Шиллера. См: РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 44. Л. 3, 20–21, 24–26, 30–39, 69.

[161] Юнггрен А. Поэзия Тютчева и салонная культура XIX века. М., 2006. С.45–46.

[162] Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина (ГЦТМ). Ф. 242. Оп. 1. Д. 39. Альбом Е. Самариной.

напоминали о нравственных обязанностях, подчеркивали главенствующую роль старших в семье: «Желаю вам лишь добродетель чтить // К родителям почтение хранить // Людей достойных уважать // Друзей своих не забывать // Чтобы уметь довольным быть всегда судьбою // И управлять собою»[163].

Аналогичные назидания встречаются и в альбомах мальчиков. Так, альбом Николая Астафьева открывается посвящением его матери: «Милый и драгоценный мой Николя. Что могу более желать тебе как не то, чтобы ты всегда был добрым христианином, верным слугою Царю и отечеству и покорным сыном. Имей характер твердый, стремление ко всему благородному и прекрасному. Помни, что великодушие, честь и бескорыстие дороже всего, что прекрасная душа одна возвышает человека»[164]. Примечательно, что по мере взросления владельца альбома, записи такого рода становятся редкими и со временем вовсе исчезают. Вместо наставлений, их альбомы заполнялись комплиментами.

Принято считать, что к середине XIX века тип «литературных альбомов» стал встречаться реже и постепенно уходил в прошлое, уступая место «массовому альбому»[165]. Если в альбомах первой половины XIX века популярностью пользовался мадригал (небольшое стихотворение комплиментарного характера), то во второй половине столетия, особенно в пореформенную эпоху, в образованном обществе распространяется ироничное отношение к комплиментарному канону. Не представляют редкости записи, обличающие лживость альбомных посвящений: «Не верь тому, что здесь напишут: // В альбоме редко не солжет // В нем все любовно, дружбой дышит // А в сердце холодно, как лед»[166].

---

[163] РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 61. Л. 30. Альбом М. Фермор.
[164] РГАЛИ. Ф. 1336. Оп.1. Д. 2. Л. 1об. Альбом Н. Астафьева.
[165] Юнггрен А. Поэзия Тютчева и салонная культура XIX века. М., 2006. С. 45.
[166] РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.

Менялись и этические нормы. Если в первой половине XIX века светский этикет допускал записи, отражавшие платоническую любовь к хозяйке гостиной, то во второй половине столетия уже не представляли редкости фривольные стихи, апеллирующие не к душе, а к телу. Примером может послужить такая запись: «Чтобы в губки голубку и в ясный глазок // Целовать, целовать мог бы жадно я // Зацелую тебя с головы и до ног // Полюби ты меня – ненаглядная»[167]. Свидетельством процесса разрушения прежних табу могут служить публикации афоризмов и стихов для альбомов, предпринимавшиеся различными изданиями XX века. После первой русской революции в столице стали выходить «Пикантные салонные сборники», содержавшие вульгарные стихи и даже фотографии декольтированных дам со страстными взглядами[168]. Таким образом, изменение характера альбомных записей в начале XX столетия может трактоваться как вызов системе традиционного мировоззрения и наступление на ценности патриархального общества.

Н.В. Середа

Тверь, Тверской государственный университет

И ВОТ У ЖЕНЩИНЫ ПОЯВИЛОСЬ ИМЯ…

В архивохранилищах Тверской области сохранилось несколько текстов дневниково–мемуарного жанра, созданных в среде купечества. Недавно были опубликованы наиболее значительные из числа тех, где начало записей относится к концу XVIII – первой половине XIX в.[169]

Воспроизводство гендерных отношений поддерживается социальными институтами и культурными традициями. Изменения в системе этих

---

[167] ГЦТМ. Ф. 180. Оп.1. Д. 574. Л. 3. Альбом В.В. Бороздиной и В.П. Музиль–Бороздиной (1851–1897).
[168] Салон. Как и где веселится Петербург. Пикантный салонный сборник избранных мелодичных модных арий из оперетт, а также стихотворений, шуток и острот. СПб., 1908.
[169] Тверское купечество // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII–первой половины XIX в. М., 2007. С. 215–440.

отношений связаны с переменами в религиозных представлениях, в производственных отношениях, в системе права. Обладая на каждом из этапов истории некими общими чертами, характер гендерных отношений имел специфику в каждой семье, и она нашла отражение в источниках личного происхождения, в том числе на страницах купеческих дневников и мемуаров. Отражение этой специфики видно из частоты упоминаний женских и мужских имен на страницах этих источников, из характера сведений, касающихся мужчин и женщин, и даже из лингвистических особенностей записей, связанных с фиксацией брачных отношений и деторождением.

Цель данной статьи – проследить на основе текста купеческой семейной хроники изменения в представлениях Иова Блинова и его потомков о взаимоотношении полов, о роли мужчин и женщин в семье и обществе.

Самая ранняя из записей, отражающих частную жизнь семьи Блиновых, датирована 1772 г. и фиксирует факт женитьбы Иова – основного автора хроники. В ней сообщается следующее: «1772 году ноября 11 дня Иов Блинов женился. А женился 20 лет. Сын родился Иван 1773 году …», – как видим, имя жены Иова и матери его сына остается неизвестным. Точно в таком же ключе выстроена через 18 лет запись о женитьбе сына Ивана, а затем и о женитьбе второго сына – Петра. Хроника Блиновых зафиксировала рождение у Иова только двух сыновей.

Женское имя впервые появляется в хронике Блиновых в горестном контексте. «1796 года, ноября 21 дня у Петра Блинова родилась дочь. Житя ее было 40 ден», – сообщает Иов. Сообщает он и имя девочки, умершей в младенчестве. Что касается жизни взрослых женщин семейства, то их имена становятся известными читателю из записей на рубеже XVIII – XIX вв. в связи с их упокоением.

В 1812 г. умерла Анна Архиповна и собственно только из записи о смерти становится известным имя женщины, которая почти 40 лет жила с Иовом бок о бок, растила, воспитывала и, вероятно, даже обучала своих детей грамоте.

И эта неординарная по меркам времени женщина лишь единожды, в связи со смертью, упомянута по имени и отчеству. Из записи о ней известно лишь следующее: «1812–го года майя с 10 на 11 число в 3–м часу по полуночи преставилась раба божия Анна Архиповна, жена тверскова купца Иова Карпова сына Блинова от рождения на 60–м году; в супружестве жила 39 лет и шесть месяцев». Девичья фамилия Анны так и остается неизвестной, в дневнике Блиновых на сегодняшний день не удалось вычленить хотя бы косвенных убедительных данных на это счет. Аналогичным образом построена запись о смерти жены второго сына – Петра: «1819–го года апреля 29 дня преставися раба божия Надежда Михайловна, жена тверского купецкого сына Петра Иовлевича Блинова. В замужестве жила 23 года 6 месяцев и 19 дней». Что касается жены старшего сына Ивана, то записав дату и причину смерти, время, в течение которого она прожила его невесткой, Иов так и не назвал нам даже ее имени.

Фиксируя факт смерти своей матери в 1797 г., Иов обращает внимание на другие детали: «Преставися раба божия тверского купца Карпа Кононова сына Блинова жена Параскева Петрова. Жила в девичьем монастыре 8 лет и 5 месяцев, 20 дней. А всего жития ея было 71 год. Погребена в Рождественском девичьем монастыре».

Среди записей 1819 г. есть также сообщение о свадьбе внука – Арсения Петровича. Однако же и Иов не избежал влияния времени, и в этом же году, сообщая о втором браке Петра, после смерти Надежды Михайловны, он зафиксировал в дневнике имя невесты и даже некоторые подробности ее биографии. «1810–го года декабря 24–го дня зговор был Петра Иевлева – второй брак на вдове Ксении Ивановой дочери Куровой. А по первом муже Крупиниковой; жила с первым мужем 4 года», – сообщает Иов. Молодая жена Петра почти ежегодно рожала, и практически все дети от этого брака, в отличие от первого,

выжили. Иов тщательно фиксирует факты рождения и девочек и мальчиков, сообщая дату рождения и имена и пол новорожденных, а также имя их отца.

После смерти Петра (1835 г.) следующие 13 лет полновластной хозяйкой дома была его вдова, Ксения (Оксинья) Ивановна. Дневник, вероятно, перешел ей в наследство вместе с недвижимостью. Именно она после смерти мужа являлась основным его автором[170] и изменила концепцию его ведения[171]. Введенные ею новшества еще больше, чем предшествующие изменения в содержании отдельных записей, свидетельствуют о процессе эмансипации женщин в России. Если раньше из записей дневника невозможно было узнать, из какой семьи была женщина, взятая в жены кем–либо из Блиновых, то после 1835 г. жизнь родственников Ксении – семейства Куровых – является почти столь же равноправным предметом описания, как и жизнь потомков Иова Блинова. Одной из первых записей, сделанных Ксений явилась запись о смерти отца, она имеет явно ретроспективный характер: «1814–го года преставился батюшка Иван Иванов Куров», – пишет Ксения. Несомненно, что запись не могла быть сделана в 1814 г., так как брак между Петром и Ксенией заключен в 1819 г.

Ксения умерла в 1848 г., после этого дневник вели и ее дети, в основном дочь Мария, и потомки Петра от первого брака. Авторами части из них, по всей вероятности, являются женщины. Предметом их внимания являются в равной мере как мужчины, так и женщины семейства Блиновых, а также мужчины из семейства Куровых. Исчезает трафаретность, записи становятся более эмоциональными, наполняются деталями чисто житейского свойства.

---

[170] Середа Н.В. Дневниковая традиция купеческих семей Тверского края // Традиции династий Верхневолжья. Тверь., 2004. С. 207.
[171] Середа Н.В. Дневник купцов Блиновых и его авторы // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 256–277.

Если не равноправие полов, то повышение статуса женщины отчетливо прослеживается в записях хроники Блиновых за вторую половину XIX в. Одна из дочерей Якима – Елизавета – вышла замуж в 1851 г., и запись о ее замужестве ярко свидетельствует об изменении в понимании гендерных проблем мужчинами рода Блиновых. В 1851 г. кто–то из мужчин семейства Блиновых, скорее всего, Арсений Петрович, пишет: «у брата Якима Петрова отдавал дочь замуж, Елизавету Якимовну. Был сговор октября 22–го числа, а свадьба – ноября 11–го дня. Отроду лет 21 год». Как видим, для автора важен факт замужества Елизаветы и даже не указано, за кого Елизавета вышла замуж. Изменения в отношениях к женщине видны и в том, что теперь в сообщениях о рождении детей делается акцент на роли женщин в детородном процессе: «родилась дочь Палагия у Елизаветы Боговой», – сообщает дневник Блиновых. Только благодаря этой записи мы узнаем, что Елизавета вышла замуж за Богова, но важнее другое: отмечается факт появления ребенка у женщины, а не у ее мужа.

В.В. Устюгова

Пермь, Пермский государственный университет

ПЕРВОЕ КИНО В ПРОВИНЦИИ – МЕЖДУ МАССОВЫМ И КАМЕРНЫМ: СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ К РЕАЛИЯМ XX ВЕКА

В данной работе предполагается рассмотреть появление кинематографа в губернской столице Пермь и то влияние, которое он оказал на жизнь горожан. Первое кино жители Перми увидели в конце XIX века. Благодаря строящемуся Великому Сибирскому железнодорожному тракту, в городах Урала и Сибири синематограф появился в тот же год, что и в европейских столицах. Осенью 1896 г. на страницах губернской печати были напечатаны первые афиши, предлагавшие посетить киносеансы в частном доме предпринимателя С. Ковальского.

Гастроли передвижных синематографов, столичных цирков и театральных трупп с новомодным репертуаром оказались ожидаемыми событиями в культуре Перми, заполнив собой необходимую нишу в системе его развлечений и повседневной жизни. Они нашли заинтересованного зрителя среди обывателей среднего достатка и «класса» мастеровых, которых было особенно много в заводской столице. На цирковых аренах проводились чемпионаты по атлетике и борьбе, которые вызывали страстный интерес горожан, особенно если в состязаниях принимали участие местные силачи–любители, например, грузчики с пароходов и пр. Цирки привлекали дамскую публику и не только рекламными трюками «дамы бесплатно», но и демонстрацией модных танцев, романтических пантомим, конными номерами с участием элегантных наездниц. В театрах, садах и на эстрадных площадках устраивались дивертисменты, выступали гастролирующие артисты.

Кино в провинциальной Перми показывали в передвижных цирках, деревянных балаганчиках, музеях–паноптикумах. Избранная публика могла видеть синематограф в Городском театре, в Благородном и Общественном собраниях. На Рождество и Пасху там демонстрировали «Настоящего Люмьера».

Первый специальный электро–театр был построен в Перми в 1907 г. и назвался «Одеон». Возможно, это название выбрали по аналогии с американскими никель–одеонами, за просмотр в которых необходимо было платить мелкую монетку – никель. С этих пор электро–театры в Перми начали расти как грибы, называясь – «Аполло», «Иллюзион», «Аквариум». Так называлось большинство кинематографов в столицах и по всей провинциальной России.

Появление новых видов отдыха и развлечений спровоцировало радикальные перемены в структуре городского культурного пространства. Для новых зрелищ создавались специальные площадки. Открывались летние сады и фотографические ателье, строились деревянные цирки. Многие Торговые Дома

обустраивали для своих магазинов здания в стиле ар нуво и использовали современные строительные конструкции. Первые респектабельные электро–театры в Перми, например, «Триумф», открывшийся в 1910 г., строились с использованием железобетонных конструкций и оформлялись в стиле модерн. Некоторые получили название «Модерн»; города украшалось витринами и афишами с характерными для этого стиля виньетками.

Между тем нужно заметить, что большинство провинциальных электро–театров, как прежде балаганных аттракционов, оборудовалось в деревянных, неблагоустроенных помещениях, со скамейками в залах, при отсутствии норм пожарной и гигиенической безопасности.

Исследование повседневности этих кинематографов позволит выявить различные условия жизни горожанина и в то же время интеграционные процессы, происходившие тогда. Как лакмусовая бумажка, новые театры проявят значимые социальные перемены и просто факты городской жизни. В проекции иллюзионов, как некогда на мигающем экране, вспыхивают картины живой действительности (с улицами, пешеходами, магазинами, извозчиками, пр.). Тем более, что хронику снимали в провинциальной Перми, также как делали местные сюжеты в других городах и местностях.

В электро–театрах шли те же фильмы, что в Париже и Мехико. И это были не только примитивные комические и пикантные сюжеты, Мордашкины и Глупышкины. Без преувеличения самым любимым зрелищем горожан начала века являлись видовые картины. Снятые в больших городах и самых экзотических уголках планеты, они были интересны детям и взрослым, мужчинам и женщинам, они знакомили городского обывателя со стремительно меняющимся окружающим миром. «Грандиозная охота на бегемотов в Верхнем Ниле», «Гонка пирог в Индо–Китае», «По железной дороге на ледяные горы». Картины расширяли кругозор, были настоящим «окном» в мир для людей начала века.

Со временем появились научные картины и актуальная хроника. Медицина, астрономия, развитие науки в целом особенно интересовали публику в те годы, но самым пристальным вниманием 1910–х пользовалась авиация или воздухоплавание, как тогда говорили. «Авиационная неделя в Петербурге, в присутствии Государя Императора» и «Московские бега 31 января 1910 года, победа знаменитого «Крепыша» чередовались на экранах с демонстрацией европейских мод.

Бурное развитие массовой культуры стало одним из явлений нового века, и открывающиеся синематографы, цирки, летние сады, кафе–шантаны превращались в средоточия городской жизни. Кинематограф в самых своих различных жанрах доносил до обывателей реалии нового столетия – от знакомства с событиями военной хроники до увлечения спортом, от новинок науки и техники до современных дамских мод, выступая, таким образом, одним из факторов формирования жизненного мира человека своего времени. Новые увлечения горожан, с одной стороны, адаптировали публику к происходящим переменам, а с другой стороны, по законам распространения массовой культуры, выполняли компенсаторные функции.

А.В. Кривоконь

Краснодар, Краснодарский ГУ культуры и искусств

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОЙ ГОРОЖАНКИ РУБЕЖА XIX – XX вв.

Антропологический поворот в исторической науке, произошедший в середине XX в., актуализировал такое направление, как история повседневности, в рамках которой стала активно развиваться история потребления. В докладе делается попытка рассмотреть современное состояние и перспективы изучения потребительских практик российской горожанки на рубеже XIX – XX вв.

Изучение потребительских практик населения в отечественной историографии обычно ограничивается продовольственными товарами. На

исследовании потребления промышленных товаров российскими горожанами сфокусирован ряд работ зарубежных ученых, например, статьи К. Руан[172] и С. Смита в соавторстве с К. Келли[173]. Профессор факультета истории американского университета К. Руан, специализирующаяся на истории моды в дореволюционной России, считает, что исследование проблемы российского консюмеризма долго игнорировалось западной и советской наукой. Одна из существенных сторон повседневной жизни – покупка и продажа товаров, – прошла для исследователей незамеченной. Она анализирует культурные значения, приписываемые покупке одежды, и полагает, что накануне Первой мировой войны российская культура потребления была определена тремя логически построенными противоположностями: мужчина / женщина, западный / российский и городской / сельский.

Интересны выводы К. Руан о гендерных различиях в отношении к покупке одежды. Для российских мужчин выбор одежды был прост. Большинство военных и государственных служащих носили униформу. Мужчины не на правительственной службе носили костюм, нуждались в верхней и праздничной одежде для театра и других подобных случаев. Женщины же меняли наряды несколько раз в течение дня, имея разный гардероб на каждый сезон.

Для российских модниц посещение магазина одежды было связано не только с собственно актом покупки, но и с возможностью посплетничать и похвастаться своим нарядом. Поскольку все большее число женщин принимало участие в этом «ритуале», то последний стал определяться как «женское» занятие.

---

[172] Ruane C. Clothes Shopping in Imperial Russia: The Development of a Consumer Culture // Journal of Social History. 1995. Vol. 28. P. 765–782.

[173] Smith S., Kelly C. Commercial Culture and Consumerism // Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881–1940 / Edited by C. Kelly and D. Shepherd. Oxford, 1998. P. 106–164.

Связывая появление потребительского общества в России с отменой крепостного права, историки считают местом зарождения консюмеризма города, в которые хлынула волна мигрантов из деревни. В работе дана характеристика переселенцев и их занятости в городе, описан средний тип переселенца–мужчины (21—22 года, женат, немного более образован, чем его деревенские товарищи) и переселенки–женщины (одинока, безграмотна). Мотивом миграции названа возможность поднять свой жизненный уровень и возвести потребительские модели на одну ступень с потребительскими моделями городского населения[174].

Причину роста городов С. Смит и К. Келли видят в развитии коммерции, а не крупномасштабной промышленности. Наряду с традиционной розничной уличной торговлей в конце XIX в. появляются магазины нового типа (в том числе универмаги), которые формировали идентичность растущего городского населения, его стиль и вкус. Буржуазия училась одеваться, обставлять свои дома, тратить свободное время. Представители низших слоев общества могли учиться повседневной моде, критериям вкуса, стандартам «респектабельности» и «комфорта» только в том случае, если сами работали в этих магазинах[175].

Одежда, по мнению авторов, являлась коммуникативным устройством, через которое действовала и изменялась социальная идентичность. Влияние города освободило одежду от власти традиций и обычаев деревни и подчинило ее силам рынка. Мигранты из провинции также попадали под влияние моды. Вкус женщин–рабочих находился под влиянием фасонов, выставленных в витринах универмагов и изображенных на страницах женских журналов. Те из них, кто был одинок, тратили больше денег на одежду, чем одинокие мужчины. Но и мужчины–рабочие не были равнодушны к своему

[174] Smith S., Kelly C. Commercial Culture and Consumerism. P. 107—108.
[175] Ibid. P. 108—111.

внешнему виду. Несмотря на крайне ограниченную покупательскую способность среднего рабочего, мужчины старались при появлении на публике выглядеть нарядно, что было необходимо для утверждения чувства собственного достоинства и завоевания уважения[176].

Серьезной проблемой является ограниченность источниковой базы. Женские эгодокументы сохранились слабо. В художественных и публицистических произведениях актуализировалась в основном казачья тематика. Основными источниками служат периодическая печать и справочные издания. Для Кубанской области главным справочным изданием является «Кубанский календарь», который выходил ежегодно с 1898 по 1916 г. На его страницах можно найти не только списки магазинов с указанием адреса и имени владельца, но и рекламные объявления, большинство из которых посвящено именно магазинам одежды, обуви и аксессуаров. Все эти объявления относятся к местным магазинам. Главная же региональная газета «Кубанские областные ведомости» в основном содержала рекламу парфюмерно–косметической продукции, которую нужно было заказывать из Москвы или Санкт–Петербурга. Для ознакомления с товаром столичные фирмы рассылали бесплатные прейскуранты. Журналы мод также выписывалась из Санкт–Петербурга. Провинциальные модно–галантерейные, мануфактурные магазины выкладывали на прилавки в основном привозные товары, ассортимент которых был существенно меньше, чем в столицах. Рекламные объявления также могут рассказать о цене товаров, ассортименте, специализации магазинов (мужской/женский) и т.д.

О.А. Николаенко

Харьков, Харьковский национальный автомобильно–дорожный университет

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ПОЛЬСКИХ ЖЕНЩИН В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.:

[176] Ibid. P. 111–112.

Частная жизнь – понятие многогранное, включающее в себя как эмоциональные отношения и внутренний мир личности, так и его внешние проявления в пространстве, закрытом от посторонних глаз – в семье, доме[177]. Приватная сфера, по верному замечанию Н.Л. Пушкаревой, – место перетекания внутренних интенций индивида и внешних факторов, влияющих на него установок, правил, социальных институтов и др. В центре внимания данной статьи – вопросы определения понятия частной жизни в среде поляков, проживавших в украинских губерниях Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Польская общность занимает значительное место в истории Украины. Поляки, крупнейшая этническая группа в Правобережной Украине, до середины XIX ст. были привилегированным сообществом. После поражения восстания 1863—1864 гг. царизм различными способами стремился подавить влияние польских землевладельцев и дворян – административными преследованиями, экономическими притеснениями, ограничениями в сфере культуры и образования.

Важнейшим последствием такой политики стало сосредоточение общественной жизни поляков на внутренних вопросах имения, предприятия, «замкнутость» на приватной жизни[178]. Такая переориентация произошла во многом из–за репрессивной политики властей, стремившихся создать ситуацию «паноптикума», когда каждое действие могло быть видимо и

[177] Пушкарева Н.Л. «История частной жизни» и «история повседневности»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. 2004. М., 2005. С. 93—113.
[178] Siekierski St. Kultura szlachty polskiej w łatach 1864—2001. Pultusk, 2003. S. 160—163; Ustrzycki M. Ziemianie polscy na kresach 1864—1914. Swiat wartości i postaw. Kraków, 2006. S. 25—31.

контролируемо, а человек постоянно ощущал на себе взгляд[179]. В данном случае семья, дом, замкнутый круг близких знакомых становился средой, в которой протекала общественная жизнь человека.

Предназначение семьи в «сохранении польскости» приводило к потере статуса ее приватности и к изменению функций ее членов. «Предназначением» польской дворянки стало не только содержание дома, организация светских мероприятий, но и воспитание патриотизма в детях, привитие им чувств национального долга[180].

Чем же была наполнена частная жизнь полячек? В монографии И. Доманской–Кубиак описаны обычные повседневные хлопоты женщин – составление меню на день, организация учебы и воспитания детей, проведение с ними свободного времени, хлопоты по обустройству дома и подержание его чистоты, руководство работой нескольких лиц прислуги, отправка корреспонденций родственникам и знакомым[181]. За всеми этими обычными делами протекали дни, прерывавшиеся праздничными хлопотами, или же выездом семьи в город, к родственникам, или же приемом гостей у себя в имении и т.п. Несомненно, что существовала и своя временная организация времени. Так, в летнее время у женщин было больше хлопот, связанных с организацией отдыха, расширением пространства, требующего ухода – сад, цветники и т.п.[182] Во многих нарративах авторы упоминают о любимых занятиях своих матерей – игре на музыкальных инструментах,

---

[179] Данная технология описана М. Фуко, и может быть применена в данном случае.
[180] Ніколаєнко О. Жіноча освіта в середовищі польського населення Південно–західних губерній Російської імперії в 60–х рр. XIX – початку XX ст. // «Історичний архів». 2008. В. 2. С. 138—146.
[181] Domańska–Kubiak I. Zakątek pamieci. życie w XIX–wiecznych dworkach kresowych. Warszawa, 2004. S. 56—58.
[182] Sikorska–Kulesza J. Miedzy nadmiarem i niedostatkiem. Uwagi o czasie wolnym ziemianstwa w XIX wieku. // Kobieta I kultura czasu wolnego. Zbior studoow pod redakcja A. Zarnowskiej i A. Szwarca. Warszawa, 2001. S. 63—86.

заботе о цветах или газонах, чтении книг[183]. Это означает, что духовная близость в семье, несмотря на посредническую роль в воспитании детей нянь и гувернанток, была значительной. Кроме того, такие занятия влияли на ценностные ориентации детей.

Польская исследовательница М. Вежбицкая считает, что свободное время богатые женщины зачастую не знали, как занять. Не существовало определенной культуры свободного времени, позволявшей женщинам творчески себя реализовывать[184].

Однако остается вопрос, насколько польская семья была приватным пространством, а ее жизнь и обустройство зависящим только от личных убеждений человека. Главенствующей социальной ролью женщины считалась роль матери. Матери были ответственны за национальное и религиозное воспитание[185]. Именно в семье происходила первичная социализация ребенка.

Кроме того, жизнь в имении была «на виду» и включала не только членов семьи, но и резидентов – пожилых родственников, прислугу, няней и воспитателей детей. Если взрослые четко осознавали различие статусов и ограничивали свое приватное пространство, то дети включали в свой мир местных крестьян, прислугу. В мемуарах часто описаны сцены доверительных отношений, когда слуги или няни становились близкими для детей[186].

---

183 Dyakowska J. Wspomnienia // Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15375. S. 9; Krasińska E. Wspomnienia // Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 14114. S. 38.

184 Wierzbicka M. W poszukiwaniu drogi do samorealizacji: praca czy czas wolny?// Kobieta I kultura czasu wolnego. Zbior studiow pod redakcja A. Zarnowskiej i A. Szwarca. Warszawa, 2001. S. 110.

185 См. Николаенко О. Материнство в среде поляков украинских губерний Российской империи в конце XIX—начале XX вв.// Гендер и проблемы коммуникативного поведения. Сборник материалов четвертой международной научной конференции. Новополоцк, 2010. С. 89—93.

186 Pruszyńska A. Między Bohem a Słucza. Wrocław, 1991. S. 72.

Круг родственников и знакомых, который стал для поляков заменителем дворянских собраний и уездных комиссий, собирался на различные праздники и светские мероприятия – проведение охоты, местные балы и т.п. Женщины занимали важное место в организации совместного времяпровождения. Кроме подготовки дома, мебели, белья, меню для приезжающих, они принимали участие в составлении расписания свободного времени. Беседы, вечерние чаепития и театральные представления, так называемые «живые картинки», были для женщин возможностью проявить свою творческую энергию[187].

Одними из самых ярких воспоминаний в нарративах поляков выступают совместные встречи на Киевских контрактах – ежегодных встречах в Киеве, во время которых заключались деловые сделки, а город на месяц превращался в центр польской культурной жизни. В то время как мужчины вели деловые переговоры, женщины использовали возможность побывать у знакомых и родственников, посетить столичные магазины, заехать к модным шляпницам и швеям. Вечером осуществлялись неофициальные встречи с танцами и концертами, которые занимали важное место в общественной жизни.

Во время этих встреч молодые люди имели возможность завязать знакомства, получали покровительство богатых дальних родственников, которые влияли на их дальнейшую жизнь. Одним из существенных механизмов влияния были рекомендации. Интересно, что кроме рекомендаций профессионального характера, которые были значимы для трудоустройства, молодые люди также имели брачные рекомендации[188].

Неформальные женские встречи, носящие приватный характер, важны для осознания предпосылок зарождения женского движения. Только богатые поляки могли себе позволить ежегодно выезжать в Киев или Варшаву.

---

[187] Rodowicz W., Rodowiczowa S., z Rodowiczow Iwanicka, Z. Tryptyk rodzinny. Dzieje rodziny Rodowiczów. Warszawa, 1999. S. 116.
[188] Kraj. 1890. № 4.

Землевладельцы и предприниматели средней руки намного чаще выезжали в уездные города – Житомир, Умань, Елисаветград и т.п. З. Подгорский, оставивший свои воспоминания о детстве, проведенном в украинских губерниях, писал, что во время таких приездов отец шел в местный мужской клуб, а мать – на дружественные встречи[189]. Другая мемуаристка, А. Чаман–Павловская, приехавшая в Умань учительствовать, писала о том, что полячки в городе собирались для проведения благотворительной деятельности или же для занятий литературным творчеством[190]. Таким образом, женские встречи носили не только частный характер, а были предпосылками для включения женщин в общественную деятельность. Разграничить в данном случае приватное и общественное социальное пространство тяжело, однако их взаимовлияние несомненно.

Значение приватной сферы в жизни польского населения возрастало, что было обусловлено неблагоприятными общественно–политическими условиями. Частная жизнь польских женщин во многом зависела от общественных ценностей – религиозных, национальных, а также от традиционного гендерного уклада. Сужение общественного пространства до небольшого числа близких людей формировало «пограничную территорию» частной и публичной жизни. Именно в этом пространстве рождаются и совершаются публичные акции и общественные действия, ставшие прототипом для создания польских женских организаций в начале XX в.

К.В. Сак

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

ПО РАСЧЕТУ ИЛИ ПО ЛЮБВИ: КАК ЖЕНИЛСЯ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ?

[189] Wspomnienia generala Z. Podhorskiego // Pamiętnik Kijowski. T.4. Londyn, 1966. S. 39—88.
[190] Czaman–Pawlowska A. Poklon twojemu szczesciu // Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15424/II. S. 36.

Права и обязанности членов Императорской фамилии были строго регламентированы законом. После бурной эпохи Дворцовых переворотов Павел I в 1797 г. издал «Учреждение об императорской фамилии», которое должно было гарантировать наследование престола по определенному порядку. В 1832 г. его сын, император Николай I, включил «Учреждение» в Свод законов Российской империи. Отдельная глава в этом законе была посвящена брачным отношениям. Для великих князей существовало главное условие вступления в брак – согласие императора[191]. Морганатические браки допускались лишь с позволения монарха и были крайне нежелательными. Дети в таких семьях теряли право на престол и другие привилегии[192]. Как это точно выразил государственный секретарь А.А. Половцов в разговоре с великим князем Владимиром Александровичем, «под Вами стоят сто миллионов дикарей, которые должны быть убеждены, что Вы сделаны из другого, чем они, теста; если они утратят это убеждение /.../ то они потеряют всякое к Вам уважение»[193].

Однако личный выбор членов Династии порой было сложно вписать в рамки жестких правил. Уже в 1820 г. великий князь Константин Павлович, с разрешения императора Александра I и вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, женился на польской графине Жаннетте Антоновне Грудзинской. Великая княгиня Мария Николаевна, вдова герцога Максимилиана Лейхтенбергского, втайне от отца обвенчалась с графом Григорием Александровичем Строгановым. И, наконец, в 1880 г. император Александр II, после смерти императрицы Марии Александровны, сочетался законным браком с княгиней Екатериной Михайловной Долгорукой.

---

[191] Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 1—3. СПб., 1912. С. 13.
[192] Там же. С. 14.
[193] Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря. Т. 2. М., 2005. С. 74.

Великий князь Константин Константинович родился в 1858 г. в семье великого князя Константина Николаевича, известного государственного деятеля и ближайшего помощника Александра II в проведении Великих реформ, и великой княгини Александры Иосифовны. Семейная жизнь родителей не была благополучной: через несколько лет после свадьбы отец семейства создал вторую семью с балериной Мариинского театра Анной Васильевной Кузнецовой. Младший Константин болезненно переживал неверность отца, так как трепетно и нежно любил свою мать. В его дневнике часто встречаются записи, в которых он осуждает поведение Константина Николаевича: «Мне противно видеть, как он увлекается всякой юбкой и разглядывает красивых женщин. Я его сравниваю с собою: я стараюсь бороться со своими дурными наклонностями, а он без всякой борьбы всецело им отдается, и я никогда не мог заметить в нем ни малейшего смущения, сожаления, раскаяния»[194].

Свою же семейную жизнь Константин Константинович представлял совершенно иначе и видел ее «в розовом цвете». В 20 лет он влюбился в двоюродную сестру Елену Григорьевну, дочь великой княгини Марии Николаевны и ее второго, морганатического, мужа. Любовь великого князя была «чистая и непорочная, далекая от какой–либо греховной мысли и страсти»[195], а на свою возлюбленную он смотрел «как на существо, близкое к совершенству». 22 октября 1881 г. он записал в дневнике: «Сегодня три года с тех пор, как я узнал, что значит любить. У нас был заветный разговор за чайным столиком с Еленой; нас не слышали; не помню, о чем мы тогда говорили, но помню, что мне было очень хорошо, и я как будто открыл Америку»[196]. Несмотря на сильное и глубокое чувство, Константин Константинович отдавал себе отчет в том, что его мечте не суждено воплотиться.

---

[194] ГА РФ. Ф. 660 великого князя Константина Константиновича. Оп. 1. Д. 22. Л. 9.
[195] Там же. Д. 16. Л. 4.
[196] Там же. Д. 18. Л. 37—37 об.

В 1880 г. Елена Григорьевна вышла замуж за графа Владимира Алексеевича Шереметева. Уже в сентябре 1881 г., во время учебного плавания по Средиземному морю, Константин Константинович познакомился с одной из дочерей князя Черногории Николая I Петровича. Тут же он принимает решение на ней жениться. Но и здесь влюбленного ждала неудача: «Вчера я долго не мог заснуть, — пишет он 26–го числа, — вертелись стихи в голове, и казалось, что я влюбился в дочь князя Черногории, хочу сделать предложение, а тут являются затруднения со стороны Мама: une mesaillance и т.д.»[197].

Константин Константинович изменил свое отношение к женитьбе на более серьезное и ответственное после исповеди, которая состоялась 24 апреле 1882 г. В тот день он записал в дневнике: «Я чувствую себя вновь свободным от греха, готовым к новой жизни, ободренным советом брака, в котором слышал голос с небес»[198]. Брак для него, как человека глубоко верующего, был путем к духовному спасению. Уже летом того же года, находясь проездом в Альтенбурге, Константин Константинович знакомится со своей будущей женой, немецкой принцессой Елизаветой Саксен–Альтенбургской. Однако его влюбленность длилась недолго, и бурный восторг первой встречи вскоре сменился тяжелыми сомнениями. Великий князь заказывает у ювелира первый подарок для будущей невесты — браслет, и задает себе вопрос: «Достанется ли он Елисавете или кому другому?». Вечером того же дня на спиритическом сеансе он спрашивает у стола, «удастся ли сватанье к Елисавете», на что стол отвечает: «Еще рано»[199]. Затем он молится, чтобы Господь открыл ему, действительно ли он любит свою избранницу или это «проходящая мечта». Со временем он начинает замечать ряд мистических

[197] ГА РФ. Ф. 660. Д. 18. Л. 24.
[198] Там же. Д. 19. Л. 3.
[199] Там же. Л. 78.

совпадений. Так, кончина св. Глеба Страстотерпца, к которому у великого князя была особая привязанность, приходилась на день св. Елизаветы, 5 сентября. Это так поразило великого князя, что он дал слово в случае женитьбы на Елизавете пожертвовать лампаду к раке св. Глеба. «Странно, — продолжает он, — мне всегда хотелось назвать сына Глебом»[200].

Несмотря на гнетущие мысли, в апреле 1884 г. Константин и Елизавета отправились в Петербург. По дороге между ними произошел тяжелый разговор, отразивший глубокое расхождение будущих супругов в вопросе веры. Елизавета была протестанткой и категорически отказалась исполнять обряды православной церкви. В ужасе жених записал в дневнике, что его невеста «наотрез отказалась прикладываться ко кресту и иконам и исполнять наши обряды /.../ она не соглашалась с моими доводами, что нельзя оскорблять чувства целого народа, не исполняя его требований и не почитая то, что ему свято и дорого /.../ мне было больно, так больно, что я не знал, куда деваться от тоски, и обращался с молитвой к Богу»[201]. На следующий день на платформе в Петербурге жениха и невесту встречало семейство и свита. Выбором Константина Константиновича все остались довольны, «на всех Елисавета произвела прелестное впечатление»[202]. Но едва ли великий князь разделял общую радость. Накануне свадьбы он записал: «Нехорошо было на душе у меня: и больно, и горько, и скучно. Я бы убежал, если бы можно было. Теперь моя холостая жизнь представлялась мне такою светлой, веселой и счастливой, а прежде я ею не дорожил»[203]. Неслучайно, что обряду бракосочетания, состоявшемуся 15 апреля 1884 г., великий князь уделил в своем дневнике сравнительно немного места. Сомнения терзали Константина Константиновича еще не один месяц после

---

[200] ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 21. Л. 48 об.
[201] Там же. Д. 24. Л. 35 об. – 36.
[202] Там же. 36 об.
[203] Там же. Л. 41.

свадьбы. По–настоящему сблизила супругов первая беременность великой княгини Елизаветы Маврикиевны.

Таким образом, в выборе невесты великий князь руководствовался, прежде всего, законом и интересами Династии. Следуя укрепившейся традиции, он выбрал себе невесту из немецких принцесс. Чувства при выборе супруги оказались для него вторичными по отношению к долгу, который лежал на членах Императорского дома.

С.В. Кольчугина

Пенза, Пензенская государственная технологическая академия

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУПЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX—НАЧАЛА XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Важнейшей характеристикой провинциального быта купеческой семьи являлась патриархальность. Данное обстоятельство было обусловлено спецификой правового положения купечества, а также особенностями осуществления предпринимательской деятельности в данной среде.

В торгово–промышленной деятельности все члены семейства выступали только как доверенные лица начальника капитала. После смерти отца сыновья могли оставаться в одном деле, в обратном случае каждый из них должен был объявить собственный капитал. Выходец из пензенской купеческой семьи А.П. Кузнецов в своих мемуарах писал, что «…три брата после смерти отца жили некоторое время вместе, несмотря на то, что были уже все многосемейные, и имели общую неразделенную торговлю. Раздел же между братьями произошёл не из каких–либо распрей и недовольства, а лишь в силу того, что всем вместе жить стало тесно и дело торговое после

Крымской кампании и особенно после эмансипации 1861 года быстро росло и крепло»[204].

Концентрация капитала в немалой степени способствовала успешному ведению бизнеса, поэтому многие купеческие патриархи не спешили предоставлять своим детям самостоятельность. Дочери оставались в семейном капитале до замужества. А многие мужчины вполне зрелого возраста, даже вступившие в брак, числились «купеческими сыновьями», а не купцами. Так, по воспоминаниям современника, «старший сын симбирского купца Зеленкова был уже женатым и имел маленьких детей, но отец не отделял его от себя, заставлял жить в одной квартире с собой…»[205].

Воспитание детей – и сыновей, и дочерей – основывалось на принципах веры и религии. «Вся семья должна была ходить ко всенощным и обедням в праздники и воскресные дни. Уклонения от этих обязанностей допускались лишь в редких и исключительных случаях: болезни или экстренного, не терпящего отлагательства дела». «Религия – это первое дело русского купечества. Никогда хозяин не выйдет из дому за своими делами, не помолившись Богу»[206].

При этом нередко религиозность, особенно в отношении молодого поколения, носила лишь формальный характер. Так, С.И. Зеленков «не только требовал от детей, чтобы они ходили в церковь, но и проверял их. Обычно он посещал церковь Вознесения и стоял там обедню до конца каждый праздник. Дети ловко приспособились к нему. Когда отец проходил мимо них (он всегда стоял впереди, на почётном месте, которое предоставлялось только именитым купцам), они вставали так, чтобы он их заметил, а затем уходили гулять или к знакомым в гости, где находились во

[204] Кузнецов А.П. Моя родословная. Неоконченные воспоминания // Земство. 1995. № 3. С. 69.
[205] ГАУО. Ф. Р—4061. Оп. 1. Д. 313. Л. 92.
[206] Моя малая Родина. Вып. 6. Степановка. Пенза, 2009. С. 179.

время церковной службы. А яркой иллюстрацией торговых нравов и обычаев могут послужить воспоминания представителя симбирской купеческой семьи А.В. Ястребова: «Как ни строг, ни бдителен был хозяин, а все–таки приказчик всегда умел урвать из его богатства малую толику. И что всего удивительнее, так это то, что купцы все хорошо знали, что приказчики у них воруют, но считали это в порядке вещей: сами они прошли такую же школу». Недаром в те времена была поговорка: «Приказчик, грош в ящик, а пятак за сапог». Так, «у купца Н.С. Зеленкова был старший приказчик Соловьев, который в отсутствие хозяина распоряжался в магазине. Однажды в магазин был принят на работу молодой парень, и он скоро стал приказчиком. Как–то раз он заметил, что Соловьев взял из кассы магазина пачку денег и положил себе в карман. Это сильно взволновало парня, так как когда недосдача денег при подсчете будет обнаружена, в этом обвинят, конечно, не старшего приказчика, которого хозяин знает много лет, а его, молодого, которого хозяин еще не знает как следует. Взволнованный парень прибежал в кабинет хозяина и рассказал ему о случившемся. Зеленков сказал: «Я давно это знаю. Соловьев – человек многосемейный и очень нуждающийся, так что деньги ему нужны. Но он человек весьма аккуратный, так что лишнего не возьмет»[207].

Досуг купечества в середине XIX в. ограничивался рамками семьи и был достаточно традиционным. Хождение в гости и приглашение гостей были одной из самых распространённых форм времяпрепровождения. Также следует отметить, что в конце XIX столетия «в жизни купечества, несомненно, наступил перелом. В этот период в городах исчезли купеческие типы вроде Кабанихи и Дикого, за весьма редким исключением. Культура начинает просачиваться в этот мир, и уже не было тогда купчих, которые считали паровоз огненным змеем и

[207]ГАУО. Ф. Р—4061. Оп. 1. Д. 313. Л. 93.

слепо верили глупым рассказом странниц и приживалок»[208]. В повседневный досуг купечества рубежа XIX–XX вв. прочно входит чтение. Так, А.П. Кузнецов описывает времяпрепровождение своих ближайших родственниц следующим образом: «Бабушка моя Федосья Ивановна… сидела больше за чтением как светских, так и духовных книг. Хотя образования она никакого не имела, но чтением увлекалась и прочла на своём веку немало книг… Мать моя Наталья Александровна… очень любила читать, собрала порядочную свою библиотеку и была всегдашней подписчицей единственной городской общественной библиотеки. Она много читала мне вслух и я, не зная ещё грамоты, знал наизусть много стихотворений»[209].

Как констатировал современник, купцы «стали тянуться за дворянством и определяли своих детей в гимназии или коммерческие училища, а затем и высшие учебные заведения»[210]. Неудивительно, что досуг юных отпрысков купеческих семейств постепенно приобретает интеллектуальную направленность. Из дневника Н.А. Финогеевой, дочери пензенского купца 1–й гильдии А.Ф. Финогеева: «… целый вечер читала». «Вечером я с мамою ходила в Реальное училище. Там был вечер, и играли на рояле, на скрипке, говорили стихи, пели и представляли сами реалисты «Демьянову уху» и из «Недоросля» – «Митрофан и его учение». Мне очень понравилось…». «Нынче утром я с мамою играла на рояле в четыре руки». «До обеда я писала диктовки – французскую и немецкую»[211].

Некоторые купцы тяготели к художественно–творческой деятельности. Пример тому представляет собой предприниматель К.П. Головкин (1871—

---

[208] ГАУО. Ф. Р—4061. Оп. 1. Д. 313. Л. 92.
[209] Кузнецов А.П. Указ. соч. С. 74.
[210] ГАУО. Ф. Р—4061. Оп. 1. Д. 313. Л. 92.
[211] Финогеева Н.А. «Когда я пишу в дневнике все, что у меня на душе, я как–то успокаиваюсь…». Из дневника гимназистки, 22 февраля 1915 г. – 6 мая 1921 г. // Земство. 1995. № 3. С. 47–49.

1925). Будучи сыном самарского купца, он сам являлся вполне успешным дельцом – ему принадлежал собственный писчебумажный и художественный магазин на одной из центральных улиц города. Тем не менее, его интересы не ограничивались только сферой предпринимательской инициативы – Головкин страстно увлекался искусством. Он инициировал и вложил средства в выставки картин самарских художников, собрал уникальные археологические коллекции. Пензенский купец 2–й гильдии А.П. Барсуков (1856—1916), получивший художественное образование, был известен как оформитель российских павильонов на всемирных выставках[212].

Приблизительно с 1880–х гг. важной составляющей купеческого досуга становятся театральные представления: «Купцы считали, что раз дворяне ходят в театр, им тоже отставать нельзя. И они иногда всем семейством брали ложу и появлялись на спектакле в театре, хотя мало что понимали»[213].

Несмотря на определённый консерватизм, повседневная жизнь купечества во второй половине XIX в. постепенно сближается с дворянскими нормами и обычаями. Это выражалось как в изменении форм организации публичного досуга (посещение театров, других общественных мероприятий), так и в частной жизни (распространение в купеческой среде чтения, рост образовательного уровня).

В.Б. Безгин

Тамбов, Тамбовский государственный технический университет

НАСИЛИЕ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ КОНЦА XIX ВЕКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Сельский мир, будучи по своей сути миром мужским, сформировал по отношению к женщине стереотипы, которые сам же и культивировал в

[212] Крайнова Т. Необычный коммерсант // Былое. 1994. № 6. С. 6.
[213] ГАУО. Ф. Р—4061. Оп. 1. Д. 313. Л. 93. Выполнено при поддержке РГНФ и администрации Тамбовской области (проект 11–11–68003а/Ц)

повседневной жизни. Мужик воспринимал бабу как существо, низшее по положению, и поэтому она должна находиться у него в подчинении. «Конь горбат, да кобыле не брат» — так характеризует народная пословица это преимущество «мужика» перед «бабой». В деревне считали, что женщину надлежало держать в строгости, пресекая присущие ей пороки, а при необходимости применять и силу для ее вразумления. Невысоко оценивали и умственные способности женщины. «У бабы волос долог, да ум короток», – говорили в селе. Женщине считалось предосудительным высказывать свое мнение при обсуждении мирских дел («не бабское это дело»). Порицалась женская склонность к многословию («язык, что помело»), пересудам и склокам. Вмешательство женщин в «мужские» дела вызывало раздражение. Все сказанное не означает, что в повседневном общении, вне посторонних глаз, мужчина не мог быть ласков, внимателен и заботлив по отношению к супруге.

Патриархальные традиции русского села требовали безусловного подчинения жены мужу. Эта зависимость сложилась исторически и была обусловлена причинами религиозного, социального и экономического порядка. Безотчетная власть мужа над своей женой отразилась в народных поговорках: «Бью не чужую, а свою»; «хоть веревки из нее вью»; «жалей, как шубу, а бей, как душу»[214]. Этот варварский обычай, шокировавший просвещенную публику, в деревне являлся делом вполне обыденным. С точки зрения норм обычного права, побои жены не считались преступлением, в отличие от положений официального законодательства.

Традиции семейного насилия в сельской среде находили свое отражение в существовавших стереотипах обыденного поведения крестьян. «Бить их

---

[214]См.: Бунаков Н. Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. СПб., 1906. С. 50, 51; Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской области // Сборник для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2. М., 1890. С. 54.

надо – бабу да не бить, да это и жить будет нельзя», – утверждали сельские мужики в полной уверенности в своей правоте. В повседневной практике крестьянской семьи мужик бил свою жену беспощадно, с большей жестокостью, чем собаку или лошадь. Били обычно в пьяном виде за то, что жена скажет поперек, или били из–за ревности. Били палкой, и рогачом, и сапогами, ведром и чем попало[215]. Порой такие расправы заканчивались трагически. В местных газетах того времени периодически появлялись сообщения о скорбном финале семейных расправ. Приведем лишь одно из них. «Тамбовские губернские ведомости» в номере 22 за 1884 г. писали, что в д. Александровке Моршанского уезда 21 февраля крестьянка, 30 лет от роду, умерла от побоев, нанесенных ей мужем[216].

Информация о фактах домашнего насилия содержится в погребальных причитаниях русских женщин. В отличие от античной традиции (о мертвых или хорошо или ничего), в посмертном плаче крестьянок содержится и негативная оценка жизни умершего. Вот один из таких примером, приведенный в исследовании бытовых песен Э. Будде:

«По царевым кабакам, да находилася,
У питейных я домов да настоялася,
Я завыручку глядела – надрожалася,
Называлась свою надежицу, накланялась,
Я бесчестьица, победнушка, наслухалась,
Уж я смертных побоев натерпелася…»[217]

---

[215]Семенова–Тянь–Шанская О.П. Жизнь Ивана. Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. С. 5.
[216]Тамбовские губернские ведомости (ТГВ). 1884. № 27.
[217]Будде Э. Еще к вопросу о положении русской женщины по бытовым песням народа (ответ г–ну Брайловскому). Варшава, 1889. С. 40–41.

В сельской повседневности поводов для семейного рукоприкладства всегда было более чем достаточно. «Горе той бабе, которая не очень ловко прядет, не успела мужу изготовить портянки. Да и ловкую бабу бьют, надо же ее учить»[218]. Такая «учеба» в селе воспринималась не только как право, но и как обязанность мужа. Крестьяне говорили, что если «бабу не учить – толку не видать».

Насилие порождало насилие, создавало примеры для подражания. И то, что шокировало стороннего наблюдателя, воспринималось в деревне как обыденное явление. Интересное суждение о сельских нравах приводил в своих мемуарах А. Новиков, прослуживший семь лет в должности участкового земского начальника Козловского уезда Тамбовской губернии. Он заметил: «В крестьянской семье более, чем где–либо проявляется победа грубой физической силы; уже молодой муж начинает бить свою жену; подрастают дети, отец и мать берутся их пороть; старится мужик, вырастает сын, и он начинает бить старика. Впрочем, «бить» на крестьянском языке называется «учить»: муж учит жену, родители учат детей, да и сын учит старика–отца, потому что тот выжил из ума. Нигде вы не увидите такого царства насилия, как в крестьянской семье»[219].

Общественное мнение села в таких ситуациях всегда было на стороне мужа. Соседи, не говоря уже о посторонних людях, в семейные ссоры не вмешивались. «Свои собаки дерутся, чужая не приставай», – утверждали в селе. Иногда крестьяне колотили своих жен до полусмерти, особенно в пьяном виде, но жаловались бабы посторонним очень редко. «Муж больно бьет, зато потом медом отольется»[220]. То есть и сама женщина относилась к побоям как к чему–то неизбежному, явлению обыденному, своеобразному проявлению любви мужа. Не отсюда ли пословица: «Бьет – значит, любит!»

---

[218]Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 16.
[219]Новиков А. Указ. соч. С. 9—10.
[220] Там же. Д. 1215. Л. 3.

Измена жены, если об этом становилось известно мужу, неминуемо вела к жестокой расправе. В этом случае от обманутого мужа ожидали вразумления неверной жены, а не развода. Жен уличенных в измене жестоко избивали[221].

В семейной повседневности крестьянка являлась порой объектом не только физического, но и сексуального насилия. В церковном уставе существовал запрет на половые связи под праздники, в посты, во время месячных очищений и т.д. «Сходиться мужу с женой нельзя в великий пост, даже на среду и пятницу. После смерти детей нельзя сходиться до сорокового дня». После родов сожительствовать с женой можно было только через 6 недель (после очистительной молитвы). А на деле половую близость супруг возобновлял через неделю[222].

Среди преступлений на сексуальной почве наибольшее распространение в русском селе имело снохачество. Механизм склонения снохи к сожительству со свекром был достаточно прост. Пользуясь отсутствием сына (отход, служба), а иногда и в его присутствии, свекор принуждал сноху к половой близости. В ход шли все средства: и уговоры, и подарки, и посулы легкой работы. В ином случае уделом молодухи становилась непосильная работа, сопровождаемая придирками, ругательствами, а нередко и побоями[223]. Жизнь женщин, отказавших своим свекрам в их плотских желаниях, по мнению сельского корреспондента из Калужской губернии, становилась невыносимо мучительной[224].

---

[221] Подробнее см.: Безгин В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 156.
[222] Семенова–Тянь–Шанская О.П. Указ. соч. С. 58.
[223] Весин Л. Современный великорус в его свадебных обычаях и семейной жизни // Русская мысль. 1891. Кн. X. С. 54.
[224] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 433.

Редко молодые бабы пытались найти защиту от посягательств со стороны свекра в волостном суде, но, как правило, те устранялись от разбора таких дел. В тех случаях, когда преступная связь свекра со снохой открывалась, виновной, как правило, признавалась женщина, которую ожидала жестокая расправа со стороны мужа. Вот характерный итог самочинной расправы: «Жена была избита до полусмерти; волосы наполовину были вырваны, лицо превращено в один сплошной синяк, тело исщипано, одежда изорвана в мелкие клочки, так что женщина очутилась на улице совсем нагая»[225].

Насилие в крестьянской среде было обусловлено патриархальными традициями русского села, условиями жизни и быта русских крестьян. Гендерные роли в семейной обыденности определяли зависимое положение русской крестьянки, превращая её в объект психологического, физического и сексуального насилия со стороны мужа.

РАЗДЕЛ 3. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ЧАСТНОМ» И «ОБЩЕСТВЕННОМ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

В.В. Айрапетова

Пятигорск, Пятигорский государственный лингвистический университет

ОБРАЗ СЕМЬИ В ВОСПОМИНАНИЯХ П.А. ФЛОРЕНСКОГО

Для развития духовной культуры современности многое может дать обращение к воспитательному опыту отдельных семей, воплотивших высокие образцы гуманистической культуры взаимоотношений, сумевших создать условия полноценного и счастливого развития своих детей.

Связь родителей с детьми, семейная жизнь, по мнению выдающегося отечественного мыслителя Н.О. Лосского, – наиболее естественный путь

---

[225] Там же. С. 553.

нравственного воспитания, развития у молодежи способности к личной любви, ведущей за пределы семьи. Связь родных людей в семье философ называл высокой степенью единства душ и нравственных устоев, а также в какой–то мере единства тела: «…телепатическая связь, например, столь глубока, что один член семьи думает о каком–либо предмете, а другой высказывает громко ту же мысль или отвечает на невысказанный вопрос и т.п.»[226]. Семья, по Н.О. Лосскому, гораздо непосредственнее, чем религия, отстаивает права своих членов на основе любви к ним и конкретного переживания абсолютной ценности их; на этой почве естественно возникает признание за каждой личностью таких прав, нарушение которых недопустимо ни в коем случае[227].

Работа «Детям моим. Воспоминания прошлых дней» одарила нас возможностью увидеть строй и содержание внутренней и внешней жизни семьи, в которой вырос будущий ученый, соприкоснуться с тем прекрасным, что было в ней явлено. Повествование П.А. Флоренского точно и тонко раскрывает глубины как психической жизни ребенка, так и внутрисемейных отношений. Читая «Воспоминания…», мы в очередной раз получаем неоспоримое свидетельство того, что развитие ребенка и помощь ему невозможно оторвать от реалий семейной жизни.

По убеждению самого Флоренского, «все начинается с раннего детства, здесь истоки всего человеческого». Будущий ученый родился 9 января (по старому стилю) 1882 г. возле местечка Евлах Елисаветпольской губернии. Из его воспоминаний мы узнаем, что уровень семьи, в которой он рос и воспитывался, был «повышенно–культурный, с разносторонними интересами, причем предметом интересов были знания технические (отец), естественно–научные (дети) и исторические (отец, мать и отчасти все)». По отцу

[226] Лосский Н.О. Условия абсолютного добра... М., 1991. С. 191.
[227] Лосский Н. Индустриализм, коммунизм и утрата личности // Свободная мысль. 1992. № 3. С. 41.

родословная П.А. Флоренского уходит в русское костромское духовенство, мать же Ольга Павловна (урожд. Сапарова) – армянка, происходила из древнего и знатного рода карабахских беков, поселившихся в Грузии. В числе ее предков были и грузины. Род Флоренских происходил из Малороссии, в начале XVIII в. представители его поселились на костромской земле. Отец Павел писал: «Этот род отличался всегда принципиальностью в области научной и научно–организаторской деятельности. Флоренские всегда выступали новаторами, начинателями целых течений и направлений – открывали новые точки зрения, новые подходы к предметам…». Московский род Соловьевых с сильно развитой музыкальностью и клинский род Ивановых, среди которых было много художественных натур, соединились в бабушке о. Павла – Анфисе Уваровне Соловьевой. От армянского рода матери наследственность выражается в ярком ощущении материи и конкретного мира: «Красота материи и ее конкретность – вот что унаследовали мы от рода моей матери».

Александр Иванович Флоренский видел в семье исключительную нравственную силу и свою семью стремился вести к идеалу. Стремление своего супруга всецело поддерживала жена – Ольга Павловна. По описаниям Павла Флоренского, она была человеком тонкой и чуткой души, развитой эстетически и интеллектуально, гордой (но не высокомерной), с обостренным чувством нравственной и физической чистоты: «Горделиво застенчивая и охваченная нравственной чистоплотностью до нелюдимства».

Семейная атмосфера была пронизана такой взаимной нравственной чистотой, таким взаимным уважением и пониманием, что ничто нечистое не касалось сознания детей. «Отрицательных свойств жизни мы (дети) не только не видели, но и подозревать о них не могли... Отношения личные не могут быть иными, как ласковыми и вежливыми, внешние отношения – бескорыстными, чистыми и т.д.», – вспоминал Павел Александрович. Эта

атмосфера чистоты и достоинства сохранила неразрушенным восприятие ребенком мира как рая, т.е. гармонии, радости, красоты единства и взаимности. Флоренский верил в изначально присущее детской психике состояние непорочности и чистоты, но вторжение в нее чего–либо разрушительного – лжи, жестокости, эгоизма приводило к потере этого райского ощущения, утрате единства и гармонии с окружающим миром.

Чувство гармонии произрастало и из особого, глубокого, и индивидуального и космического восприятия родителей, близких: «Единство отца и сына было в моем сознании безусловным, и самый отец был для меня безусловным отцом, а я – его безусловным сыном». А мать «казалась мне с первых дней моего сознания существом особенным, как бы живым явлением природы, кормящей, рождающей, благодетельной, и вместе с тем далекой, недоступной... Мать была для меня родными недрами бытия... В матери я любил природу или в природе – мать... у меня всегда было чувство таинственного величия ее».

Большое место в детстве Павла Флоренского занимала тетя, которая была неразрывно связана с ребенком: «Я любил ее глубоко личной любовью, был, вероятно, влюблен в нее со всем цельным чувством ребенка». Она была мальчику и другом, и товарищем, и учителем; с ней он делился своими горестями и радостями; от нее получал выговоры и наказания (хотя таковых бывало очень мало), вообще, «все человеческое было у нее». «Хотя и старше меня, – писал впоследствии философ, – она по складу своего характера откликалась на многие мои чувства и, насколько я теперь могу понять, со мной жила тою жизнью, которая не нашла бы удовлетворения в среде взрослых ... Мое ощущение – то, что пред нею мне не надо было особенно скрывать мои мысли и чувства...».

Павел Александрович Флоренский, как явствует из его произведений, всю жизнь искал свой утраченный детский рай: единства и полноты бытия, в

котором каждая деталь пронизана высшим смыслом. Он жил в уютном, замкнутом космосе большой доброй семьи, огражденный от злого внешнего хаоса. Это помогало ему выживать даже в сталинских застенках, вдали от семьи, без надежды на возвращение. Здесь возникла, по словам Д. Шеварева, последняя из созданных Флоренским наук – «наука расставания» – учение о том, как, находясь в разлуке с детьми, можно чувствовать их рост, влиять на их устремления, питать их ум и душу, имея в распоряжении лишь клочок бумаги, карандаш и любящее сердце. Письма философа семье из ссылки – своего рода продолжение его «Воспоминаний прошлых дней», попытка воплощения уже в собственной семье традиций и атмосферы родительского дома. «Ничего не уходит совсем, ничего не пропадает, а где–то и как–то хранится. Ценность пребывает, хотя мы и перестаем воспринимать ее», – эта фраза, воспринимаемая как завещание П.А. Флоренского всем нам, дает исследователям импульс снова и снова возвращаться к его наследию и выискивать по крупице те ценности, которые в нем «пребывают».

Е.Л. Сараева

Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет

«ЧАСТНОЕ И ОБЩЕЕ» В ИДЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ А.И. ГЕРЦЕНА

Проблема «частное и общее»[228] решалась А.И. Герценом в контексте западнической концепции цивилизации общества. Как и другие западники 40–х гг. XIX в., А.И. Герцен видел содержание исторического процесса Нового времени в *цивилизации общества***,** сущность которого заключалась в *преобразовании социального организма, становлении нового типа личности – просвещенной, нравственной, свободной от деспотического контроля общества, в наведении правопорядка, гуманизации социальных*

[228] А.И. Герцен использовал понятие «всеобщее».

отношений. Определяя смысл истории с гуманистической позиции, Герцен писал: «…Цель природы и истории – мы с вами»[229]. *Исторический взгляд* на общественное положение человека позволил Герцену выявить различия в базовой социальной культуре эпохи Средневековья, называемой им «патриархальным веком», и Нового времени, выработавшего «развитую» цивилизацию. *Философский взгляд* Герцена на смысл жизни — теоретическая основа идеи права человека на собственный выбор, саморазвитие. Герцен видел цель жизни в самой жизни: «Цель жизни — жизнь. Жизнь в этой форме, в том развитии, в котором поставлено существо, т.е. цель человека — жизнь человеческая»[230]. «Жизнь – и цель, и средство, и причина и действие»[231]. Наполнение жизни должно зависеть от человека. Все ограничивающее «самозаконность» человека должно быть подвергнуто критике. Стандарты, модели, обычаи, упаковывающие человека в некий заданный образ, — это узы, связывающие мысль и деятельность. «Неужели я не могу проповедовать освобождение мысли и совести от всего хлама, не проведенного сквозь очистительный огонь сознания, звать на борьбу со всеми остающимися узами на независимости мышления, со всем ограничивающим самозаконность личности…».

Проблему «частное и всеобщее» Герцен рассматривал в *двух аспектах*. Первый – сочетание *социальных норм*, вырабатываемых обществом, и жизненных *установок «единичной личности*». По Герцену, общество должно признавать личность, нисходить до лица, а «лицо поднимается во всеобщее, не переставая быть лицом». Если общество требует от личности следовать определенной им идее, например, идее семейного долга, то оно попирает ее

---

[229]Герцен А.И. С того берега // Он же. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954—1966. Т. 6. С. 33. В дальнейшем сноски даны на это издание.
[230] Герцен А.И. Дневник 1842—1845… Т. 2. С. 217—218.
[231] Он же. С того берега. Т. 6. С. 93.

права на жизненный выбор. Герцен признавал право человека сообразовывать свои решения, действия с собственными желаниями, а не приносить себя в жертву правилам, введенным обществом.

Второй ракурс воззрения Герцена на проблему «частное и всеобщее» – определение *сферы интересов* личности, насколько она открыта для восприятия научных идей, общественных проблем, ее *готовности включиться в гражданскую деятельность*. Сфера интересов определяет судьбу человека, «ворота для выхода», широта которых зависит от лица. Последовательный гуманист, Герцен отдавал личности право самостоятельно сформировать свои ценности, выбрать жизненные ориентиры, сосредоточиться на себе, частной жизни или включиться в сферу общественных интересов. В понимании Герцена, *частная жизнь* – это семейная жизнь за забором с воротами. «Вся вина людей, живущих в одних сердечных, семейных и частных интересах, в том, что они не знают этих ворот…»[232]. Случайность может разрушить семейную идиллию, а значит и жизнь, замкнутую на частных интересах. Решение проблемы «частное — всеобщее» Герцен видел в *сочетании этих сфер интересов и деятельности*. «Не отвергнуться влечений сердца, не отречься от своей индивидуальности и всего частного, не предать семейство всеобщему, но раскрыть свою душу всему человеческому…».

А.И. Герцен мыслил частное и всеобщее как две «сферы», «обители», «два мира – личности и всеобщего», связью между которыми является человек. По Герцену, частный мир – обитель любви, семейной жизни, дом, индивидуальное существование, чувственное наслаждение. *Частная жизнь*, главным смыслом которой является *любовь*, — величайшее благо, «блаженство бытия», «апофеоз жизни». Но сосредоточение на частных интересах Герцен воспринимал как

---

[232] Он же. Ответ русской даме. Т. 7. С. 73, 61, 63.

ограничение личности. Частное имеет индивидуальное значение. «Человек не может отказаться безнаказанно от участия во всех обителях, в которые он призван своим временем. Человек развившийся равно не может ни исключительно жить семейною жизнию, ни отказаться от нее в пользу всеобщих интересов», — это одна из базовых идей Герцена по проблеме «частное — всеобщее», утверждающая противоположность этих начал жизни человека и возможность их взаимного дополнения[233]. В патриархальный век семейная жизнь удовлетворяла всем требованиям. Цивилизация Нового времени содействует духовному развитию личности, расширяет ее интересы, выводит за ворота своего дома, жизнь развитого человека богаче, шире. «Исключительное занятие собою», «отчуждение от интересов всеобщих» должны рассматриваться как «преступление», «ограничение» личности, могущее обернуться трагедией, поскольку жизнь – борьба многих начал, ее наполнение изменяется. «Жизнь в сфере частной любви», не имеющая выхода в мир общественных интересов (наука, искусство, гражданская деятельность) – «бедная жизнь» и при неудаче может «лопнуть».

Идее нормативности поведения человека, заданной социумом, Герцен противопоставлял мысль о «самозаконности» личности, созидающей свое «Я». Человек рождается не с целью реализовывать чьи–то идеи. Он сам является хозяином своей жизни, представляющей для него высшую ценность. По мысли Герцена, *естественными ограничителями свободы* должны стать *разумность и уважение достоинства* другого человека. Женщина, равно как и мужчина, — самостоятельная личность, утверждал Герцен. Трактовку К. де Магд–Соэп формирования воззрения Герцена на предназначение женщины

---

[233] Там же. С. 66—67, 64

лишь под влиянием Ж. Санд[234] считаем односторонней интерпретацией становления концепции русского мыслителя, которую необходимо рассматривать в широком пространстве его идей о развитии личности и цивилизации общества. Девятнадцать веков христианства, отмечал Герцен, видели в женщине только жену и мать, в эпоху цивилизации общества нужно понять, что женщина – личность, ее жизнь должна быть богаче, разнообразнее. Герцен обосновывал необходимость духовного развития женщины в современном мире. На женщине лежит великая семейная обязанность воспитания детей. Если ее жизнь ограничить спальней и кухней, она не сможет сформировать личность с широко развитыми интересами. Семейное предназначение женщины «никоем образом не мешает ее общественному призванию». Женщине должен быть открыт мир всеобщих интересов: «Мир религии, искусства, всеобщего точно так же раскрыт женщине, как нам…»[235]. Интерес к общечеловеческим проблемам содействует развитию самой личности[236]. Общество должно признать за женщиной право на самовыражение, утверждал Герцен.

Таким образом, дискурс Герцена по проблеме «частное и общее» свидетельствует о гуманизме его идей, утверждающих значимость этих сфер жизни для полноты самореализации человека. Отказ от моделирования образа жизни и типа социального поведения человека – показатель свободы мысли Герцена, не упакованной в жесткую доктрину. Он размышлял над этой проблемой в пространстве таких социальных и аксиологических координат, как свобода выбора жизненных ориентиров, признание права человека на счастье, убеждение в самоценности жизни отдельной личности. Этот

---

[234] Магд–Соэп К. де. Эмансипация женщин в России: литература и жизнь. Екатеринбург, 1999. С. 71—73.
[235] Герцен А.И. Капризы и раздумья. Т. 2. С. 69.
[236] Он же. Капризы и раздумья. Т. 2. С. 64.

личностный подход к решению задач цивилизации общества, духовного становления человека — значимая составляющая русской культуры золотого века, способная поколебать устойчивые традиции этатизма в России и домостроевские установки.

Т.Б. Котлова

Иваново, Ивановский государственный энергетический университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ УСПЕХЕ НА РУБЕЖЕ XIX – XX В.

Успех – понятие конкретно историческое. У каждой эпохи свои представления об успехе, своя модель успешного человека. На каждом исторически значимом отрезке времени это понятие можно рассматривать на макроуровне с точки зрения общепринятых в данном обществе представлений об успехе и успешной жизни, а также на микроуровне, так как оно имеет очень индивидуальный характер.

Модель «успеха» женщин всех сословий в условиях патриархальной культуры была связана с благополучным замужеством и созданием семьи, где женщина только и могла самореализоваться. Составляющими успеха женщины в жизни было наличие мужа, детей, особенно сыновей, хорошо налаженное домохозяйство. В традиционном обществе понятие «успех» для женщины имело во многом аскриптивный характер. Оно зависело от сословной принадлежности, материального положения родителей и предписаний общества.

Привычный ритм патриархальной жизни был нарушен развитием промышленности, внедрением машинного производства. В начале XX в. рост числа отходников, среди которых было много женщин, повышение трудовой активности горожанок определили новую тенденцию в ряде отраслей промышленности: интенсивно шел процесс вытеснения мужского труда женским. По данным фабричной инспекции, при общем росте числа рабочих с 1901 по 1913 год на 37,1% число женщин возросло на 59,7%, а мужчин только

на 29,7%[237]. Кроме своей бесконфликтности, женская рабочая сила привлекала предпринимателей возможностью получать более высокую прибыль. Экономически женский труд был значительно выгоднее мужского.

Анализ документов показал, что в рассматриваемый период труд на фабриках, в иных сферах имел для женщин преимущественно экономическую мотивацию, он еще не приобрел характер социокультурной ценностной ориентации. Женщин заставлял идти на работу низкий уровень заработной платы рабочих на предприятиях. Мужчина получал настолько мало, что не мог содержать жену и детей. В крупных городах, поэтому, был достаточно высокий процент замужних среди работающих женщин. В исследуемом регионе в 1897 г. почти 50% работающих женщин были замужем[238].

Сто лет назад в городах центра России женщины из среднего сословия все активнее пополняли ряды работников интеллигентных профессий. Они работали в медицинских учреждениях, служили на телефонных станциях, занимались издательской деятельностью. Самой доступной для женщин сферой было образование, в котором в конце XIX – начале XX века интенсивно шел процесс феминизации учительского труда.

В 1912–1913 гг. Педагогический музей Учительского дома в Москве провел среди учениц трех провинциальных и одной московской женских гимназий опрос, интересуясь, кем бы ученицы хотели стать после окончания гимназии. Весьма показательно, что почти половина опрошенных, независимо от возраста, пожелали быть учительницами. Интересно, что у мальчиков в аналогичном опросе учительство как наиболее желательная профессия встречалось значительно реже (28% против 45% у девочек)[239].

---

[237] Женский труд в фабрично–заводской промышленности России за последние 13 лет (1901–1913) // Общественный врач. 1915. № 10. С. 592.
[238] Гвоздев С. Записки фабричного инспектора... С. 34.
[239] Рыбников Н. Идеалы гимназисток. М., 1916. С. 6.

Исследование Педагогического дома показало, что наибольшее число учениц старших классов мечтали стать сельскими учительницами. Дочь приказчика определила профессию сельской учительницы как «мечту и цель жизни»: «Я буду учить крестьянских детей. Мне хочется приносить пользу, и, по–моему, там я только смогу принести ее вполне». Польза для общества, для бедных и обездоленных — таков мотив выбора профессии у значительной части девушек: «Хотелось бы быть учительницей, чтобы быть полезной другим. Я очень завидую учительницам и считаю их очень счастливыми, потому что они могут помогать другим».

Для многих главным мотивом была необходимость зарабатывать деньги: «По окончании гимназии я желала бы подать прошение для поступления в преподавательницы в какую–нибудь школу только для того, чтобы пропитать всю нашу семью, так как отец у меня уже стар и не может долго служить»[240]. Однако такая аргументация встречается значительно реже, чем стремление приносить пользу, а, по сути, соответствовать гражданскому, демократическому идеалу своего времени. Девушки, воспитанные на стихах Н.А. Некрасова, произведениях Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Н. Михайловского, искренне стремились освободиться от «мещанства», «пошлости» обыденной жизни.

Достижение данной цели было для девушек несомненным успехом, хотя они порой и не имели общественного признания. В связи с этим встает вопрос о символах успеха. Понятие «символ успеха» также имеет конкретно–историческую наполненность[241], а также гендерную диверсификацию. Маскулинный дискурс утверждает в качестве таковых славу, известность, власть, деньги. Для женщин нового типа на рубеже XIX–XX вв. символическим

[240] Там же. С. 11, 6.
[241] Под символом успеха авторы понимают те предметы, явления, которые с точки зрения той или иной социальной группы указывают на чей–либо успех.

признанием их успеха являлся выход в публичную сферу, то есть событие, которое было невозможным для большинства их матерей, бабушек.

Уже в начале века во многих женских гимназиях были заметны результаты процесса феминизации. Женщины составляли во многих педагогических коллективах более половины (57—58%)[242].

Провинциальное общество постепенно осознавало значение высшего образования. Свои планы на будущее, жизненные идеалы многие девушки связывали с получением высшего образования, дальнейшим обучением на курсах. Для многих это была несбыточная мечта, но она совершенно явно присутствовала как культурная ценность эпохи. «...Почти все стремятся теперь к высшему образованию и, по возможности, больше развивают себя вне гимназии», – отмечала одна из учениц[243].

Мотивы для получения высшего образования, сформулированные гимназистками в своих сочинениях, вполне соответствовали гражданскому идеалу служения обществу: «Я хочу после окончания гимназии и курсов продолжать свое образование дальше, чтобы достигнуть возможного развития, чтобы стать вполне развитой личностью, жить сознательной жизнью, принимать участие в общественной жизни»[244].

Число гимназисток, мечтавших о получении высшего образования, неуклонно росло. Если в 1905 г. в среднем их было 15%, то в 1913 г. уже 33%. Приведенные свидетельства говорят о том, что благодаря развитию женского образования в рассматриваемый период шел процесс коррекции модели успешной женской судьбы. В высказываниях девушек–гимназисток отсутствуют элементы

---

[242] ГАИО. Ф. 35. Оп. 1. Л. 127. Л. 12 об — 16 об. ; ГАЯО. Ф. 549. Оп. 2. Д. 1246. Л. 24–27.
[243] Первые шаги: Сборник учениц 5 класса женской гимназии М.Г. Брюхоненко. М., 1908. С. 34.
[244] Там же. С. 20.

традиционной женской стратегии, им на смену пришли новые социально значимые идеи, имеющие ярко выраженную моральную окраску.

Исторический анализ показал, что в рассматриваемый период далеко не все городские женщины относились к новому типу, значительная их часть оставалась в рамках патриархальной культуры и не преодолела сословные рамки. Тем не менее, в городах на рубеже веков женщины нового типа существовали как феномен, определивший направление дальнейшего развития социокультурной структуры общества.

Таким образом, можно утверждать, что в начале XX столетия существовали как минимум две модели женского успеха, соответствовавшие патриархальной культуре и культуре индустриального этапа развития российского общества.

Т.А. Ковалёва

Омск, Омский маркетинговый центр «Интервью»

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЕМЬЕ В ЖЕНСКИХ ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛ. XIX – НАЧ. XX В.

Источники личного происхождения – мемуары и дневники, — являются ценными историческими источниками для изучения тех проблем в истории, которые связаны с человеческим фактором, идеологией и психологией отдельных социальных групп в определенных исторических условиях[245].

История семьи является достаточно разработанной проблемой как в западной, так и в отечественной историографии, но, тем не менее, в исторической науке изучение семьи до сих пор остаётся в позиции маргинального поля, имеющего некий этнографическо–иллюстративно–бытовой аспект.

---

[245] Данилевский И.Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Рос. истории. М., 2000.

Сами женщины взялись за освещение своего исторического прошлого на рубеже XIX–XX вв., что представляло несомненный интерес. Начало XX в. вписало новую страницу в «женскую историю» России. Она развивалась столь быстро, что её летописцы не всегда успевали фиксировать события, стремительно сменявшие друг друга.

Н.А. Тучкова с восхищением и гордостью писала о своей семье, вспоминала о дедушках и бабушках[246]. Её мемуары интересны своим богатым фактическим материалом, и содержат в себе описание отношений, царивших в её семье[247]. О своей родительской семье она писала так: «Мое несчастье — это моя семья. В ней господствует дух уныния, отрицания и сплина, благодаря которым жизнь превращается в непрерывную пытку».

Е.Н. Водовозова в своих воспоминаниях «На заре жизни» писала о том, что все члены ее семьи с уважением относились к отцу, несмотря на то, что факт разорения отцом своего семейства был на лицо: «Члены моей семьи – мать, няня, мои старшие братья и сестры, – вспоминали покойного отца не иначе, как с чувством глубочайшего благоговения и с горячею любовью, вторая же моя сестра Саша (во время смерти отца она была еще подростком) чуть не умерла от горя, лишившись его»[248]. Как писала Е.Н. Водовозова, «отец с матушкой, несмотря на диаметрально противоположные вкусы, характеры и умственное развитие, относились друг к другу с полным уважением, доверием и любовью…»[249].

Так же хотелось бы отметить воспоминания детства, которые оставила нам С.В. Ковалевская. По ним можно судить о непростых взаимоотношениях

---

[246] Тучкова–Огарева Н.А. Воспоминания. — http://az.lib.ru/t/tuchkowaogarewa_n_a/text_0020.shtml. Дата обращения 21.04.2011.
[247] Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и дневники. М., 2004.С. 16.
[248]Водовозова В.Е. На заре жизни. Том 1. — http://az.lib.ru/w/wodowozowa_e_n/text_0020.shtml. Дата обращения 25.04.2011.
[249] Там же. С. 13.

в ее семье. С.В. Ковалевская с большой нежностью описывала характер своего отца, у которого суровость была только наружная, напускная, развившаяся вследствие укоренившейся мысли, что мужчина должен быть суров[250]. С.В. Ковалевская чувствовала себя нелюбимым ребенком: «Во мне рано развилось убеждение, что я нелюбимая, и это отразилось на всем моем характере»[251]. Возможно, это происходило потому, что она была средним ребенком в семье.

Очень интересны были законы дома, описанные в мемуарах С.В. Ковалевской. К примеру, она вспоминала о том, что «нам было запрещено сближаться с прислугой; что касается гувернантки, предполагалось полное подчинение. Слово отца было законом. Категорически запрещалось беспокоить отца в кабинете, обращаться к нему по своему желанию, не вникать в разговоры взрослых».

Дочь Л.Н. Толстого с большой теплотой и нежностью рисует семейные отношения, большую долю в них уделяя взаимоотношениям с отцом: «За всю мою жизнь то особенно сильное чувство любви и благоговения, которое я испытывала к отцу, никогда не ослабевало, и он особенно нежно всегда относился ко мне». В своих воспоминаниях она определяла роль отца в своей жизни: «Папа – единственное утешение и поддержка в моей жизни, и я часто мучаюсь тем, что мало доставляю ему радости… также меня мучает то, что папа такого высокого мнения обо мне… мне все это очень приятно, но у меня вечный страх, что вдруг он увидит, как я плоха, и откажется от меня»[252]. Все её воспоминания полны цельных картин, описывающих её отношения с отцом. К матери она испытывала также очень нежные чувства.

---

[250] Ковалевская С.В. Воспоминания детства. Нигилистка. М., 1989. С. 13.
[251] Там же. С. 23.
[252] Там же. С. 34, 37.

Итак, можно сказать, что родительская семья играла огромную роль в жизни Татьяны Сухотиной–Толстой, все ее воспоминания пронизаны теплом и любовью в отношении всех членов семьи. Стоит отметить, что родители воспитывали своих детей в атмосфере любви и заботы, детям разрешалось играть в веселые шумные игры, в том числе и с крепостными детьми, часто дети играли с отцом. Подобные отношения детей с родителями закладывают очень прочную базу для отношений в дальнейшем.

Так же хочется выделить мемуары Т.Л. Щепкиной–Куперник «Дни моей жизни»[253]. С особым чувством Щепкина–Куперник описывала свои внутренние переживания по поводу своей семьи, которую она очень любила. Особое место в своих мемуарах Щепкина–Куперник отводила воспоминаниям о взаимоотношениях с мамой, а так же о своих глубоким чувствах к ней: «Мама вообще была «всем». Жизни вне ее я себе не представляла»[254].

Как вспоминала Т.Л. Щепкина–Куперник, «мама хотя и любила меня, конечно, но в то время, как я родилась, слишком еще была полна своей личной драмой с отцом, своей молодой жизнью, так что я занимала в ее душе второстепенное место. Я все время чувствовала себя лишней: мне не было места в маминых объятиях, в них всегда лежала сестричка». Отцу она в своих мемуарах посвятила целый раздел, в котором она очень подробно описала весь его жизненный путь, а так же взаимоотношения с ним. Как писала Т.Л. Щепкина–Куперник, «у нас с отцом отношения были очень оригинальные. Ребенком я его видела редко. Он представлялся мне загадочным и интересным существом. Мы были друзьями, и при этом всегда интересными друг для друга. В характере, в складе ума, во вкусах у нас было много

---

[253] Щепкина–Куперник Т.Л. Дни моей жизни. М., 2005.
[254] Там же. С. 5—6.

общего. Мы с ним могли не видеться годами, а встретившись, начать говорить об одном и том же»[255].

Необходимо отметить, что отношение к семье зависело от той модели отношений с родителями, которая выстраивалась еще с детства. Так, одни оставались близкими со своим родителям до конца своих дней (Т.Л. Сухотина–Толстая, О.К. Буланова–Трубникова, мать которой поддерживала дочь в ее революционных идеях, А.Ф. Тютчева, Е.Н. Водовозова, Н.А. Тучкова–Огарева). Другие же (например, С.В. Ковалевская) отдалялись от семьи, и в дальнейшей их жизни она не играла практически никакой роли.

Как справедливо замечает Н.Л. Пушкарёва, в женских мемуарных текстах отсутствует назидательность и «агрессивность», «широта исторического охвата», и в этих «женских слабостях» исследовательница видит их «прелесть и научную значимость (если придавать особое значение изучению субъективного, казуального и уникального)»[256].

Таким образом, мы видим, что повествование о частной жизни, повседневном быте, семье всегда более интересно, эмоционально и живо в женских воспоминаниях, чем, например, в мужских, поскольку женщины изображают свою сферу жизни, близкую, понятную для них.

О.Н. Яхно

Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН

ЧТО И КАК ПИСАЛИ О МОДЕ В ЖУРНАЛАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

Первый номер журнала «Аполлон» за 1909 г. начинался, по сути, с программного заявления редакции журнала. Авторы объявляли своей задачей привнести красоту искусства в повседневную жизнь. «Нужны не только красивые

[255] Там же. С. 8.
[256] Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 68.

праздники, но и красивые будни. Вся пластика повседневности должна обновиться и озариться»[257]. Другие участники этого журнала также высказывались за изменение понурой и жестокой действительности. «Совсем стало невесело праздновать дальше победу над буржуем, обливать его презрением и горделивым сознанием своей утонченности»[258].

Журналы для семейного и женского чтения также старались разнообразить ежедневную рутину. Статьи о моде были двух видов. Одни носили теоретический характер[259]Другой тип публикаций был посвящен новым направлениям, которые придумывали портные, тому, что можно было увидеть в магазинах или заказать по каталогам[260].

Например, в очерке «Хозяйство и мода» описан подобный механизм распространения модных новинок. «В салонах, а в особенности на ипподромах бывает «весь Париж» – и тут каждый имеет возможность рассмотреть «живые рекламы», т.е. кокоток, одетых по последнему слову моды. Как только новая мода стала известной… ей тотчас начинают подражать, и, прежде всего, настоящие «модэнки», дамы, принадлежащие к высшему аристократическому обществу»[261].

Новации в повседневной жизни основывались на европейских образцах. На первое место ставились элегантность и изящество, что служило показателем буржуазной добропорядочности. «Простота и скромность – два главных качества женского костюма, что, однако, не мешает нисколько элегантности. Секрет успеха хорошего туалета заключается в гармонии, то

---

[257] Бенуа А. В ожидании гимна Аполлону // Аполлон. 1909. № 1. С. 9.
[258] Бакст Л. Пути классицизма в искусстве // Аполлон. 1909. № 3. С. 46.
[259] Гулишамбаров С.И. Предметы одеяния в главнейших странах // Известия императосркого Российского географического общества. Т. 39. 1903. С. 545—546.
[260] Город и горожане // Новый журнал для всех. 1910. № 20. С. 95.
[261] Хозяйство и мода // Хозяйка. 1902. № 45. Ст. 1207.

есть в соответствии всех главных и второстепенных предметов туалета, в соответствии тканей, покроя и цвета с личностью самой женщины»[262].

Женские журналы охотно поддерживали в женщинах мысль, что можно быть элегантной и заниматься скромными домашними делами: стряпать, убирать, мыть посуду. Практичная серьезная женщина, если на ней лежат хозяйственные заботы и воспитание детей, не может отдаться своим нарядам и бросать лишние деньги на свой туалет. В качестве примера приводилась француженка, которая всегда сумеет одеться изящнее и лучше любой богатой русской барыни. И все потому, что, оказывается, «француженки обладают природным вкусом, в каждой сидит искусная и практичная портниха»[263].

Удостаивались похвалы те дамы, которые своими рукоделиями могли привнести яркие краски в повседневную жизнь и значительно сэкономить семейный бюджет. В качестве примера счастливого сочетания красоты и простоты приводилась американка. «Практичная американка обладает вообще тонким вкусом и умеет скрашивать однотонность домашнего обихода разными милыми и приятными для глаз пустяками. Они ввели в моду дополнять цветами и лентами красивую сервировку стола. Каждый стакан, графин, салфетку, ложку, вилку они искусно украшают бантами из узких лент, что придает сервировке изящный тон»[264].

Советы, касающиеся моды, отличались не только практичностью, но и пытались отвечать новейшим требованиям гигиены. Лозунг «Здоровье – это богатство» внедрялся разнообразными способами. Самым наглядным из них была реклама мыла, различной гигиенической косметики, новых продуктов питания и лекарственных средств. «Крем создает, поддерживает и возвращает красоту, молодит и делает лицо юношески свежим, уничтожает

---

[262] Уменье одеваться // Дамский мир. 1912. № 1. С. 33.
[263] В царстве моды // Последняя мода, 1909. № 4—5. С. 3.
[264] Безделушки // Последняя мода. 1909. № 2—3. С. 13.

угри, прыщи, веснушки, морщины, гусиные лапки, вообще очищает лицо, делает кожу гладкой и красивой»[265]. Эта реклама четко зафиксировала идеологию молодости, поэтому возвышает все связанные с ней черты: свежесть, чистоту, гладкость, упругость, белизну. Даже загар наряду с веснушками считался недостатком. Росло число средств по уходу за волосами. Популяризировалось представление о том, что мытье способствует очищению кожи, вообще нормальному обмену веществ. Установились четкие правила гигиены полости рта. Таким образом, реклама этих товаров внедряла моду на чистое тело и чистую одежду.

Телесность начала осознаваться как инструмент для продвижения по социальной лестнице, поэтому начало XX века породило большое число пособий приведения тела к норме. Статьи об одежде старались дать рекомендации самого общего характера, призывая каждую женщину стать творцом своего собственного гардероба исходя из личных обстоятельств. «По–настоящему моды и нет: каждая женщина одевается по своему вкусу; вот в этом и есть настоящий прогресс»[266]. Главное — требование элегантности во всем, избегать мещанского вида. Одежда должна была скрыть недостатки фигуры. «Одеться просто и изящно, не тратя на себя лишних денег – вот доказательство прирожденного ума и вкуса женщины»[267]. Редакторы взывали к разуму женщины, которая следит за своим хозяйством. На них же была рассчитана и реклама магазинов готового платья. «Предлагается лицам, привыкшим хорошо одеваться и желающим сберечь время и деньги, готовые платья. Изящный покрой»[268].

---

[265] Новый журнал для всех. 1909. № 3. С. 116.
[266] Искусство одеваться // Дамский мир. 1909. № 10. С. 10.
[267] Весенний сезон // Последние моды. 1909. № 2—3. С. 11.
[268] Новый журнал для всех. 1909. № 3. С. 116.

Врачи в этот период сделались экспертной группой, облеченной общественным доверием и влиятельностью. Они давали советы, касающиеся разнообразных сторон повседневной жизни, отводя важную роль профилактике многих заболеваний. Обращали внимание и на некоторые модные новинки. «Любители, а в особенности любительницы высоких каблуков должны серьезно подумать о том, насколько возобновившаяся мода носить высокие каблуки может оказаться вредной для их здоровья»[269]. Мнение врачей в области женского здоровья было настолько значимо, что ссылки на их мнение учитывались создателями корсетов, участвовавшими во Всемирной Парижской выставке 1900 г.: «…Можно было наглядно убедиться, чего достигла гигиена и эстетика, соединившиеся вместе для создания нового, вполне безвредного и вместе с тем красивого корсета. Новая форма корсета выдвинула на первый план несколько заброшенный за последнее время фасон платья «принцесс»[270].

Даже в этнографическом этюде о происхождении одежды и научной критике костюма автор убеждал, что управлять модой должна наука, хотя бы для изменения некоторых вредных форм одежды и обуви. «Так, юбки женщин чересчур длинны и когда последние забывают приподнять платье, концы юбок подметают тротуары и поднимают на воздух вместе с пылью микробов. Исследования края такой юбки обнаружило присутствие бактерий дифтерии, чахотки, столбняка, словом, всех болезнетворных микроогранизмов»[271].

Постепенно представления о красивом, практичном и гигиеничном входили во все более широкий обиход. Этому способствовал ряд факторов, в числе которых можно назвать феномен моды. Включение многих телесных

---

[269] Вредные последствия от высоких каблуков // Здравие семьи. 1905. № 4. С. 32.
[270] Новая эра дамских мод // Иностранная литература. 1901. № 6. С. 81–82.
[271] Реньо Ф. Одежда, ее происхождение, законы, обусловливающие формы костюма и научная критика их. // Хозяйка. 1901. № 5. Ст. 121.

практик в категорию модных позволило внедрить понятие здорового образа жизни. Позиция производителей различных категорий повседневных товаров также оказала значительное влияние на способы подачи рекламы. Период рубежа веков ставил задачу объединить красоту и пользу, удовольствие и нравственность, скромность и элегантность, изысканность и практичность. И даже в статьях о моде акцент делался не на экстравагантные новинки, а на то, как, сохраняя время и средства, выглядеть добропорядочным героем своего времени.

С.В. Крадецкая

Москва, Московский государственный педагогический университет

НЕОМАЛЬТУЗИАНСТВО И РОССИЙСКИЕ ФЕМИНИСТКИ НАЧАЛА XX В.

Вопрос о праве женщины на сексуальную свободу, на собственное тело и удовлетворение сексуальных потребностей, независимо от требований и предписаний общества был поставлен, и во многом разрешен, феминистками 2–й волны, следовавшими за Симоной де Бовуар, так описавшей «независимую» женщину: «Она была чувственна и полагала, что так же, как и мужчина, имеет право удовлетворять потребности своего тела»[272]. Именно во второй половине XX в. усилиями феминисток представления о репродуктивной функции женщины и о ее сексуальности были разделены, и женщина впервые получила право на удовлетворение собственных сексуальных потребностей независимо от своих репродуктивных способностей.

Однако впервые идея о женской сексуальности появилась несколько раньше – еще на рубеже XIX–XX вв. Такие вопросы, как аборт, контрацепция, свободное материнство и право женщины на него, были подняты еще феминистками и феминистами «первой волны». Эти темы были вынесены на общественное

[272] Бовуар С. де. Второй пол. СПб., 1997. Т. 2. С. 767.

обсуждение благодаря возникновению движения т.н. неомальтузианцев, по–новому интерпретировавших экономическую теорию Т. Мальтуса.

Как известно, в своей работе «Опыт о законе народонаселения», впервые опубликованной в 1798 г., Мальтус сформулировал теорию о том, что неконтролируемый рост населения не соответствует росту материальных благ и, следовательно, является основной причиной голода и нищеты значительной части человечества. Выход из сложившегося положения Мальтус видел в ограничении рождаемости, прежде всего среди низших слоев населения, путем «воздержания от супружества»[273].

Неомальтузианцы несколько сместили акцент в своих рассуждениях. Как отмечал И. Вернер, автор предисловия к «Опыту о законе народонаселения», опубликованному в России в 1908 г., неомальтузианцы изменили «предложенные им [Мальтусом – С.К.] способы предупреждения тех гибельных последствий, которыми неминуемо угрожает чрезмерное возрастание населения»[274]. Основывая свои рассуждения на экономической теории Мальтуса, они предлагали другие способы решения проблемы – прежде всего, контрацепцию. Так, один из теоретиков неомальтузианства врач Джордж Драйсдэйл обосновывал необходимость пользования средствами предохранения от беременности тем, что слишком частые роды разрушают здоровье женщины[275].

Вопрос о сознательном материнстве, контрацепции и абортах не обошел стороной и российских феминисток. В основе их рассуждений лежали представления о специфической модели женского сексуального поведения, для которой были характерны сдержанность, контроль над чрезмерной

---

[273] См.: Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. Петрозаводск, 1993.
[274] Вернер И. Жизнь и учение Мальтуса // Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. М., 1908. С. 28.
[275] Заречная С. Неомальтузианство и женский вопрос // Женское Дело. 1910. №27– 28. С. 10.

чувственностью, над «страстями». Именно эта модель признавалась феминистками идеальной, соответствующей всем требованиям духовного и физического развития человека. М.И. Покровская так представляла себе идеальную жизнь: «Все люди здоровы, красивы, сильны, умны, добры, трудолюбивы, высоко развиты в умственном отношении, свободны от пороков и преступлений, *умеют владеть своими страстями* [курсив мой – С.К.]…»[276].

Разумеется, современное им общество не соответствовало этим критериям. Прежде всего из–за того, что опасная для человечества модель мужского сексуального поведения[277], для которой были характерны распущенность, примат чувственности и грубой силы над разумом и гуманизмом, была признана самими же мужчинами справедливой и разумной. Рассуждая о двойной морали, согласно которой мужчины могут и должны свободно удовлетворять свой половой инстинкт, «как хотят и как могут», а женщина, напротив, обязана хранить целомудрие до брака, а затем «ее половой инстинкт должен удовлетворяться только мужем»[278], феминистки отвергали мужскую модель поведения как ведущую человечество к вырождению и гибели.

Феминистки считали, что в идеале в основе половых отношений мужчины и женщины должны лежать заботы о благе человечества, о его будущем. «Женщина является всегда жертвой – в браке и вне брака»[279], — писала Покровская, подразумевая под этим, что в любом качестве – жены, любовницы, проститутки, – женщина всегда вынуждена подчиняться мужским

---

[276] Покровская М.И. О половом воспитании и самовоспитании. СПб., 1913. С. 28.
[277] Ср., напр.: «Мужской уклад… стал, наконец, гибелен и для самого мужчины, для всего человечества» — Дрентельн Е.С. О проституции с точки зрения динамики жизни. М., 1908. С. 11.
[278] Покровская М.И. Указ. соч. С. 11.
[279] Там же. С. 32.

правилам половой жизни. Ее «половой инстинкт», состоящий прежде всего в стремлении к материнству, постоянно подавляется.

Вопрос о праве женщины на материнство был одним из важнейших для российских феминисток начала XX в. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что для них именно материнство, деторождение были единственно возможной целью половых отношений. Однако, выступая за право женщины на свободное материнство, они оспаривали традиционную модель репродуктивных отношений, согласно которой женщины делились на 3 категории: законные жены, проститутки и старые девы[280]. И правом стать матерью обладали только представительницы первой группы, да и то с согласия мужа: «Надо еще, чтобы на свое материнство женщина получила согласие и санкцию мущины»[281].

Такую ситуацию феминистки считали естественным следствием господства мужчин, подавления женщин и всего, что им свойственно. В качестве иллюстрации негативного отношения к материнству в современной им культуре феминистки ссылались на отделы мод в многочисленных журналах для дам, куда никогда не помещали образцы моделей одежды для беременных женщин. «Будто материнство в женской жизни – самая редкая случайность, и было бы странно упоминать о таком редком обстоятельстве, в роде как о горбатости»[282], — писала автор одной из статей, посвященных проблеме материнства.

Отсюда и негативное отношение феминисток к различным средствам контрацепции и абортам. Все попытки регулирования рождаемости, по их

[280] Дубовская П. Право на материнство // Женский Вестник. 1905. № 10. С. 297.
[281] Шадурская З. Проблема материнства // Женское Дело. 1910. № 5. С. 14.
[282] Там же.

мнению, были выгодны лишь мужчинам, т.к. обеспечивали им большую свободу в половой жизни и способствовали росту безответственности с их стороны.

Таким образом, идеалом для феминисток была именно женская модель: и для мужчины, и для женщины естественно хранить целомудрие до брака и после стремиться к воздержанию. Половые отношения должны иметь целью только деторождение. В связи с этим многие феминистки открыто высказывались в поддержку «правила Льва Толстого»[283], т.е. его взглядов на половые отношения и деторождение времен «Крейцеровой сонаты». Одна из феминисток – М.Л. Вахтина, – вспоминала, что однажды специально поехала в Ясную Поляну, чтобы поделиться с Л.Н. Толстым своими «сомнениями» и «болью души» по поводу «ненормальности в отношениях обоих полов»[284]. С тех же позиций феминистки резко критиковали сочинения других своих современников, в частности, роман А.Н. Вербицкой «Ключи счастья». По их мнению, героиня романа, Маня, решив поступать «как мужчина», приняла мужскую модель сексуального поведения, что не могло встретить одобрения феминисток. Безусловно, тема женского сексуального поведения не была магистральной для феминисток того времени. Однако они уже размышляли о женской природе несколько иначе, чем это было принято в то время, и ими был сделан шаг на пути принятия идеи о праве женщины распоряжаться своим телом. И хотя большинство российских феминисток не принимало идей неомальтузианства, по сути от их размышлений о праве женщины завести ребенка независимо от санкции мужчины и общества было не так далеко до мысли о том, что женщина может и не заводить ребенка, если она того не хочет.

С.С. Газихмаева

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

---

[283] Выражение М.И. Покровской – Единая половая нравственность // Женский Вестник. 1910. № 4. С. 90.

[284] Вахтина М. Лев Николаевич Толстой // Женский Вестник. 1910. № 12. С. 250.

«ЛИЧНОЕ» И «ОБЩЕСТВЕННОЕ» В «ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДНЕВНИКАХ» А.М. КОЛЛОНТАЙ

Александра Михайловна Коллонтай, член ЦК партии большевиков, дипломат, проповедница свободной любви – одна из самых знаменитых и легендарных женщин XX столетия. Первая в России женщина–министр, первая в мире женщина–посол и первая русская женщина–социолог: ее исследования об охране материнства и детства актуальны и сегодня. Коллонтай – создательница первого в истории руководящего органа, занимавшегося женскими вопросами – женотдела ЦК РКП(б).

Александра Михайловна на протяжении своей долгой политической и общественной деятельности вела дневник. «В жизни советского гражданина личное не должно быть отделено от общественного» или даже «личное должно быть превыше общественного», — примерно так формулировался один из основных лозунгов советской эпохи. Хотелось бы взглянуть на фигуру А.М. Коллонтай и оценить ее «Дипломатические дневники» по–новому, не с идеологизированной позиции. Для этого необходимо ответить на следующие вопросы: в каком качестве предстает перед читателями автор в своих «Дипломатических дневниках», как Коллонтай выстраивает свой образ в тексте, как и когда проявляется в тексте ее «женское лицо», спрятано ли оно за маской политического деятеля или полностью слито с ней? Издание дипломатических дневников А.М. Коллонтай[285], которое было использовано в данной работе, включает только восемнадцать лет ее дипломатической службы и заканчивается 1940 г.

В авторском введении к своим «дневникам» Александра Михайловна предупреждает, что *«если кто–нибудь будет ждать сногшибательных разоблачений, запутанных интриг и сенсаций в моих записках, то его*

[285] Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. 1922—1940. В 2 т. М., 2001.

постигнет глубокое разочарование. <...> Но зато красной нитью проходит основное задание советской дипломатии — укрепление сил, работающих против войны и в пользу мира, даже в самый момент войны».

Как мы видим, здесь А.М. Коллонтай делает акцент на общественно–исторической значимости своих записок. Она сразу же преподносит себя как «советского представителя», отстаивающего интересы родной страны в «буржуазных» государствах. Показательно, что во введении, кратко излагая основные направления внешней политики СССР и свои задачи как дипломата, Александра Михайловна ничего не говорит лично о себе. Таким образом, автор изначально определяет для своего текста жесткие жанровые границы дипломатического дневника и «настраивает» читателя на восприятие соответствующего содержания.

В первой тетради, названной «Норвегия. Мое назначение на дипработу», А.М. Коллонтай вскользь упоминает о своей личной драме, совпавшей с ее назначением на должность торгового представителя СССР. Отправляясь в Норвегию на новый пост, она так описывает свои чувства:

9 октября(1922 года). Гельсингфорс.

«Вот я и переехала нашу границу. Сердце мое сжалось, когда поезд, замедляя ход, проходил по мосту через речонку Сестра–река. Позади — первая в мире республика рабочих и крестьян. Позади — пять бешено промчавшихся грозовых лет революции, полных борьбы, напряжений и волнений, но и побед, и преодолений. Революция победила. Там, за Сестрой–рекой осталось и мое личное, большое и мучительное, — моя жизнь с Павлом».

О том, кто такой Павел, мы узнаем из редакторского примечания: «Речь идет о супружеской жизни Коллонтай со вторым мужем — Павлом Ефимовичем Дыбенко (1889—1938) — революционером, матросом Балтийского флота, видным военачальником Красной армии. В 1918 г. между ними должно было состояться заключение первого в стране гражданского

брака[286]. Они подали заявление, но по заданию партии им пришлось срочно разъехаться в разные районы. Брачное свидетельство они так и не получили. В 1922 г. Коллонтай и Дыбенко расстались. Этот разрыв послужил одной из причин просьбы Коллонтай направить ее на работу на Дальний Восток или за пределы страны».

Затем Александра Михайловна более подробно рассказывает о своем разводе, причем эпизод последнего объяснения с мужем изображен в насколько романтизированном духе, что напоминает сцену из какого–нибудь бульварного романа:

«Ночь, томительно–жаркая южная ночь. Удушливо–сладко пахнут розы нашего сада. Лучи луны золотом играют в темных волнах Черного моря и алмазами рассыпаются в брызгах морской пены.

Мучительно–повторное объяснение между мной и мужем происходило в саду. Мое последнее и решительное слово сказано: «В среду я уезжаю в Москву». Ухожу от него, от мужа, навсегда. Он быстро повернулся ко мне спиной и, молча, зашагал к дому. Четко прозвучал выстрел в ночной тишине удушливой ночи. Я интуитивно поняла, что означает этот звук, и, охваченная ужасом, кинулась к дому... На террасе лежал он, мой муж, с револьвером в руке...»

О том, что Павел выжил, Коллонтай не сообщает. Этот момент кажется забавным и показывает, что в тексте «дневников» муж Коллонтай предстает как фигура, имеющая лишь определенную функциональную роль — отвергнутого изменщика. Не углубляясь в подробности совместной жизни Александры Михайловны и Павла Дыбенко, надо сказать, что она была сложной, полной страстей и противоречий, но в «дневниках» об этом нет ни слова. Коллонтай даже не упоминает о связи Павла с некоей Валей

---

[286] Имеется в виду не *фактический* брак, который иногда называют гражданским, а брак, оформленный в соответствующих органах государственной власти без участия церкви.

Стефеловской — именно этот факт послужил причиной разыгравшейся драмы. Поэтому хотелось бы подробнее остановиться на приведенном выше отрывке. Стилистически он резко отличается от остального повествования, в целом нейтрального. Чем же обусловлено довольно неожиданное использование здесь экспрессивных выражений и романтических шаблонов? Возможно, умолчать об этом эпизоде своей жизни Коллонтай не могла: ведь он был связан с ее назначением на дипломатическую работу, т.е. имел прямое отношение к профессиональной жизни Александры Михайловны — идейному и сюжетному центру «Дипломатических дневников». О том, что произошло после их развода, мы узнаем из помещенного в дневниках письма А.М. Коллонтай к ее близкой подруге З. Шадурской:

«...И вот явилась моя секретарша… Первое, что она рассказала мне, это, что Павел вовсе не одинок, что когда его корпус перевели из Одесского округа в Могилев, он захватил с собою «красивую девушку», и она там живет у него… Взбесило меня другое. Моя секретарша тут же рассказала, что Павел заказал на мое имя и будто по моему поручению всякого рода женского барахла… Все это для «красивой девушки» под прикрытием имени Коллонтай.

Я не помню, когда я так возмутилась и взбесилась в своей жизни... Тут же написала письмо в ЦК партии, прося их не связывать моего имени с именем Павла, мы с ним в разводе де–факто. Я ни в чем не нуждаюсь и прошу известить Наркомпрод, что никаких заказов не делала и впредь делать не стану...»

А.М. Коллонтай, воплощая собой новый тип женской личности, «женщины–деятельницы», или, как она сама себя называла в одном из писем, «деловой женщины»[287], главенствующую роль в своей жизни отводила работе. Но одновременно важно понять, как Александра Михайловна пыталась

[287] Письмо А.М. Коллонтай к Т.Л. Щепкиной–Куперник от 6 (19) декабря 1911 г. // Коллонтай А.М. «Революция – великая мятежница...»: Избранные письма 1901—1952. М., 1989. С. 79.

сбалансировать «личное» и «общественное», ведь гармоничное сочетание этих двух сфер в жизни человека мыслилось ею как некий идеал. Однако в «дневниках» постоянно обнаруживается неудовлетворенность Александры Михайловны дипломатической работой, внутреннее неприятие этой профессии, которая не совсем соответствовала ее характеру, привычкам, навыкам. Но осознание своего общественного долга перед Родиной не позволяет ей открыто выразить подобные чувства

РАЗДЕЛ 4. ИНДИВИД И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ РОССИИ: РОЛЬ, ВОВЛЕЧЕННОСТЬ, УЧАСТИЕ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

В.В. Керов

Москва, Российский университет дружбы народов

«ВОЕВОДЫ», «БОЛЬШУХИ», «УСТАВЩИЦЫ» И «КЕЛЕЙНИЦЫ»: ГЕНДЕРНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В СТАРОВЕРИИ И ЕГО ФАКТОРЫ

Гендерный статус женщины в старообрядчестве всегда был очень высок. Фактически, как признавали сами староверы, он «во многом… уравнивался с мужским»[288]. Это обусловливалось целым рядом факторов.

Сразу после раскола русской церкви женщины приняли участие в сопротивлении никоновским «новинам». Отцы–основатели старообрядчества уравнивали мужчин и женщин в спасительном подвиге: «Смесимся в одно стадо с горними силами, – писал протопоп Аввакум, – и мужики, и бабы, и пареньки, и девушки». Соответственно, призывая «истинно верующих» к стойкости, он признавал за женщинами активную духовную силу, способную на борьбу за истинную веру. Боярыню Ф.П. Морозову и ее сестру Е.П. Урусову, выступивших против никоновских «новин» и подвергшихся

[288] Кириллов И.А. Наш грех // Старая Русь. 1912. № 5. С. 79.

репрессиям, Аввакум называл «воеводами огнепальными» и «воинством небесных сил». Боярыня, считал он, «умножила семя веры одождением духа», ее сестра «светло проповеда Троицу пресущную». Высоко протопоп оценивал деятельность и других женщин, которые «не яко жены, но яко мужие, обличаша безбожного»[289].

Конечно, в отношении к женщинам у протопопа сохранялись неизбежные черты традиционализма. Обращаясь к своим духовным дочерям, Аввакум настаивал: «А у вас… какое догматство между собою? Женский быт одно говори: "как в старопечатных книгах напечатано, так я и держу и верую…"». Другую ревнительницу благочестия, пытавшуюся искать «высокие науки», Аввакум ругал: «Дурька, дурька, дурище! На что тебе, вороне, высокие хоромы?»[290].

Позже позицию первых учителей развивали новые духовные руководители староверия. В обстановке суровых гонений и условиях «пустых и хлебонеродных мест» российских окраин, куда бежали старообрядцы, необходимость сохранения создававшихся старообрядческих общин как анклавов старой веры и истиной церкви приводили к освобождению от многих архаичных представлений и компонентов сознания. Так, киновиархами крупнейшего и авторитетнейшего центра старой веры – Выго–Лексинского общежительства был санкционирован физический и даже организационно–экономический труд на благо общины как «благой» и душеспасительный, который «небесного царствия сподоблевает»[291].

---

[289] Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 109, 112, 113, 117, 121, 142, 184, 195, 196.
[290] Там же. С. 113.
[291] ОР РГБ. Ф. 17. Д. 365. С. 112. Подробнее см.: Керов В.В. Формирование старообрядческой концепции «труда благого» в конце XVII – начале XVIII в. (к вопросу о конфессионально–этических факторах старообрядческого предпринимательства // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1996. Вып. 5. С. 36–44.

На Выгу, Ветке, Керженце и прочих старообрядческих центрах формировались и другие новые конфессиональные ценности староверов. Повышенный интерес к личности, своеобразный индивидуализм получили религиозную санкцию не только в историософии старообрядчества, но и в староверческом вероучении, антропологизация которого проявилась в развитии доктринальных положений о моральной ценности человека, об этическом богоподобии человека, его свободе в выборе этического пути, совести как ограничителе такой свободы. Сложились представления о личной ответственности каждого из верующих не только за судьбу своей личной души, но и за судьбу всей кафолической церкви (вне которой не спастись и святому) и веры, за все сообщество. Осуществлялся принцип сочетания духовной общности и индивидуальной ответственности за свое и общее дело.

Одной из таких развивавшихся тенденций стало повышение статуса женщин. В первой половине XVIII в. в жизнеописаниях мучеников старой веры в «Винограде российском» Семена Денисова и в «Истории Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филиппова в словах о выдающихся людях Выга, в отличие от дониконовской традиции, значительное место заняли женщины, и не только «большухи над женщинами», но и простые общежительницы – старица Агрипина, вдова Евдокия Андреевна, другие старицы, вдовы и девицы, наравне с мужчинами, работавшими на благо общины[292].

В дальнейшем, XIX–XX вв. в условиях государственных репрессий против старообрядчества и, соответственно, высокой ценности личных усилий подвижников старой веры женщины активно участвовали в строительстве и развитии общин. Множество старообрядок руководили моленными, «кельями» и пр., становились духовными наставниками и даже

[292] Денисов С. Виноград российский или описание пострадавших за древлеправославное благочестие М., 1906; Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1863. С. 117–478.

руководителями общин. К началу XX в. в старообрядчестве вообще, а особенно у поповцев, окончательно сложилась ситуация, когда «женщине отводится равное место с мужчинами в общественно–приходской жизни»[293].

Важным было и то, что отсутствие в XVIII в. в формировавшихся согласиях единого регулирующего и контролирующего идейного и организационного центра и, в то же время, необходимость обоснования новых ситуаций – наступления царства антихриста без его физического пришествия, существования без собственной иерархии, браков без венчания и пр. привело к тому, что после отступления всех властей от истинной веры лишенные священства, «официального посредничества между человеком и Богом» староверы были вынуждены объяснять себе возможность соблюдения канонических норм в новых условиях.

Соответственно, женщины также широко участвовали в духовной жизни и полемике. В начале XVIII в. Димитрий Ростовский, познакомившись со старообрядчеством в Ростовской епархии, отмечал, что «почти в каждом городе изобретается особая вера; простые мужики и *бабы* догматизируют и учат о вере». Миссионер официальной церкви, приехавший в Стародубье в 1723 г., с неодобрением (и очевидным преувеличением) отметил: «что двор, то учитель, а *что баба то типик*». В первой половине XIX в. другой «борец с расколом» – Феофилакт Тверской повторял: у старообрядцев «что мужик – то вера, *что баба – то устав*»[294]. Действительно женщины стали основателями нескольких согласий, в том числе Любушкиного (Кимры), Бабушкиного (Владимирская губ.) и др.

---

[293] Кириллов И.А. Наш грех. С. 80.

[294] Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Кн. VIII. С. 327; Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. С. 280; Кельсиев В. Предисловие // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В.[В.] Кельсиев. Лондон, 1860. Вып. 1. С. XV.

Именно женщины стали основной силой, способствовавшей возникновению широкой образовательной сети и формированию повышенной грамотности староверов. В условиях гонений, частого перемещения учителей и школ, женщины, менее заметные властям и не хуже мужчин владевшие началами богословия, могли действовать эффективнее. В результате преподавание в старой вере стало их прерогативой. Центры обучения создавались прежде всего в скитах, в особенности в женских. Вне обителей старообрядцы учились у старших в семье и у наставников, «наибольшей же частию… у девок келейниц, явных или тайных», которых полиция считала самыми «вредными сектаторами». Во всех согласиях такие «келейницы» (в различных локальных группах старообрядцев – «книжницы», «богомолки», «наставницы», «духовные матери», «мастерицы», «уставщицы», «псаломщицы», «начетчицы» и др.), специально посвятившие себя изучению духовных книг и обучению младшего поколения, пользовались высоким авторитетом.

Возросший статус реализовался и в предпринимательском занятии женщин–старообрядок и еще значительнее – в реализации важнейших функций старообрядческого предпринимательства – перераспределении прибылей предприятий на содержание общин, защиту их от преследований, внутри– и внеобщинной благотворительности[295]. В целом, более высокое относительно «синодального» большинства положение женщины в старообрядчестве было обеспечено различными факторами. Серьезно повлияли условия постоянных преследований старой веры, а также обостренный эсхатологизм старообрядцев, заставившие их отказаться от некоторых элементов традиционализма, в том числе, от архаического

[295]Подробнее см.: Керов В.В. Место женщины в старообрядческом сообществе и предпринимательстве // Женщина в старообрядчестве: Мат–лы Междунар. научно–практич. конф., посвящ. 300–летию основания Лексинской старообрядческой обители. Петрозаводск, 2006. С. 14–23.

гендерного статуса женщин. Не менее существенную роль сыграла готовность и способность русских женщин взять на себя новую роль лидера в духовно–образовательной работе на благо веры.

О.А. Сухова

Пенза, Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КРЕСТЬЯНСКОГО «БУНТА» В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Положение женщины в традиционном обществе характеризовалось не столько её подчинённым положением, сколько, прежде всего, необходимостью сохранения традиций, в том числе, и в ритуальной практике, создания условий для социализации подрастающего поколения, чем, собственно, подчёркивалось значение важнейшей функции – функции продолжения рода.

Примером тому может служить неадекватное, чудовищное, на первый взгляд, поведение женщин в с. Ст. Чиртим Кузнецкого уезда Саратовской губ. Здесь после объявления Манифеста 19 февраля 1861 г. крестьяне отказались приступить к засеву своих наделов, ожидая передачи им всей помещичьей земли. По приказу губернатора зачинщиков подвергли публичной порке: «Их взяли и стали сечь, они закусив пальцы, не издавали ни звука; сечение их прекратилось после заявления врача о их бессознательном состоянии. Толпа стала кричать: “И нас секите!” Бабы вздумали выбрасывать грудных детей за цепь солдат»[296].

Весьма показательно в этом отношении совпадение поведенческих практик и спустя полвека: участие женщин в выступлениях российского крестьянства в период проведения аграрной реформы П.А. Столыпина

[296] Хованский Н.Ф. Помещики и крестьяне Саратовской губернии. Саратов, 1911. С. 181.

проходило по тому же сценарию. Так, в монографии О.Г. Вронского также приводится факт пренебрежения жизнью собственных детей, имевший место в Курской губернии: «…Одна баба бросила в яму [для постановки межевого столба – *прим. автора*] ребенка».

Нельзя сбрасывать со счетов и прагматизм крестьянского восприятия: во время вспышек массового протеста толпу возглавляли, как правило, женщины и дети («…им ничего не будет»). Ярким примером тому является восстание крестьян с. Хованщина и д. Монастырщина Сердобского уезда Саратовской губ., произошедшее летом 1902 г. Как отмечает в своем донесении Саратовский губернатор А.П. Энгельгардт, решение о наказании крестьян розгами на месте было отложено из–за нежелания «возбуждать толпу», так как «бабы и ребятишки бросались на солдат», в ход могли пойти палки и камни, а открывать огонь по женщинам и детям признавалось недопустимым[297].

В 1914 г. мощным фактором активизации защитных функций общины, выразившейся в пробуждении наиболее архаичных поведенческих стереотипов, стала мобилизация. При отсутствии устойчивого поведенческого стереотипа саморегуляции психологических реакций на столь масштабные мобилизационные компании мотивом социальной агрессии становится поиск виновника переживаемого состояния. Скопление значительных масс людей в непосредственной близости от сборных пунктов, общность эмоционального восприятия происходившего, ощущение состояния фрустрации как блокировки всех надежд в дополнение к особенностям крестьянской психологии, выраженным склонностью к коллективным способам мышления и поведения, – вот перечень условий формирования определенного состояния сознания, при котором достаточно любого, даже самого незначительного повода, для запуска реакции релаксации предельных состояний психики путем перехода социальной динамики

[297] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7334. Л. 10 об.

на уровень агрессии. Сам повод в различных его вариациях, вызывавший проявления массового поведения, выполнял исключительно функцию провоцирования толпы на решительные действия и не отражал реального содержания социальных представлений и ощущений.

В условиях мобилизации огромных масс трудоспособного мужского населения усиливается противодействие деревни («преимущественно солдаток») проведению землеустроительных работ, что фиксируется в отчётной документации местных властей уже с 1915 г.

Особое место среди протестных форм социальной активности занимают выступления против дороговизны. Так, в с. Красный Кут Новоузенского уезда Самарской губ. 23 июня 1916 г. «толпа солдаток только что получивших пособия и направившихся к лавке для покупок в связи с предъявлением торговцами повышенных цен на некоторые товары произвела беспорядки и разгромила лавку Думлера»[298]. И на фоне распространения, в данном случае, германофобских настроений, злоупотреблений местных властей в деле обеспечения населения сахаром, а также главным образом потому, что «бедность одолела», общая направленность экономических интересов и ущемлённое чувство национального достоинства нашли выход для накопившейся психологической напряжённости, выход в форме социальной агрессии.

Сахарные погромы в июне 1916 г. охватили четыре села в Новоузенском уезде Самарской губ. и везде проходили примерно по одинаковому сценарию. Вначале солдатки предъявляли торговцам требование снизить цены (в некоторых случаях до норм «какие были до войны»)». При согласии последних начиналась покупка «по дешевке», продолжавшаяся, однако, недолго и переходившая, как и в случаях несогласия торговцев «на дешевку», в самовольный разбор товаров и унос их по домам». Показательно, что чем

[298] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 3727.

сильнее оказывалось противодействие владельцев или приказчиков, тем масштабнее становился грабеж, сопровождавшийся взломом дверей, подпольев и окон.

По всей вероятности, следует более внимательно отнестись к гендерным факторам революционного взрыва, произошедшего в 1917 г. И основным вызовом традиционной крестьянской повседневности необходимо рассматривать именно масштабные мобилизационные кампании. В этом контексте Первая мировая война выступает определяющим фактором роста протестных настроений и дискредитации идеи «государственности» в тыловых регионах, а «бабьи бунты» – формой социально–психологической адаптации к военным конфликтам индустриальной эпохи.

Активизация правотворческой и защитной функции общинного мироустройства в условиях распада государственных связей предопределила масштабное участие женщин и детей в различного рода проявлениях массовой агрессии, развивавшихся чаше всего по алгоритму самосуда.. Столь масштабное участие женщин в проявлениях массового протеста можно объяснить нарушением традиционного демографического баланса, а точнее резким сокращением числа молодых мужчин. Отходничество, мобилизационные кампании, дезертирство, «бегство кулаков» на начальном этапе коллективизации и пр. можно прочесть как угрозу патриархальной «картине мира», хотя данная гендерная реакция и не была формализована и представлена в требованиях восставших. На наш взгляд, именно представление о кардинальной ломке гендерных ролей на крутых поворотах истории позволяет интерпретировать «бабий бунт» как критерий для периодизации революции в России.

С другой стороны, реконструкция алгоритма «бабьего бунта» позволяет увидеть механизм «встраивания», адаптации общины к новой социальной реальности, к масштабнейшему проекту социальной инженерии. Поэтому не

стоит сбрасывать со счетов и возможности социальной мимикрии. Позиционирование женского восстания как своего рода массовой истерии позволяло одним деполитизировать народное сопротивление, а другим свести возможные репрессии к минимуму, а заодно апеллировать к государству, рассчитывая на определённый компромисс.

О.В. Чуракова

Архангельск, Северный и Арктический федеральный университет

«ЕЁ ДУША ТРЕПЕЩЕТ ПРЕДЧУВСТВИЕМ ГРЯДУЩЕГО»: РОССИЙСКАЯ ЖЕНЩИНА НАЧАЛА XX В. В ПОИСКАХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВОГО ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА ПО ЖЕНСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ)

Процессы модернизации российского общества на грани XIX и XX веков привели к возросшей социальной мобильности женщин. В «женском мире» — особой социокультурной сфере, — появились новые категории и доминанты: политика и бизнес, успешность и профессионализм. В 1871 г. император Александр II Указом «О допущении женщин на государственную службу» открыл российским женщинам путь к профессиональной деятельности. Но для полноценного участия в общественной жизни страны им необходимо было должное образование. Почти полвека ушло на получение декларации о возможности иметь равное с мужчиной образование. В 1911 г был высочайше утвержден одобренный Думой законопроект «Об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений».

Приобретение нового социального опыта, как правило, нуждается в рефлексии. И потому в конце 1912 — начале 1913 г. в Санкт–Петербурге состоялся Первый Всероссийский съезд по женскому образованию, в работе которого приняли участие 1115 женщин–делегаток. Съезд обсудил проблемы низшего, среднего, высшего, художественного, внешкольного и

профессионального женского образования в России, постановку преподавания на различных факультетах женских институтов. Но главное, — почти в каждом выступлении звучало то, что современные ученые называют проблемами социальной идентичности. Женщины, получавшие образование, ощущали себя частью российского общества и встали на путь поиска новой социальной и профессиональной идентичности.

Не менее значимо то, что в рамках сложившейся новой, антропологической парадигмы женского образования и воспитания женщины–ученые исследовали особенности «женской натуры». В структуре гендерной идентичности ученые выделяют следующие главные компоненты: когнитивный (познавательный) — осознание принадлежности к определенному полу и описание себя с использованием категорий мужественности–женственности, и аффективный (оценочный) — оценка психологических черт и особенностей ролевого поведения на основе их соотнесения с эталонными моделями маскулинности–феминности.

На Первом Всероссийском съезде по женскому образованию, прежде всего, обговаривался вопрос о равенстве полов в вопросах образования, преподавания и научной работе. Городской голова Санкт–Петербурга, бывший министр просвещения граф И.И. Толстой в докладе «О совместном высшем образовании» развенчал доводы противников совместного обучения в том, что «женщина обладает иными способностями, а потому не может конкурировать с мужчиной». Ему вторили в своих докладах Председатель Совета Российской Лиги равноправия женщин П.Н. Шишкина–Явейн, глава Общества содействия внешкольному образованию А.С. Милюкова, одна из первых женщин–врачей в России, председатель Русского женского взаимного благотворительного общества А.Н. Шабанова и другие.

Преподавательниц женских вузов волновал вопрос: «является высшая женская школа университетского типа общеобразовательным учреждением

или школой научной работы». Своими доводами в этом вопросе поделилась доктор истории, профессор А.Я. Ефименко в докладе «Из личных наблюдений и впечатлений». Профессор не побоялась затронуть вопрос, который сама назвала «щекотливым»: «нет ли в природных свойствах интеллекта обоих полов чего–либо, исключающего возможность их уравнения на почве высшего образования?» И отмечала при этом, что «этот вопрос слишком часто отравляется ядовитым сомнением, что дело идет не только о качественном различии, находящемся в зависимости от естественных, физиологических различий, но и от количественного различия «в степени»: выступает вопрос о «выше» и «ниже». Развенчивая мнение о том, что «курсистка по сравнению со студентом, добросовестнее, исполнительнее, аккуратнее, но проявляет меньше оригинальности, инициативы, творчества», профессор Ефименко убеждала участников съезда в том, что «наблюдая даже элементарную научную работу женщин», очевидно, «что это не «дамское рукоделье» — ядовитое выражение одного глубокоуважаемого коллеги, т.е. не механическое воспроизведение данного образца».

Были у делегаток съезда и попытки дать «описание себя с использованием категорий мужественности–женственности». Так историк А.Я. Ефименко в совершенно современном для сегодняшнего исследователя «гендерном дискурсе» рассуждала: «Не показывает ли нам повседневное наблюдение, что преобладание синтеза и дедукции составляет отличительное свойство женского ума по сравнению с умом мужским? Интуиция… есть в гораздо большей степени свойство женской духовной организации, чем мужской».

Не менее важные выводы прозвучали в докладе А.В. Тырковой «Изменение психологии женщины XIX в. соответственно с изменившимся образованием». «Внутренний рост женского Я требует нового сознания

женственности, — настаивала А.В. Тыркова, — Ведь не утрачивать свою женственность, а только расширять и освобождать ее хочет новая женщина».

Делегатки женского съезда весьма критично относились к своему полу. «В женской духовной природе есть одна особенность, складка, пожалуй, дефект, мешающий женщине проявлять себя в области интеллектуальной работы, как и в других областях, в той полноте, какая, ей возможна по природе ее способностей. Это… — «недостаток инициативы», — полагала А.Я. Ефименко. «Женщине недостает стихийной, органической привычки и потребности ставить цели своей деятельности в социальной среде». Её мучили вопросы: «что держит в петлях своих соблазнительных идей женскую душу?... Чего недостает женщине?» И профессор сама отвечала на них: «Не интеллектуальных сил, не творчества, не трудоспособности. Ей недостает энергии внутреннего побуждения ставить себе цели в социальной среде и настойчиво преследовать эти цели. Это можно смешать с характером, но это не характер. И слабохарактерный мужчина определяет свое место в жизни и добивается того, чего не делает и сильная женщина. Здесь женщину выручает пока только исключительная одаренность, то, что мы называем талантом и что играет роль внутреннего импульса, движущей силы».

Помимо самоактуализации докладчицам важны были и проблемы мужской гендерной идентичности. А. Ефименко, например, желала «новой женщине», «чтобы она не взяла из настоящего тех черт, которые составляют обратную сторону преимуществ мужской психологии — честолюбия, властолюбия, карьеризма » А. Тыркова уверяла, что в этом случае увенчается успехом их «борьба с несовершенством мужского строя жизни». Эти высказывания не утратили своей актуальности и спустя столетие.

Таким образом, начало XX века актуализировало вопрос о гендерной идентичности «новых женщин». Женщины верили, говоря словами А.Я. Ефименко, что «в недрах современного общества уже зарождается

новая жизнь, и женщина чутко прислушивается к слабому еще биению ее пульса. Современная женщина вся полна устремлением в таинственную даль будущего и ее душа трепещет предчувствием грядущего».

Е.Ю. Волкова

Кострома, Костромской государственный технологический университет

РОЛЬ ЖЕНЩИН В СМЕНЕ ОБЩЕСТВЕННО–ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КОСТРОМСКОГО КРАЯ)

Во второй половине XIX века бурно развивавшееся революционное движение в России постепенно втягивало в свои ряды женщин, в том числе и Костромского края. Мечта о справедливом обществе, равенстве, прогрессивных формах человеческих отношений толкала их на участие в радикальных формах борьбы за достижение цели. Дворянка Екатерина Григорьевна Бартенева, владевшая имениями в Буйском уезде Костромской и других губерниях, по реформе 1861 г. вместе с мужем Виктором Ивановичем ликвидировали все свои имения, передав их без выкупа своим крестьянам, и уехали в Швейцарию, где вступили в «Русскую секцию» I–го Интернационала. В дни Парижской Коммуны Е.Г. Бартенева оказывала медицинскую помощь раненым коммунарам. Вернувшись в 1871 г. в Россию, она принимала участие в подготовке покушения на Александра II, в 1878 г. скрывала Веру Засулич. В 1889 г. Екатерина Григорьевна была избрана секретарём конгресса II–го Интернационала под фамилией Артенова. За активную пропагандистскую деятельность была выслана в Псков, где занималась организацией воскресных школ для рабочих. Варвара Васильевна Шулепникова, дочь солигаличского помещика, окончив Гриоговскую гимназию, поступила на Высшие Бестужевские курсы. Братья её были весьма богатыми и влиятельными людьми: Иван — депутат 4–й Государственной Думы от Костромской губернии, Павел – предводитель губернского

дворянства, Василий — земский начальник в Нерехтском уезде, а Варвара сошлась с революционной молодёжью. По делу «Народной воли» Шулепникова была арестована и сослана в Иркутскую губернию на пожизненную ссылку без всяких средств[299].

В 90–х гг. во многих городах страны создавались марксистские кружки с участием женщин. В Костроме в 1896 г. в кружок, созданный Д.А. Семёновым, вошли его сёстры Мария и Ольга, ткачихи с Зотовской фабрики. Подпольным кружком рабочих руководили профессиональные революционеры–большевики П.Н. Караваев и Мария Александровна Симановская (Растопчина). В 1904 г. работница Анна Павловна Винокурова стала членом РСДРП и была избрана в состав подпольного фабричного подкомитета. Она была участницей нелегальных партийных собраний, рабочих сходок, массовок, хранила нелегальную литературу, листовки и прокламации. Стойкость участниц рабочего движения порой поражала современников. «Не боюсь тюрьмы: всё равно на воле с голоду умирать»[300], – заявила жандармскому полковнику избитая им беременная работница, участница забастовки костромских рабочих в 1903 г.

С началом революции 1905—07 гг. костромские женщины принимали активное участие в забастовках, выступали на митингах, входили в боевые дружины. В деревнях по губернии вспыхивали «бабьи бунты». В гимназиях и даже в женском епархиальном училище в Костроме распространялась нелегальная литература, в городе действовали подпольные кружки учащихся. Некоторые гимназистки Костромской женской гимназии, в том числе Мария Леонтьева, Мария Виноградова, Екатерина Виноградова и др. встали на путь революционной деятельности. М.Н. Леонтьева вспоминала, как тайком она

---

[299] Григоров А.А. Указ.соч. С. 299.
[300] Искра. 1903. 5 апр.

пробиралась на Воскресенскую улицу в Костроме на квартиру А.А. Языкова, где собирался кружок учащихся. В 1911 г. дочь священника, окончившая костромское епархиальное училище, Ольга Ивановна Дианова (Чижова) через ученические кружки познакомилась с группой костромских большевиков, а в феврале 1912 г. вступила в их партию (партийная кличка — «Катя»). В годы Первой мировой войны заработная плата на костромских предприятиях сократилась в 3–4 раза. Безработица, нищета способствовали росту стачечного движения. Если в 1915 г. в Костроме в стачках участвовало 35 тыс. рабочих, то в 1916 г. – 73 тыс., а за два месяца 1917 г. (январь и февраль) – 25 тыс. Большинство участников составляли женщины.

8 марта (23 февраля) 1917 г. женщины во многих городах России вышли на улицу под лозунгами: «Хлеба детям!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!» Как известно, именно эти выступления женщин положили начало февральской революции в России. В частях Костромского гарнизона солдатскому комитету активно помогали вести революционную агитацию среди солдат Е.А. Виноградова, Е.П. Кривошеина, А.А. Подлипаева. В результате оба полка, дислоцированные в Костроме, в полном составе перешли на сторону революционных сил. Утром 3 марта 1917 г. они в сопровождении оркестра, исполнявшего «Марсельезу», вышли из казарм и направились колонной к центру города. К ним присоединились многочисленные колонны рабочих и работниц, остановивших фабрики.

Резко возросло число работниц в профсоюзах. Наиболее активных из них избирали в фабричные комитеты. На фабрике Михина в него была избрана А.Ф. Комичёва. Позже она рассказывала: «Помню, при выдвижении кандидатур кричали: «Выбирайте Комичёву, она политиканка!» Так в народе

называли тех, кто вёл нелегальную работу»[301]. А.Ф. Комичёва руководила охраной фабрики, которая осуществлялась группами рабочих. Ими были предотвращены поджоги, взрывы и разграбление.

В первый состав фабкома фабрики Кашина были избраны Екатерина Петровна Скворцова и Вера Павловна Крылова. Когда фабком 29 сентября 1917 г. переизбрали, то женщины в его составе оказались в большинстве. В комиссиях по разработке тарифов и по контролю за производством было по 3 женщины из 5 их членов, в комиссию служащих вошли Лобанова и Смирнова. На фабрике Зотова председателем фабкома была избрана работница А.Г. Карманова. Под её руководством большую работу в фабкоме выполняли Т.П. Решетова и К.Н. Русина[302].

Интенсивно работали женщины и в других выборных организациях. В Костромской городской думе интересы рабочих отстаивали работницы А.Г. Карманова, Т.П. Решетова, Е.А. Гагарина и другие. В Буйском уезде в Воскресенской волости в земельной комиссии работала учительница А. Орлова–Смирнова. Под её влиянием крестьяне в июле 1917 г. захватили помещичьи покосы и поделили их между собой. Когда их примеру последовали крестьяне других волостей, А. Орлову–Смирнову арестовало уездное начальство, но крестьяне добились её освобождения.

В Костроме Советская власть была установлена 29 октября 1917 г. мирным путём, поскольку перевес ее сторонников был огромный. Десятки тысяч женщин разных слоёв Костромского края, доведённые до крайности войной и нерешительной политикой правящих буржуазных партий, поддержали самые радикальные, часто популистские лозунги большевиков.

---

[301] Октябрь в Костроме. Сб.восп.участников Октябрьских событий. Кострома, 1957. С. 24.
[302] ГАНИКО. Ф. 3215. Оп. 2. Д. 185.

В настоящее время ленинское признание в октябре 1917 г. о роли женщин в смене общественно–экономической формации — «без них мы не победили бы», — становится все более актуальным. Женщины демократической России XXI века продолжают превосходить мужчин в количественном отношении и занимать важные места в экономике. Учитывая исторический опыт, огромное значение женщин в становлении России как величайшей державы мира не вызывает сомнения.

Н.Н. Козлова, В.И. Успенская

Тверь, Тверской государственный университет

ЖЕНСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX—XX В.

Публичная дискуссия в российском обществе XIX – начала XX в. по женскому вопросу показала сложность, многогранность и «драматичность» процессов модернизации социальных установлений. Казалось, «созданные самой природой» традиционные институты – национальные общности, семья, церковь и т.д., – подвергались сомнению и критике. В XIX в. в российском обществе началась и продвигалась быстрыми темпами аналитическая работа, цель которой состояла в пересмотре сущности и функций практически всех общественных явлений.

Выстраивание новых типов социального дискурса о женщине – 1) ортодоксально–консервативного и 2) эгалитарно–прогрессистского, — проходило в весьма своеобразных рамках публицистики, что приводило к созданию в основном риторических форм аргументации с большим количеством так называемой «литературщины» и крайне малым объемом действительно убедительных аргументов. Последнее в наибольшей степени характеризует рассуждения противников равноправия, что в полном соответствии с правилами использования риторических фигур приводило к построению, по сути, мифологической картины, рисующей идеальные образ и

модели существования русской женщины. 1) «Своему» образу противопоставляется «чужой». Описание последнего, как правило, насыщается обилием негативных коннотаций, рельефно манифестирующих превосходство и чистоту «своего» идеального образа. В проанализированных ниже текстах граница «своя – чужая» достаточно традиционно проходит по периметру национальной идентичности.

2) Комплементарная первой стратегия максимального наполнения созданного идеального образа всевозможными атрибутами превосходства, включая использование и изначально негативных свойств с последующим изменением их полярности, еще более подчеркивающих риторическую силу дискурса.

Прогрессисты не связывали женский вопрос и национальный: гражданский статус, а не национальный был для них приоритетным. Тогда как в текстах российских публицистов XIX−XX вв., *не усматривавших в женской эмансипации прогресса, блага для России,* можно наметить несколько точек соприкосновения гендера и национальности: а) отнесение женского вопроса к искусственным, надуманным, новым, порожденным другой, «чужой» культурой, привнесенным в Россию извне *иноземными* силами, а потому не имеющим права на существование на российской почве; б) рассмотрение черт и качеств, свойственных только русским женщинам, формирование идеала, эталона русской женщины.

Главная критика русских публицистов была направлена на очень популярное в России сочинение Дж.С. Милля *О подчиненности женщин*. Н. Страхов рассматривал книгу Милля как «протест против существующего в Англии порядка, протест, для которого у нас нет таких сильных и многочисленных поводов, как там <…>. Женский вопрос в том виде, как его представил Милль, имеет своеобразный, именно вполне английский характер <…>. Это явление отчасти привозное, отчасти сочиненное <…> очевидно, никак не составляет выражения потребностей русской жизни <…> мы не

слышим в нем выражения какой–нибудь действительной потребности русских женщин, а видим только напускные требования, подражание иностранцам, фантазию, не имеющую никакой правильной и ясной связи с действительностью»[303].

Показывая нерусскость женского вопроса в России, другой российский публицист начала XIX в., М. Меньшиков, сводит все российское женское движение к деятельности еврейских женщин: «У нас пионерками допущения женщин в адвокаты являются такие представительницы русских женщин, как Гитель Абрамовна Флейшиц и Лея Гинзбург <…>. Пусть сторонники женского равноправия кричат и вопят сколько им угодно, будто *все* русские женщины задыхаются от попрания их самого священного права быть присяжными поверенными, – Государственный Совет хорошо сделает, если спросит: кто же эти «*все* русские женщины?» <…>. Для пары евреек или даже для двенадцати колен израильских не стоит навязывать *всем* русским женщинам стремлений и домогательств, каковых они пока еще не имеют»[304].

Описывая образ русской женщины, П. Бакунин использует прием сравнения, сопоставления русских и нерусских женщин: «Другие женщины, немки, англичанки, француженки, итальянки и испанки, все подневольны, все подвластны и считаются только со своими естественными, женскими слабостями <…>. Одна только русская женщина является вполне человеком, вполне самой собою»[305]. П. Бакунин не ставит вопрос о свободе женщин в социальном, юридическом аспектах. Право и свобода женщин заключается только в исполнении долга. Таким образом, нерусскость женского вопроса

---

[303] Страхов Н.Н. Женский вопрос // Мужские ответы на женский вопрос в России Вторая половина XIX – первая треть XX вв. Антология. В 2–х т. Под ред. В.И. Успенской. Тверь, 2005. С. 86—87.
[304] Меньшиков М.О. Женское брожение // Мужские ответы на женский вопрос в России… С. 333.
[305] Бакунин П.А. Указ. соч. С. 74–75.

проявляется в том числе и в нежелании идти по пути правового закрепления прав и обязанностей женщин, характерного для западной культуры. Наиболее ярко неправовое решение женского вопроса российской публицистики проявляется в критике позиции Дж.С. Милля. Н. Страхов выходит на проблему соотношения права, обязанности и долга как ключевую для разграничения русской и западной (в лице английской) цивилизации: «Как западный человек вообще, и как чистый англичанин, Милль придает правам гораздо больше значения, чем мы, русские»[306].

Мы думаем, что можно квалифицировать цели и пути достижения российскими публицистами русского женского идеала как традиционного и православного. По многим уже приведенным цитатам из текстов П. Бакунина и Н. Страхова становится понятным, что матрицей идеала русской женщины является образ Богородицы с его чистотой, самопожертвенностью, исполнением материнского долга. Восстановление образа и подобия божия в современной женщине должно быть главною обязанностью современного искусства, считает Н. Соловьев[307].

Таким образом, в противовес эгалитарно–прогрессистскому типу социального дискурса о женщине ортодоксально–консервативный четко увязал национальную и гендерную проблематику, формируя систему бинарных оппозиций для характеристики «русских своих» и «нерусских чужих». В «женском вопросе» авторы консервативного направления увидели напряженность русской и нерусской культур: православие против католичества, дух против плоти, мораль против права, традиция против модернизации, идеализм против практицизма, биологический детерминизм против социального конструктивизма.

---

[306] Страхов Н. Указ. соч. С. 78.
[307] Соловьев Н. Указ. соч. С. 54.

А.В. Луговая

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского

УЧАСТИЕ ИНСТИТУТОВ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В АКТУАЛИЗАЦИИ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Реформы 1860–х годов дали мощный толчок экономическому, политическому и социальному развитию страны. Наблюдались процессы демократизации и индустриализации, быстрый рост городского населения, которые открыли возможности для самореализации женщин в обществе.

В конце XIX – начале XX века женщина воспринималась по–разному. Согласно традиционному пониманию, как женщина–мать, друг, хранительница домашнего очага. В противоположном духе — как источник эротического наслаждения, обязательное условие развлечений — женщина, участвующая в кордебалетах, занимающаяся проституцией. Наконец, «век модерна» сформировал образ деловой женщины, которая стремилась наравне с мужчинами получить образование, работать, бороться за свои права.

Социальной самостоятельностью отличались работницы, занятые в промышленном производстве. Они, в большинстве своем, крестьянки и мещанки нарушали вековые традиции и уходили работать на фабрики и заводы, где осваивали совершенно новые, не свойственные им мужские профессии вплоть до грузчиков. Большинство же работниц были заняты в текстильной промышленности. Например, на Ярославской Большой мануфактуре к 1902 году из 10 тыс. рабочих 4 тыс. были женщины[308].

[308] Балуева Н.Н. Ярославская Большая мануфактура. Страницы истории. Ярославль, 2002. С. 67.

Условия промышленного труда были невыносимыми. Пыль, пары, газы наполняли фабричные корпуса, что служило причинами широкого распространения профессиональных заболеваний: расширением легких, туберкулезом, катаром дыхательных путей, экземой, плоскостопием, малокровием, расстройством нервной системы, нарушением вестибулярного аппарата головного мозга и головокружением. У женщин из–за сильной вибрации полов бывали выкидыши и преждевременные роды. Шум, грохот от станков, веретен наполняли фабричные корпуса. 75% работников имели плохой слух. Заработная плата была невысокой, ее снижению способствовало существовавшая штрафная система за брак, неисправность в работе, за нарушение дисциплины и другие виды штрафов на усмотрение фабриканта[309].

Для того, чтобы оторваться от этой тяжелой действительности, женщины начали посещать различные институты массовой культуры, такие как кинематограф и цирк. Были случаи, когда в ярославские электро–театры женщины приходили с грудными детьми на руках[310]. С чем была связана такая популярность этих развлечений?

Во–первых, эти институты были наиболее доступными в материальном плане, отличались демократизмом: наряду с высшими их могли посещать и низшие классы (крестьяне и мещане). Во–вторых, в фильмах женщины видели то, что помогало им отвлечься от грубой, серой, однообразной действительности и погрузиться в мир грез и мечтаний, возможно, даже в ту обстановку, в которой хотели бы жить. На экране они видели актрис Асту Нильсен и Мэри Пикфорд, красивых, сильных, независимых, образованных, справляющихся со всеми трудностями, возникающими на их жизненном пути. Одни женщины хотели быть похожими на них, другие – видели в них себя. В–

[309]Там же. С. 69.
[310]Заезжий. В «Отдыхе» // Голос: ежедневная газета, издаваемая в Ярославле. Ярославль. 1910. № 28. С. 3; А.К. В «Восторге» // Голос. 1910. № 103. С. 3.

третьих, институты массовой культуры формировали российскую моду. И на цирковой арене, и в фильмах многие деловые женщины видели, как одеваются артистки и брали на заметку, какое платье можно сшить или какую шляпку стоит надеть. Возможно, благодаря этим институтам массовой культуры в моде произошла революция. Постепенно прически, прямые силуэты дамских нарядов становились все короче, появились первые изящные ботиночки на каблуках, одежда становилась более удобной[311].

Постепенно женщины через приобщение к массовой культуре переосмысливали свое место в обществе. Стремление изменить свое положение подтолкнуло некоторых женщин пойти работать в цирк или сниматься в кинематографе. Например, в Ярославле в зверинце Василевского выступала укротительница Александрова, исполняющая бесстрашный номер с положением головы в пасть ко льву[312]. Многие показывали еще более необычные номера: в цирке А.Д. Горец принимали участие велосипедисты–фигуристы Ян Польди и м–с Юлия Тюаль[313], в цирке Труции выступала чудная дрессировщица собак и обезьян Дора Илленеб[314]. Таких примеров можно привести множество.

Таким образом, женщины не останавливались на достигнутом на пути к самосовершенствованию, в борьбе за свои права, за уважительное отношение со стороны мужчин. И роль институтов массовой культуры в этом была велика.

В.П. Федюк,

Ярославль, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

---

[311]Проектная работа "История киномоды 10–20–х годов XX века" [Электронный ресурс] — http://festival.1september.ru/articles/507204 (1.05.2011)

[312] Голос. 1909. № 218. С. 1.

[313] Голос. 1911. № 13. С. 1.

[314] Голос. 1909. № 166. С. 1.

О.В. Ольнева

Ярославль, Ярославский индустриально–педагогический колледж

«ЖЕНСКОЕ ЛИЦО» РЕВОЛЮЦИИ. РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В 1917 Г.

Весной 1917 г. революционная эйфория затронула всех и вся. Даже «Журнал для хозяек», традиционно не печатавший ничего кроме выкроек и кулинарных рецептов, украсил обложку мартовского номера изображением «Свободной России» в виде румяной дамы в кокошнике с красным знаменем в руках. Приведем строки из газетного описания первомайской демонстрации в Ярославле: «На огромном полотне изображена молодая девушка, олицетворяющая Россию. Под ногами у нее сломанные тюремные решетки и разорванные цепи, которые она безжалостно топчет. Мечом Россия отрубает голову царскому орлу. Тут же валяется трон и корона»[315]. Интересно, что на большинстве плакатов того времени «революция», «свобода», «демократия» фигурируют именно в женском обличье. Нам кажется, что дело тут не только в том, что в русском языке все эти слова женского рода. В определенном смысле революция на этом этапе имела отчетливо выраженное женское лицо.

Дореволюционная Россия была страной мужчин в том смысле, что именно в их руках находилось принятие властных решений любого уровня. Этому ни в коей мере не противоречат многочисленные примеры пребывания женщин на русском троне. Само обладание верховной властью делало ее носителя существом бесполым, как, впрочем, и лишенным других личностных характеристик. Иначе говоря, в России гораздо легче было представить женщину на троне, нежели в качестве государственного чиновника, пусть даже самого мелкого.

---

[315] Голос. 1917. 20 апреля.

Уже мировая война повлекла за собой изменения в положении женщин. Результатом мобилизации мужчин в армию стало то, что доля женщин на предприятиях Ярославской губернии выросла с 37,2 % до 50,8 %[316]. Женщины появились даже среди представителей таких мужских профессий, как грузчики. В управлении ярославского трамвая путевыми рабочими, ворочавшими тяжеленные рельсы и шпалы, тоже были женщины[317].

До войны среди городских профессий сложно было назвать какую–то сугубо женскую. Разве что на должность домашней прислуги в семьях со средним достатком, как правило, брали девушек из деревни, и то в богатых домах предпочитали держать повара, а не кухарку, а помимо горничных лакеев–мужчин. Даже за пишущими машинками в канцеляриях в ту пору сидели мужчины (в штатных расписаниях они числились, естественно, не как «машинисты», а как «ремингтонисты» – по названию наиболее распространенной марки машинок).

Ко времени революции низшие канцелярские должности были заняты уже почти исключительно одними женщинами (как только что отмечалось, в русском языке слово «машинистка» не имеет мужского рода). Так родился типаж, сохранившийся на многие годы. С одной стороны, это было несчастное, мало оплачиваемое и помыкаемое всеми создание. С другой — тиран и деспот, страшный для просителей куда больше, чем любое начальство. В этой связи характерно распространение среди женщин элементов мужской моды. Общая для тех и других полувоенная одежда была, конечно, порождением дефицита. Равно как короткие мужские прически у женщин более соответствовали гигиене в условиях распространения эпидемических болезней. Но, вместе с тем, в этом была и более глубокая

[316]Резвый Н.И., Козлов П.И. Борьба за власть Советов в Ярославской губернии. Ярославль. 1957. С. 7; ЦДНИЯО. Ф. 393. 0п. 1. Д. 35. Л. 8.
[317] Голос. 1917. 21 октября.

семантическая составляющая, а именно та нивелировка особенностей статуса мужчины и женщины, которая стала результатом революционной эпохи. Этот результат был очень далек от того, за что боролись сторонницы женского равноправия, и семь последующих десятилетий стали тому подтверждением.

Поначалу же будущее казалось светлым и многообещающим. В Ярославле еще до революции существовало Общество взаимопомощи женщин (председатель — Н.П. Ширяева), поставившее своей задачей облегчить положение прежде всего работающих женщин. Для этого общество создало Дневной очаг — детский сад (на Духовской, в доме А.И. Вахрамеева), где дети находились под присмотром, пока их матери работали. В первые же дни революции Общество взаимопомощи собралось на заседание, на котором было принято решение: «С целью более успешной популяризации среди широких слоев населения идеи равенства полов, образовать при обществе отдел «Лиги равноправия женщин»[318].

Надо сказать, что в силу особенностей психологии, женщины с большим доверием воспринимали слова и заверения политиков, дольше, нежели мужчины, сохраняли надежду на близкое чудо. Весной–летом 1917 г. и в столицах, и в провинции, проявил себя определенный тип женщин, которых язвительные современники (разумеется, мужского пола) по аналогии с эсерами и эсдеками назвали эсдурами. Однако политически ориентированные женские организации столкнулись с той же проблемой, что и местные отделы политических партий, а именно — с отсутствием определенного поля деятельности. Главная задача — получение женщинами избирательных прав, была решена без особых усилий. На короткий срок Лига борьбы за равноправие была вовлечена в формирование женских

[318] Голос. 1917. 9 марта.

батальонов. В начале июля газеты сообщили, что в организуемый в городе «батальон смерти» записались две первые добровольцы — Е.М. Комарова и Г.И. Зубанина[319]. Но вскоре и это дело потеряло прелесть новизны и деятельность Лиги постепенно сошла на нет. По мере того, как ухудшалась жизнь, интересы жительниц Ярославля все больше смещались в сторону практических вопросов. Именно женщины стояли в очередях, они преобладали в толпе, громившей продовольственные лавки (единственный случай, когда в толпе погромщиков преобладали мужчины — это погром винного склада). Но хотя женское движение и не успело достичь расцвета в короткие месяцы «свободы», зародившиеся в ту пору перемены не прошли бесследно. Показателем этого может служить то обстоятельство, что даже на выборах в Учредительное собрание, когда страна уже устала от политики, женщины повсеместно, и в городе и в деревне, проявили гораздо большую политическую активность. Если явка мужчин избирателей составляла в среднем 40—50%, то у женщин уровень избирательной активности был почти в два раза большим — 70—90%[320].

«Женское лицо» революции не исчезло и в последующие годы. Большевики, пришедшие к власти в результате октябрьского переворота, широко эксплуатировали лозунги женской эмансипации. Удивительным образом они оказались включены в контекст борьбы за власть. Но это — иной сюжет, выходящий за рамки заявленной темы.

Н.Н. Козлова

Тверь, Тверской государственный университет

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ГЕНДЕРНОЙ

---

[319] Голос. 1917. 7 июля.

[320] ГА ЯО. Ф. 1166. Оп. 2. Д. 64. Л. 2; Так же обстояли дела и по России в целом. См.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997. С. 202.

Большинство материалов по реализации новой гендерной политики большевиков начала 1920–х гг. сосредоточено в Тверском центре документации новейшей истории. Массив, а также характер документов свидетельствуют о том, что основная работа по женскому вопросу была организована именно по партийной линии.

Документы, хранящиеся в архиве, носят преимущественно официальный характер: протоколы, запросы, резолюции, инструкции, решения, пропагандистские материалы, воззвания, анкеты, выписки из протоколов заседаний, докладные записки, телеграммы, заявления, приказы, бухгалтерские ведомости, удостоверения, отчёты, как вышестоящих организаций, так и местных органов власти. В несоизмеримо меньшем количестве сохранились документы различных организаций, прямо либо косвенно участвовавших в решении женского вопроса, а также письма, жалобы и другие документы так называемой «обратной связи» с массами. Таким образом, имеющиеся документы представляют, прежде всего, позицию власти, отражают её видение проблемы, что позволяет нам очертить идеологию, цели, задачи, характер, направления, средства изменения гендерной системы в Советской России. Работа среди женщин изначально велась строго централизованно. Губком требовал буквального соблюдения инструкций, чтобы «не получились неправильные женские организации на местах»[321].

Первые материалы носят по преимуществу организационный характер. Например, извещение «К предстоящей Всероссийской конференции работниц», созванное 23 февраля 1918 г., или «Указания ЦК РКП(б) по вопросам организации работы среди женщин» от 12 декабря 1918 г.

[321]Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 292. Л. 20.

Практически все документы фонда распределяются по традиционным направлениям: экономика, социальная работа, политические и культурные мероприятия. В отдельную сферу можно выделить статистические данные, которые регулярно собирались партийными органами и являлись показателями их работы с женскими массами. Действительно, для этапа становления советской власти количественные параметры были очень важны. Они свидетельствовали о формировании и росте контингента женщин–членов партии, а также женщин, поддерживающих политику советской власти в области решения женского вопроса. В то же время цифры «говорили» и о масштабе работы самих партийных органов, которые наращивали массив мероприятий по работе среди женщин. Именно в первых документах прослеживаются основы партийной работы по женскому вопросу, прочитывается дискурс артикуляции женских проблем. «Работа среди женщин» – так обозначили большевики данную часть своего революционного проекта. Ядром и языка и политики является марксистская идеология. Документы насыщены выдержками идеологов коммунистической партии, которые в материалах вышестоящих инстанций, например, в Инструкциях ЦК РКП(б) представлены в виде цитат, а в докладах местных органов власти, ориентированных на массы, существуют в значительно переработанном, упрощённом варианте, с редуцированным смыслом и собственными комментариями по данному вопросу. Например, в протоколе собрания женщин–коммунисток всех районов г. Твери от 3 мая 1919 г. зафиксирована следующая точка зрения докладчицы: «При капиталистическом обществе женщина была собственностью и служила орудием производства. При коммунистическом обществе этого быть не должно, так как всякая собственность должна быть собственностью класса»[322].

[322] ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 293. Л. 2.

Основной поток документации организационного характера приходится на 1919 г., так как по всей губернии начинают создаваться женотделы, бюро по работе среди женщин, зарождается делегатское движение. Многочисленные протоколы отражают процесс формирования новых структур, его действующие силы, проблемы, поднимаемые на собраниях, программные положения докладов, разворачиваемые дискуссии, итоговые документы, сопутствующие мероприятия (пение Интернационала и проч.), оформление залов. О содержательной стороне этих документов мы уже писали в предыдущих работах[323].

С 1919 г. протоколы нумеруются, что позволяет проследить общее количество собраний и выявить пропавшие документы. Протоколы фиксируют многообразие видов заседаний отделов по работе с женщинами: конференции, делегатские собрания и выездные заседания на производстве. Обращает на себя внимание и факт различных названий резолюций, что показывает разные направления работы среди женщин, например, «О работе в деревне», «О праздновании 8 марта». Материалы уездных комитетов партии дают возможность увидеть наличие/отсутствие базы для работы среди женщин. Протоколы и стенограммы велись на бумаге плохого качества, часто секретари использовали «оборотки», «половинки», «четвертушки» листа, а также бывшие бухгалтерские ведомости, которые заполнялись поверх прежних данных. Чрезвычайно редко в этот период материалы распечатывались на пишущей машинке. В основном документы заполнены разными чернилами – красными, синими, черными, а также карандашами. Формы отчётов в этот период, как правило, носили произвольный характер.

[323] Козлова Н.Н. Женотделы в контексте эмансипаторского проекта большевиков // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь, 2000. С. 86—92.

Они могли принимать анкетный вид, либо заполнялись в свободном стиле. То же самое можно констатировать относительно практики ведения протоколов.

Среди обилия материалов можно выделить категорию «слепых» документов, по которым трудно определить авторство, место и время создания документа, так как название может ограничиваться словом «Протокол» или содержать только фамилию адресата без указания организации, её печати и подписи руководителя. У многих документов отсутствует даже название, поэтому их классификация может быть затруднена. Просматривая документы архива, нельзя не обратить внимание на правки текста. Некоторые замечания носят орфографический характер, другие же являются цензурой. Как правило, цензоры вычёркивали из протоколов прения, нестандартные выступления.

Таким образом, документы 1918—1919 гг. можно в целом охарактеризовать как документы подготовительного этапа работы партии среди женщин. А. Коллонтай писала об этом периоде: «…Не было еще ни определенного плана работы среди женщин, ни специального для этого аппарата. Работа велась случайно, кустарным способом»[324]. По свидетельству документов, работа среди женщин организовывалась по партийной линии строго централизованно. В первых протоколах фиксируется организационное оформление женотделов и других структурных подразделений по работе среди женщин. Материалы фондов архива дают несколько одностороннюю картину, прежде всего они показывают деятельность органов власти. Тем не менее, существующие в нашем распоряжении материалы проливают свет на теоретические и организационные моменты в радикальном проекте равноправия полов РКП(б).

---

[324] Коллонтай А. Задачи отделов по работе среди женщин. Ноябрь 1920 г. // Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 310.

А.Н. Лялина

Ульяновск, Ульяновский государственный университет

СОЗДАНИЕ АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ ЖЕНЩИНАМИ В 1920 ГОДЫ

Вопрос о том, какое место предназначено женщине в обществе, о возможностях и способах ее эмансипации и устранения ее дискриминации, защита специфически женских интересов – все эти проблемы родились не сегодня, а возникли с появлением классового общества, в котором женщине отводилась второстепенная, подчиненная роль.

«Суть большевизма, суть Советской власти в том, чтобы, разоблачая ложь и лицемерие буржуазного демократизма… сосредоточить в руках трудящихся и эксплуатируемых масс… дело строительства нового общества. Дело трудное, массы забиты и задавлены капитализмом… И втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин. Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капиталом, и сверх того они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во–первых, неполноправными, ибо равенства с мужчинами им не дают; во–вторых, — и это главное, — они остаются в «домашнем рабстве»[325]. Для определения способа работы был созван I Всероссийский съезд работниц. Самым важным решением съезда была рекомендация о создании в партии специального аппарата для руководства работой среди женщин. При этом эти органы управления не должны были решать специфических женских проблем, хотя на IV Всероссийском совещании заведующих губернскими женотделами говорилось о необходимом сочетании общеклассовых задач и специально женских. Но в корне характер работы не менялся, и освобождение женщин

[325] Ленин В.И. Международный день работниц // Полное собрание сочинений. М., 1924. Т. 42. С. 368.

носило узконаправленный характер. Руководство партии преследовало цель не действительного решения женского вопроса, уравнивания женщин в правах с мужчинами. Задача стояла несколько иная — успешное продвижение социалистической политики в государстве. И женщина как «самый отсталый и неподвижный элемент общества»[326], легко подвергаемый убеждению и навязыванию идеологических воззрений, рассматривалась как одна из движущих сил социалистического общества, как инструмент для установления нужного режима власти. На основе идеологии велась и практическая деятельность. Под «чутким» руководством партии на местах стали создаваться женотделы, которые в свою очередь управляли женским движением на местах.

Формирование женотделов в Среднем Поволжье происходило в 1919—1920 гг. Уже в феврале 1919 года все региональные губкомы РКП(б) получили инструкцию ЦК РКП(б) о создании комиссий по агитации и пропаганде среди женщин, главной заботой которых должна быть «агитация словом и делом среди работниц, для воспитания из них преданных борцов за социализм и коммунизм[327]. Комиссии состояли только из членов партии. Они помогали работницам участвовать в строительстве новой жизни, привлекали их к работе в советах, заводских и фабричных комитетах, других общественных организациях. Женщины боролись за новые формы хозяйства, воспитание детей, за укрепление семьи. Учитывая большое значение выполняемой работы, Центральный комитет партии поручает возглавить её секретарю ЦК Елене Стасовой, а заведующей отделом работниц при ЦК утверждается Инесса Арманд.

---

[326]Ленин В.И. Доклад о партийной программе от 19 марта // Полное собрание сочинений. М., 1924. Т. 38. С. 169.
[327] Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 128. Л. 30—37.

Женщины принимали самое широкое участие в борьбе с безграмотностью, работали в лазаретах, шили белье детям, помогали в организации дошкольных учреждений, в культурно–просветительской деятельности[328]. В конце октября — начале ноября прошли уездные собрания женщин, избраны уездные организаторы[329]. По всей губернии в декабре 1919 года прошли общие собрания работниц и крестьянок, на которых обсуждались проблемы активного участия женщин в строительстве нового общества[330]. Наиболее активные работницы направлялись на высшие партийные курсы в Москву. Многие из них после обучения стали партийными, советскими работниками, руководителями фабрик, заводов, сельхозкоммун. Придавая большое значение работе среди женщин, Центральный комитет партии постоянно повышал роль и значение женотделов на местах. И хотя партийная работа велась активно, женщины неохотно вступали в женотделы в начале 1920–х годов. На заседании коллегии отдела работниц 1920 г. один из докладчиков, тов. Куренной, сообщал: «Работа среди женщин ведется очень трудно. Женщина исполняет работу мужчин, и она так занята, живет в тяжелых условиях… совсем некогда думать о себе»[331].

Городской жительнице приходилось жить и растить детей в тяжелых производственных условиях. Труженице приходится на рассвете вставать в очередь за хлебом, уходя на работу — оставлять взаперти маленьких детей, зачастую и грудных, без пищи и молока[332].

В деревне дела обстояли не лучшим образом. В одном из своих докладов о поездке по районам Симбирского уезда Г. Вайнер, заведующая

---

[328] Самарский государственный архив социально–политической истории (СГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 186, Д. 187.
[329] ГАНИУО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 250. Л.л. 10—53. Д. 129(а). Л.л. 23—32.
[330] Там же. Л. 32—37.
[331] СГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 398. Л. 34—37.
[332] ГАНИУО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 248. Л. 6.

инструкторским и информационным отделом отдела работниц при Губкоме РКП(б), заявляла: «Хочу сказать, что все уездные инструкторы не оправдали своих задач, проработав 5 месяцев в уезде, нигде не проявили себя в своей работе. Их работа носила налетный характер. Считаю необходимым обратить серьезное внимание на деревню и привлечь туда лучших работников»[333]. Агитационная работа усложнялась тем, что женщины не хотели вступать в коммунистические ряды, а потому просто игнорировали собрания. Кроме того, «…бабы боялись явиться на собрание в связи с провокационно–принудительной мобилизацией крестьянок на фронт»[334]. Формирование женского движения в первые годы Советской власти шло в обстановке особого напряжения. Условия революции, гражданская война рождали опасные для советской власти настроения в обществе. Прежние формы хозяйства, менталитет мужчин, которые рассматривали женщину как мать и жену, мешали развитию женщины как активного партийного деятеля.

В общем, именно эти обстоятельства объясняют причины слабости и неэффективности работы среди женщин в Симбирской и Самарской губерниях в первые годы Советской власти, а также рост дальнейшей политической активности такого аппарата власти, как женотделы.

Ф.А. Такташева

Волгоград, Волгоградский государственный педагогический университет

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД И ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Изучая социальную историю послевоенного периода, необходимо учитывать гендерные составляющие этого явления, социальное поведение женщин и мужчин, их взаимоотношения между собой. Предметную область

---

[333] Там же. Д. 248. Л. 10—13.
[334] Там же. Д. 250. Л. 25—27.

изучения гендерной истории можно, с одной стороны, рассмотреть как историю формирования и функционирования системы отношений, стратифицирующих общество по признаку пола, а с другой, – как исторически складываемые представления о «мужском» и «женском», обозначаемые как категории социального иерархического порядка[335].

История Сталинградской области в послевоенном десятилетии, где ярко выразились гендерные различия, представляет интерес для подобных исследований. Гендерные различия (гендерная асимметрия) прослеживаются в режимах смертности, рождаемости, сексуальности. Благодатной сферой гендерных исследований является политическая история, а также патриотическая активность женщин в период послевоенного восстановления.

Одно из последствий войны состояло в том, что она привела к заметному повышению в населении области доли женщин, уменьшив долю мужчин. Это было вызвано тем, что среди погибших и умерших от ран в возрасте до 50 лет мужчин было в 4 с лишним раза больше, чем женщин. Численный перевес женщин был заметен особенно в возрасте 30 лет. Прямое влияние Великой Отечественной войны на воспроизводство населения в послевоенные годы выразилось в большой убыли мужского населения в активных возрастных группах. В 1939 г. мужское население составляло 1 069 тысяч человек, женское – 1 218 тысяч человек. Великая Отечественная война усугубила ситуацию. Разница ещё больше увеличилась. В 1959 г. доля женского населения по сравнению с мужским была выше на 25,2%. Мужчины составляли 823,3 тысячи человек, женщины – 1 030,3 тысячи человек[336].

Анализ социально–экономических показателей населения Сталинградской области выявляет значительную роль женщин в послевоенном

[335] Пинчукова И.В. Гендерный подход в исторической науке – www.asu.ru/structure/journals/izv_agu/2007/4_2/documents/381.html
[336] Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. М., 1962. С. 79.

строительстве. Их доля в народном хозяйстве на протяжении десятилетия несколько варьировалась в большую или меньшую сторону, но не опускалась ниже 45%. Наибольшей численностью женщин на производстве отмечаются такие отрасли, как просвещение и образование, а также торговля, общественное питание, наука. Здесь доля женщин в общей численности рабочих достигала 70%. Примечательно, что женщины составляли значительную часть рабочих в промышленном производстве и строительстве (около 40%), а так же в сельском хозяйстве (треть рабочих представлена женщинами). Кроме того, в общем числе рабочих–специалистов доля женщин–рабочих с высшим и средним специальным образованием достигает 35%.

На фоне многих трудностей, особенно в первые послевоенные годы, которые были связаны с переходом от войны к миру, с необходимостью быстрого восстановления экономики, активизируется женское движение. Наиболее ярким примером является Черкасовское движение, основательницей которого является рядовая жительница Сталинграда А.М. Черкасова.

Активное участие черкасовских бригад в восстановлении Сталинграда ускорило жилищное строительство. После призыва Черкасовой повсеместно прошли собрания жен начсостава и домохозяек, которые приняли активное участие в восстановлении города. Партийные органы проводили обучение черкасовцев строительным специальностям: в течение зимы 1943–1944 гг. 2739 черкасовцев из числа домохозяек и служащих начали обучение строительным специальностям, и уже через год черкасовские курсы выпустили 4 тысячи квалифицированных плотников, штукатуров, маляров и рабочих других специальностей[337]. Руководствуясь целью мобилизации трудовых ресурсов для восстановления хозяйства области и помощи фронту, местные власти стимулировали деятельность женского населения

[337] Там же. С. 76.

посредством организации соцсоревнований и агитационно–массовой работы патриотического характера. Так, при подготовке праздника 8 марта 1944 г. обком ВКП(б) предлагал проведение патриотических бесед на тему «Задачи советской женщины в Великой Отечественной войне», премирование женщин–передовиков производства и лучших колхозниц[338].

Тяготы и лишения войны, кризисные этапы общественного развития военных лет не только не сломили советских женщин, но и способствовали их общественной самореализации, формировали новую плеяду «женщин–общественниц», которые, выполняя свой патриотический долг, позволили проявиться лучшим качествам женской души, поднять самосознание женщин.

Женщины активно принимали участие в послевоенном промышленном развитии области: строительстве Волго–Донского судоходного канала, Сталинградской ГЭС, Камышинского текстильного комбината и ряда других крупных промышленных объектов. В связи с все большим вовлечением женщин в восстановительный процесс возникала необходимость в овладении женщинами новых навыков и профессий. За первые послевоенные годы женщины освоили практически все сельскохозяйственные и строительные профессии. Кроме того, женское население принимало активное участие в мероприятиях всеобщего военного обучения, которое проводилось по специальностям: стрелок–снайпер, радист, телеграфист, телефонист. Надо сказать, что на этих специальностях женщин было в большинстве.

Активность женского населения также отмечается в деятельности женсоветов, которые состояли в большинстве своем из жен офицерского и начальствующего состава при всех районных военкоматах. С осени 1941 г. эти организации стали появляться и в Сталинградской области[339]. В сфере их

---

[338] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 92. Л. 11.
[339] ГАВО. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 4. Л. 253.

деятельности находились, прежде всего, семьи военнослужащих, их поддержка, обеспечение и трудоустройство. Женсоветы сотрудничали с сельскими советами и оказывали поддержку отделам государственного обеспечения. Чаще всего жены офицеров являлись и передовиками производства, как в городах, так и в сельской местности, а также участниками мероприятий, проводимых местными партийными, советскими и хозяйственными организациями.

Несмотря на многие трудности и недостатки в работе, женские комитеты достаточно быстро стали эффективным звеном государственной политики в отношении женщин и добились значительных результатов в её реализации. В конце 1950 года в Сталинградской области насчитывалось уже 1647 женских комитетов, их них 1503 – в сельских районах[340].

Таким образом, изучение общественных традиций советского общества в период послевоенного восстановления представляет несомненный интерес как особое социокультурное явление. А гендерный подход в историческом исследовании позволяет по–иному, более комплексно увидеть исторический процесс.

Л.И. Винокурова

Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ЖЕНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ В СЕЛЬСКОЙ ЯКУТИИ 1980—1990–х гг.

В современной Якутии женщины составляют 52% населения, из 490 тысяч женщин треть проживает в сельской местности. Их трудовая и общественная деятельность является важным компонентом жизни республики. Начало было положено гендерным переворотом 1920–х гг., в массовом порядке вовлекшим якутянок в производство, в политику, в публичную жизнь. В течение всего XX

[340] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 33. Д. 215. Л. 2.

века энтузиасты–общественницы были «женским лицом» проводимых в регионе преобразований. В переломный период 1980—1990–х гг. женская общественность оставалась активной социальной силой, влияющей на события в республике.

Несмотря на значимость, женская общественная активность в Якутии последней четверти XX века, включая организованное движение, не становилась предметом специального научного изучения. Исследовательский интерес к women studies совпал с перестроечными 1990–ми, когда бурно обсуждались проблемы экологии, культуры народов республики и вопросы пола. В различных дискуссиях по истории и по текущей ситуации поднимались вопросы социально–демографического и социо–культурного развития, неизменно затрагивающие аспекты гендерного равноправия, истоки и причины гендерных конфликтов. Актуализировались вопросы истории женской личности, социальные и этнические составляющие регионального гендера; накапливался материал для научного дискурса[341]. В общественно–государственной практике республики был востребован гендерный анализ, оформилось осознание необходимости гендерной экспертизы.

Женская общественная активность играет особую роль в сельских социальных коммуникациях, выступает влиятельным фактором повседневной жизни, чему способствуют и историко–культурные традиции края. Высокая ценность общения, значимость общественного мнения в локальных социумах остаются характерной чертой Якутского края и сохраняются в сельских общинах в различной степени до сих пор. Государственная власть всегда учитывала данное обстоятельство, умело используя в продвижении идеологических проектов потенциал сельской общественности. На селе

[341]Женский мир в научном дискурсе: приоритеты, партнерство, исследовательские стратегии: Материалы регион. науч. –практ.конф. Якутск, 22 октября 2009 г. Новосибирск, 2010.

Якутии пресловутый «женский актив» участвовал в реализации всех общественно–экономических и культурных программ. В период 1980–х гг. на якутском селе именно женщины–общественницы несли на себе основной груз работы с населением, напр., такое рутинное социальное направление как повышение культуры быта. Через женскую общественную сеть охватывались многие стороны частной жизни, так, в якутских селах семьи соревновались по показателям учебы детей, трудовой и бытовой дисциплины членов семьи, их морального облика.

В сельской местности деятельность женских общественных объединений носила ярко выраженный социально адаптирующий характер. При этом общественницы оказывали организационную и практическую помощь не только женщинам и девушкам, но и всем другим категориям населения – детям, старикам и мужчинам. Это в ситуации 1990–х гг., когда именно сами женщины всех возрастов составили «первый эшелон» сокращенных и уволенных на госбюджетных предприятиях. На 1 января 1994 г. 80% только официально зарегистрированных безработных составили женщины, 60% из них имели детей до 16 лет. Кризис вызвал массовую женскую безработицу на селе: после краха совхозов до начала 2000–х в массе безработных 60% составляли именно сельские жительницы в возрасте от 30 до 44 лет[342]. В условиях кризиса сельские женщины проявили большую волю к выживанию: показали высокую мобильность и способность к адаптации, составив 54,9% прибывших на новое место жительства в 1990–е гг. внутри Якутии, а также большую часть поменявших род занятий и прошедших переобучение. К концу 1990–х на якутском селе, преимущественно населенном коренными этносами (якуты, русские старожилы и северные меньшинства), каждый четвертый

[342]См. подробнее: Винокурова Л.И., Попова А.Г., Боякова С.И., Мярикянова Э.Т. Женщина Севера: поиск новой социальной идентичности. Новосибирск, 2004.

предприниматель был женщиной, что и при известной схеме оформления частного предприятия или фермерского хозяйства на супругу или дочь, отражает сдвиг в женском гендерном статусе. Характерно, что в социализации женщин в новых условиях сельская женская общественность тесно сотрудничала с предпринимательством, доказав, что качественный, квалифицированный труд может обеспечить материальную независимость, изменить самосознание и самооценку человека. В борьбе со всеми российскими формами дискриминации часть женщин Якутии смогла занять ниши, приносящие доход, пусть и самые трудоемкие и малоприбыльные: в основном сервисные — от бытовых до интеллектуальных услуг.

Женская общественная активность проявилась и в сфере накопившихся в республике демографических проблем[343]. В частности, именно сельские общественные клубы стали зачинателями в работе с проблемой безбрачия, мужского и женского одиночества в сельских поселениях Якутии. Нельзя не отметить женскую активность в организации воспитания подрастающих поколений. В рамках женских общественных инициатив была начата пропаганда культурного наследия коренных народов, именно женсоветы и родительские советы на селе в 1990–е гг. развернули приобщение детей и подростков к традиционным этническим занятиям. Женщины–общественницы смогли организовать совместную деятельность представителей разных поколений, независимо от возраста и пола, что также благоприятно влияло на стабильность локальных социумов. Сельские общественницы еще в 1980–е гг. выступили с призывом ограничить продажу и потребление алкоголя. Созданные ими зоны трезвости уцелели даже в годы самого глубокого кризиса 1990–х гг., когда культурно–нравственная атмосфера в селах резко

[343] Барашкова А.С. Северная семья: демографический и социально–экономический аспекты. Новосибирск, 2009.

ухудшилась под напором социальной депрессии. Пока нет специальных исследований по многолетним результатам существования таких зон (обычно отдельных сел в улусах), но отзывы самих жителей — только позитивные: практически все отмечают снижение смертности и травматизма, рождение в целом здоровых детей, а также повышение культуры быта и ведения домашних хозяйств. Жители зон трезвости (их сегодня 46 в республике с населением около 1 млн.чел. — Л.В.) считают, что расширение сети трезвости, сокращение торговли пивом, которое разрешено в свободной розничной торговле, могло бы существенно оздоровить сельскую жизнь[344].

В целом, сюжеты истории женской общественной активности в 1980—1990 гг. на селе Якутии показывают не только существенность вклада, но и потенциал женской общественной активности, способной стать катализатором и двигателем многих социальных инициатив.

РАЗДЕЛ 5. ЛИЧНОЕ VS ОБЩЕСТВЕННОЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В.М. Марасанова

Ярославль, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

РОЛЬ ЖЕНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В УКРЕПЛЕНИИ ИМИДЖА ВЛАСТИ И РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЗАДАЧ

Многие супруги и дочери губернаторов Российской империи внесли заметный вклад в благотворительную деятельность и оставили о себе добрую память у современников. При этом вклад женщин в благотворительность лишь в незначительной степени освещен в

[344] ПМА за 2009–2010 гг.

общероссийской[345] и региональной исследовательской литературе[346]. Предметом проводимого исследования стала благотворительная деятельность женщин из семей ярославских губернаторов в последней четверти XVIII – начале XX вв. Задачами проводимого исследования явились сбор и анализ материалов о женской благотворительности, а также выявление методов социальной помощи населению и оценка значимости данного опыта в современных условиях.

По условиям губернской реформы 1775 г. школами, больницами, богадельнями и приютами ведал Приказ общественного призрения, но, в отличие от других губернских учреждений, он не получил достаточных финансовых средств. Поэтому для решения социальных проблем властям приходилось широко привлекать частные пожертвования. Губернаторы становились попечителями благотворительных заведений, а члены их семей – почетными членами. Так, супруги и дочери ярославских губернаторов являлись почетными членами Ярославского Дома призрения ближнего, открытого в 1786 г. (в честь 100–летнего юбилея в 1886 г. ему присвоили имя «Екатерининского»). Для строительства Дома собрали 30,8 тыс. руб. ассигнациями[347], а первой попечительницей стала дочь наместника А.П. Мельгунова – Екатерина. В нем постоянно устраивались благотворительные

---

[345] Благотворительность в России. Исторические и социально–экономические исследования. СПб., 2003; Благотворительность как нравственный ресурс гражданского общества России. СПб., 2007; Зеленова Е.А. Трансформация благотворительной деятельности в системе социальной политики России. М., 2009; Кононова Т.Б. Особенности развития благотворительности в России. М., 2002; и др.

[346] Благотворительная деятельность как одна из возможностей самореализации женщины // Женщины Ярославля: история и современность: материалы науч. –практ. конф. 2 дек. 2004. Ярославль, 2004. С. 27–30; Ельцова О.Д. Благотворительная деятельность ярославских монахинь в конце XVIII – начале XX вв. // Там же. С. 25–27; Кабанова Л.В. Ярославские благотворители: культура и предпринимательство. XVII – XIX вв. Ярославль, 2000; и др.

[347] Ермолин Е.А., Севастьянова А.А. Воспламененные к Отечеству любовью: (Ярославль 200 лет назад: культура и люди). Ярославль, 1990. С. 146–147; и др.

концерты и спектакли. К 1886 г. его капитал, сформированный за счет частных пожертвований, составлял 267 тыс. руб.[348].

Супруги ярославских губернаторов К.М. Полторацкого и И.А.Баратынского – княжны С.Б. Голицына и А.Д. Абамелек–Лазарева – за благотворительность были удостоены ордена св. Екатерины малого креста. Супруга губернатора Ольга Павловна Бутурлина (урожденная Сухтелен) в 1859 г. стала одной из учредительниц в Ярославле Общества для вспомоществования беднейшим православным монастырям и церквям. Когда в 1846 г. был учрежден Ольгинский детский приют, семья губернатора пожаловала ему 35 руб., а О.П. Бутурлина стала почетным членом этого заведения. Бутурлины неоднократно помогали и созданному в 1858 г. Николаевскому детскому приюту[349].

Губернатор И.С. Унковский стал председателем Ярославского общества вспомоществования бедным, открытого в 1861 г., а его супруга Анна Николаевна Унковская (урожденная Коровкина) – его попечительницей. Они ежегодно вносили по 10 руб. на счет общества и делали пожертвования в пользу пострадавших от неурожаев. В состав общества вошли 111 состоятельных дам. Общество занималось помощью престарелым в приюте, воспитанием сирот и бедных детей, выдавало пособия нуждающимся. Если в 1862 г. в приюте было 23 человека, то в 1875 г. – уже 50; ежегодные расходы приюта составляли 1,5 тыс. рублей[350].

В 1893 г. под руководством супруги губернатора Марии Юрьевны Фриде открылась Ярославская Федоровская община сестер милосердия при

---

[348] Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73. Оп. 1. Д.1 22. Л. 32; Ярославские губернские ведомости (ЯГВ). 1886. Неофиц. часть. 25, 29 апр. № 31, 32.
[349] ЯГВ. 1853. Офиц. часть. 15 авг. № 33; 1860. Неофиц. часть. 23 янв. № 4; 1864. Неофиц. часть. 23–30 апр. № 17–18; и др.
[350] ЯГВ. 1876. Офиц. часть. 22 апр. № 32.

богоугодных заведениях губернского земства[351]. «Губернские ведомости» сообщали, что по распоряжению М.Ю. Фриде все лакомства с областной выставки 1893 г. были переданы приютам и училищам Ярославля, а 21 января 1896 г. под её покровительством состоялся танцевальный вечер в пользу Исправительного приюта малолетних преступников, который позволил собрать 737 руб. 59 коп.[352].

Когда в 1896 г. ярославским губернатором стал Б.В. Штюрмер, его супруга Елизавета Владимировна была избрана в члены совета Дома призрения ближнего и стала попечительницей Федоровской общины сестер милосердия. В 1900 г. императрица Александра Федоровна пожаловала Е.В. Штюрмер знак отличия Красного Креста 2–ой степени за её активную деятельность в Федоровской общине[353].

В начале XX века супруга губернатора Людмила Павловна Римская–Корсакова активно работала в Дамском комитете Красного Креста. 6 февраля 1909 г. на средства семьи Римских–Корсаковых в Ярославле открылась детская больница в честь наследника престола цесаревича Алексея («Алексеевская»). За предоставление детской больнице капитала в 25 тыс. руб. и свою подвижническую деятельность Л.П. Римская–Корсаков стала одной из 14 почетных граждан дореволюционного Ярославля (в том числе 10 мужчин и 4 женщины)[354].

Благотворительность имела особое значение в военные периоды – в Отечественную войну 1812 г., в Крымскую войну и т.д. Например, когда

---

[351] ЯГВ. 1893. Неофиц. часть. 10 дек. № 97; 1896. Неофиц. часть. 2 авг. № 170.
[352] Памятная книжка Ярославской губернии на 1898 год. Ярославль, 1898. С. 3; ЯГВ. 1893. Неофиц. часть. 12 окт. № 80.
[353] ЯГВ. 1896. Неофиц. часть. 5 окт. № 217; и др.
[354] ЯГВ. 1907. Офиц. часть. 31 янв. № 10; Неофиц. часть. 12 янв. № 4; 1908. Неофиц. часть. 5 дек. № 96; 1910. Неофиц. часть. 16 февр. № 14; Ярославна: История успеха ярославских женщин. М., 2005. С. 29, 36.

началась война с Турцией, 15 июня 1877 г. был образован Ярославский дамский комитет Общества попечения о раненых и больных воинах во главе с Марией Николаевной Шмит, супругой губернатора. Комитет занимался сбором пожертвований и шитьем белья для армии. В августе 1877 г. под попечительством Дамского комитета был открыт офицерский лазарет на 25 человек. На его оборудование и обеспечение раненых собрали 14 тыс. рублей[355]. Подавая пример всем должностным лицам, губернатор Н.К. Шмит и его супруга вступили в Ярославское губернское попечительство для помощи нуждающимся семьям воинов. С благотворительными целями проводились вечера и концерты. В частности, 6 ноября 1877 г. в Доме призрения ближнего прошел фортепианный концерт, чистый сбор от которого составил 760 руб. 56 копеек[356].

Этот опыт был использован в период русско–японской войны 1904 – 1905 гг. и первой мировой войны. В 1914 г. во всех городах открылись комитеты Красного Креста. По призыву ярославского губернатора Д.Н. Татищева было создано Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. Губернатор контролировал сбор пожертвований на военные нужды, и под его руководством было собрано 70 тыс. руб. Только в связи с отъездом из Ярославля в 1915 г. дочь губернатора Е.Д. Татищева была уволена от должности попечительницы приюта–яслей[357], т.е. благотворительностью занимались не только родители, но и дочь.

В целом, для женщин из семей губернаторов благотворительность была не просто желательным, но и, по сути дела, обязательным занятием. Большинство благотворительных учреждений являлись частными, и внимание к ним губернских властей позволяло собирать значительные

[355] ЯГВ. 1877. Неофиц. часть. 16 июня. № 47.
[356] ЯГВ. 1877. Офиц. часть. 5 дек. № 96.
[357] ЯГВ. 1914. Офиц. часть. 19 дек. № 100.

средства. Для сбора средств использовались различные методы – замена визитов на Пасху и Рождество раздачей денег бедным; устройство бесплатных столовых и обедов; проведение благотворительных концертов, спектаклей, лотерей. Семьи губернаторов помогали пострадавшим при неурожаях, пожарах и наводнениях. Все эти методы не утратили своей актуальности в современных условиях.

Традиционная для православной страны благотворительность, как правило, осуществлялась анонимно, в то же время сообщения о пожертвованиях местных чиновников и их семей на нужды населения регулярно помещались в газете «Ярославские губернские ведомости». Такие сообщения, несомненно, носили не только информационную значимость. С одной стороны, они подавали пример другим чиновникам и состоятельным россиянам активнее включаться в благотворительность. С другой стороны, публикации о «человеколюбивых деяниях» губернских начальников и их семей были призваны содействовать формированию положительного имиджа власти в глазах населения.

Должность в аппарате управления занимал супруг, но вся семья разделяла с ним не только почет, материальный достаток и социальный статус, но и определенную долю работы и ответственности. Общественное и частное в губернаторских семьях, которые всегда были на виду у местного сообщества, оказывалось тесно взаимосвязанным. Благотворительность губернаторских семей являлась одним из показателей способности власти сотрудничать с разными социальными группами, их умении разрешать конфликты и содействовать социально–экономическому развитию региона.

Ю.А. Сафронова

Санкт–Петербург, Европейский университет в Санкт–Петербурге

«ГЛУБОКО ВАС УВАЖАЮЩАЯ РУССКАЯ ГРАЖДАНКА…» ЖЕНСКИЕ ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ. 1879—1881 гг.

Апофеозом череды террористических актов конца 70–х гг. XIX века стал взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. Назначенный вскоре после этого Главным начальником Верховной распорядительной комиссии М.Т. Лорис–Меликов 14 февраля обратился к русскому обществу с призывом о помощи, закончив свое послание словами «На поддержку общества смотрю как на главную силу, могущую содействовать власти к возобновлению правильного течения государственной жизни, от перерыва которого наиболее страдают интересы самого общества»[358]. Каким образом можно оказывать поддержку власти, Главный начальник не уточнял. Растерянные представители общества, слышавшие этот призыв уже не первый раз, видели единственное возможное для себя действие, не противоречащее законам: помочь власти «словом». Среди 139 записок о борьбе с террором, полученных в ответ на обращение 14 февраля, было только три послания, написанных женщинами. Два из них были отправлены анонимно, автор третьего – Елена Ковригина, «дочь моршанского гражданина».

Три письма М.Т. Лорис–Меликову выводят на сцену три типа русской женщины — с очень разными судьбами, интересами и, главное, взглядами на причины возникновения террора, методы борьбы с ним и свое место в текущем политическом процессе, потому анонимность посланий не мешает, а скорее помогает увидеть за ними женщин, мыслящих себя как представительниц общества, «гражданок», с которыми говорит власть.

7 марта 1880 г. неизвестная обосновала свое право обращаться к М.Т. Лорис–Меликову, подписав свое короткое письмо «мать шести детей». По праву матери и «человека жизни и страданий» она писала об ужасах «классической системы» (здесь она не была оригинальной, едва ли не половина записок о борьбе с террором так или иначе касалась недостатков системы образования), обвиняя ее

[358] К жителям столицы // Правительственный вестник. 1881. 15 февраля.

в появлении «нигилистов»: «наши учителя–западники представляют образец сухости, зверства – а каков учитель, таков и ученик»[359]. Второе анонимное письмо, напротив, было написано совсем молодой девушкой, выпускницей Петербургского сиротского института. Неизвестная писала Главному начальнику от имени «молодежи», выдавая себя за члена «шайки» террористов. В письме причудливым образом сочетаются бывшие на слуху политические требования «упразднить самодержавие, сделать министров ответственными, печать свободною»[360] и гневное обличение институтских порядков, воровства и мздоимства, лицемерия и ханжества. Попытка говорить с властью по праву «мучеников», желающих «водворить правду на земле», очевидно, проваливается. Повторяющиеся рефреном слова об отсутствии народных школ и отчаянии, порождающем «Веру Засулич», служат лишь декором для подробного и эмоционального описания курятника и оранжереи начальницы института Е.Н. Шостак и театральных постановок П.Г. Ольденбургского («покойный Государь [Николай I — *Ю.С.*] признал его за дурака, то и поручил ему бабье дело. Вот это бабье дело в руках дурака и приносит теперь самые лучшие плоды»[361]).

Два анонимных письма объединяет не только общая тема образования, но и выбор позиции, с которой женщина обращается к власть имущим. В первом случае обозначается единственно возможный и почетный статус женщины внутри общества – статус «матери», при этом единственная цель послания – благополучие детей. Во втором случае женщина стремится подчеркнуть положение вне общества, принадлежность к «подпольному миру», где условности мира «надпольного» не действуют, а «товарищей» не разделяет признак пола. Выбирая местоимение «мы», она говорит от имени членов революционного движения в целом, неурядицы воспитанниц

[359] РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643. Л. 414–414 об.
[360] РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 114.
[361] Там же. Л. 113 об.

сиротского института прикрывает бедами «народа». Тем самым в обоих случаях особый статус адресантов маскируется заботой о других, о специфических женских интересах речи не идет.

Принципиально иное явление представляет собой «Докладная записка» Елены Ковригиной, жительницы г. Моршанска Тамбовской губернии. Уже из вступления узнаем, что это не первая попытка женщины донести до власти свою точку зрения. Письму М.Т. Лорис–Меликову предшествовали два послания Александру II, которые, по ее мнению, не достигли престола из–за людей, желающих «задушить пренебрежением» «возникшее в женщинах сознание и недовольство своим противоестественным рабством»[362].

Хотя формально поводом для обращения к М.Т. Лорис–Меликову служит проблема терроризма, Е.Д. Ковригина в самом начале своего письма сознается, что «ненормальное положение женщины» отнюдь не единственная или даже не главная причина «политических смут». Ее цель – подтолкнуть власть к решению «женского вопроса», причем «умиротворение расходившихся политических сил» видится скорее побочным эффектом предлагаемых реформ. Участие женщин в революционной является следствием «запрещения заниматься делами серьезной важности» и «темной надежды на улучшение печальной участи»[363]. Основу «рабского» положения женщины составляют, с точки зрения Е.Д. Ковригиной, церковные и светские законы, изобретенные в Римской империи и в «темные века» «психически больными мизагонами». Эмансипация женщины видится ей как уничтожение законов о браке, наследовании имущества; равный доступ к образованию и политической деятельности через участие в городском самоуправлении и земствах. Для обоснования своей точки зрения Е.Д. Ковригина прибегает к

---

[362] РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 441 об.
[363] Там же. Л. 443—443 об.

помощи двух плохо сочетающихся друг с другом авторитетов: «Евангелие и Наука ни одною ступенью не ставят женщину ниже мужчины»[364]. В ее письме попытки продемонстрировать обширные научные познания о водяном паре и «элементах, составляющих миры» резко контрастируют со стихами Евангелий и размышлениями, «может ли женщина поверить, чтобы Господь Бог, мудрый и справедливый, унизил ее бессмертную душу ради только того, что смертная ее оболочка имеет другие формы»[365].

Особо следует отметить, что, требуя равноправия для женщин, Е.Д. Ковригина не мыслит последних такими же, как мужчины, указывая на особое предназначение — быть супругой и матерью. Правительство не должно опасаться, что получив равные права, женщины будут заниматься делами, «несвойственными» их природе, например, станут «героями войны». Протестуя в начале письма против навязываемых религией невыполнимых требований «Ангельской чистоты и покорности животных», далее она воспроизводит все существующие стереотипные представления, перечисляя такие «женские» качества как «любовь, великодушие, милосердие, такт». «Можно быть уверену [так – *Ю.С.*], что как бы ни был глубок ум женщины, как бы ни была всеобъемлюща ее ученость, как бы ни был обширен круг ее деятельности, как ни высока предложенная ею себе задача, как ни трудно дело, взятое ею на себя, она все–таки останется женщиной, в лучшем значении этого слова»[366].

Письмо Е.Д. Ковригиной резко отличается не только от двух других женских посланий, но и от всего комплекса записок о борьбе с террором. Перечисленные в начале письма другие попытки говорить с властью в разных жанрах, — в форме прошения императору и в форме адреса ему же –

[364] Там же. Л. 441 об.
[365] Там же. Л. 444.
[366] Там же. Л. 445 об.

предполагающих создание очень специфических текстов, свидетельствуют, что обращение «К жителям столицы» служили автору лишь поводом, чтобы вновь обратиться к «женскому вопросу».

Почему в ответ на обращение М.Т. Лорис–Меликова раздалось так мало женских голосов? Значит ли это, что женщины вообще не были вовлечены в процесс коммуникации с правительством? Или их не волновала проблема террора? Ответы на последние два вопроса, безусловно, отрицательные. Кроме описанного выше, подданные могли общаться с властью принципиально иным способом, направляя «прошения» через министерство императорского двора. С ноября 1879 г. по июль 1881 г. было получено 43 верноподданнических заявления, вызванных, по указанию их авторов, террористическими актами. Семь из них были написаны женщинами.

В отличие от записок М.Т. Лорис–Меликову, эти послания были реликтами политики совсем иного рода, основанной на личном взаимодействии монарха и подданных. Суть их сводилась к свидетельствованию верноподданнических чувств («Как истинная русская я горячо люблю Царя нашего и Его Семью, и от глубины души желаю от Господа Бога всего хорошего»[367]) и поднесению какого–либо дара: стихотворения, иконы, ладанки, даже вышитых домашних тапок. Служащие канцелярии Министерства императорского двора с сомнением относились к бескорыстности «просителей». За подношением императору, как правило, следовал рассказ о тяжелом материальном положении. Некоторые адресаты превращал свои труды в источник дохода, как Н. Дмитриева, с 1872 по 1881 г. подносившая «предметы собственной работы» десять раз и получавшая каждый раз пособие в 25 рублей[368]. Помещица Ф.П. Писемская на обороте

[367] РГИА. Ф. 472. Оп. 16 381/1901. Д. 6. Л. 140.
[368] РГИА. Ф. 472. Оп. 16. 381/1901. Д. 9. Л. 28 об.

письма, в котором рассказывала о своей преданности Государю, сообщила о бедственном положении сына, ожидающего должности в Москве[369].

Очевидно, общение с властью не было совершенно непривычным для русских женщин. Обращение М.Т. Лорис–Меликова, однако, не вызвало сколько–нибудь заметного отклика с их стороны. Необходимо внимательнее вчитаться в его текст, чтобы найти объяснение этому явлению. Обращаясь к русскому обществу, Главный начальник имел в виду не все население страны, а узкий круг образованных людей, претендующих на участие в политическом процессе. Отвечая на обращение, авторы многочисленных записок прежде всего стремились доказать высочайшему адресату, что имеют право на такой жест, являются членами общества. Позиция женщины в этом случае была более чем уязвима. Отсутвие минимальных политических прав делало легитимной лишь одну роль – роль матери, озабоченной благополучием своих детей. Два других случая явно маргинальны: анонимная корреспондентка представляется частью подпольного мира, а Е.Д. Ковригина пишет на нелегитимную в этом контексте тему. В ситуации политического кризиса женщины имеют право писать о своих эмоциях и подносить подарки монарху, но обсуждение политических вопросов для них закрыто. По сути, они не чувствуют себя членами общества, к помощи которого взывает власть.

Е.Д. Благодетелева

Москва, НИУ ВШЭ

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Проблема соотношения частной и публичной (общественной) сфер социальной жизни является одним из ключевых пунктов дискуссии вокруг социокультурного статуса женщины в индустриальном обществе.

[369] Там же. Л. 14.

Характерные для XIX – первой половины XX в. разграничение и субординация частной и публичной сферы предполагали «женскую закрытую идентификацию “с миром природы, эмоций, желаний и частной жизни”», в то время как «идея верховенства общественной сферы, рационального дискурса, справедливости и беспристрастности»[370] характеризовала исключительно мужской «домен» социального существования.

Важным структурным элементом монополизированной мужчинами публичной сферы являлись профессии, представлявшие собой высокостатусные занятия со стремящимся к максимуму уровнем социально–экономического вознаграждения и самоуправляющейся организацией. Борьба женщин XIX – начала XX в. за право доступа к профессиональной деятельности, таким образом, может рассматриваться как одна из стратегий преодоления «закрытой» идентификации с приватными областями социального мира (семьей и домашним хозяйством).

Характерным примером этой борьбы представляются попытки американских, европейских и российских женщин добиться легального доступа к адвокатским занятиям. Поскольку профессия адвоката на протяжении XIX – начала XX в. являлась одним из эталонов публичности, ее представители должны были демонстрировать такие исключительно «мужские» качества, как «бестактность, уверенность и откровенность»[371], составлявшие ядро маскулинного профессионального этоса. В этой ситуации право женщин на доступ к профессии адвоката оказывалось в центре общественной дискуссии, в рамках которой конструировались и

[370]Брайсон В. Гендер и политика времени: Феминистская теория и современные дискуссии. Киев, 2011. С. 87.
[371] Mossman M. First Women Lawyers: A Comparative Study of Gender, Law and the Legal Professions. Oxford, 2006. P. 14.

репрезентировались социокультурные границы частной и публичной сфер как женского и мужского домена.

Несмотря на то, что в Российской империи (за исключением княжества Финляндского) женщины так и не получили доступа к адвокатуре, борьба за право заниматься правозаступнической деятельностью развивалась в том же русле, что и увенчавшиеся успехом американское и западноевропейское движения[372].

В отличие от американского и западноевропейских обществ, Российская империя второй половины XIX – начала XX в. характеризовалась достаточно низкими темпами профессионализации, отсутствием классических корпораций и маргинальностью самоидентификации в качестве профессионала. Определенным исключением являлась адвокатская корпорация или сословие присяжных поверенных, формировавшаяся на основе принципа креденциализма и возглавляемая органами корпоративного самоуправления[373]. Адвокатская корпорация, однако, не обладала монополией на осуществление функции судебного представительства, поскольку право на «хождение по делам» в общих и мировых судебных инстанциях было предоставлено частным поверенным, поступление в ряды которых не ограничивалось, как в случае присяжной адвокатуры, образовательным цензом и стажем, а также частным лицам в качестве общегражданского права на представительство интересов родственников или деловых компаньонов[374].

Таким образом, в империи существовала иерархия адвокатских занятий, ранжированных по степени профессионализации, соответственно,

---

[372] Впервые право на занятие адвокатурой было предоставлено женщинам некоторых Североамериканских Штатов в 1870—80–х гг. Впоследствии его получили женщины–юристы во Франции, Швейцарии, Швеции, Норвегии и некоторых других европейских странах.
[373]Учреждение судебных установлений // Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений на коих они основаны. СПб., 1867. Ст. 353—406.
[374] ПСЗ. Т. XLIX. № 53573.

возможности и стратегии борьбы за право на занятие адвокатурой имели свою специфику в каждом из приведенных случаев. С 1866 по 1874 гг. женщины были полностью лишены доступа к адвокатуре как профессии, поскольку не могли получать высшего юридического образования, а, следовательно, и поступать в присяжные поверенные. С введением в 1874 г. института частной адвокатуры у женщин появилась возможность осуществления профессионального судебного представительства в качестве частного поверенного. Однако, Высочайшим повелением 7 января 1876 г. окружным и мировым судам было воспрещено выдавать свидетельства частных поверенных лицам женского пола.

Ситуация вокруг издания Высочайшего повеления 1876 г. вызвала первую волну общественной дискуссии по вопросу о женской адвокатуре. Поскольку запрет 1876 г. опирался на более раннее узаконение, на основании которого женщинам было отказано в праве поступать на государственную службу (Высочайшее повеление 14 января 1871 г.), то дискуссия сосредоточилась на проблеме юридического статуса частной адвокатуры. Отказ лицам женского пола в праве получать свидетельства на хождение по чужим делам признавался легитимным при том условии, что институт частных поверенных будет утвержден в качестве государственной или общественной службы; в противном случае, ограничение участия женщин в этом «частном» виде деятельности не представлялось возможным[375].

Вторая волна общественного интереса к женскому вопросу в адвокатуре пришлась на середину 1880–х – конец 1890–х гг. и была связана как с российскими правовыми прецедентами (появлением в Сибири женщин–

[375] Судебный Вестник. 1875. № 101, 251.

ходатаев), так и с обсуждением зарубежной судебной практики[376]. Основными аргументами в пользу занятий женщин адвокатской деятельностью оставались ссылки на общегражданское право частных лиц на осуществление функций судебного представительства, а также на право подсудимого в уголовном процессе выбрать в свои защитники любое благонадежное лицо[377].

Характерным признаком данного этапа развития общественной дискуссии представляются попытки пересмотреть общепризнанный набор психологических характеристик, включенных в профессиональный этос. В системе аргументов сторонников женской адвокатуры появляются отсылки к таким традиционно «женским» качествам, как «впечатлительность», «чуткость» и «пристрастность» как ресурсу для обогащения и гуманизации практики судебного представительства[378]. Радикально новым этапом движения за право женщин на занятие адвокатурой стал период после первой русской революции, когда ряду выпускниц зарубежных университетов и российских высших женских учебных заведений удалось получить отечественный диплом правоведа. Формально это событие открывало женщинам–юристам доступ в наиболее профессионализированную часть адвокатского сообщества, корпорацию присяжных поверенных. Однако, решения органов корпоративного самоуправления относительно принятия женщин в ряды присяжной адвокатуры (в 1908 г. в Москве, в 1909 г. в Санкт–Петербурге, в 1912—1913 гг. в Казани) в большинстве случаев были опротестованы и отменены судебными палатами в порядке надзора. Отмена

---

[376] Вульферт А. Вопрос о женской адвокатуре в Италии // Журн. Гр. и Уг. Права. СПб., 1884; Зинченко Н. Женщина–адвокат (по Луи–Франку). СПб., 1898.
[377] Уст. Уг. Суд. Ст. 565. Подтверждено решением Сената от 27 октября 1895 г. по делу Скворцова: к защите была допущена жена подсудимого.
[378] Судебная Газета. 1886. № 43; Россия. 1900. № 635, 650; Северный Курьер. 1900. № 359.

внутрикорпоративных постановлений обосновывалась с точки зрения публичного характера деятельности присяжных поверенных, недоступной женщинам даже с высшим юридическим образованием[379].

Другим значимым явлением периода 1905–1917 гг. стало расширение «пространства» общественной дискуссии за счет активизации специализированной женской прессы (журналы «Женский Вестник», «Союз женщин», «Женское дело»). Благодаря усилиям таких авторов, как П. Кравцов и К. Абкович, на страницах феминистски ориентированных журналов сформировалась новая система аргументации, значительно отличавшаяся как от широко распространенных юридических доводов, так и от обоснования прав женщин–адвокатов с точки зрения традиционных женских качеств и добродетелей. Центральным пунктом новой системы выступало открытое позиционирование права женщин на занятие адвокатурой в качестве права «политического», предоставлявшего доступ не только к сфере профессиональной самореализации, но к механизмам социального регулирования[380]. В этом контексте задача женщины–адвоката обозначалась уже не в терминах «гуманизации» правосудия, но представлялась в качестве ревностной защиты «забытых интересов прав своих же сестер женщин»[381].

Таким образом, в начале XX в. доступ к адвокатуре перестал интерпретироваться исключительно как проблема реализации частного права правоспособного субъекта, а превратился в ключевой вопрос позиционирования женщины в публичном пространстве, включенный на равных основаниях и в

[379]Отчет Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1908–1909 гг. М., 1909. С. 11, 14.
[380]Кравцов П. Женщины–адвокаты // Женский Вестник. 1905. № 5–6; Абкович К. Женщина и адвокатура // Союз женщин. 1908. № 9.
[381] Абкович К. Указ. соч. С. 16.

профессиональный проект адвокатской корпорации, стремящейся к контролю механизмов «входа», и в феминистский политический проект.

О.В. Морева

Екатеринбург, Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В.Г. Белинского

«ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ» И. БЛОХА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Интерес к истории проституции в последнее время перестал быть маргинальным[382], но по–прежнему исследователи испытывают источниковедческий голод для подобных исследований. В то же время ученые прошлого ввели в научный оборот большой корпус источников, которые они использовали для своих изысканий, применяя доступные им подходы и методы для анализа. Так, только в 1826–1917 гг. в России было опубликовано около 100 монографий, брошюр, докладов, сборников отечественных и зарубежных авторов, посвященных истории проституции[383]. Представление труда немецкого доктора медицины И. Блоха «История проституции»[384] с точки зрения источниковедческого потенциала является целью данного материала.

Книга И. Блоха вышла в Санкт–Петербургском издательстве К.Л. Риккера. Это было первое в России медицинское издательство, которое являлось поставщиком и комиссионером многих высших школ и учреждений (Военно–медицинская Академия, Академия наук, Императорская Публичная библиотека и др.) «К.Л. Риккер и наука – почти синонимы, – отмечали

---

[382] Панин С.Е. Проституция в России в XIX–XX вв.: материалы к библиограф. на рус. яз. Пенза, 2005; Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: материалы к библиографии. М., 2002. С. 505–506.

[383] Установлено по: Электронный Сводный каталог русской книги XIX в. (1826–1917) [Электронный ресурс] / РГБ, РНБ, Корпорация «Электронный архив». М., 2003. 1 опт. диск.

[384] Блох И. История проституции / авторизированный пер. с нем. П.И. Лурье–Гиберман. СПб., 1913. Т. 1.

современники, – Издательская деятельность этой почтенной фирмы во многих случаях являлась ни чем иным, как своеобразным меценатством учению и учености»[385]. Нужно отметить, что ориентация издательства на самое лучшее распространялась и на научно–справочный аппарат книг. Оформление сносок, примечаний, разнообразие шрифтов, обязательные предисловия, наличие авторских и предметных указателей, размещение в конце книги списка обнаруженных опечаток делали риккеровские издания удобными для чтения и занятий научной деятельностью.

В предисловии к своему труду И. Блох отмечал, что намерен «заново переработать, подвергнуть всестороннему, критическому исследованию и разъяснить главнейшие вопросы сексологии на основе антропологически–этнологического метода, равно обнимающего природу и культуру»[386].

И.Д. Ковальченко предложил выделять четыре типа источников с точки зрения форм фиксирования социальной информации: вещественные, изобразительные, письменные и фонические[387]. Видовую классификацию в источниковедении принято основывать на общности структуры, «которая сформировалась и закрепилась как образцовый эталон соответствия общей функции (назначения) продуктов данного вида в системах действующих обществ»[388]. Такая типо–видовая классификация позволяет упорядочить обширный корпус источников, который использовал И. Блох в своем труде.

Из вещественного типа исторических источников обращает на себя внимание привлечение для представления сексуальной жизни первобытного человека украшений, «пестрых предметов» и «ритуальных объектов». По

---

[385] 50–летие книгоиздательства К.Л. Риккера // Нива. 1912. № 1. С. 17.
[386] Блох И. Указ. соч. С. VIII.
[387] Голиков А.Г. Учебный курс «Источниковедение» в свете учения об информации // Проблемы источниковедения и историографии: материалы II науч. чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000. С. 251–257.
[388] Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 346.

мнению И. Блоха, человек в этот исторический период «является уже носителем культуры, пережившим богатое по содержанию и объему духовное развитие, и в его половой жизни уже несомненно тоже совершилось известное разделение между телесными и духовными элементами ее»[389].

К изобразительному (или визуальному) типу источников нужно отнести упоминаемые И. Блохом памятники гетерам при комментировании «каталогов гетер», статуи «необыкновенно красивых гетер», установленные в храмах, а также их портреты и «пластические изображения», вошедшие в моду в эллинистическую эпоху[390]. Эта отрасль живописи, видимо, была очень популярна, так как «существовал даже особый вид “портретистов проституток” или “порнографов”, которые рисовали портреты проституток с натуры». «Рисунки на вазах» из исторического каталога Дрезденской гигиенической выставки (Дрезден, 1911) представляющие собой изображения «неприличных вещей в таком виде, чтобы они раздражали чувственность», и «бордельные картины» являются уникальным источником визуального типа не только по истории проституции, но и по истории эротического искусства и сексуальной жизни периода эллинизма.

Из фонического типа исторических источников немецкий исследователь активно использовал фольклор: «зазывания», анекдоты, жаргон, пословицы и поговорки, посвященные проституткам, а также описания их музыкального и танцевального искусства у античных авторов и в европейских хрониках[391]. Кроме того, И. Блохом осмыслению подвергаются и суеверия, сохраняющиеся у европейских народов даже в начале XX в. Так, он упоминает о том, что «встреча с проституткой – которая сама по себе

---

[389] Блох И. Указ. соч. С. 35–40.
[390] Там же. С. 233–251, 248–249, 395–396, 436–442.
[391] Там же. 49–54, 102–108, 391–393, 406–407, 512, 533, 569–577, 631.

представляла ведь бесчестное в социальном отношении, ничтожное существо, – приносит счастье».

Самый многочисленный и разнообразный по видам и группам используемых И. Блохом исторических источников – это письменный тип. Он тщательно исследовал законодательные нормы, регулирующие проституцию. Обилие цитат из законов и сводов «всех времен и народов» делает труд И. Блоха не только похожим на своеобразную хрестоматию по правовому регулированию проституции, но и интереснейшим источником по истории сексуальной жизни человечества на протяжении длительного периода времени. Кроме законодательства, немецкий ученый в большом количестве использовал для своего труда делопроизводственную документацию, отложившуюся в архивах и большей частью впервые им введенную в научный оборот. Это уставы публичных домов и борделей, брачные и другие договоры, судебные решения и жалобы, «абонементные бордельные билеты» и документация, связанная с налогообложением и гонорарами. К этому виду исторических источников нужно отнести и публикацию рекламных объявлений, каталоги гетер и «покаянные книги». И. Блох для своего исследования также привлекал статистические данные, заимствованные из трудов историков древности и своих современников, касающихся населения столиц империй и крупных городов в провинциях, соотношения количества рабов и свободных, коренного населения и мигрантов и т. п.

Из источников личного происхождения, объединяющих эго–документы, в исследовании использованы как традиционные для этого вида – это эпистолярии, мемуары и воспоминания, так и не традиционные – «надписи сексуального характера в отхожих местах» и «стенные надписи в Помпеях»[392].

---

[392] Блох И. Указ. соч. С. 9, 203, 264–265, 294, 312, 370, 391, 410–412.

К источникам, представляющим художественную литературу, у И. Блоха было особое отношение. Обильное цитирование (порой очень больших отрывков) античных, арабских и средневековых поэтов и писателей убедительно доказывает, что «изящная словесность» является уникальным историческим источником и по истории «полового вопроса».

Фундаментальный труд немецкого ученого – «основателя антропологической теории сексологии» востребован современными исследователями. Типо–видовая конфигурация источниковой базы демонстрирует, что информационный ресурс его исследования велик и представляет интерес для осмысления введенных в научный оборот источников с помощью новых подходов в гуманитарном знании.

Л.П. Заболотная

Кишинев, Институт истории, государства и права АН Молдовы

НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЕ ДЕТИ И ИХ ПРАВО НА НАСЛЕДОВАНИЕ В МОЛДОВЕ В XVII В.

Проблема наследования незаконорожденых детей в эпоху раннего нового времени является одной из практически не изученных и малоосвещенных в современной молдавской исторической литературе. Особенностью средневековой Молдовы было то, что законнорожденные и незаконнорожденные дети имели наследственные права, причем не только на движимое и недвижимое имущество, но, в господарских семьях, и на власть. К примеру, в период с 1517 года по 1595 более половины господарей, правивших Молдовой, были незаконнорожденными детьми[393]. Помимо этого, дети, рожденные вне брака не обзывались оскорбительно, а носили довольно романтическое название *дети из цветов (copii din flori).* Они имели и особый имущественно–правовой статус,

[393] Miclescu–Prăjescu I. New data regarding the instalation of Movilă Princes. // The Slavonic and East European Rewiew. 1971. Vol. XLIX. P. 214—234.

который, на наш взгляд, существенно отличался от других европейских народов. В Молдове незаконнорожденными детьми – *copii naturali*, были признаны дети, рожденные в конкубинаже, в прелюбодеянии, в невенчанном браке (*căsătorii blestemate — проклятые браки – Л.З.*), от монашек, в инцесте, и т.д. Термин *copii naturali* был унаследован из римского — византийского права. В частности, согласно *Праву Юстиниана,* внебрачные дети назывались *liberi naturales*. Они имели право на содержание и на часть имущества, но не в равной степени с законорожденными[394].

Аналогичная ситуация была и в Молдове. Согласно *обычному праву*, писаным и неписаным законам, дети, рожденные в законном браке (*feciori* или *coconi*), и внебрачные (*cópil, cópili*)[395], хотя и назывались по–разному, могли претендовать на наследование своих родителей (отца, матери) или дедушек и бабушек (как по отцовской, так и по материнской линии). Естественно, что долевое участие было не одинаковым, так как законнорожденные дети получали больше. В то же время, они не могли лишить наследства своих сводных братьев и сестер. Анализ актового материала, характеризующего нормы наследственного права, показывает, что в период XV—XVII в. к наследованию недвижимости допускались дети обоих полов, но самые большие разногласия возникали между детьми, рожденными в– и вне брака. Для сбора доказательной базы стороны прибегали ко всем возможным аргументам: обращались к священникам и родственникам, которые давали свидетельские показания в суде, приносили письменные подтверждения (на куплю–продажу движимого и недвижимого имущества) и т.д. Об этом

---

[394] Codex Iustinianus 5, 27, 8 (a. 528) // Corpus Iuris Civilis II ed. XI stereotipa P. Krüger. Berlin, 1954 // Vladimir Hanga. Drept privat roman. Tratat, Editura didactică şi pedagogic. Bucureşti, 1977. P. 204.

[395] Condurachi I.D. Expunerea rezumată a teoriei moştenirilor în vechiul drept românesc. Bucureşti, 1919. P. 31.

свидетельствуют источники эпохи. Наглядным примером может служить судебный процесс от 15 сентября 1645 года, согласно которому боярин Ионашко Мынжа вместе со всеми своими родственниками обратился в суд против Ангелины, которая якобы «*была незаконной дочкой, рожденной от другого мужчины*» [396] и поэтому не имеет право на *отчину*. Ангелина вместе с мужем привела в суд попа, слуг, а также «*людей добрых*», которые подтвердили и поклялись, что она законорожденная дочь («*fata bun»*) своего отца и суд принял решение, что она «*имеет полное право на вечное владение землями, которые оставил ей оте»*[397]. Исходя из вышеизложенного, напрашивается вывод, что если бы было доказано, что Ангелина незаконнорожденная дочь, тогда ее близкие родственники могли лишить ее недвижимого имущества.

Аналогичная ситуация происходила и с детьми, рожденными от сожительниц (*ţiitoare*). Согласно *обычному праву*, дети, которые родились в *невенчанном браке*, вообще не имели право на наследование. В действительности, документы показывают, эти дети все же наследовали часть имущества от своих отцов. Однако, с одной стороны, они могли наследовать имущество, которое им оставлял отец, а, с другой стороны, они не могли претендовать на равную долю с законнорожденными детьми. В частности, документ от 10 марта 1660 г. свидетельствует о процессе за земли, которые были даны господарем Василием Лупу за верную службу некоему боярину, который, в свою очередь, оставил эти имения своим сыну и двум дочерям. В суд обратился брат боярина, который заявил, что законнорожденный сын и наследник умер, а дочери – не родные, а от сожительницы. Суд должен был решить, кто имел право на имения. В случае,

[396] Ghibănescu Gh. Surete şi izvoade. Vol. III. Iaşi, 1907. P. 321—323.
[397] Grigoraş N. Instituţii feudale din Moldova (Organizarea de stat până la mijlocul sec. al XVIII–lea). Bucureşti, 1971. P. 223—224.

если было бы доказано, что дочери незаконнорожденные, единственным наследником имения становился брат покойного боярина[398]. В тоже время все законнорожденные дети от разных браков, независимо от пола, имели равные имущественные и наследственные права на наследство родителей. В частности, документ от 6 ноября 1682 г. говорит о контракте между детьми от первого брака и второй супругой отца, согласно которому они должны заботиться о своей мачехе и сводных братьях и сетрах, поделить деньги и драгоценности, поделить поровну недвижимость, дать приданое сестрам и т.д.[399]. Исходя из содержания документа, можно предположить, что смерть наступила неожиданно, и отец не успел оставить завещание. Однако, согласно *обычному праву* и *закону страны*, в случае отсутствия завещания (*diată*), все дети, рожденные в законном браке или нескольких законных браках, независимо от пола, имели равные права на все имущество отца. Помимо всего, старшие дети обязаны были заботиться о своих младших братьях и сестрах пока они не вырастут, а затем поделить наследство с ними. Указанный документ наглядно демонстрирует, как были защищены права законнорожденных детей.

Но незаконнорожденные дети так же *охранялись законом*, посредством письменного завещания, которое никто не мог оспорить. Именно завещание служило основным документом, которое было юридической формой защиты имущественно–правового статуса внебрачных детей. Для того, чтобы передать имущество своим детям, рожденным от любовниц, в завещании подчеркивалось, что им оставляется в наследство. Наглядным примером

---

[398] Catalogul documentelor moldoveneşti din Direcţia Arhivelor Centrale, vol. III, 1653—1675, Catalogul a fost întocmit de M. Regleanu, D. Duca Titulescu, V. Vasoilescu, C. Negulescu. Bucureşti, 1968. P. 124 (nr. 503).

[399] Catalogul documentelor moldoveneşti din Direcţia Arhivelor Centrale. Vol. IV. 1676—1700. Catalogul a fost întocmit de M. Regleanu, D. Duca Titulescu, V. Vasoilescu, C. Negulescu. Bucureşti, 1970. P. 179—180 (nr. 758).

может служить документ от 1656 г., в котором боярин из города Васлуя оставляет своей внебрачной дочери, которую ему родила «*дочь Фулжера* [...] *пасеку на вечное владение как отчину* [...] *и чтобы братья мои не вмешивались*»[400], подчеркивает завещатель в конце. Как видно из документа, вероятно, боярин не женился на женщине, которая родила ему дочь, но ребенка признавал своим и в завещании оговаривал ее права на недвижимое имущество, чтобы в случае смерти его родственники не посмели претендовать на него. Юридическое положение внебрачных детей в Молдове было защищено по материнской линии. Мать и родственники матери особенно заботились о том, чтобы внебрачные дети были включены в наследственные права наравне с другими детьми. Этот правовой статус незаконнорожденных детей был оговорен в первом письменном законодательном своде законов, вошедшем в историю под названием *Правила Василия Лупу (1646)*[401].

Но в *Правилах*, были оговорены и случаи, когда незаконнорожденные дети не имели право на наследование, включая и по матери. В первую очередь, этого права лишались дети, рожденные от изнасилования: «Глава 36. *Дети, которые родятся от насилия над девушкой не могут наследовать имущество…даже по–матери»*[402]. Согласно Правилам, дети, рожденные монашками, так же не имели права на наследования: «Глава 258. *Те, кто прелюбодействуют с монашками… а от них родятся дети, то они не могут ничего наследовать… даже имущество от своих матерей»*"[403]. Особое внимание в *Правилах* обращается на детей, отцы которых вообще

---

[400] Vasluiul. Studii şi documente. Vol. XV. «Viaţa românească». Iaşi, 1926. P. 84.
[401] Carte românească de învăţătură (1646) / Ediţie critică, condusă de acad. Andrei Rădulescu. Bucureşti, 1961. P. 146.
[402] Carte românească de învăţătură (1646). P. 138.
[403] Îndreptarea Legii (1652), Glava 212. «Pentru mestecarea de sânge carea se face nuntă». P. 257—258.

были не известны: «*Если родится ребенок, и никто не знает, кто отец его, называется он (ребенок – Л.З.) темным»*[404]. Как видно из приведенных выше глав, не все внебрачные дети имели право на наследование, и отношение к ним в этом плане было разное.

Возможно, разноплановое отношение к незаконнорожденным детям объяснялось эволюцией и сложившейся правовой системой Молдовы. С одной стороны, обычаи, традиции и законы предусматривали строгие кары за нарушения супружеской верности, за прелюбодеяние с чужой женщиной, незамужней девушкой, монашкой и т.д., а с другой стороны, за конкубинаж или сожительство с любовницей не наказывали. Если отец признавал ребенка, то он и его мать могли наследовать часть имущества, которое он им оставлял. Если же отец не был известен, то ребенок находился во власти матери и ее семьи, которые заботились о нем и, естественно, имел право на наследование.

Интересно, что аналогичная ситуация была в Римской республике, где законодательно сурово наказывалась супружеская измена, а внебрачные связи совсем не осуждались, поэтому римляне продолжали поддерживать внебрачные отношения с женщинами, на которых они по социальным или моральным соображениям не могли жениться. Но ни сама наложница, ни дети, рожденные от союза на основе конкубината, не пользовались никакими правами. Внебрачные дети не могли предъявлять какте–либо претензии на наследство отца. После принятия христианства дети, рожденные от конкубины, были признаны полноправными наследниками. При Юстиане конкубинат расценивался как особая низшая форма супружества, особенно в том, что касалось прав конкубины и ее детей на наследство. Такое отношение

---

[404] Îndreptarea Legii (1652), Ediţia întocmită de Colectivul de Drept Vechi Românesc, condus de Andrei Rădulescu. Bucureşti, 1962. P. 207.

к внебрачным связям сохранялось в восточной части Римской империи до конца XI века, а на Западе до XII века[405].

Обобщая вышеизложенное, хотелось бы подчеркнуть, что на наш взгляд, на примере права внебрачных детей на наследование можно проследить, как на правовую систему Молдовы оказало влияние византийское наследие, следы которого оставались наглядными и в XVII веке. Незаконнорожденные дети в Молдове, согласно *обычному* и *писаному праву,* имели защищенный юридический статус: они могли наследовать обоих родителей — отца и мать (особенно по матери и по материнской линии), дедушек и бабушек, могли оспаривать свои наследственные права в судебных инстанциях. Большую роль в правовой защите внебрачных детей играло завещание (письменный документ) и институт свидетелей (священник, родственники, близкие друзья семьи, сосоеди и т.д.).

О.А. Козлова

Москва, ИЭА РАН / Самара, СГУ

«МАТЕРАЯ ВДОВА». ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРАВА ВДОВ И ОВДОВЕВШИХ МАТЕРЕЙ В МОСКОВИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Овдовевшая женщина и овдовевшая мать в любое время вызывает сочувствие и уважение, но автор данной работы предпочёл посвятить своё исследование юридическому положению вдов в Московии накануне петровской эпохи. Объясняется это тем, что Московия второй половины XVII в. может служить образцом патриархальных воззрений на развитие общества, а потому роль женщины в этом процессе очень важна, и отличается некоторой необычностью и теми характеристиками, которые не типичны для представления современных обывателей и современной науки.

---

[405] Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988. С. 180.

Несмотря на то, что в историографии пока ещё нет полновесных исследований, посвящённых исключительно указанному выше вопросу, в большом количестве трудов как отечественных[406], так и зарубежных[407] историков упоминается правовое положение московитских вдов и уникальность их юридического статуса в призме этнических и социальных воззрений на женщину в патриархальной Московии. Позитивный историографический момент исследования состоит в том, что отечественные (к примеру, Пушкарёва Н.Л.[408]) и зарубежные историки опираются в свои работах на значительный документальный аппарат, что составляет несомненную ценность подобных исследований, благодаря чему возможно проводить параллели от частной повседневной жизни русской женщины к юридическим аспектам общественных прав московитских вдов.

Для изучения такого правового нюанса, как юридические права овдовевших московиток в допетровской России, необходимо выяснить значение самого понятия «матерая вдова». Указанное выражение можно перефразировать, и в современном языке оно будет звучать иначе: «овдовевшая мать»[409]. Личность матери в Московии второй половины XVII в. пользовалась трепетным уважением и охранялась законом, свидетельством

---

[406] Более подробно об этом см.: Васецкий Н.А. Женщины: во власти и безвластии. М., 1997; Мальковская Т.Н. Семья и власть в России XVII – XVIII столетий. М., 2005; Пушкарёва Н.Л. Дети–наследники по завещаниям. // Социальная история. Ежегодник, 2001. Женская и гендерная история / Под ред. Н.Л. Пушкарёвой. М., 2003.

[407] См., например: Engel B. Women in Russia, 1700–2000. New York, 2005; Boskovska N. Die russische frau im 17 jahrhundert. Koln, 1998; Kaiser D.H. Law, Gender and King in Seventeenth–Century Muscow. // Russian History. 2007. Vol. 34. No. 1—4.; Weickhardt G.G. Legal Rights of Women in Russia, 1100–1750 // P. 1–23.

[408] См., например: Пушкарёва Н.Л. Русская семья X–XVII вв. в «новой» и «традиционной» демографической истории // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 66–79; Она же. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X–начало XIX вв.). М.: Ладомир, 1997. — http://www.booksite.ru/fulltext/life/ofw/oman/index.htm. Дата обращения: 8.2.2010.

[409] Boskovska N. Op. cit. P. 237.

чему служат статьи Соборного Уложения 1649 года[410], главы Домостроя, в XVI в. сформулировавшего каноны поведения по отношению к личностям матерей с точки зрения религии и общества[411].

Женщина, потерявшая мужа, рассматривалась в патриархальном каноне допетровской Московии мученицей на земле. Муж для любой московитки независимо от сословной принадлежности должен был являться источником жизни и радости, тем звеном, которое связывало её с детьми и той семьёй, в которую она пришла по вступлении в брак[412]. Потеряв его, женщина была обречена не просто на годы одиночества, она в глазах общества теряла своё право жить полноценной жизнью, богатой событиями, и весь свой досуг обязана была посвятить молитвам об упокоении души почившего супруга, до конца дней скорбеть о нём и вести себя в обществе соответственно тем религиозным предписаниям, которые могли бы подчеркнуть степень её верности умершему, глубину её любви к нему и дань уважения его памяти. Вдова почиталась в обществе независимо от сословной принадлежности, со смертью мужа приобретала статус уважаемой личности, оберегаемой помимо светского церковным законом, провозглашающим: «Горе обидевшему вдову: лучше ему свой дом ввергнуть в огонь, чем за воздыхания вдовиц быть ввержену в геенну огненную»[413].

Согласно законодательству, замужняя женщина прикреплялась на основании юридических прав к своему мужу. Вдова была полновластной

---

[410] Более подробно об этом см.: Соборное Уложение 1649 года // Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Т. 1. Начала формирования судебной власти / Отв. ред. Н.М. Золотухина. М., 2003. Т. 3. С. 346–428, 502–537, 618–622.

[411] Домострой / Сост. вступ. ст., пер. и коммент. Колесова В.В.; Подгот. текстов Рождественской В.В., Колесова В.В. и Пименовой М.В. М., 1990. С. 14.

[412] Weickhardt G.G. Op. cit. P. 19.

[413] Русские народные пословицы и поговорки // Древнерусская литература. Хрестоматия / Сост. Жовтис А.Л. М., 1990. С. 15.

госпожой в доме и абсолютной главой семьи, челядь и холопы беспрекословно исполняли её приказы, а дети покорно внимали её наставлениям. Соборное Уложение в этом плане непреклонно: интересы вдовы соблюдены в выгоднейшем для неё плане, государство заботилось о том, чтобы вдова содержала себя и своих малолетних детей (если таковые у неё были); если муж женщины геройски погибал на войне, государство заботилось о том, чтобы вдова героя и его дети не нуждались.

С юридической точки зрения, вдова, действительно, имела с родственниками мужа связь чисто номинальную: она считалась их родственницей благодаря наличию общих детей. В случае, когда вдова была бездетна, и потому родственники надеялись вычеркнуть её из семьи, дабы не делить нажитое имущество, законодательство было на стороне овдовевшей женщины. В подобных ситуациях умирающий муж мог оставить *духовную грамоту* – прообраз современного завещания, в котором чётко оговаривался размер наследуемого женщиной имущества. Тогда и ближайшие родственники умершего ни коим образом не могли претендовать на имущество, поскольку закон официально был на стороне вдовы.

Несмотря на возможное неодобрение в глазах общества и церкви, вдовы могли вступать в брак и нередко выходили замуж повторно. Случаями, когда они вовсе избегали осуждения окружающих, были ситуации, когда вдова оставалась в одиночестве юной и бездетной, а, значит, могла создать семью, или когда у неё было много несовершеннолетних детей, содержать которых не было возможности. Если вдова вновь выходила замуж, её имущество переходило в управление её нового мужа, но, если женщину не устраивало то, как он распоряжается её владением, она могла подать на него жалобу государю и добиться того, чтобы самой распоряжаться имуществом в силу

малолетства детей, либо доверить управление старшему сыну, достигшему совершеннолетия[414].

В случаях овдовевших женщин закон не делал различий. Во второй половине XVII в. знатная женщина постепенно удалилась (официально) от общества, но появлялась в нём в силу некоторых жизненных обстоятельств, требовавших её обязательного присутствия или дававших ей самостоятельное вотчинное значение. Только овдовевшая мать или *матерая вдова*, защищала интересы своих осиротевших детей перед обществом и государством. *Матерая вдова* пользовалась правом стоять наравне с мужчиной и занимать соответственно своему значению место в обществе, не смущавшемся присутствием женщины, обретшей мужские черты в силу вдовьего положения, но не потерявшей от этого вотчиннического значения[415].

Овдовевшая мать совмещала в себе обязанности двух глав семьи: *отца* – как представителя и главы семьи в патриархальном обществе, *матери* – как хранительницы домашнего очага, главной заботой которой был домашний уют[416]. Поскольку мать–вдова утрачивала в глазах общества ту греховную сущность, которая (по мнению церкви[417]) может быть ей свойственна с момента рождения, религиозные и шовинистические общественные предрассудки её уже не затрагивали, в случае их возможного проявления

---

[414] Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X – XX вв. Т. 3. С. 346–428, 502–537, 618–622. С. 174—176; Соборное Уложение 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права России С. 103–104.
[415] Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях / Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск, 2003. С. 339—340.
[416] Более подробно об этом см.: Брачно–семейное право в России XV – XVIII вв. // Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. — http://edu–zone.net/show/158343.html. Дата обращения: 3.5.2010; Мальковская Т.Н. Семья и власть в России XVII – XVIII столетий. М., 2005. С. 52.
[417] Домострой. С. 21.

общественное мнение и юридическая составляющая были на стороне женщины, даже находившейся в меньшинстве.

Резюмируя всё вышесказанное, необходимо отметить, что во второй половине XVII в. в московитском обществе ещё господствуют варварские представления о женщине как о существе «адском», «злом», «сатанинском. Тем не менее, с большей долей вероятности мы можем утверждать, что первым шагом начала правовой эволюции женской личности в России становится изменение государственного законодательства в позитивную для женщин сторону, и примером тому служат овдовевшие матери и вдовы допетровской Московии. В знатных кругах женская эмансипация начнёт расширяться во времена «царствующего матриархата» при Елизавете Петровне и Екатерине Великой.

Уникальность статуса «матерой вдовы» состоит в том, что правовое положение этих женщин было неоспоримо во времена допетровской эпохи и после неё. Статус овдовевшей матери и вдовы распространялся на всех женщин России независимо от материального благосостояния и сословной принадлежности, а это рассматривается с позиций того времени как ценное явление, характеризующее изменение социальных и этнических воззрений общества на женскую личность в лучшую сторону, реализует развитие уровня образованности и культуры населения, несмотря на откровенное влияние религии на общественность.

М.Г. Муравьева

Санкт–Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

СЕМЕЙНЫЕ УБИЙСТВА В РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Семейные убийства, понимаемые как убийство внутри семьи ее членов, находятся на перекрестке публичной и частной сфер, что часто ведет к «потерянности» проблемы между исследованиями преступлений против жизни и

домашнего насилия. Криминологические исследования преступлений против жизни чаще всего концентрируются на публичных формах убийства. Семейные убийства чаще изучаются в контексте домашнего насилия и, как правило, в отношении супругов друг к другу и детей. Тем не менее, семейные убийства включают и убийства других родственников: родителей, братьев/сестер, дядей/тетей, племянников/племянниц и других родственников. Русское право всегда считало родственную связь отягчающим обстоятельствам убийства и относило семейные убийства к квалифицированным видам (см., например, Соборное уложение гл. XXII, ст. 1—7). Европейская историография насильственной преступности обратила внимание на то, что уровень публичного насилия значительно сокращается к началу XVIII века, что означает приватизацию насилия и повышения уровня семейных убийств, нежели убийств посторонних людей[418]. Основной проблемой здесь видится необходимость верификации данного тезиса на примере российского материала. Однако для оценки уровня частного насилия необходим комплексный анализ убийств разных членов семьи в контексте структуры родственных и семейных связей, характерной для изучаемого периода.

В системе русского права семейные убийства являлись квалифицированными и регулировались главой XXII Соборного уложения 1649 г. Здесь определяется пять составов семейных убийств: 1) отцеубийство, подразумевавшее убийство обоих родителей (ст. 1—2); 2) убийство детей их законными родителями (ст. 3); 3) братоубийство, подразумевавшее убийство братьев и сестер (ст. 7); 4) мужеубийство (ст. 14); 5) инфантицид или детоубийство незаконнорожденного ребенка (ст. 26). Все эти преступления, кроме убийства детей их законными родителями,

[418] См., например: Spierenburg P. A history of murder. Personal violence in Europe from the middle ages to the present. Cambridge, 2008.

наказывались различными видами смертной казни. Однако в случае убийства детей предписывалось родителей заключить на год в тюрьму и затем обязать к публичному покаянию (публичное оглашение у ворот церкви содеянного преступления). Данное наказание предполагает, что родители в принципе имели право распоряжаться жизнью своих детей и рассчитывали на их абсолютную покорность (ст. 6). Однако убийство незаконнорожденного ребенка рассматривалось совершенно иначе: ст. 26 предписывала «таких беззаконных жен, и кто по ея велению детей ея погубит, казнити смертию безо всякия пощады, чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не далали, и от блуда унялися», что означает показательное наказание за блуд нежели за детоубийство. Петр I в «Военном артикуле» также подтверждает смертную казнь за убийство членов семьи (ст. 163), однако проводит различие между преднамеренным и непреднамеренным убийством, смягчая наказание за убийство жены или ребенка в результате наказания. Таким образом, уголовное право выстраивает определенную иерархию семейных убийств соответственно степени преднамеренности и «злой воли». В данной иерархии худшим считалось убийство родителей, извинительным же предполагалось убийство законных детей, что вполне отвечало патриархальной парадигме властных отношений, в рамках которой родители, наносящие вред своим детям, считались делавшими это непреднамеренно и скорее совершавшими грех, нежели преступление, тогда как дети, убивавшие родителей, или жены, убивавшие мужей, обладали определенной степенью «злой воли», подталкивавшей их к восстанию против «естественного порядка» властной иерархии.

Самым изученным типом семейных убийств являются супружеские убийства. *Убийством жены* часто заканчивались побои, издевательства и другие насилия, причиняемые женщине в семье. Смерть жены в результате побоев мужа в большинстве случаев квалифицировалась как

непредумышленное убийство и наказывалась соответственно, обычно кнутом и отдачей на поруки. Иван Желябужский в своих записках сообщает о факте публичного бития кнутом князя Александра Борисовича Крупского за убийство жены (в 1692 г.)[419]. Убийство жены довольно часто встречается среди уголовных дел XVIII века, что опять же доказывает, что убийство жены считалось преступлением и регулярно наказывалось. *Мужеубийц* осуждали гораздо больше и чаще, чем женоубийц. При убийстве мужа (даже непредумышленном при защите) женщина все равно совершала тяжкое преступление покушения на власть *per se* и по уложению должна была быть закопана живой. Отказ от подчинения и восстание против власти мужа рассматривалось как гораздо более опасный поступок, нежели простое убийство жены в результате побоев и истязаний, что никак не противоречило общему порядку управления. *Детоубийство* влекло за собой смертную казнь по уложению, однако чаще всего смертная казнь заменялась другим тяжким наказанием. Хотя большинство обвиняемых в преступлении были женщины (в целом, в современной криминологии преступление является «женским»), однако уголовные дела Сыскного приказа и особенно военных судов показывают, что мужчины также довольно часто принимали участие в избавлении от незаконнорожденных. В целом, заметно разделение труда: женщины чаще оставляли новорожденных (на дороге, в хлеве, подбрасывали в другие дома), тогда как мужчины убивали[420].

Убийство законных детей родителями часто случалось в результате наказания, потому классифицировалось как непреднамеренное. Оба родителя несли одинаковую ответственность за такие преступления с небольшим превалированием отцов. Жертвы, как правило, были моложе 10

---

[419] Желябужский И.А. Дневные записки // Рождение империи. М., 1997. С. 270.
[420] См.: РГВИА. Ф. 8; РГАДА. Ф. 432. Оп. 1; Ф. 372. Оп. 1; Ф. 248. Оп. 39—41, 60; Ф. 284. Оп. 1; ЦГИА СПб. Ф. 1716. Оп. 1; Ф. 1727. Оп. 1; Ф. 1709. Оп. 1; Ф. 1734. Оп. 1; Ф. 1740. Оп. 1.

лет и чаще всего это были мальчики[421], что может отчасти объясняться тем, что мальчиков и чаще наказывали отцы. Девочки чаще подвергались сексуальному насилию, данные Синода и Сената за XVIII дают довольно значительное количество дел по растлению дочерей. Однако убийство законных детей вполне соответствует по пропорции убийству незаконнорожденных в их отношении к количеству выживших, что ставит вопрос о статусе ребенка в русской семье и русском обществе в целом.

Убийство родителей было преступлением довольно редким (девять случаев между 1754 и 1799 годами). Самым громким стало дело Алексея Жукова, убившего свою мать и сестру[422]. Однако смертная казнь ни разу не была применена, осужденные приговаривались к телесным наказаниям и церковным епитимиям (вплоть до отлучения). *Убийство братьев и сестер* обнаруживает интересную динамику с абсолютным превалированием братоубийства в результате драк[423]. Вероятно, постоянное сосуществование в условиях частого решения конфликтов физическим путем (побоями или драками) передавало именно мальчикам такую культуру решения конфликтов.

Приведенные выше данные требуют дополнительного концептуально–теоретического анализа с учетом комплексных антропологических, криминологических и исторических данных. Динамика семейных убийств подтверждает высокий уровень насилия, существовавший в русских семьях в раннее Новое время. Однако в рамках данной динамики совершенно очевидно, что женщины умирали насильственной смертью чаще чем мужчины, и члены семьи в подчиненной позиции (женщины и дети) чаще, чем те, кто находился в позиции власти (мужчины). Отношение к таким

---

[421] По данным Синода: РГИА. Ф. 796. Оп. 51—81.
[422] ПСЗ, XVII, 12600.
[423] По данным Синода: РГИА. Ф. 796. Оп. 51—81.

преступлениям как к «непреднамеренным» и более мягкое наказание, также как и дополнительное церковное наказание (епитимии), скорее всего означали классификацию оных как «частных», что снижало уровень внимания государства к таким убийствам. XIX век принес патологизацию таких преступлений, которая в XX веке обрела форму теорий «семейной дисфункции». Однако возможность применения подобных теорий к обществу раннего Нового времени видится пока весьма проблематичной.

А.А. Цыбульникова

Армавир, Армавирская государственная педагогическая академия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ СТАТУСА КУБАНСКОЙ КАЗАЧКИ В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX В.

С 1792 года началось санкционированное российским правительством переселение черноморского (запорожского) и донского казачества на Кубань. В данном переселении участвовали в основном малые семьи, состоящие из 2–4 членов. У черноморцев изначально существовала практика отделения сыновей в отдельные хозяйства, что связано с доминированием в их культуре украинских традиций. Для донских казачьих семей конца XVIII в. был характерен патриархальный уклад[424], но из–за большого количества членов они также выставили для переселения на Кубань отделившиеся для этого малые семьи, в основном состоящие из 2–3 человек. Таким образом, в переселении обеих региональных групп казачества участвовали семьи, состоящие из одного—двух поколений. В подобных семьях женщина занимала второе статусное положение после главы семьи, а потому обладала большей властью и хозяйственной значимостью. Но в случае гибели хозяина такой семье было выжить тяжело, и в трудные годы только повторное замужество могло спасти вдову и ее детей от голодной смерти.

[424]Короленко П.П. 200 лет Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1912.

Российским властям было выгодно, чтобы казачьи войска состояли из воинов экономически крепких, способных самостоятельно справить себе амуницию и лошадь. Больше всего для этого подходили семьи с патриархальным укладом, совмещавшие под одной крышей несколько поколений. Число членов таких семей редко было меньше 10 человек, чаще она имела 15—20, а то и 40 членов. Такая семья была экономически крепче малой или даже смешанной (т.н. «большой разделенной») семьи.

Поэтому войсковая администрация стала принимать меры по укрупнению казачьих семей. В Черноморском казачьем войске в рамках насаждения выгодного правительству патриархального уклада в 1832 г. вышло специальное распоряжение наказного атамана войска: «Объявить войсковым жителям для их пользы… чтобы сыновья от отцов своих и матерей без ведома куренных управлений и обществ ни под каким видом не отселялись… Велеть исполнять силу оного во всей точности под опасением за малейшее неисполнение строгого взыскания»[425]. Но значительная часть черноморских казаков, несмотря на усилия администрации, продолжали формировать традиционные малые семьи, чему с середины века стало заметно способствовать селящееся в пределах войска иногороднее население, для которого так же был характерен подобный уклад. Хотя в целом прогресс в укрупнении семей в Черномории был заметен. Например, в ст. Пашковской к 1861 г. насчитывалось 62,75% больших семей[426]. Впрочем, даже линейные казаки, принесшие с Дона традицию полинуклеарных семей, далеко не сразу смогли восстановить патриархальный уклад. Так, в линейной ст. Тифлисской

[425]Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 162. Оп. 1. Д. 28.
[426]Мануйлов А.Н. Обычное право кубанских казаков. СПб, 2007. С. 149.

в 1815 г. 124 семьи имели характеристики большой семьи (58,77%), 72 семьи – малой (34,12%), 15 семей являлись неполными (7,11%)[427].

В целом к середине XIX века в значительном количестве черноморских и преобладающем числе линейных семей, восстановивших традиционный семейный уклад Дона, обычай беспрекословного подчинения и бесправия младших членов стал доминирующим. А.Н. Мануйлов отмечает, что в таких семьях невестка не только в молодости, но и в зрелости не могла получить возможность даже частично распоряжаться бюджетом своей собственной (сыновней) семьи или придерживаться личных принципов воспитания родных детей. Только при достижении старости (и благодаря этому статуса «хозяйки») у нее появлялась возможность получить вторую после мужа власть в доме. Таким образом, вершины статусной лестницы кубанские казачки могли достигнуть только в том возрасте, когда в большинстве своем по объективным причинам они не могли воспользоваться привилегиями в полной мере[428].

Военная обстановка и задачи хозяйственного освоения региона накладывали свой отпечаток на эволюцию женского статуса у кубанского казачества. С одной стороны, укрупнение семей способствовало усилению зависимости значительной части женщин, находящихся на разных ступенях семейной иерархии: от самой высокой (жена самого старшего мужчины в большой неразделенной семье) до самой низкой (жена младшего сына). С другой стороны, невольная задействованность женщин в обороне станицы и дома, маскулинизация женских хозяйственных обязанностей (в связи с частым отсутствием мужей из–за военных акций) приводили к повышению не только семейного, но и общественного статуса у значительного количества

---

[427] Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1. Л.л. 1—34.

[428] Мануйлов А.Н. Статус женщины в обычноправовой системе казачьей семьи и станичного общества на Кубани (втор. пол. XIX – 20–е гг. XX века). Армавир–Краснодар, 1998. С. 7.

кубанских казачек. Это отмечали многие не только современные, но и дореволюционные ученые. Так, о гребенском казачестве Л.Н. Толстой написал: «На женщину казак смотрит как на орудие своего благосостояния; девке только позволяет гулять, бабу же заставляет работать для себя и смотрит на женщину с восточным требованием покорности и труда. Вследствие такого взгляда женщина, усиленно развиваясь физически и нравственно, хотя и покоряясь наружно, получает, как вообще на Востоке, без сравнения большее, чем на Западе, влияние и вес в домашнем быту. Удаление ее от общественной жизни и привычка к мужской тяжелой работе дают ей тем большие вес и силу... Казак, который при посторонних считает неприличным ласково или праздно поговорить со своею бабой, невольно чувствует ее превосходство, оставаясь с ней с глазу на глаз»[429].

Подобное утверждение является общепринятым в российской науке и публицистике XIX века. Исследователь того периода Новомарьинский, чье замечание Сергей Меч приводит в своей книге «Кавказ» (1905 г.), пишет: «Подобно истому горцу Кавказа казак смотрел на женщину как на орудие своего благосостояния; всегда он заставлял ее работать от ранней молодости до глубокой старости, сам же проводил время на кордонах, в походах, на охоте и рыбной ловле. Вследствие такого положения, женщина, усиленно развиваясь и физически, и нравственно, слишком энергичная, чтобы стать в положение рабы, получала огромное влияние и власть в домашнем быту»[430].

Согласно войсковой традиции, женщины не имели права участвовать в общественных собраниях. На сходе их интересы в основном выражали мужья; в сложных случаях они могли выступать как просительницы. Переселение на Кубань и постоянные набеги на станицы ломали эту

---

[429]Толстой Л.Н. Казаки. М., 1989. С.18—19.
[430]Меч С. Кавказ. М., 1905. С. 24.

привычную социальную схему. На Дону в жеребьевке по поводу переселения на общем собрании станицы участвовали главы семей, но если мужья в этот момент отсутствовали (а правительство, опасаясь новых бунтов, не могло долго ждать), то жребий тянула его жена[431]. Эта традиция передачи власти хозяином его жене при отъезде («структурная многовариантность») сохранялась впоследствии и у большинства кубанских семей[432]. Интересно, что у терских казаков зафиксированы случаи, когда станичный суд мог передать управление семейным хозяйством жене в качестве крайней меры для усмирения мужа[433].

Значительному повышению общественного статуса женщины способствовала смерть супруга (если он был главой семьи)[434]. Юридически вдова лишь частично уравнивалась в правах с мужем в случае его смерти. Согласно Положению «Об общественном управлении казачьих войск» 1870 года, женщины могли выступать в органах местного самоуправления только в роли просительниц[435]. При этом по обычному праву ее статус ничем не отличался от статуса покойного супруга–хозяина. Т.е. она становилась главой семьи со всеми вытекающими отсюда не только хозяйственными, но и общественными правами. В случае физической немощи, сохраняя свой высокий семейный статус, вдова могла уступить его общинные составляющие, как правило, старшему (из имеющихся в семье) сыну, который и представлял далее семейные интересы на станичном собрании.

---

[431] Захарченко В.Г. Указ. соч. С. 227.
[432] Телепень С.В., Виноградов В.Б. Заметки о казаках–линейцах. Армавир, 1994. С. 25.
[433] Великая Н.Н. Казаки восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001. С. 205.
[434] Со смертью мужа в большинстве своем вдовы «в значительной степени повышали свой общественный престиж». (Гацило Е.И. Вдовство как жанр и профессия в России. // Семья, гендер, культура. М., 1997. С. 348.)
[435] Мутиева О.С. Общественное и правовое положение женщины–горянки и терской казачки (втор. пол.XIX в.). // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир, 2002. С. 85.

Таким образом, являясь (временно или постоянно) главой семьи на Кубани казачка могла участвовать в станичных сходах и принимать участие в решении общестаничных вопросов, несмотря на то, что юридически поддерживалась патриархальная структура казачьей семьи, а соответственно и патриархальность в решении общественных вопросов. Параллели данным вариациям общинного самоуправления можно найти и у народов Северного Кавказа исследуемого периода. Так, у ногайцев, в виде исключения, общинное собрание могли посещать женщины преклонного возраста, известные в округе своим умом[436]. А вот в дагестанском традиционном обществе женщина не обладала правом голоса и не могла представлять на сельском сходе свое домохозяйство, даже если она была единственным взрослым его представителем. Это право она должна была делегировать одному из своих родственников–мужчин[437].

Немалую роль в изменении общественного статуса кубанской казачки сыграло то, что в условиях постоянной военной угрозы в целях выживания женщинам приходилось овладевать практически всеми маскулинными формами поведения, реализующимися не только в аграрной, но и в военной сфере. Владение боевыми навыками давало им возможность как нести военно–охранительные функции, так и участвовать в джигитовках наравне с мужчинами, хотя семантически эти соревнования и проводились в шуточной форме. Кроме того, само воинское начальство неоднократно привлекало женщин к своеобразной форме службы – к общественным работам, что в мирный период являлось обязанностью мужчин. Такая практика, когда на месяц или более от

[436] Куракеева М.Ф. Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. Черкесск, 1999. С. 70.
[437] Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX века. (Роль и место в семейной и общественной жизни). Махачкала, 2001. С. 98.

каждой станицы набирали до 45 женщин, как правило, бездетных, в возрасте 30–35 лет на различные работы, просуществовала до 1870 года[438].

Таким образом, военные реалии обозначенного периода, частая отвлеченность мужчин от семьи, закономерно приводили к повышению как семейного, так и общественного статуса кубанской казачки в рассматриваемый период.

А.В. Всеволодов

Череповец, Череповецкий государственный университет

«А ПОСЛЕ НЕЕ ПО СПРАВКЕ ОСТАЛОСЬ ИМУЩЕСТВО...»: ЧТО НАСЛЕДОВАЛИ И ЗАВЕЩАЛИ ВДОВЫ ВОЛОГОДСКИХ СВЯЩЕННИКОВ КОНЦА XIX В.

Для жены православного священника конца XIX в. вдовство всегда так или иначе подразумевало нужду в средствах. Вологодская епархия, одна из наибольших в Европейской России по площади и беднейших по благосостоянию духовенства, не была исключением из этого правила.

Доход священнической вдовы, если не принимать во внимание поддержку со стороны членов семьи, состоял из пенсии за службу мужа[439], выплат от Епархиального попечительства о бедных духовного звания[440] и из небольших отчислений из жалованья служащих приходских клириков (до 3 руб. в год – до 1867 г.)[441]. Таким образом, она входила в беднейшую, наиболее социально не защищенную прослойку духовного сословия; ее годовое содержание, не

[438] Мануйлов А.Н. Указ.соч. С. 37.
[439] См.: Собрание законов для православного духовенства. М., 1879. С. 60–61 (ст. 15–20).
[440] В период с 1863 по 1895 гг. размер этих пособий не превышал 30 руб. в год (данные по г. Вологде). См.: Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 13486 (1863 г.), 16753 (1894–1895 гг.).
[441] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 13545. Л. 52 с об.

достигавшее порой и ста рублей, нередко оценивается в историографии как «ничтожное»[442].

Картина крайней бедности, основываемая только на данных о суммарном денежном доходе, не учитывает многие скрытые аспекты их благосостояния бывших приходских матушек – в тень уходит целый круг сюжетов, связанных, в частности, с их ролью в наследовании или завещании имущества. Анализ подобных ситуаций позволяет вскрыть значительные контрасты в материальной обеспеченности вдов и связанные с ними нюансы их завещательного поведения[443], отражающие специфику присущей духовенству культуры наследования.

Сохранившиеся источники об участии вдов священников в наследовании и завещании имущества по Вологодской епархии единичны. Это в первую очередь дела о взыскании наследственных пошлин, находящиеся в фонде Вологодской губернской казенной палаты (ГАВО, ф. 388).

По закону, вдова имела право на так называемую указную часть имущества супруга (седьмую – из недвижимого и четвертую – из движимого)[444]. Например, скончавшийся 2 июля 1894 г. настоятель Вохомской Преображенской церкви Никольского уезда П.Н. Глубоковский[445] своей жене Александре Николаевне передал в наследство по указной части (в денежном пересчете) 37 руб. 14 коп., и 2742 руб. 56 коп., соответственно. Пятеро сыновей получили от отца по 1412 руб. 13,5 коп., замужняя дочь – 1371 руб. 18 коп., общая же ценность завещанного Глубоковским имущества

---

[442] Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство в России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. С. 150.
[443] О термине см.: Ламарш–Маррезе М. Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России (1700 – 1861) / Пер. с англ. Н. Лужецкой. М., 2009. С. 202 и далее.
[444] Св. зак. Российской империи. Т. X. Кн. 3. Гл. 2. Отд. 5. Ст. 1148.
[445] ГАВО. Ф. 388. Оп. 2. Д. 1117. Л. 8.

приближалась, по высшей оценке казенной палаты, к 11000 руб.[446]. Скромное имущество другого никольского батюшки, Иоанна Молявина, заключавшееся «частию в наличных деньгах, частию в процентных бумагах, частию в зерновом хлебе», было оценено в 970 руб. и целиком передано его супруге Л.В. Молявиной до совершеннолетия детей[447].

Указную часть жене священника мог назначить и Вологодский окружной суд в том случае, если ее имя в последней воле мужа не называлось[448] (а такое умолчание имело место в большинстве рассмотренных случаев)[449]. Сведения же о завещаемом имуществе еще более фрагментарны.

Немногие восстанавливаемые по материалам казенной палаты эпизоды передачи вдовьего имущества в наследство показывают, что оно складывалось, в том числе, в силу повышенной склонности к сбережениям. Значительная часть его накапливалась в виде ценных бумаг или наличных средств и выражалась в суммах, многократно превышающих объем текущих доходов, но исключенных из текущего оборота.

Так, умершая 30 апреля 1896 г. вдова настоятеля Бохтюжской Михайло–Архангельской церкви Вологодского уезда Евгения Глебовна Левитская близка по положению к стереотипу «бедной вдовы». Ее единственная дочь М.А. Евдокимова, жена мещанина г. Тотьмы, в начале года приняла мать к себе на жительство, по дороге от нее домой, на Бохтюгу, Левитская и скончалась. Произошло это в с. Кубенское, в доме учителя земской школы Андрея Архангельского[450].

---

[446] Там же. Л. 4 об., 6.
[447] Там же. Д. 1399. Л. 2.
[448] Там же. Д. 1396. Л. 2.
[449] См., напр.: там же. Д. 1234. Л. 4–5. Д. 1333. Л. 7. Д. 1337. Л. 2–3. Д. 1394. Л. 5 с об. Оп. 3. Д. 5367. Л. 9, 14.
[450] ГАВО. Ф. 388. Оп. 2. Д. 1089. Л. 4 об.

Общая стоимость имущества Левитской составила около 2230 рублей[451], из них около тысячи находилось при ней в день смерти и позднее было передано Евдокимовой. Остальное имущество заключалось, в основном, в ценных бумагах. Билет государственной ренты в 1000 руб. был передан завещательницей в Тотемский Спасо–Суморин монастырь[452]. Проценты по нему пожизненно должны были поступать в пользу ее дочери, затем отходили монастырю. Еще два билета (в 150 руб. и 100 руб.) получили причты Бохтюжской и Лохотской Происхожденской церквей Вологодского уезда[453]. Дочери Левитская, кроме процентного дохода, оставила свое личное имущество, не оговорив, впрочем, из чего таковое состояло. Не обошла она вниманием и семью А. Архангельского: его жене вдова отдала принадлежавший ей флигель в деревянном доме. 200 руб. и нательное платье получила от нее родная сестра Ольга Архангельская. Последним стояло в завещании имя племянницы покойной – жены псаломщика Серафимы Покровской, которой в наследство осталось 100 руб.

Описанная ситуация «женского» наследования в семье вдовы сельского священника находит и случай, во многом ей противоположный.

Супруга покойного настоятеля Спасо–Всеградской церкви Великого Устюга Поликсения Ивановна Куклина по сравнению с Е.Г. Левитской с полным правом может быть названа «зажиточной» вдовой. В своем завещании она распорядилась суммой в 7250 руб., а по пересчету казенной палаты – даже 8507 руб. 01 коп.[454] К моменту смерти 9 января 1898 г. ее наследство заключалось в 41 казначейском билете на общую сумму 2100 руб., пятнадцати свидетельствах 4 %–ной государственной ренты на 3700

---

[451] Там же. Л. 14.
[452] Там же. Л. 8.
[453] Там же. Л. 20.
[454] Там же. Д. 1130. Л. 3, 26.

руб. и двух закладных крепостях (на 900 и 550 руб.), полученных от крестьянок Устюжского уезда в обмен на ссуды под 7 и 8 % годовых соответственно[455].

Все средства Куклина предназначила трем лицам, и, в отличие от своей невольной vis–à–vis Левитской, – только мужчинам[456]. На долю старшего сына, диакона Михаила Куклина, пришлось в общей сложности 2064 руб. 17 коп., в том числе вклад в сберегательной кассе и деньги по векселю, данному его матери устюжским крестьянином Ф.П. Коробейниковым. Младшему сыну, учителю церковно–приходской школы Дмитрию Куклину, досталось 2900 руб., зятю и душеприказчику умершей священнику Николаю Уфтюжскому – 100 руб.[457]

Большую заботу Куклина проявила о собственной посмертной участи. На одни сорокоусты в устюжских храмах она отказала 120 руб., а родной Спасо–Всеградской церкви преподнесла дополнительно парчовые покровы и стихарь на 70 руб.[458] Часть денег следовало израсходовать «на подачу нищим»[459].

В аспекте завещательного поведения, связанном с церковным поминовением, обе вдовы – и «бедная» сельская, и «зажиточная» городская – проявили характерное единодушие. Только деньгами на выписку билетов в вечные вклады для церквей и монастырей они истратили 270 руб. (Левитская) и 2400 руб. (Куклина), то есть 12,11 % и 28,21 % от обозначенной в документах стоимости наследства каждой. Пожертвования в пользу церкви «по душе» в связи с

[455] Там же. Л. 2, 15 с об.
[456] Там же. Л. 2 об.
[457] Там же. Л. 2 об., 4 об.
[458] Там же. Л. 21 об.
[459] Там же.

подъемом личной религиозности в период вдовства были распространенным явлением в других сословиях, в частности, в дворянской среде[460].

Имеющиеся расхождения в завещательных приоритетах Левитской и Куклиной отчасти можно объяснить различиями в их материальной обеспеченности. В списке Левитской из 13 позиций 10 принадлежат монастырям при сумме вклада 15 руб. и менее. В перечне Куклиной, наоборот, доминируют приходские церкви, но сумма вкладов в монастыри равна трем четвертям от объема пожертвованного (1800 руб.).

В первом случае финансовые возможности завещательницы заставляют ее передавать средства как можно большему числу обителей: с учетом того, что монастырское поминовение в православной традиции считается более действенным, это компенсирует малый размер вклада. Во втором эпизоде, напротив, акцент сделан на сумме взноса и статусе получателя.

И.Г. Адоньева

Новосибирск, Новосибирский государственный технический университет

«ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ ЗАКОНА»: ВАРИАНТЫ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ГОРОЖАНОК НА РУБЕЖЕ XIX – XX в.

Модернизация второй половины XIX в. как в Российской империи в целом, так и в Сибири повлекла за собой последствия, связанные с изменениями в традиционном женском поведении. Отпечаток накладывала специфика восточной окраины. Ощущение отдаленности центральной власти, сохранение «дореформенных» порядков в общественной жизни, присутствие ссыльных влияли на положение женщин в сибирском социуме, а также на избираемые ими стратегии правового (или противоправного) поведения.

---

[460] См.: Ламарш–Маррезе М. Указ. соч. С. 223–224; Белова А.В. «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010. С. 457–458, 461–462 и др.

Вопросы, связанные с положением женщины в Российской империи, а также возможностями реализации прав и интересов, стали уже традицией зарубежной и отечественной историографии, прочное место среди последней заняла региональная[461]. Но даже в исследованиях, предметно ориентированных на особенности статуса женщины в сибирском социуме, проблема ее роли как участника правоотношений не затрагивалась по причине иных научных приоритетов авторов. В связи с этим в рамках настоящей работы целью является реконструкция основных направлений правового/противоправного поведения женщин в городах Западной Сибири в ключе трансформации правосознания эпохи модернизации.

Основное внимание сосредоточивается на социуме городов Западной Сибири, которые в рассматриваемый период концентрирует в себе передовые идеи и смыслы времени, вырабатывает новые типы отношений, в т.ч. и правовых. Этими же основаниями обусловлены хронологические границы. Рубеж XIX—XX вв. в западносибирском регионе отмечен динамичным развитием, связанным с началом функционирования Транссибирской железной дороги. Фактором правовой модернизации Сибири стало преобразование сферы юстиции в 1885 и 1896 гг. При этом вопрос женской преступности как варианта противоправного поведения в настоящей работе не рассматривается по причине необходимости его отдельного обсуждения, а его некоторые сюжеты заимствуются как вспомогательные. Правовое поведение представляет интерес как часть правового сознания и

[461] Быкова А.Г. Гендерная проблематика в локальных исследованиях // Русский вопрос: история и современность. Омск, 1998; Гончаров Ю.М. Социально–правовой статус и гендерные роли женщин Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX в. Новосибирск, 2007; Дегальцева Е.А. Участие женщин в социокультурной жизни городов дореволюционной Сибири // Культурологические исследования в Сибири. 2002. № 2 и др.

определяется как социально значимое поведение, предусмотренное нормами права и влекущее юридические последствия.

Региональные официальные издания – «Томские губернские ведомости» и «Тобольские губернские ведомости», – представляют обильный материал для изучения поставленной проблемы. В рубрике «Вызовы в суд» женщины совершенно разных сословий фигурировали как истцы, ответчики и свидетели. Причем до 1897 г. это происходило в условиях «старого» суда, не действующего на основании Судебных уставов 1864 г. Тем не менее, почти половина фигурантов судебных процессов была представлена женщинами.

Если выступление свидетельницами, ответчицами или подсудимыми происходило по инициативе власти, то интерес представляют правовые ситуации, «исходящие» от женщин. Они возникали в случаях бракоразводных процессов, раздела имущества, жалоб на непочтительное поведение детей. Имеющиеся в распоряжении источники позволяют прийти к заключению, что если женщина решала отстаивать свои позиции официальным путем, то, чаще всего, прибегала к помощи профессиональных или «подпольных» адвокатов. Это требовалось, например, при получении отдельного от мужа вида на жительство, как поступила томская мещанка В.Д. Сидорова[462]. Мещанка Наталия Добарская попыталась в апелляционной жалобе в Томский губернский суд отменить приговор окружного суда, согласно решению которого она должна отбывать почти трехмесячное заключение. Добарская настаивала на проведении дополнительных очных ставок, допросе непривлеченных ранее свидетелей и соблюдении ряда процессуальных процедур, о которых мог знать только профессиональный юрист, к которому мещанка и обратилась[463]. Апелляция, правда, осталась неудовлетворенной.

---

[462] Государственный архив Томской области (*далее* – ГАТО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 6116. Л. 1.
[463] ГАТО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 859.

Жена чиновника Е.И. Богоявленская имела претензию к присяжному поверенному В.Т. Молотковскому, обращенную в Томский окружной суд[464]. Ее смущало долгое отсутствие средств, которые адвокат должен был перевести[465]. Аналогичное недопонимание, повлекшее за собой жалобу, возникло между Е.М. Некрасовой и помощником присяжного поверенного Б.С. Желтовским[466]. При этом адвокат обвинил бывшую клиентку в сотрудничестве с «подпольной» адвокатурой.

Сибирские горожанки начали прибегать к власти и для разрешения семейных неурядиц. Поэтому неудивительным стало появление заявлений, подобных написанному томской мещанкой Любовью Казанкиной помощнику полицмейстера: «На третий день праздника, во вторник 16 числа сего апреля, я разыскивала своего мужа [нрзб] Кириллова Казанкина, и, к душевному моему оскорблению, я нашла его на Бочановской улице в доме Выходцева, где находится заведение проституток, содержимое крестьянкой Анной Савельевой, и застала моего мужа Казанкина на месте преступления, т.е. в нарушение святости брака прелюбодеянием с гетерою Марией Цыпкиной, проживающей в доме терпимости, содержимом Верой Ивановой Балдиной по Бочановской улице в доме Трубникова»[467]. Данная жалоба демонстрирует своеобразную поведенческую стратегию обманутой супруги. Она была неграмотной, жалобу за нее подписала крестьянка Аксинья Андреева Мархет. Текст написан другим человеком, изящным стилем, без ошибок, практически каллиграфическим почерком, со ссылками на законы Российской империи и распоряжения губернатора, что наталкивает на мысль об обращении к

[464] В Сибири в связи с отсутствием до 1907 г. Совета присяжных поверенных жалобы на адвокатов направлялись в окружной суд.
[465] ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 140.
[466] ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 136.
[467] ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3153. Л. 77.

адвокату в целях покарания мужа и «гетеры», выселения которой из Томска требовала[468]. Использование закона в решении щекотливого частного вопроса позволяет заключить, что официальное (а не обычное) право начинает занимать прочное место в сознании обывателей.

Отдельный вариант правоотношений представляли собой контакты хозяек «притонов разврата» с местной властью. Содержательницы домов терпимости фактически заключали договор с государством, в соответствии с которым обязывались соблюдать все указанные в законе на этот счет нормы[469].

Особенности региона предоставили женщинам в профессиональной сфере больше возможностей, чем имелись у их сестер в Европейской России. Закон 14 января 1871 г. на Сибирь не распространялся, поскольку Судебные уставы 1864 г. в регионе не действовали. «Северный вестник» в 1893 г. и «Русское богатство» в 1905 г. называли «г–ж Маркакову и Аршаулову» как участниц судебных заседаний в качестве поверенных в Томске в 80–е гг. XIX в.[470]

На заседании Томского губернского суда 12 мая 1889 г. М.П. Аршаулова выиграла дело по обжалованию обвинительного приговора окружного суда в отношении крестьян М. Куренкова и Н. Мельникова[471]. Это событие не прошло незамеченным среди сибирской юридической интеллигенции, которая полемизировала по «женскому вопросу» с центральными консервативными печатными изданиями: они указывали на невозможность выступления женщины в качестве процессуально самостоятельной фигуры и на незаконность, исходя из этого, решения Томского губернского суда. В сибирской прессе указывалось, что женщины добились успехов в «мужских»

---

[468] Там же.
[469] ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3153. Л. 25; 29; 70; 85; 123; 128.
[470] Павлов–Сильванский Н. О праве женщин быть адвокатами // Рус. богатство. 1905. № 5. С. 1–26; Прозоров Л. Провинциальная печать // Сев. вестник. 1893. № 6. С. 40–42.
[471] Судебная хроника: Женщина в роли защитницы // Сиб. вестник. 1889. 14 мая.

сферах деятельности, а профессионализм М.П. Аршауловой доказывает способность женщин реализовывать себя и на этом поприще[472]. Газета «Сибирский вестник» останавливается на качествах М.П. Аршауловой как юриста и оратора. Указывается, что она «говорит красиво, бойко и местами с чувством, и, по–видимому, с отсутствием всякой робости». Оправдательный приговор, вынесенный ее клиентам в кассационном порядке – закономерный этап правильно и грамотно организованной защиты[473].

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на характерное для восточной окраины долгое сохранение традиционных норм и типов взаимоотношений, жительницы сибирских городов начали воспринимать закон как часть жизни и использовали его как механизм защиты своих интересов, то есть формировали индивидуальные и групповые модели правового поведения. При этом юридические механизмы для разрешения возникающих проблем задействовали представительницы мещанства, купечества и родственницы чиновников. Женщины из пролетарских слоев по причине малограмотности, отсутствия необходимых средств, а также консервирования в данной среде традиционных норм практически не имели возможности использовать закон в свою пользу.

А.У. Феля

Кишинев, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы

РАЗВОДЫ В БЕССАРАБИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: МЕЖДУ НОРМОЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

Проблема исследования расторжения браков так же актуальна, как и проблема изучения создания семьи, поскольку это влияло на последующее положение женщины в обществе. Это довольно сложная и противоречивая

---

[472] Хроника сибирской жизни // Вост. обозрение. 1889. 16 июня.
[473] Судебная хроника: Женщина в роли защитницы.

проблема из–за ограниченности мотивов развода, а также из–за устоев и моральных принципов общества начала XIX века. Проблема разводов в Молдавском княжестве и в Валахии до XIX века была представлена в работах Виолеты Барбу, Шаролты Солкан, Констанцы Гицулеску, Марии Магдалены Шекели, Лилии Заболотной, которые утверждают, что православная церковь разрешала расторжения супружества в определенных случаях[474]. Среди них: измена, несоответствующее поведение, побои и угроза жизни, изгнание жены из дома, постриг в монашество одного из супругов, ересь, проксенетизм, лесбиянство, педофилия и др. Однако до сих пор нет ни одной работы, посвященной расторжению супружества в Бессарабии, которая с 1812 г. находилась в составе Российской Империи.

В данной статье на конкретных примерах из Бессарабии мы представим, как соблюдались церковные правила в проблеме разводов в первой половине XIX века. В качестве источников были использованы документы из фондов Государственного архива Республики Молдова — фонд Кишиневской Духовной Дикастерии.

В начале XIX века гражданское право в Бессарабии следовало нормам местного права. Согласно «Шестикнижую» Арменопула, титул 12, книга 4, были «причины развода мужа во вред жены» и «причины развода жены во вред мужа». В первом случае муж мог развестись с женой по следующим причинам: (1) супружеская неверность; (2) покушение жены на жизнь мужа; (3) пирование жены с чужими мужчинами без ведома мужа; (4) посещение

[474] Barbu V. “Ceea ce Dumnezeu a unit, omul să nu dispartă”. Studii asupra divorţului în Ţara Românească în perioada 1780—1850 // Revista de Istorie. 1992. Vol. III. No. 11—12. P. 1143—1155; Solcan S. Familia în secolul al XVII–lea în Ţările Române. Bucureşti, 1999; Ghiţulescu C. În şalvari şi cu işlic. Biserică, sexualitate, căsătorie şi divorţ în Ţările Româneşti ale secolului al XVIII–lea. Bucureşti, 2004; Székely M.M. Structuri de familie în societatea medievală moldovenească // Arhiva Genealogică. 1997. Vol. IV (IX). No. 1—2. P. 59—119; Zabolotnaia L. Statutul social şi situaţia juridică a femeilor în procesul de divorţ în ţările româneşti (secolul al XVII– lea), Studii de demografie istorică (secolele XVII – XXI)/ vol.coor. de C. Pădureanu. Arad, 2010. P. 23—38.

публичных зрелищ без ведома мужа; (5) аборт; (6) отсутствие дома жены против воли мужа, кроме случаев когда она была у родителей.

Во втором случае причинами для расторжения брака служили: половое бессилие мужа, покушение мужа на жизнь жены; нарушение мужем супружеской неверности, даже после двухразового предупреждения; недоказанное обвинение мужем жены в измене. Общей причиной для расторжения браков мог стать постриг в монашество. Однако не всегда духовные власти соглашались с данным обстоятельством. Примером может послужить дело жительницы города Аккермана Анны Зиколевой, которая 23 октября 1818 года обратилась в Кишиневскую Духовную Дикастерию с прошением дать ей разрешение на вступление во второй брак[475]. Семейные обстоятельства сложились таким образом, что ее муж, Филипп Еремеевич Зикол, был намного старше жены и «по глубокой своей старости лет и по слабости здоровья» решил постричься в монахи. Анне было лишь тридцать лет, и она оставалась, согласно ее высказываниям, без средств к существованию. Согласно церковным правилам, одной из возможности расторгнуть брак было пострижение одного из супругов в монахи. Ссылаясь на данное правило, а также на свидетельства аккерманских жителей о том, что решение Филиппа было добровольное, Анна просит расторгнуть первый брак и дать ей разрешение выйти замуж во второй раз. Дела велись согласно правилам. Муж, Филипп Еремеевич Зикол, дал еще 17 июля 1818 г. письменное свидетельство о том, что он добровольно уходит в монастырь, согласен на развод и не препятствует вторичному выходу замуж Анны. Подтверждали данное свидетельство 3 свидетеля, что подкреплено печатью городской полиции Аккермана и подписью полицмейстера города. Однако 20 ноября 1818 г. Аккерманский протоиерей Федор Малявинский отправил

[475] Национальный Архив Республики Молдова (далее НАРМ). Ф. 205. О. 1. Д. 2371. Л. 1—1 об.

рапорт в Кишиневскую Екзаршескую Духовную Дикастерию о том, что сообщил Анне Зиколевой Указ Дикастерии об отказе вступить во второй брак при живом муже и о том, что развод с первым мужем не признан.

Расторжение брака было возможно и в случае распутной жизни жены. Об этом свидетельствует «Кормчая книга», в которой четко предписано, что развод был возможен «аще жена блуд сотворит»[476]. Архивные материалы показывают однако, что искались разные причины и средства урегулирования данной проблемы для сохранения семьи. Так было и в случае семьи Василки и Христи Булгару из села Вулканешты Измаильского уезда[477]. Муж, Христя, обвинил жену в развратном поведении, факт, подтвержденный Околашем Андреянским, и потребовал развода. Жена предъявила встречный иск и сказала, что муж ищет предлог для развода, а также что он часто избивал ее[478]. В ходе допроса 4 октября 1818 г., муж, 38 лет, подтвердил, что Василка привыкла «развратно жить» и «шлялась по разным местам». Еще муж обвинил ее в пьянстве и воровстве не только из дома, но и от соседей, вследствие чего считает невозможным дальнейшее совместное проживание и настаивает на расторжении брака с развратницей[479]. Соседи, которые были допрошены в качестве свидетелей, подтвердили, что уже 8 лет как Василка крадет вещи и «в корчме за водку отдает»[480]. В своем свидетельстве Василка, 32 лет от роду, показывает, что вышла замуж в 1798 году и 12 лет жила с мужем в мире и согласии вначале. Но последние 8 лет, согласно ее показаниям, муж ненавидел ее, хотя признается, что пьет, но других пороков, в которых ее обвиняют, не имеет, а бегала по разным местам из–за глупости

---

[476] Кормчая, напечатанная с оригинала патриарха Иосифа. Москва, 1912. С. 1117.
[477] НАРМ. Ф. 205. О. 1. Д. 2391.
[478] Там же. Л. 5—5 об.
[479] Там же. Л. 6.
[480] Там же. Л. 7—7об.

своей и боязни Христи, который избивал ее[481]. 24 октября 1818 года Христи представляется Указ № 3023 от 16 октября из Кишиневской Дикастерии, в котором предписывается им примирится и жить мирно[482]. Уже 24 октября оба супруга дают расписку в том, что они обязуются жить «мирно и согласно», муж будет относится с достойным уважением к жене, а жена будет вести себя достойно и не будет больше пьянствовать[483]. Как видим из выше изложенного случая, несмотря на то, что было доказано распутное поведение жены, все же было отказано в расторжении брака и было достигнуто примирение супругов.

Среди случаев расторжения брака были браки, заключенные с нарушением церковных правил, которые расторгались по инициативе духовной власти. В фонде Кишиневской Дикастерии такие случаи встречаются. Так в 1819 г. рассматривалось дело о лишении Федора Гибы, пономаря села Бричаны Хотинского уезда, духовного звания за вступление в четвертый брак[484]. 5 февраля 1819 г. в Дикастерии был зарегистрирован рапорт протоиерея Хотинского уезда, Лончковского, о том, что вышеназванный пономарь, утвержденный в должности 10 мая 1810 г., признался, что женат в 4 раз. В ходе расследования дела было установлено: 1) 1 брак был зарегистрирован в 1774 г. в селе Маркауцы Хотинского уезда. Прожил с женой Василисой 20 лет, а в 1794 г. жена умерла от чумы. 2) 2 брак был зарегистрирован в Покровской церкви Бричан в 1796 г. Со второй женой Марией прожил 2 года, в 1798 г. Мария умерла. 3) В 1799 г. женился в третий раз на жительнице села Савка Сорокского уезда, Еуфросинии, и обвенчан в местечке Бричаны. После 11 месяцев совместного проживания, по словам Гибы, уличил жену в пьянстве и в других развратных делах, к тому же она

[481] Там же. Л. 8.
[482] Там же. Л. 11.
[483] Там же. Л. 12.
[484] НАРМ. Ф. 205. О. 1. Д. 2376.

объявила, что не хочет больше с ним жить. Взяв разрешение у турецкого кадия на развод, Федор отправил Еуфросинию домой. 4) В 1801 г. женился на вдове Анастасии. Свидетели показали, что знают о четырех браках Гибы. Однако венчальный отец четвертого брака, Бурзуй, не знал о том, что брак с Анастасией четвертый. Впоследствии было принято следующее решение: брак незаконновенчанных расторгнуть, оставить их обоих безбрачными. Хотя, согласно правилам, оба должны были быть подвергнуты епитимии, но учитывая возраст обоих, приговорили только к покаянию[485].

Однако были и случаи, когда сами истцы требовали забыть об их прошениях о разводе, хотя согласно местным законам были все основания для расторжения брака. Среди дел Кишиневской Дикастерии следует отметить дело по рассмотрению прошения жительницы села Кишла Хотинского уезда Бутиковичевой Марии о расторжении супружества с Бутиковивичевским Андреем[486]. 9 апреля 1829 г. Мария пишет прошение на имя Архиепископа Кишиневского и Хотинского, Димитрия, с просьбой разрешить ей расторгнуть брак. Мотивом для прошения стало поведение мужа. Находясь 6 лет в браке, по словам Марии, муж предавался «ежедневному пьянству, причинял мне бесчеловечные тиранство», угрожая лишить и ее саму жизни. Угрозы, побои и ночные изгнания из дома вместе с маленьким ребенком не прекращались. К этому добавился привод в дом «непотребных женщин»[487]. Однако через месяц Мария пишет, что не хотела бы получить «расторжение супружества» по «одному позору». К этому прибавилось сердечная скорбь и советы «благоразумныя и убедительныя» от

[485] Там же. Л. 5—16.
[486] НАРМ. Ф. 205. О. 1. Д. 6462.
[487] Там же. Л. 1.

мужа. Мария решила простить мужа[488]. Как нам кажется, просто женщина поддалась уговорам мужа и поверила его обещаниям.

Таким образом, можно сделать заключение, что причинами для расторжения брака в Бессарабии в первой половине 19 века служили нарушение церковных норм заключения брака, постриг в монашество, покушение на жизнь и измена. В то же время духовные власти делали все возможное для сохранения семьи, искали разные предлоги и аргументации, чтобы препятствовать разводу.

Н.В. Стрекалова

Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИН «СРЕДНЕГО КЛАССА» ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА В 1907 — 1917 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВА)[489]

Модернизация российского общества внесла существенные коррективы и в спектр занятий, и в возможности самореализации женщин провинциального города. В начале XX в. самостоятельность женщин заметно растет, в том числе и женщин из числа среднего класса провинциального губернского центра. Женщины – представительницы городских средних слоев, стали активно проявлять себя не только в благотворительной сфере, состоя членами разного рода обществ и иных общественных организаций, но и вести дела в торгово–промышленной сфере, поступать на государственную, частную и земскую службу.

Проведенный анализ свидетельствовал о постоянном росте удельного веса и численности женщин в составе активной самодеятельной части

---

[488] Там же. Л. 2.

[489] Исследование поддержано проектом П662 «Социальная динамика процесса экономической модернизации аграрных регионов России XIX—начало XX века (на материалах Центрального Черноземного региона)» ФЦП «Научные и научно–педагогические кадры инновационной России».

средних слоев Тамбова. Так, в 1907 г. женщины, представленные как активная, самодеятельная часть городских средних слоев (те из них, кто был включен в состав владельцев или совладельцев имущества, состоял на службе в тех или иных учреждениях города, занимался частной, главным образом, медицинской практикой, был занят предпринимательством) составили 18% (640 женщин), в 1912 г. – 21% (967 женщин), в 1917 г. – 33% (1431 женщин) от самодеятельной части средних слоев Тамбова[490].

Одним из важных показателей уровня модернизационных процессов городского населения является расширение возможностей социального продвижения горожанок. Анализ горизонтальной и вертикальной мобильности показал, что основная часть мобильных в составе средних слоев приходилась на мужчин (78% в 1907—1912 и 81% в 1912—1917 гг. от числа мобильных). Это было связано и с определенными различиями в положении мужчин и женщин в российском обществе, и с более активной жизненной позицией (социальной ролью) первых.

Основная часть перемещений женщин из средних слоев города были горизонтального характера. В 1907—1912 гг. для 108 женщин (72%) были отмечены перемещения по горизонтали и у 41 женщины (28%) перемещения по вертикали, в 1912—1917 гг. – для 126 (69%) и 56 (31%) представительниц средних слоев соответственно. В 1907—1912 гг. у 7% женщин – представительниц средних слоев Тамбова и 12% мужчин была отмечена вертикальная социальная мобильность. В 1912—1917 гг. удельный вес мобильных женщин сократился до 0,04%. Для мужчин доля мобильных составляла 10%. При этом у 36 женщин (24% от числа мобильных представительниц средних слоев Тамбова) в 1907—1912 гг.

---

[490] Подсчитано по: Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 145. Оп. 32. Д. 5; Оп. 37. Д. 1—3; Оп. 40. Д. 1—6; Адрес–календарь Тамбовской губернии на 1912 г. Тамбов, 1912; Адрес–календарь и справочная книжка служащих Тамбовской губернии 1916 г. Тамбов, 1916.

и у 44 представительниц средних слоев (24%) в 1912—1917 гг. горизонтальные и вертикальные перемещения были связаны с изменениями в положении (имущественном или служебном) мужа или отца, а также с изменениями их семейного статуса[491].

Например, Валентина Николаевна Венеаминова в 1907 г. была указана как дочь надворного советника, владела домом оценкой 440 руб., а в 1912 г. – как жена титулярного советника. Так, Мария Викентьевна Лев в окладной книге 1907 г. значилась владелицей дома оценкой 2500 руб., с 1912 г. она уже была указана как вдова надворного советника, владела тем же имуществом[492]. Эти показатели, вероятно, были, выше, поскольку не для всех женщин, на основе используемых в данной работе источников, имелась возможность установления семейных (родственных) связей. Для большинства рассмотренных случаев, когда отмечалось изменение в семейном положении женщин, речь шла о горизонтальных, а не о вертикальных изменениях в их статусной позиции.

Особый интерес представляют женщины в составе средних слоев города, в отношении которых можно говорить о самостоятельной социальной мобильности. Основными причинами перемещений как горизонтального, так и вертикального характера для женщин стали изменения в их имущественном положении (более 90%). Например, крестьянка Мария Тарасовна Баранова в 1907 г. владела домом оценкой 240 руб. и была включена в состав низших средних слоев. В 1912 г. оценка ее имущества была повышена до 500 руб. В соответствии с изменениями в имущественном положении, она уже может быть включена в состав средних городских слоев[493]. В этом случае можно говорить о восходящей мобильности. Софья Степановна Болдырева владела в 1907 г. домом с оценкой 300 руб., а в окладной книге 1912 г. значилось, что

[491] Там же.
[492] Там же.
[493] ГАТО. Ф. 145. Оп. 32. Д. 5; Оп. 37. Д. 1—3.

данное имущество исключено из обложения по постановлению собрания сессии 1912 г., и в дальнейшем она в составе владельцев недвижимости (и в целом в составе средних слоев Тамбова) не фигурировала[494]. Для нее можно констатировать наличие нисходящей вертикальной мобильности, поскольку, как правило, исключение из окладной книги производилось по обращению владельцев данного имущества, ссылавшегося на сложность уплаты этого налога из–за сложного материального положения, по причине «малодоходности имущества» и т.д.

Изменения отмечались и у женщин–служащих. Таковых было 8 человек в 1907—1912 гг. и 30 – в 1912—1917 гг. В основном мобильность была связана с изменениями должности и места работы. Так, Мария Николаевна Милютина в 1912 г. была помощником воспитателя в епархиальном училище, а в 1916 г. она уже занимала должность воспитательницы в этом учебном заведении. Зинаида Ивановна Шарова в 1912 г. занимала должность учительницы в епархиальном училище, а в 1916 г. значилась на должности помощницы учительницы. Обе проживали все это время при учебных заведениях, где работали[495]. В первом случае можно говорить о восходящей профессиональной мобильности, а во втором – о нисходящей. Для тех женщин, кто самостоятельно пытался продвигаться по службе, должностное положение на уровне средних (если более четко определить их стратификационное положение, то на уровне средней страты средних слоев Тамбова) было фактически пределом, поскольку в отношении женщин продолжали действовать определенные стереотипы, да и сама возможность карьерного роста в провинциальном городе была ограничена даже для мужчин, не говоря уже о женщинах.

---

[494] Там же.
[495] Адрес–календарь Тамбовской губернии на 1912 г.; Адрес–календарь и справочная книжка служащих Тамбовской губернии 1916 г.

В исследуемый период соотношение женщин, поднявшихся вверх и опустившихся вниз по социальной вертикали, было таким же, как для средних слоев Тамбова в целом: в 1907—1912 гг. было больше женщин, поднявшихся вверх по социальной вертикали, а в 1912—1917 гг. – опустившихся вниз. Последние обстоятельство было связано с негативным влиянием Первой мировой войны на имущественное положение горожан.

В целом доля женщин в составе представителей средних слоев, для которых было отмечено перемещение по социальной вертикали, составляла 11% в 1907—1912 гг. и 15% в 1912—1917 гг. Безусловно, увеличение численности и удельного веса женщин в составе активной самодеятельной части средних слоев города и в составе мобильных по данным на 1917 г. было связано с Первой мировой войной и призывом на военную службу мужского населения города, вследствие чего отдельные профессиональные ниши были заняты женщинами. Однако в то же время цифры отражали общее повышение роли женщины в российском обществе, расширение сферы применения женского внедомашнего труда, свидетельствовали о росте социальной активности и самостоятельности женщин.

А.А. Поповкин

Лискин, Воронежский государственный университет, Лискинский филиал

ТРИ ПОРТРЕТА ЖЕНЩИН БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦ: АННА АКСАКОВА, АНТОНИНА БЛУДОВА, МАРФА САБИНИНА

В 1860—1870–е годы, с новым пробуждением общественных сил, оживилось и женское филантропическое движение. В данном тексте анализируются судьбы трех его представительниц: А.Ф. Аксаковой (урождённой Тютчевой), А.Д. Блудовой и М.С. Сабининой.

Все они родились за границей (Аксакова и Сабинина в Германии, Блудова в Швеции), все служили при дворе имп. Марии Александровны, участвовали в деятельности Славянских Комитетов и Обществ, Российского Общества Красного

Креста, все оставили мемуары. Главное, что их объединяет – сочетание религиозности, целомудрия с потребностью в каждодневном служении обществу. А.Ф. Аксакова (Тютчева, 1829—1889) – дочь поэта и дипломата Ф.И. Тютчева – воспитывалась сначала у отца в Мюнхене, затем в доме тёти в Веймаре, училась в Мюнхенском Королевском институте благородных девиц. В сентябре 1845 г. переселилась в Россию, с 1853 года была фрейлиной в.кнг, затем имп. Марии Александровны. В 1866 году Тютчева вышла замуж за И.С. Аксакова.

Огромное влияние на мировоззрение Анны Фёдоровны оказали эстетические и политические взгляды её отца, идеи супруга, а также религиозно–философские воззрения А.С. Хомякова. В течение многих лет Аксакова была «проводником» славянофильских воззрений при Дворе, снискав репутацию «неумолимой громовержицы» московских салонов (И.С. Тургенев)[496]. А.Ф. Аксакову связывало с мужем единство убеждений. И после смерти мужа (1886 г.) немалые усилия для сохранения памяти о нем (Аксаковые стипендии)[497]. Основание аксаковских стипендий имело важное моральное значение, как для Анны Фёдоровны, так и для славян[498].

Пример Анны Аксаковой и её соратниц – членов Дамского отделения Московского Славянского благотворительного общества воздействовал. 3 октября 1876 г. купеческая вдова П.А. Соболева известила о том, что она желает устроить приют на 10 девочек; в 1876—1885 годах в Ярославле в «Болгарском приюте» находилось несколько сирот—славянок[499].

Покровительницей детских приютов была и близкая приятельница Анны – А.Д. Блудова. Она родилась в Стокгольме, где её отец, Д.Н. Блудов, служил

---

[496] Славянофилы. Историческая энциклопедия. / Сост. и отв. Редактор О.А. Платонов. М., 2009. С. 39–40.
[497] ЦИАМ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 2794, Д. 4244.
[498] Лясковский В.«Прервалась поучительная, самоотверженная жизнь…» – http://www.ruskline.ru/analitika/2010/8/24/prervalas_pouchitelnaya_samootverzhennaya_zhizn
[499] ЦИАМ. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

дипломатом. После возвращения отца из–за границы Антонина вошла в большой петербургский свет, где стала фрейлиной цесаревны Марии Александровны. В 1850–е годы сложился этот союз единомышленниц – имп. Марии Александровны, Антонины Блудовой и Анны Тютчевой.

А.Д. Блудова вела переписку с интеллектуалами из Чехии, Болгарии и Сербии, стремилась использовать своё влияние для усиления позиции славянофильства и православия внутри России. Сохранившаяся в ГАРФ (Ф. 641) часть переписки графини с Марией Александровной позволяет говорить о конкретных примерах этого влияния. В 1867 г. А.Д. Блудова принимала у себя представителей всех славянских народов, приехавших в Россию на этнографическую выставку. В 1878 году она содействовала сохранению славянских древностей в освобождённой русской армией Болгарии. Но главное дело жизни графини–благотворительницы – Кирилло–Мефодиевское Братство, – имело, конечно, всеславянское значение. Основанное в Остроге на Волыни в память об отце Антонины – графе Блудове, набросавшем черновой проект устава Братства, – на средства от продажи фамильных драгоценностей, оно стало делом жизни А.Д. Блудовой, купившей в 1865 г. развалины монастыря. Братство и братская библиотека были основаны в 1865 г, тогда же была открыта начальная школа и приготовительное женское училище, а в 1866 г. — первый класс женского высшего училища имени графа Д.Н. Блудова.

В 1868 году заложили подворье для богомольцев, идущих из Киева в Почаевскую лавру. До 1875 года братские школы содержались в основном за счёт личных средств графини Блудовой, а после – на средства Министерства

Народного Просвещения и на проценты с капитала, завещанного графом Блудовым[500].

М.С. Сабинина (1831—1892), дочь профессора–библеиста протоиерея Стефана Сабинина, прибыла в Россию в 1857 году[501]. В 1867 г. она стала со–основательницей «Общества попечения о раненых и больных воинах» — Российского Общества Красного Креста, с 1868 г. работала в крымском имении «Джемиет», принадлежавшем баронессе М.П. Фредерикс. В 1870 году вместе с баронессой Сабинина поехала за границу[502] и в 1871 г. (набравшись там необходимого опыта) они заложили барачный лазарет в Петербурге. В июле 1876 года Императрица призвала Марфу Сабинину с её сёстрами на театр военных действий – в Сербию. За несколько дней до отъезда Сабинина приняла присягу, и ахр. Гурий благословил её на должность настоятельницы Благовещенской общины. М. Сабинина участвовала и в Сербо—Турецкой, и в Русско—Турецкой войнах, была награждена многими орденами и медалями. В то время она тесно общалась с руководством Славянских комитетов. О подобных ей людях писал и Ф.М. Достоевский («Женщины у нас подымаются и, может быть, многое спасут…»)[503].

Т.И. Трошина

Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет

---

[500] Яковишина Т.В. Родина Блудових: уболіваючи за долю жінки// Психолого–педагогічні основи гуманізації навчально–виховного процесу в школі та ВНЗ. Збірник наукових праць. Частина ІІ. Рівне, 2008. С. 399—407.

[501] Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России. Том 1. СПб. ,1901. С. 228.

[502] Долинская Н. «В горящую избу войдёт, коня на скаку остановит…» (Памяти М.С. Сабининой) // Спутник. 24 мая 2008 года. С. 19.

[503] Воропаев В.А. Встреча с Гоголем. Из воспоминаний Марфы Сабининой. — http://www.portal–slovo.ru/philology/37151.php. Дата обращения – 12.05.2011.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА (СЕВЕРНЫЕ РАЙОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.)

Под преступным поведением в рамках данного сообщения предлагается понимать нарушение как социальных, так и предписанных государством норм.

В начале XX века количество уголовных преступлений неумолимо росло, но в целом укладывалось в динамику роста населения. Значительно важнее проследить изменение в сторону увеличения количества преступлений, совершаемых женщинами, как отражения деформации социальной ситуации.

Гендерные различия в видах совершаемых преступлений принято объяснять врожденными биологическими и психологическими свойствами мужчин и женщин — различной физической силой, пассивностью женщин, их поглощенностью воспроизводством потомства. В процессе социализации у большинства женщин вырабатываются качества, отличные от мужских: забота о других, поддержание личных взаимоотношений[504]. Детоубийство, как типичное женское преступление, также является результатом зависимости женщины от социальных обстоятельств: обычно вызывалось страхом ответственности за внебрачную или добрачную связь.

В зависимости от требований, предъявляемых обществом к женщине, меняется структура женской преступности и формы их асоциального поведения. Такие изменения можно проследить не только в историческом аспекте, но и в территориальном. В России в силу огромной территории и слабых межтерриториальных связей можно выделить явные различия в этом плане не только в социальных слоях, но и у различных территориальных групп. Так, проституция как форма девиантного поведения в целом для северных губерний не была свойственна. Исключение составлял портовый Архангельск (по переписи

---

[504] Гидденс Э. Социология. М, 1999. С. 140.

1897 года, таковых здесь было более 100 женщин), однако они были приезжими из других районов страны; местными были в основном горожанки (чаще всего солдатки) и представители тех слоев, где социальный контроль был жестче, чем в крестьянской среде. Если отсутствие проблемы проституции в Вологодской губернии местный губернатор связывал с «крепостью семейных уз и твердостью традиционных устоев»[505], то в Архангельской и Олонецкой губерниях не было социальных условий, при которых женщина изгонялась из своего социума в качестве наказания за нецеломудренное поведение, в результате чего была вынуждена заниматься проституцией.

В Вологодской и Олонецкой губ. женская преступность не превышала 10% (в Архангельской губ. — на уровне 20%). Количество женщин–преступниц было невелико, однако случаев детоубийства фиксировалось значительно больше. Например, в 1908—14 гг. в Олонецкой губернии до 15% женщин—преступниц были наказаны именно за детоубийство. В Олонецкой губернии примерно 10%, а в Вологодской – около 20% всех убийств составляли именно убийства новорожденных, совершенные, скорее всего, женщинами[506].

Как и повсюду, в северных губерниях были частыми случаи насилия в семье. Однако жертвами здесь были не только жены, но и мужья[507].

От общероссийских состав женских преступлений в промысловой Архангельской губернии отличался как в количественном, так и в качественном отношении[508]. Объяснить такую разницу только превышением

---

[505] Государственный архив РФ (ГАРФ) Ф. 102. Оп. 288. Д. 1 (По делу о защите девушек и женщин от разврата). Л. 31.
[506] См.: Обзоры Олонецкой губернии за 1908 , 1909, 1912 годы; Обзоры Вологодской губернии за 1912, 1914 годы.
[507] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 430. Оп. 1 (Онежский уездный суд). Ф. 87. Оп. 1 (Онежская нижняя расправа).
[508] Ниже приводятся данные, взятые из: Преступления и преступники Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 8. С. 347–353; № 9. С. 385–392.

женского населения в губернии нельзя: оно было несущественным (отношение мужчин к женщинам составляло 48:52, в целом по России 49:51). Если в России женщины чаще привлекались по незначительным преступлениям, дела о которых рассматривались в мировых судах, то в Архангельской губернии 22,5% женщин–преступниц проходили через уголовные суды (в России эта цифра составляла в среднем 13%).

Социальная статистика преступлений по России показывала высокий удельный вес среди осужденных холостых мужчин (49,6%) и вдовых женщин (15,3%). В Архангельской губернии эти показатели были выше общероссийских: среди преступников—мужчин 56,1% были холостыми, среди преступниц — 30,5% вдовых. Отмечается более высокий процент преступлений, совершенных в состоянии опьянения, в том числе и среди женщин, а также незначительное превышение рецидивов.

Как и в целом по России, в северных губерниях в начале XX века отмечался рост преступности среди горожан[509]. Воровство в сельской местности встречалось редко. Наказания за такие преступления осуществлялись обществом и были в основном «позорящими». Например, в одной из архангельских газет описывался случай самосуда, который первоначально пытались провести жестоко, а закончилось все общим весельем[510].

Во время Первой мировой войны в Архангельске констатируется рост таких преступлений, как «кражи денег и вещей в заводских казармах», чем занимались «в основном женщины»[511]. Рост преступности (в основном мелкие кражи или участие в погромах торговых заведений) был вызван как

---

[509] См.: Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1899 год. Архангельск, 1900.
[510] Народный суд // Север: Народная газета. (Архангельск). 1918 г. 27 апреля.
[511] ГАРФ. Ф. 3811. О. 1. Д. 424. Л. 24.

необходимостью кормить детей, с чем сталкивались женщины, так и безответственной агитацией некоторых активистов[512].

Первые годы советской власти около половины преступниц были незамужними, разведенными или вдовами. По мнению губернских статистиков, наличие детей являлось «дополнительным стимулом для совершения преступлений» – из–за материальных проблем[513]. Женщины чаще привлекались за преступления «против личности» (более четверти всех преступлений) и имущественные (22—23%)[514].

В Архангельской губернии в 1924 г. осуждены были 3% населения, около 20% из них — женщины[515]. В начале 1920–х гг. немалое число мужчин молодого возраста были в армии. После 1924 г. — как признак социальной стабилизации – падает и процент преступности, и женская составляющая в ее структуре. Например, в Архангельской губернии в 1925 году женщины составляли 16% осужденных.

Г.А. Нагаева

Новороссийск, Новороссийский политехнический институт

Кубанского технологического университета

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анализ женской преступности в Черноморской губернии в конце XIX — начале XX в. позволяет сделать вывод, что в те годы на Северном Кавказе число «женских» преступлений росло, а сама преступность «молодела». В

[512] ГААО. Отдел документов социально–политической истории. Ф. 1 Оп. 1 Д. 59. Л. 127об., 129.
[513] Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год. Архангельск, 1926. С. 9—11.
[514] Статистический обзор Автономной Карельской ССР. 1923—1924 гг. Ч. 1. Территория и население. Петрозаводск, 1924. С. 50—57.
[515] Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1899 год. Архангельск, 1900; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917—1924 годы. Архангельск, 1925; Краткий статистический справочник на 1926 год / Северо–Двинское статистическое бюро. В.Устюг, 1926. С. 8.

Черноморской губ. уровень преступности был еще выше, чем в Кубанской области. Это объясняется, прежде всего, тем, что после Кавказской войны правительство предпринимало отчаянные усилия, чтобы колонизовать обезлюдевшую после ухода горцев в Турцию узкую полоску прибрежной земли. Желающих ехать на Черноморское побережье в то время было немного[516].

В конце XIX в. в России количество женщин, вовлеченных в преступную деятельность, с каждым годом становилось все больше. Архивы ГУИН свидетельствуют, что в 1882 г. в местах лишения свободы империи находилось 66 тыс. 73 женщины, а в 1900 г. — 72 тыс. 565[517].

В Черноморской губернии картина женской преступности существенно отличалась от состояния мужской преступности, для которой был характерен неуклонной рост. Уровень женской преступности в изучаемом регионе был относительно стабилен, не наблюдалось резких ежегодных перепадов в количестве осужденных правонарушительниц. По приговору 1899 г. временного отделения Екатеринодарского окружного суда в 1899 г. было осуждено 58 человек, из них 5 женщин[518].

Архивные материалы г. Новороссийска располагают данными об административных правонарушениях и уголовных делах, находившихся в рассмотрении Мирового суда. Так, в 1914 г. мировые судьи губернии приговорили к тюремному заключению 391 человека, т. е. приблизительно 200 человек на 100 тыс. населения[519]. Уголовная статистика конца XIX — начала XX вв. отмечала значительное число торговых обманов, совершаемых

---

[516] Ратушняк В.Н. Криминогенная обстановка на Кубани в период роста социальной напряженности в России начала XX века // Сборник, посвященный 65–летию историка книги и поэта А.И. Слуцкого / Отв. ред. А.Н. Еремеева. Краснодар, 2006. С. 136—147.
[517] РИА Новости. Москва. 2001. 7 марта. 16:02; Гернет М.Н. Моральная статистика. М., 1992. С. 134.
[518] Управление архива МО г. Новороссийска (далее УАМОГН). Ф. 74. Оп. 1. Д. 3. Л. 20; Там же. Д. 4. Л. 24.; Д. 5. Л. 15 об.; Д. 6. Л. 11.; Д. 8. Л. 8 об.; Д. 9. Л. 9.; Д. 12. Л. 9 об.; Д. 13. Л. 10 об.
[519] Ратушняк В.Н. Указ. соч. С. 136—147.

женщинами, т.к., указывает М.Н. Гернет, одним из самых распространенных занятий женщин вне дома была торговля [520] (такие правонарушения подвергались наказаниям по ст. 29 Устава о наказаниях – денежное взыскание не свыше 50 р.[521]).

Чаще всего торговый обман выражался в незаконном повышении цен на товары [522]. По ст. 29 Устава привлекались и владельцы мелких и средних увеселительных заведений, а также лица, занимающиеся незаконным предпринимательством[523]. Так, например, 23.12.1901 г. пристав 1 участка г. Новороссийска Н. Костин обнаружил, что домовладелица Анна Бактуридзе тайно содержит постоялый двор. «Дело закончилось привлечением Бактуридзе к ответственности по статье Устава о наказаниях[524].

Нередкими были преступления, совершаемые на почве пьянства[525]. Так, мещанка А.Д. Свербиусова в сентябре 1915 г. дважды привлекалась по ст. 38 Устава, которая предусматривала наказание за проступки против благочиния, порядка и спокойствия: ссоры, драки, кулачный бой или другого рода буйство в публичных местах[526].

По ст. 130—142 Устава о наказаниях (об оскорблении чести, угрозах и насилии) предусматривали наказание за нанесение обиды устно или письменно; угроза на словах лишить кого–либо жизни или провести поджог, но если не было корыстной или иной преступной цели; насилие, самовольная

---

520 Гернет М.Н. Влияние на преступность пола /Социальные факторы преступности.1905. // Allpravo.Ru. 2004.

521 Савич. Г. Посягательства на государственную власть // Юридическая Летопись. 1891. № 11. — http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/007/121/

522 УАМОГН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 11. Л. 394—395 (об.); Д. 10. Л. 151—152 об, 161–162.

523 Там же. Д. 4. Л. 93–95.

524 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 174.

525 Новый Черноморский голос. 1907. 23 апреля. С. 2.

526 Яхъяев М. История возникновения и развития института мировых судей в XIX веке и его возрождение в современной России. — http://www.pravo.vuzlib.net/book_z1837_page_1.html (18.01.11)]. Ср. УАМОГН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 4. Л. 44–46 обр.; Л. 50–51 обр.

расправа с оскорбителем, выразившаяся в причинении ему побоев (например, нанесение легких побоев и таскание за волосы или вырывание из рук стакана с недопитым вином)[527].

По ст. 131 и 142 Устава о наказании обвинялись супруги Выстребовы, которые 14.11.1916 г. ворвались в квартиру соседки А.П. Андрющенко, стали оскорблять ее и наносить побои. Супруги были приговорены к штрафу в 10 р. По рекомендации адвоката подали апелляционную жалобу, а затем ее отозвали в связи с примирением сторон[528].

Несмотря на рост количества преступлений, женщины чаще становились жертвами преступлений, а не активными их участницами[529]. Особый пласт составляли преступления на сексуальной почве[530].

Таким образом, в Черноморской губернии в конце XIX — начале XX вв. основная масса приговоренных женщин привлекалась к наказанию мировыми судами. В процентном соотношении количество осужденных женщин относительно мужчин было незначительно и почти не изменялось на протяжении долгого времени. Основным сдерживающим фактором роста женской преступности в Черноморской губернии были сохранившиеся в провинции патриархальные устои.

О.Н. Майорова

Алатырь, Чувашский ГУ имени И.Н. Ульянова, Алатырский филиал

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОМЫСЛОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АЛАТЫРСКОМ УЕЗДЕ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.

После отмены крепостного права мужчины и женщины крестьянского сословия получили возможность самореализации в промысловой

---

[527] Яхъяев М. Указ. соч. Ср.: УАМОГН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.
[528] Там же. Д. 25. Л. 1—26.
[529] Новый Черноморский голос. 1907. 29 мая. С. 4.
[530] Черноморье. 1906. 10 октября. С. 4.

деятельности. Земледельческие занятия крестьян все больше сочетались с неземледельческими, в частности, с так называемыми «кустарными промыслами». По мере развития товарно–денежных отношений все более увеличивается процесс дифференциации кустарей на незначительную часть владельцев капиталистических заведений и на массу мелких хозяев, постепенно превращавшихся в наемных рабочих[531].

Особенно широкое развитие в Алатырском уезде получили промыслы, и исконно женским занятием было ткачество. В присурских селениях занимались тканьем так называемых промзинок (бумажных и полубумажных тканей по названию села Промзино (ныне Сурское). Лучшие холстинки изготавливались в Промзине, Порецком, Барышской Слободе Алатырского у., Ключах и Лаве Карсунского у. В Ключах ткали платки[532], в Астрадамовке — холстинки[533].

Кроме холстинок, которые шли преимущественно на сарафаны, женские рукава и мужские рубашки, а также платков, ткали еще скатерти и широкие холстинки, из которых шили наволочки для перин и подушек, холсты, потом их красили в темно–синюю краску (получалась «китайка», из нее шили сарафаны). Холстинки бывали также клетчатые, полосатые, с разнообразными узорами. Узоры брались с фабричных образцов. Развитие этого производства объяснялось местными условиями: Алатырский у. был малоземельный; для льноводства земель не хватало, лен использовался покупной.

Изготовлением тканей занимались девушки, они даже замуж выходили неохотно; на отцовском хлебе ткачиха неплохо зарабатывала и даже делала накопления. Другим, более развитым женским промыслом была торговля, ею занимались в Порецком, Астрадамовке, Промзине, Ключах, Березниках,

---

[531] Ленин В.И. Развитие капитализма в России // ПСС. Т.3. С. 28.
[532] Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 41. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.
[533] Научный архив Чувашского Государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. II. Д. 611. инв. № 1657. С. 1.

Коржевке. Торговлей калачами и съестными припасами активнее занимались в Астрадамовке. С калачами астрадамовские женщины ездили и по другим окрестным базарам и ярмаркам[534].

В самом городе Алатыре получило распространение шелково–поясное производство, и алатырские пояса были известны в соседних губерниях. Особенное развитие это производство получило в 40–х годах XIX в. когда во владениях главных фабрикантов старообрядцев Милютиных выделывали разного рода поясов ежегодно на сумму до 100 000 руб. серебром. Главнейший сбыт пояса был в Сибирь: пунктом сбыта была Ирбитская ярмарка. Семейство Милютиных в 50–х годах подверглось преследованиям правительства за распространение весьма вредного раскола, и заведения их перестали существовать. Раньше плели широкие и длинные пояса, они преимущественно шли в Сибирь; затем сорта поясов стали более разнообразны, широких и длинных поясов стали плести меньше, увеличилось плетение узких и коротких. Причина этого заключалась в уменьшении требований и спроса на пояса, поставляемые в Сибирь. Раньше шелково–поясное производство занимало весьма значительное количество мастериц. Девочки, женщины и взрослые девушки — все занимались плетением поясов. Девятилетние дети могли зарабатывать до 3 рублей серебром в месяц, взрослые же зарабатывали до 60 рублей серебром в год. В год плелось более 200 пудов поясов. Цены на пояса зависели от качества шелка, продавались они от 70 до 170 рублей серебром за пуд. Лучшие пояса изготавливались из шемаханского шелка. Сбыт поясов производился не только в Сибирь, но и на Карсунскую, Нижегородскую и другие ярмарки. Заработная плата работницам по домам была очень низкой. Мастерицы, которые плели пояса, с малолетства занимаясь плетением, представляли собой чисто фабричный народ. Девушка, занимавшаяся

[534] Государственный архив Ульяновской области. Ф. 48. Оп. 1. Д. 29. Л. 10.

плетением, уже не училась ничему другому. Плата мастерицам производилась не только деньгами, сколько разными предметами первой необходимости.

Платили за работу хлебом, ситцем, платками. Затем хлебом платить перестали, но давали вместо денег платки, ситец и даже пояса, которые девушки продавали на Алатырском базаре. При расплате платки и пояса ставились фабрикантами вдвое и даже втрое дороже, чем они стоили на самом деле. Плата ситцами и платками делалась не всегда по желанию работниц; деньгами им получать было гораздо выгоднее и удобнее; но из–за обилия рабочих, мастерицы рады были на какие угодно условия. Так как работа производилась по домам, девушки плели пояса сидя, платье и обувь не рвались, что для небогатой девушки важно, поэтому, плетенье поясов при невысокой заработной цене и даже при надувательстве фабрикантов, все–таки привлекало работниц. Как ни ничтожна была заработная плата, девушка на отцовском хлебе могла заработать в месяц на платье или на дорогой платок. Для фабрикантов же подобная расплата с работницами выгодна; меняя пояса на товар, а не на деньги, он приобретал ситец и платки по весьма дешевым ценам, а сбывал их работницам вдвое и втрое дороже[535].

Ткачество и плетение шелковых поясов было широко распространены в уезде. Помимо того, что изделия мастериц скупались торговцами для продажи на ярмарках, мастерицы довольно быстро поднимали свой жизненный уровень. В этой связи приводятся курьезные факты. Так, например, в селе Порецком, молодые особы, занимавшиеся ткачеством, не торопились выходить замуж, так как своим ремеслом могли обеспечить не только себя, но и родителей и даже отложить денег, тогда как замужем помимо ткачества им бы пришлось заниматься домашним хозяйством, работать в поле, заботиться о семье. Помещики и это перевели в денежный

[535] Материалы для истории и статистики Симбирской губ. Вып.1. Симбирск, 1878. Л. 15—20.

эквивалент, – все незамужние девушки платили особый денежный оброк не менее 5 рублей за право заниматься своим ремеслом. В Порецком насчитывалось до 300 оброчных девиц. Данные женские виды промыслов назывались как занятия, не приносящие вреда здоровью, в отличие от работы на суконных и ткацких фабриках.

Таким образом, в пореформенное время крестьяне получили возможность для самореализации в промысловой деятельности. Женские промыслы в Алатырском уезде были не столь разнообразны, как мужские. Это, прежде всего ткачество, торговля и плетение шелковых поясов. Развитию промысловой, кустарной деятельности в среде женщин–крестьянок мешал патриархальный семейный уклад, позиционирующий женщину как жену (преданную рабу своего мужа) и мать. Однако законы семейной экономики диктовали свое и, порой, видоизменяли канонический образ крестьянской семьи, где добытчиком и кормильцем становилась незамужняя девушка, не торопившаяся менять свой социальный статус.

Ю.М. Гончаров

Барнаул, Алтайский государственный университет

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

Несмотря на приниженное, по сравнению с мужчинами, правовое положение и стойкие традиции патриархальности в дореволюционной России, женщины могли себя проявить в экономической жизни. Имущество супругов было раздельным. Приданое и имущество, приобретенное женой самостоятельно, считалось ее собственностью, это отмечали и

исследователи, и современники[536]. Женщинам принадлежала значительная часть недвижимости в сибирских городах[537].

В среде сибирских купцов имущественная самостоятельность женщины имела большое значение. В некоторых случаях купчихи даже лично вступали в гильдию и торговали от своего имени отдельно от своих мужей, что дозволялось российским законодательством. Супруги даже могли вступать друг с другом в сделки и обязательства как самостоятельные партнеры[538].

Экономическая роль женщины находила отражение в практике наследования купеческих капиталов. Нередко глава семьи завещал все имущество после смерти жене, даже при наличии взрослых детей–мужчин. Встречается много примеров, когда после смерти мужа вдова брала в свои руки семейное дело. Она выбирала на свое имя купеческое свидетельство, несла ответственность за торговые операции, без ее разрешения из общего капитала не могли выделиться взрослые сыновья со своими семьями.

Многим из сибирячек удавалось в течение долгих лет умело управлять собственным делом, поддерживать на должном уровне семейные капиталы и коммерческую репутацию. Например, бийская купчиха Елена Григорьевна Морозова, унаследовав в 1894 г. торговое предприятие, несмотря на то, что ей было уже 62 года, и она была практически неграмотна, твердой рукой 14 лет вела семейное дело. Новаторски подойдя к предпринимательству, купчиха превратила традиционную торговую фирму в многоотраслевой комплекс, построила ряд промышленных предприятий и в несколько раз увеличила капитал. Помимо торговли она вкладывала капиталы в промышленность. В конце XIX – начале XX

---

[536]Пушкарева Н.Л. Имущественные права женщин в XVIII – начале XIX в. // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 188–203; Женщина в семейной и социальной жизни. СПб., 1901. С. 498.
[537]Архив Русского географического общества (АРГО). Раз. 61. Оп. 1. Д. 5. Л. 19 об.
[538]Емельянов Н.Ф. Город Курган, 1782–1917. Курган, 1991. С. 109.

вв. она построила в Бийске электростанцию, кожевенный, маслобойный, пивоваренный заводы, паровую крупчатую мельницу. После ее смерти в 1908 г. наследственная масса капитала составляла почти 1,5 млн. руб. За свою благотворительную деятельность Е.Г. Морозова была награждена медалью «За усердие», медалью в память о царствовании императора Александра III, а от имени в. княж. Марии Павловны получила золотой браслет с сапфиром и бриллиантом[539].

Правовое положение женщин–предпринимателей имело некоторые особенности. Женщины – «начальники купеческого семейства», – так же, как и мужчины, могли заниматься предпринимательской деятельностью. Но если такая женщина выходила замуж и продолжала выбирать гильдейское свидетельство на свое имя, она не имела права причислить в состав своего семейства и, соответственно, в состав сословия, нового мужа. Удельный вес женщин–глав купеческих семей в изучаемый период колебался в пределах 10–15%. В Томске среди глав купеческих семей женщины составляли примерно 10%[540].

Далеко не все женщины–предпринимательницы выбирали сословное купеческое свидетельство. Так, например, на Алтае довольно известной личностью была М.Ф. Будкевич. Много лет она вела активную предпринимательскую деятельность: в 1897 г. открыла пивоваренный завод в Бийске, в 1912 г. Кроме того имела 17 пивных лавок а также биллиардные заведения. Торговый оборот составил к 1912 г. 40 000 руб. Кроме того, в 1902 г. М.Ф. Будкевич открыла в Барнауле частную женскую гимназию[541].

Одной из богатейших женщин–предпринимательниц региона была Евдокия Ивановна Мельникова. В 1893 г. она основала в Барнауле пароходную компанию. В 1910 г. флотилия компании насчитывала 10 пароходов и 6 барж, стоимость

---

[539] Старцев А.В. Морозовы // Деловая элита старой Сибири. Новосибирск, 2005. С. 147.
[540] Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй пол. XIX – нач. XX вв. М., 1999. С. 106.
[541] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 45. Оп. 1. Д. 13, 35–38, 40.

компании при ее продаже в 1917 г. составила 1,6 млн. руб. Тем не менее, Е.И. Мельникова до конца жизни числилась в мещанском сословии. Неизвестны и факты благотворительности с ее стороны[542].

Современники отмечали, что сибирские женщины отличались от женщин центральной части России чертами характера и поведением. Сибирячки были более энергичными, активными, предприимчивыми, самостоятельными[543]. «В Тюмени, в Гостином дворе, – писал в своих воспоминаниях купец Н. Чукмалдин, – было с мануфактурными товарами до двух десятков лавок, и половина их велась и управлялась женским персоналом»[544].

По данным переписи 1897 г., женщины, самостоятельно ведущие торговое дело, составили 7,8% сибирских купцов, среди владельцев гостиниц, постоялых дворов и трактиров женщин было 17,9%. Наиболее активно женщины занимались розничной торговлей, основную массу предпринимательниц в Сибири составляли владелицы аптечных магазинов, бакалейных и галантерейных магазинов, питейных заведений, меблированных комнат, книжных киосков, мукомольных мельниц, кирпичных, дрожжевых, кожевенных заводов, общественных бань[545].

Однако необходимо отметить, что среди крупнейших женщин–предпринимательниц региона большинство было вдовами, т.е. поддерживали и развивали дело, доставшееся по наследству от мужа, а не пробились к вершинам бизнеса самостоятельно. Вдовами были, например, кроме упоминавшейся бийской купчихи Е.Г. Морозовой, омская купчиха

---

[542] Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917: Энциклопедия. Барнаул, 1996. С. 69–70.
[543] Беспалова Ю.М. Ценностные ориентации в культуре западносибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в. Тюмень, 1998. С. 34.
[544] Чукмалдин Н. Мои воспоминания. СПб., 1899. С. 99.
[545] Долидович О.М. Женское движение в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. … к.и.н. Красноярск, 2006. С. 17.

М.А. Шанина, иркутская А.К. Медведникова, барнаульская предпринимательница Ю.А. Пранг. В Томске число купеческих вдов, успешно занимавшихся предпринимательством, было велико[546].

Экономическое развитие Сибири во второй половине XIX – начале XX в. все более и более втягивало женщин в экономику региона[547]. В конце XIX – начале XX в. увеличилось число женщин–благотворительниц. Таким образом, роль женщин в сибирском предпринимательстве была довольно значительной: сибирские купчихи были владельцами существенной части недвижимости, активно занимались предпринимательской деятельностью, благотворительностью. Предпринимательство являлось одной из относительно доступных для женщин сфер проявления общественной активности.

Ю.В. Кокурина

Ярославль, МОУ СОШ № 25

РОЛЬ ЖЕНЩИН В ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.: ХАРАКТЕР, МАСШТАБЫ УЧАСТИЯ

Медицинское поприще вплоть до середины XIX века считалось полем деятельности мужчин. С этого времени начинается активное освоение женщинами медицинской сферы. Они принимают участие в военных кампаниях Крымской, Турецкой войн в качестве медсестер, врачей. Именно во время Крымской войны 1853—1856 гг. молодые медсестры впервые начали активно осваивать медицинскую профессию. Известный российский хирург Н.И. Пирогов писал о том, что женщин необходимо задействовать в медицинской работе, он воспевал их терпеливость, ответственность, которую они проявляют на службе в условиях военного времени. С 1872 года в

[546] Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Томск, 2007. С. 322.
[547] Семилужский Н. Письма о Сибирской жизни // Дело. 1868. № 5. С. 75.

Российской империи действовали высшие женские медицинские курсы. Несмотря на это, женщины—врачи не были внесены в списки врачей до 1883 г.; в течение 5 лет они практиковали, служили в земстве и городских больницах без официального документа[548]. С этого времени в общероссийском масштабе начинается деятельное участие женщин в медицинской сфере.

В Ярославской губернии эти процессы имели свою специфику. В крупных индустриальных городах, таких, как Санкт–Петербург и Москва, уже в конце XIX столетия создавались женские профессиональные организации. Одними из них стали организации женщин–акушерок. Их цель — помощь в профессиональной деятельности женщинам, работающим в акушерстве, обмен опытом, способствование профессиональному развитию. Участницы подобных женских организаций оформляются в отдельную социальную общность.

В Ярославской губернии только в 1902 году было принято решение об открытии повивального училища. Начали преподаваться постоянные курсы. Начало их деятельности явилось важным событием для ярославского здравоохранения. При родильном отделении было создано повивальное училище. В него принимались «ученицы от 18 до 35 лет всех сословий, пользующихся хорошим здоровьем, по возможности грамотные и не имеющие значительных физических недостатков»[549]. По окончании курсов девушки получали специальность акушерок лечебницы, которые могли поступить на службу земства. В завершении учебы ученицы должны были сдавать экзамен, на котором они были обязаны продемонстрировать определенные знания и умения: понятия об анатомическом устройстве женских половых органов, знания о ходе правильных и неправильных родов.

---

[548] Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50—60 гг. XIX в. Л., 1984. С. 224.
[549] ГАЯО. Ф. 485. Оп. 4. Д. 901. Л. 2.

Постепенно служащие, трудящиеся в земской медицине, обособляются в отдельную социальную группу по профессиональному признаку. Для земских деятелей становится важным вопрос о вне профессиональном общении медицинских работников. В докладе врача Ивановского о быте земских врачей поднимались вопросы о досуге и общении врачей во внерабочее время. Доктор предлагал создавать общности врачей, чтобы сблизить их между собой. Вопрос о женщинах в земском здравоохранении не затрагивался Ивановским вообще[550].

Таким образом, женский вопрос в поле деятельности земской медицины не рассматривался как самостоятельный. Это связано во многом с преобладанием мужчин в земских медицинских учреждениях, что было обусловлено объективной реальностью, а так же крайней узостью профессиональной деятельности представительниц прекрасного пола. Поэтому в отдельную профессиональную общность врач Ивановский женщин, вероятно, не определял.

На момент 1906 года среди списка медицинских работников по уездным земствам преобладали мужчины[551]. Во всех уездных земствах на этот момент служили 192 медицинских работника. Из них 53 человека – представительницы слабого пола, которые, в основном, служили в должности акушерок и повивальных бабок. Исключением являются Пошехонское и Рыбинское уездное земство. В Рыбинском уездном земстве из 28 работников: 20 человек мужчины, которые служили врачами и фельдшерами, и 6 женщин в должности повивальных бабок и акушерок, 1 женщина — фельдшер, 1 женщина — заведующая родильным домом при больнице. Также и в Пошехонском уездном земстве из 19 медицинских работников 18 являлись

[550] ГАЯО. Ф. 485. Оп. 4. Д. 876. Л. 1—4.
[551] ГАЯО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1088. Л. 1—13.

мужчинами, и 1 женщина служила в должности фельдшера. На момент августа 1916 года в Ярославской беженской терапевтической больнице из 9 сотрудников этого учреждения 8 были женщины, которые работали в качестве сиделок, сестер, надзорниц, кухарок, прислуги[552].

Большое значение для земской медицины играла благотворительная деятельность. Частные лица жертвовали свои средства для благоустройства, строительства и оснащения медицинских земских учреждений. Начиная со второй половины XIX века, российские женщины проявляют свою гражданскую активность с помощью деятельного участия в жизни земств. Благотворительная деятельность является одной из форм социальной активности женщин. Так, в 1890 году было открыто благотворительное общество при Ростовской земской больнице для помощи бедным при деятельном участии Е.А. Ошаниной[553].

Таким образом, в Ярославской губернии в конце XIX — начале XX века, как и во всей стране, протекали процессы, связанные с женской эмансипацией. Женщины начинают служить в земских учреждениях в качестве медицинских работников. Многие из них оканчивают профессиональные курсы. В целом, деятельность ярославских медицинских работниц ограничивается должностями акушерок, повивальных бабок, обслуживающего персонала при земских больницах. Можно сделать вывод, что сфера деятельности женщин в ярославской земской медицине сводилась к двум направлениям: первое – чисто «женское» дело – акушерская деятельность, второе – обслуживание и ухаживание за больными.

Ю.В. Литвин

Петрозаводск, Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН

---

[552] ГАЯО. Ф. 485. Оп. 5. Д. 19. Л. 1—5.
[553] ГАЯО. Ф. 485. Оп.4. Д.875. Л. 2.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ АКУШЕРСКОГО И ПОВИВАЛЬНОГО ДЕЛА В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)

Реформы второй половины XIX в. привели к размежеванию функций государственных и общественных органов. В ведение государства перешли податные и полицейские функции, полномочия всесословных судебных органов; земства занимались вопросами общественного призрения, культуры и образования[554]. С введением земств началось планомерное внедрение системы оказания медицинской помощи населению. В статье В.В. Назарова представлены основные этапы отечественной историографии истории земской медицины[555]. История земской медицины в Олонецкой губернии отражена, в первую очередь, в исследованиях В.Г. Баданова[556].

Цель доклада — рассмотрение деятельности органов местного самоуправления в сфере организации акушерского и повивального дела. Территориальные рамки ограничены тремя уездами Олонецкой губернии – Олонецким, Петрозаводским и Повенецким. Источниками для нашей статьи служили отчеты врачебных управ, статьи в периодических изданиях, а также земская статистика. В статье расходов олонецкого земства медицинская и ветеринарная части занимали второе место: на них уходило около четверти всех

[554] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 2003. Т. 1. С. 500.
[555] Назаров В.В. Вехи отечественной историографии истории земской медицины в России // Историографический сборник. Саратов, 2008. Вып. 23. С. 83—95. — http://www.sgu.ru/node/41094
[556] Баданов В.Г. Земство на Европейском Севере России (1867—1920 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Петрозаводск, 1996; Его же. Три века Петрозаводска. Земская медицина в Петрозаводске // Петрозаводск. 2003. 17 июля. С. 19; Его же. Земская медицина на Севере // Карелия. 2006. 2 февраля. С. 15.

средств[557]. Активизация деятельности земства в области здравоохранения наблюдалась после реформы земских органов в 1890 г., когда расходная смета по медицинской части была увеличена в полтора раза[558].

В начале XX в. врач И. Шиф писал, что обеспечение населения надлежащей и своевременной медицинской помощью «еще очень и очень слабо»[559]. Причину такого удручающего положения автор статьи видит, главным образом, в значительных расстояниях между врачебными участками при малой плотности населения[560]. К его словам следует добавить отсутствие удобных путей сообщения. Внимание представителей земской медицины было направлено, в том числе, и на организацию акушерского дела – подготовку повивальных бабок для помощи сельским женщинам, особенно в отдаленных местностях. О нехватке повивальных бабок в Олонецкой губернии говорит тот факт, что в середине XIX в. Врачебной управой было разрешено заниматься «бабничаем» без надлежащей профессиональной подготовки[561]. Однако с введением земства картина стала меняться. Так, с 1873 г. в Олонецкой губернии была учреждена стипендия для воспитания крестьянских девиц в Санкт–Петербургском родовспомогательном заведении. Обученные основам повивального искусства девушки возвращались в деревни. К 1876 г. на территории всей Олонецкой губернии земских профессиональных повивальных бабок было уже более десяти. Привлечение к

---

[557] Барышников Н. Несколько цифр о деятельности Олонецкого губернского земства за истекшее тридцатилетие 1867—1902 гг. // Олонецкие губернские ведомости (далее — ОГВ). 17 апреля 1904 г. С. 2. — http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=1563&page=2.
[558] Барышников Н. Несколько цифр о деятельности Олонецкого губернского земства за истекшее тридцатилетие 1867—1902 гг. // ОГВ. 20 апреля 1904 г. (№ 43). С. 2. — http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=1564&page=2.
[559] Шиф И. Земская медицинская помощь населению и фельдшера // Вестник Олонецкого губернского земства (далее — ВОГЗ). 1907. № 3. С. 20.
[560] Шиф И. Земская медицинская помощь населению и фельдшера // ВОГЗ. 1907. № 3. С. 21.
[561] Российский государственный исторический архив. Ф. 1297. Оп. 131. Д. 139. Л. 7 об.

повивальному делу девушек было разъяснено олонецким губернатором Г.Г. Григорьевым[562].

В качестве распространения сведений об успехах повивальному искусству женщин губернатор предложил разослать для учительниц и учениц статью «Сельские повитухи в Олонецкой губернии». Весной 1876 г. в количестве 1000 экземпляров статья было напечатана, однако не все уездные управы имели возможность приобрести ее, в частности Повенецкая управа ответила отказом по причине «неимения на этот предмет сумм»[563]. И все же крестьянки с недоверием относились к профессиональным повитухам, что было вызвано отношением к ним как к «барышням», существам беспомощным и слабым. А попытка земства привлечь для обучения повивальному и акушерскому делу девушек–крестьянок дала противоположный эффект. По сообщению губернского издания, крестьянки не понимали, как может оказать помощь девушка, еще не испытавшая «родовых болей», и за что ей выплачивается пособие, если она «такая же крестьянка, как и наши дочери»[564]. По данным уездных земств, профессиональные повитухи занимались в большей степени оспопрививанием, чем оказанием своих непосредственных услуг[565].

К 1910 г. на территории Олонецкой губернии числилось 79 повивальных бабок, по одной в каждой волости. Вакантными оставались места в Неккульской и Рыпушкальской волостях Олонецкого уезда[566]. Через 4 года их число возросло до 100. В 1914 г. на территории «карельских» уездов находилось: 16 акушерок и повитух в Петрозаводском уезде, 7 в Олонецком уезде и 10 в Повенецком[567]. Однако количество обращений к ним оставалось невелико. Доклад Петрозаводской

---

[562] Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 27. Оп. 1. Д. 6/12. Л. 1.
[563] НА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 12/6. Л. 5—7.
[564] Сельские повитухи в Олонецкой губернии // ОГВ. 28 апреля 1876 г. (№ 30). С. 319.
[565] Там же.
[566] Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г. Петрозаводск, 1910. С. 148—150.
[567] НА РК. Ф. 27. Оп. 6. Д. 3/24. Л. 18 об.

уездной управы 1908 г. свидетельствует о том, что повивальные бабки в течение 1908 г. приняли лишь 285 младенцев[568], причем по официальным данным на 1906 г., количество рожденных детей в губернии составило 18571 человек[569].

Акушерские пункты в Олонецкой губернии возникали повсеместно: в 1890 г. их было 40, в 1898 г. – 38[570]. Подготовка акушерок на территории Олонецкого уезда началась с 1910 г., когда петрозаводская фельдшерская школа была преобразована в фельдшерско–акушерскую[571]. В 1912 г. состоялся первый выпуск фельдшериц–акушерок – 6 женщин получили возможность заниматься родовспоможением[572].

И.Е. Никонова

Москва, ИЭА РАН

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ В РОССИИ: ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

В историографии «женской истории» России важную страницу занимают работы по истории развития военно–санитарной службы и сестринского дела. Точкой отсчета истории ухода за больными и ранеными считается начало XIX в., когда была создана служба «сердобольных вдов» в Петербурге. В дореволюционной историографии этому сюжету внимание вообще не уделялось, известны лишь некоторые бытописания, фиксация фактов, медицинские отчеты, которые правильнее отнести к источникам. Впервые об истории развития военно–санитарных служб в России заговорили в 1960–е гг.

---

[568] Отчет о положении медицинского и ветеринарного дела в Петрозаводском уезде // Труды III съезда земских врачей и председателей земских управ Олонецкой губернии 20—26 мая 1908 г. Петрозаводск, 1908. С. 117.
[569] Обзор Олонецкой губернии на 1906 г. Петрозаводск, 1907. Приложение № 13.
[570] Веселовский Б. История земства за сорок лет. СПб., 1909. Т. 1. С. 412.
[571] НА РК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 109/1531. Л. 68—69.
[572] Экзамены в фельдшерской школе // ВОГЗ. 1912. № 7. С. 23.

XX в. – и это были зарубежные историки[573]. В советской историографии тема оставалась совсем пропущенной.

Тем не менее, с историей службы сестер милосердия тесно связано зарождение «женского вопроса» в России. Впервые это отмечено американскими учеными[574]. В дальнейшем они же создали первые серьезные исследования. Так, Р. Стайтс полагал, что во время Крымской войны «женщинам была дана возможность привлечь внимание общественности к их потенциальным возможностям и активно проявить себя в общественной жизни», и если бы те медсестры «получили надлежащее образование и воспитание, то они смогли бы устроить свою жизнь так же хорошо, как и мужчины»[575].

Логичное продолжение обсуждения истории сестринского дела в России можно найти в работе Е. Мюррей, полагавшей, что дальнейшее развитие сестринского дела в течение XIX—XX веков носило регрессивный характер, «если в период крымской войны институт сестер милосердия был явным прорывом, то в дальнейшем не произошло его усовершенствования», не была модернизирована система и координация деятельности сестер и, соответственно, теряли свое общественное значение более ранние достижения женщин[576].

Польский автор Б. Урбанека представила историю «вдов милосердия», так же уделив особое внимание периоду Крымской войны и, как и другие,

---

[573] Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800—2000. М., 2002. С. 63.
[574] Curtiss J.S. Russian sisters of Mercy in the Crimea, 1854—1855 // Slavic review. 1966. No. 3. P. 84–100.
[575] Stites R. The women's liberation movement in Russia. Feminism, nihilism and bolshevism, 1860—1930. Princenton, 1990. P. 32—34.
[576] Murrey E. Russian nurses: from the Tsarist Sister of Mercy to the Soviet comrade nurse: a case study of absence of migration of nursing knowledge and skills // Nursing Inquiry. 2004. Vol. 11. No. 3. P. 130—137.

мало уделила внимания истории *развития* этого института. Работа ее описательна, но она не забывает упомянуть о заслугах женщин в общественной сфере и говорит о том, что именно благодаря появлению сестер милосердия данная профессия обрела исключительно женское лицо[577]. Периоду Крымской войны и истории *рождения* службы женской медицинской помощи посвящено много современных работ, но ни в одной из них не говорится о том, что подобная профессионализация медпомощи носила характер закрепления женщин на обслуживающих должностях[578].

Между тем история сестринского дела в России нашла продолжение в трудах, посвященных Гражданской войне, двум мировым войнам[579], в смежных трудах о первых женщинах–врачах[580], истории фармакологии[581]. Эти работы также показывают ход исторических событий читателю, \но в них нет размышлений о том, пытались ли женщины в России избавиться от навязанного им статуса «заботниц по призванию», настоять на том, чтобы в стране готовились не только медсестры, но и «медбратья».

РАЗДЕЛ 6. РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ, ЧТЕНИЯ, НАУЧНОЙ РАБОТЫ В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

О.В. Трофимова, Я.В. Трофимова

Ярославль, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

---

[577] Urbanek B. Women serving the sick and the wounded in XIXth century Russia // Med. Nowozytna. 2000. V.7 (2). P. 61–73.
[578] Benson E.R. On the other side of the battle: Russian nurses in the Crimean War // Journal of Nursing Scholarship. 1992. V. 24. N 1 (3). P. 65–68.
[579] Hallett C. Russian romances: emotionalism & spirituality in the writings of «eastern front» nurses, 1914—1918 // Nursing History Review. 2009. № 3. P. 21—24.
[580] Tuve J.E. Newtonville The first Russian women physicians. Massachusets, 1984.
[581] Schaeffer C.M. In health and in sickness: pharmacy, pharmacists, and the pharmaceutical industry in late imperial, early Soviet Russia. N.Y., 1994.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИНОЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ: ГЕНДЕРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Процессы миграции и адаптации населения оказывают существенное влияние на социально–экономические стороны жизни отдельных стран. Культурно–религиозное пространство Европы представляет сочетание культурных традиций и верований различных этносов и народов. Период XVI—XIX в. занимает особое место в процессе его формирования. Доныне проблемы толерантности и адаптации сохраняют научную значимость. Образование ускорило процесс интеграции переселенцев и местного населения.

Гугеноты – образованные люди, представители среднего класса, ремесленники и торговцы, пытались сохранить национальную идентичность и одновременно интегрировать в новой стране. Большое место в деятельности их общин отводилось организации обучения детей. В Германии евангелистско–реформатские общины создавали школы с раздельным и совместным обучением девочек и мальчиков. Прообраз профессиональной подготовки закладывался в частных школах.

Дореформенные школы, действовавшие при монастырях, были запущены, учителя отличались необразованностью, требовалась школьная реформа. Для открытия и финансирования частных школ в гугенотской общине стали создавать кассы для сбора пожертвований. Целью было обучение всех христиан, т.к. образование давало свободу и право конфессионального выбора.

Реформатские школы предполагали обучение девочек и мальчиков. Им старались дать практические и полупрофессиональные знания и навыки, т.к. гугеноты были представителями ремесленных специальностей и стремились организовать свои мастерские, для которых требовались подготовленные (квалифицированные) подмастерья.

С 1871 г. стали упоминать о государственных городских реальных школах. К 1874 г. насчитывалось почти 400 школьников, четвертую часть из которых составляли реформаты. Школы, финансируемые общиной, были для детей неимущих, позволяли заботиться о бедных, противостоять криминалу. Т. Хоффман явился соучредителем воспитательного общества, заботившегося о питании школьников, форме, общежитии. Евангелистско–реформатская община сыграла ключевую роль в становлении в Гамбурге социальных и образовательных институтов.

Активно в обучении детей участвовали женщины. Одно из старейших учебных заведений города Целле (Германия) – женское училище, основанное в 1741 г. Й. Беранже (1723—1792 гг.)[582]. Ее отец, родом из Пуату, гугенот и беженец по вере, прибыл в Целле в правление Георга Вильгельма. В 1742 г. Й. Беранже из французской общины гугенотов в Германии вышла замуж за Й. Плока – члена немецкой реформатской общины в Целле.

Ситуация с учебными заведениями в то время оценивается как тяжелая. По мнению генерал–суперинтенданта, в 1750 г. «состояние школ из–за недозволенной свободы родителей весьма плохо в Целле и окрестностях». Ситуация в обучении улучшилась после предписания герцога в 1689 г., действовавшем в XVIII и XIX в. Указывалось на запрет создания частных школ и возлагалась ответственность на генерал–суперинтенданта за проверку подготовленности учителей к преподаванию. Школьные учителя частных школ были, скорее, ремесленниками.

Эти изменения не коснулись училища Plocksche. Его специализация — обучение девочек рукоделию и французскому языку. Возможно, оно закрывало пробелы в занятиях в других школах города. Для юношей

---

[582] Die 1741 gegründete Plocksche Mädchen – Schule musste oft um ihr Überleben Kämpfen von Andreas Flick // Hugenotten. 2008. № 2. P. 63—71.

существовала возможность продолжать обучение в латинской школе в Целле, для девочек – нет. В городских школах начального уровня детей учили религии, чтению, письму, счету и общим знаниям. Родители, считавшие, что этого недостаточно для дочерей, нанимали частного учителя или отправляли девочек в школы.

Большинство образованных женщин из–за финансовых трудностей становились учителями. После смерти мужа в 1784 г. руководство училища перешло к его жене – Й. Плок. Сестра Марианна Плок писала: «Под ее руководством и материнской заботой мы были учительницами в школе вплоть до ее смерти в 1787 г. Согласно ее воле и воле родителей, которые доверили нам своих детей, мы продолжили обучение в высших и средних классах». Эти учительницы были самоучками, отсутствовала профессиональная подготовка учителей.

С началом XIX в. частные школы столкнулись с серьезной угрозой в лице лютеранского советника Й. Эггерса (1741—1814), основавшего в 1805 г. женскую гимназию. В ней «должны были изучать не только женское рукоделие, но и религию, и другие знания, необходимые женщинам, в том числе французский язык». Частные школы города рассматривались как конкуренты. Сокращавшееся количество школьниц и ухудшавшееся здоровье сестер привело к тому, что они обратились за финансовой ежегодной помощью в евангелистско–реформатскую общину, ставшую единой в 1805 г. путем объединения французско– и немецко–реформатской общин. Сестры, несмотря на болезни, продолжали работать в училище. Эти занятия были необходимы им, поскольку для них они были смыслом существования и единственным источником доходов.

В апреле 1814 г. городские школьные учителя письменно обратились в коллегию магистрата с просьбой сохранить частные школы. Просьбу обосновывали тем, что горожане хотят, чтобы детям преподавались религия,

общие знания, иностранные языки. К письму прилагался перечень частных школ города. Результатом обращения было решение городского совета: «Несмотря на отсутствие занятий по религии в училище сестер Плок, там даются превосходные знания по французскому языку и ремеслам, дети отличаются особым усердием, поэтому там занятия далее можно продолжать».

В 1815 г. в Целле сменился генерал–суперинтендант, он отводил особое место школьному образованию: возглавил женскую гимназию и выступил противником частных школ. В этом году умерла старшая из сестер–учительниц, младшая сообщала, что она одна не в состоянии вести все занятия, и образованные люди города оказывают ей помощь. Благодаря помощи сторонних учителей, занятия стали разнообразнее, и количество учениц осталось прежним. Родители, имевшие возможность оплачивать обучение своих детей, выбирали Winkelschule, а не городские школы.

Суперинтендант считал, что Winkelschule не вправе вести обучение религии и принимать детей из городских школ. Причины действий – частные школы создавали конкуренцию городским школам и гимназии; конфессиональные различия. Решение городского совета: «Детей, которые посещают городские школы, но хотят перейти в гугенотскую школу, не принимать без специального разрешения совета, но оставить уже принятых». Училище просуществовало около 80 лет. Другие частные школы долго функционировали.

Французские гугеноты, заботясь о подготовке молодого поколения, создавали слой квалифицированных кадров, необходимых для буржуазной производственной среды, путем формирования системы учебных заведений. Они занимались финансированием, непосредственной организацией и осуществлением процесса обучения в иноэтничной среде, активную роль руководителей и учительниц выполняли женщины–эмигрантки.

А.В. Борисова

Ярославль, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

ОБРАЗОВАНИЕ ЖЕНЩИНЫ—ДВОРЯНКИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Проводником культуры, ее «чутким барометром» и покровителем в XVIII в. выступала именно женщина–дворянка. «Женщина – жена и мать – в наибольшей степени связана с надысторическими свойствами человека, с тем, что глубже и шире отпечатков эпохи»[583].

Вступление России в новый исторический период потребовало заняться формированием личности не только мальчиков, но и девочек. Правление Екатерины II дало образец стиля бытового поведения: «Образованная современная женщина – особа, которая владеет одним — двумя иностранными языками, умеет прекрасно излагать свои мысли и в разговоре и на бумаге. Она следит за новинками науки, литературы и искусства, читает журналы – российские и зарубежные. Она занимается самообразованием всю жизнь… играет на музыкальных инструментах… ее манеры безупречны»[584]. Российская действительность второй половины XVIII – первой половины XIX в. могла предложить женщине либо закрытое учебное заведение, либо домашнее образование. Институты благородных девиц, входидившие в Ведомство императрицы Марии, были высшей, почетной формой обучения. Помимо Смольного, существовали институты Ордена Святой Екатерины в Петербурге и в Москве. По их примеру на средства дворянских обществ и частных пожертвований в первой четверти XIX в. были открыты Патриотический в Петербурге и Харьковский институты. В основе их

---

[583] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 46.
[584] Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М., 2007. С. 238.

деятельности лежала идея создания новой породы светских женщин, воспитанницы должны были занять видное положение в обществе[585].

Учились в Смольном институте 9 лет, и девушки во время обучения практически не виделись с родными. Жители столицы изредка могли видеться с дочерьми, родственникам из провинции вход в Смольный был закрыт. «Надзор был строгий, почти монастырский»[586].

Учебная программа подобных заведений охватывала широкий круг предметов, но глубоких знаний (кроме иностранных языков) не давала. Много внимания уделялось рукоделию и танцам. Знания в области математики ограничивались лишь самому необходимому, физика сводилась к опытам и наблюдениям[587]. Праздники были редки, а будни – тяжелы и суровы, особенно для младших девочек. «Поскольку родители к девочкам не приезжали, то деспотизм этих надзирательниц чувствовался особенно сильно»[588].

Сам уклад института был суров. Девочки поднимались в 6 утра. Занятия длились 6—8 уроков ежедневно, присутствие на уроках было обязательным. Время для игр строго регламентировалось. Питание оставляло желать лучшего.

Итогом 9 лет обучения становился экзамен, на котором присутствовали члены императорской фамилии. Процедура экзамена была практически фиктивной. Накануне девушки получали один билет, который и требовалось выучить. За исключительные успехи (трем лучшим) смолянкам выдавался «шифр» — бриллиантовый вензель императрицы. Обладая им, девушки получали возможность выйти в большой свет и стать фрейлинами. Многие же ученицы преследовали единственную цель — стать известной невестой и выйти замуж после окончания института.

---

[585] Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 78.
[586] Там же. С. 79.
[587] Смирнова–Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 266.
[588] Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 82.

Другим типом учебных заведений были частные пансионы. В 1803 г. в Петербурге их насчитывалось 28, к 1828 г. их число возросло до 69 (из них 45 – женских). Провинциальные пансионы находились в губернских городах, их количество постоянно менялось.

Иностранные частные пансионы буквально наводнили обе столицы к концу XVIII столетия. Цель пансионного обучения – помочь девушке выйти замуж. Имели место два вида пансионов – немецкие и французские[589].

В названных учебных заведениях девушки жили, питались и учились. Оба вида пансионов сближала скудость учебного плана в его современном видении. Систематический характер имели только занятия языками и танцами. В остальном же уровень обучения был невысоким. Немецкие пансионы делали упор на естественные науки, которые могли пригодиться по хозяйственной части. Воспитанницы практиковались в арифметике и домашней экономии. Французские пансионы делали ставку на правила поведения в обществе, законы светского обхождения и любезности.

Таким образом, частные пансионы, как и домашнее воспитание, не ставили перед собой задачу реализовать идеи просветителей в образовании. Их цель – дать девушке минимальный уровень знаний и умений, который смог бы обеспечить удачное замужество. Небольшое количество институтов и пансионов, дороговизна обучения приводили к тому, что большая часть девушек–дворянок получала домашнее образование. В этом случае необходимо отметить два типа семей: бедные, не имевшие возможности отправить дочь в пансион, либо очень богатые, имевшие возможность дать в домашних условиях образование лучше, чем в пансионе.

---

[589] Там же. С. 86.

Домашнее обучение и воспитание срасталось с бытом и повседневностью. Детей начинали обучать рано, чередуя время игр с занятиями[590].

В некоторых семьях хорошо образованные родители сами обучали своих детей. Так, М.Н. Раевская много путешествовала с родителями, общалась с интересными и умными людьми. Отец руководил образованием детей и стремился, чтобы оно было всесторонним, энциклопедическим. При этом сыновья больше внимания уделяли военным наукам, а дочери – гуманитарным. Библиотека отца насчитывала 4 тыс. единиц.

Модные веяния в России, как и в других странах, диктовались Францией. Языком, приличествующим для великосветской беседы, был французский. Ему обучали с ранних лет, в итоге,, как и долговременные поездки с детьми заграницу, усиленные занятия иностранными языками отражались на качестве знания родного[591].

Кроме родителей, крепостных «дядек» и «нянек», помогающих в воспитании и образовании дворянских детей, для отпрысков нанимали гувернанток и гувернеров. «Monsieur l' Abbe, француз убогой, чтоб не измучилось дитя, учил его всему шутя, не докучал моралью строгой, слегка за шалости бранил и в Летний сад гулять водил…»[592]. Французы и немцы учили юных дворянок и дворян свободно владеть языками. В целях улучшения качества обучения в 1834 г. правительство издало «Положение о домашних наставниках и учителях», с того времени лица, поступавшие в частные дома для воспитания детей, должны были иметь звание домашних наставников.

---

[590] Капнист–Скалон С.В. Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века /Сост. Г.Н. Моисеева. М., 1990. С. 294.
[591] Капнист–Скалон С.В. Указ. соч. С. 294–295.
[592] Пушкин А.С. Сочинения. В 3–х т. Т. 2. М., 1986. С. 188.

Г.Л. Шаматонова

Ярославль, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ЖЕНЩИН В РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Проблема вовлеченности женщин в российское образование имеет длительную историю. Изучение истории дореволюционного образования в Ярославском крае позволяет проследить основные вехи его истории от появления первых школ, в которых учились девочки в конце XVIII столетия, до 1917 года[593]. Анализ участия женщин в образовательном процессе после 1917 года характеризуется постоянным увеличением их численности, сложнее провести анализ периода с 1991 г. по н.в.: это связано с трансформацией российского образовательного пространства.

Первые свидетельства о женских школах относятся ко времени Древнерусского государства, когда сестра Владимира Мономаха Янка (Анна) основала женский монастырь в Киеве и школу при нем. В Ярославле история образования началась с духовного училища при мужском Спасском монастыре, созданном в начале XIII в.

Данные о специальном обучении девочек в Ярославле встречаются только в последней четверти XVIII в. Первый в стране Смольный институт в Санкт–Петербурге начал работу только в период правления Екатерины II (1764 г.), и лишь в 1843 г. появилось училище для девиц духовного звания в Царском Селе[594].

---

[593] Марасанова В.М., Албегова И.Ф., Шаматонова Г.Л. Женщины и образование в конце XVIII – начале XX в. (на примере Ярославской губернии) // Женщина в российском обществе. 2011. № 1.

[594] Материалы для истории женского образования в России (1086–1856) / Сост. Е. Лихачева. СПб., 1899.

Даже до появления специальных женских учебных заведений некоторые девочки могли получить начальное образование. К ним примыкали «своекоштные» ученики, проживавшие не в приюте, а в родительских домах. В 1788 г. в уездных училищах Ярославского наместничества числились 456 ученика, среди которых было 8 девочек (1,8%)[595] – это первое упоминание о том, что образование в Ярославле перестало быть исключительной привилегией «мужскаго полу».

В начале XIX в. в Ярославской губернии появился первый вуз – «Ярославское высшее наук училище», позднее преобразованный в лицей. Демидовский лицей являлся главным учебным заведением не только для Ярославской, но и для соседних губерний, став не только учебным, но и научно–культурным центром региона; женщин в него не принимали.

Все первые специальные женские учебные заведения в Ярославле – пансион Тюреи (Тюрен) и Донкур, действовавший в 1803 г., в 1805 г. пансион К. Кюкюэля (Крюкюэля, Кюкюеля), пансион Доротеи Берте (Берье) с 1811 г. – были частными. Известно о недолгом существовании в Ярославле Института благородных девиц и Благородного женского пансиона Адель Матлен (основан в 1820 г.). С 1850 г. им руководила О.А. Солюс, а с 1855 г. – Л. – М. Биго). Среди создателей учебных заведений довольно часто встречались французские фамилии.

Во второй половине XIX в. число частных пансионов в Ярославле сократилось, существующие изменили свой профиль, став подготовительной ступенью для среднего образования. Так, в 1877 г. в Ярославле открылся частный пансион Е.А. Рыкачевой; он готовил девочек для 1–го и 2–го классов женской гимназии.

---

[595] История Ярославского края с древнейших времен до конца 20–х гг. XX века. Ярославль, 2000. С. 113.

Новым типом учебных заведений в регионе в первой половине XIX в. стали церковно–приходские школы, которые курировал Синод. По уставу 1804 г., в них могли обучаться дети «без разбору пола». Обучение включало Закон Божий, чтение, письмо, арифметику. В годы русско–турецкой войны в 1878 г. в Ярославле появилась начальная школа в приюте П.А. Соболевой для 11 девочек—сирот из Болгарии[596].

Первое женское учебное заведение в Ярославле, которое давало образование выше начального, являлось духовным. В 1846 г. вслед за училищем для девиц духовного звания в Царском Селе и по его образцу второе подобное училище открылось в городе Солигаличе Костромской губернии. В 1848 г. это училище было переведено из Солигалича в Ярославль. Первоначально в нем обучались всего 19 учениц на средства Св. Синода по инициативе великой княгини Ольги Николаевны. Срок обучения в училище составлял 6 лет. Воспитанницы изучали Закон Божий и церковное пение, чтение, письмо, арифметику, рисование, историю, географию.

По линии Министерства народного просвещения в 1861 г. в Ярославле открылась Мариинская женская гимназия, а в 1876 г. – Екатерининская гимназия со сроком обучения 8 лет и правом заниматься после окончания гимназии педагогической деятельностью. В конце 80–х гг. XIX века в Мариинской гимназии обучались 393 ученицы (в 1914 г. – 450), а в Екатерининской – 175 (к 1914 г. – соответственно, 400 учениц). Екатерининская гимназия, действовавшая в стенах Дома призрения ближнего, имела пансион для постоянно проживавших здесь воспитанниц.

В пореформенный период начальная школа в Ярославле дополнилась городскими и земскими учебными заведениями, куда принимали и мальчиков,

---

[596] Головщиков К.Д. История города Ярославля. Ярославль, 1889 // История губернского города Ярославля. Ярославль, 2006. С. 156.

и девочек. При земской больнице открылась школа сестер милосердия. Первые земские школы появились в сельской местности Ярославской губернии в 1866 г., а уже в следующем году их насчитывалось 34. Число учеников составило 1804 человека, в том числе 1580 мальчиков (87,6%) и 224 девочек (12,4%). В 70–е гг. XIX века земская школа росла особенно быстро. Несмотря на значительные успехи в деле женского образования в Ярославле, на рубеже XIX – XX вв. образование выше начального в Ярославской губернии имели только 1,1% женщин.

Первая Всероссийская перепись населения показала, что грамотными в Ярославской губернии были более 50% мужчин и только 24% женщин. Однако обращает на себя внимание то, что наибольший процент грамотных женщин был в возрастной группе от 10 до 19 лет – 51,3%, что практически не уступало уровню грамотности среди мужского населения по губернии в целом.

В начале XX в. новыми учебными заведениями в г. Ярославле стали частные школы П.Д. Антиповой, С.Г. Вахромеевой и О.Н. Корсунской, а также ремесленные классы г–жи Сорокиной. Частные учебные заведения стремились чем–то выделиться и предлагали своеобразную специализацию своим воспитанницам. В дополнение к начальному и среднему женскому образованию в Ярославле появился первый (и до 1918 г. единственный) детский сад «для обучения детей обоего пола» с 5 лет.

Таким образом, к началу первой мировой войны в учебных заведениях Ярославской губернии обучались 4,5 тыс. лиц мужского пола и 5,3 тыс. – женского (54%). То есть именно девочки и девушки стали преобладать в числе учащихся на данный период. В начале XX в. 64% преподавателей в земских школах были учительницы. Поэтому вполне правомерен вывод о том, что женское образование в Ярославле, возникнув значительно позднее мужского, отличалось более быстрыми темпами роста, как по числу средних учебных заведений, так и по количеству обучающихся в разных типах школ девочек и девушек.

М.Н. Паравина

Алатырь, Чувашский государственный университет имени И.Н.Ульянова, Алатырский филиал

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЖЕНСКИХ И МУЖСКИХ ГИМНАЗИЙ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Открытие гимназий в Казанской губернии, осуществлялось в соответствии с утвержденными 24.01.1803 г. «Правилами народного просвещения»[597]. 24 января 1803 г. по указу Сената был образован Казанский учебный округ, который осуществлял руководство учебными заведениями 13 губерний[598]. Историко–педагогические корни элитных вузов народов России берут свое начало со второй половины XIX в., когда правительство Александра II приступило к реформе школы – ведь именно тогда было провозглашено равенство всех граждан независимо от национальности, происхождения, пола и религиозных убеждений.

В Казанской губернии наряду с мужскими гимназиями во второй половине XIX в. открылись и женские. Общественный интерес к женскому образованию в России стимулировала статья Н.И. Пирогова «Вопросы жизни», в которой автор утверждал, что «не положение женщины в обществе, но воспитание её, в котором заключается воспитание всего человечества – вот что требует перемены»[599]. Последовавшая в прессе кампания дала мощный толчок инициативе по устройству открытых и всесословных женских учебных заведений.

Большую популярность завоевали учебные заведения для женщин и в Казанском учебном округе, которому подчинялись и гимназии губернии. Рост

---

[597] Полное собрание законов. СПб., 1830. Т. 27. С. 438–442.
[598] Там же. Т. 27. С. 442.
[599] Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 года. М., 1947. С. 156.

числа учащихся наглядно свидетельствует об этом. В целом по Казанскому учебному округу их число в течение исследуемого периода существенно возросло.

С середины XIX в. наблюдается рост числа гимназий в Казанской губернии, хотя и незначительный. Открытие гимназий происходило различными путями: учреждение новых гимназий; преобразование городских училищ в гимназии; открытие гимназий на базе частных учебных заведений 1–го разряда; преобразование прогимназий; изменением статуса земских школ.

Гимназическое образование в губернии берет начало с учреждения в 1758 г. первой Казанской мужской гимназии[600]. В 1835 г. в Казани появилась вторая Казанская мужская гимназия, открытая по приказу Министерства народного просвещения как вновь созданное самостоятельное учебное заведение[601]. Козьмодемьянская мужская гимназия была открыта в 1910 г. в составе четырех классов[602].

Второй путь – создание гимназий на базе городских училищ было более удобной формой формирования учебных заведений повышенного уровня образования, так как по своей программе последние равнялись четырем низшим классам гимназии. МНП сочло необходимым провести реформирование средних учебных заведений, преобразуя городские училища «в смысле их приближения к гимназиям» так, что городские училища стали составлять необходимую ступень в ряду учебных заведений: начальная школа, городское училище, гимназия (без 4–х первых классов, место которых

---

[600] Владимиров В.В. Историческая записка о 1–й Казанской гимназии XVIII столетия. Казань, 1867. С. 11.
[601] Историческая записка о 2–ой Казанской гимназии. Казань, 1876. С. 250.
[602] Народный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 2. Д. 9714. Л. 6.

заняло городское училище) и университет. Таких примеров в архивных документах мы не встретили.

Третий вариант появления гимназий предусматривал преобразование частных учебных заведений, которые не считались государственными. Казанская Мариинская женская гимназия была открыта под именем Мариинского женского училища I разряда 30 августа 1859 г., 30 августа 1871 г. она была преобразована в семиклассную гимназию с педагогическим при ней классом[603].

По этому варианту была создана Казанская женская гимназия, учрежденная госпожой А.И. Котовой. Она получила права правительственного учебного заведения с 1 июля 190 г. До этого времени она содержалась как частная женская школа госпожою Вагнер с 1877 до 1892 гг., а с 1901 г. – госпожой А.И. Котовой[604].

Четвертая Казанская женская гимназия В.А. Ряхиной была открыта под именем частного училища 3–его разряда 9 августа 1887 г., 26 октября 1906 г. она была преобразована в шестиклассную прогимназию. 15 января 1907 г. учащимся было разрешено присвоить права, которыми обладали ученицы прогимназий МНП. 5 мая 1907 г. прогимназия преобразована в 7–классную гимназию, 9 августа 1910 г. – в правительственную[605].

Статус гимназии могло получить учебное заведение в случае, если оно относилось к I–му разряду, как указано в нашем примере, исключительно по причине того, что содержание образования в нем соответствовало низшим классам гимназии. Для того, чтобы в данном случае учебное заведение приобрело «права прогимназии и гимназии Министерства народного просвещения», достаточно было «пожелания земства и города».

---

[603] Там же. Д. 9. Л. 20.
[604] Там же. Д. 22249. Л. 29; Д. 1533. Л. 50.
[605] Там же. Оп. 2. Д. 13514. Л. 39.

Четвертый путь перевода учебного заведения в разряд гимназий – переименование земских школ.

Наиболее продуктивным оказался пятый путь – преобразование прогимназии в гимназию, что и было сделано в середине XIX в. Процесс преобразования прогимназий в гимназии затронул как город Казань, так и уездные города Казанской губернии. Так, 25 августа 1871 г. была открыта третья мужская гимназия в Казани. До 4 июня 1874 г. она существовала как прогимназия, после чего была преобразована в гимназию[606].

Что касается уездных центров Казанской губернии, то практически во всех первоначально были открыты прогимназии, которые через небольшой промежуток времени преобразовывались в гимназии. Козьмодемьянская женская гимназия, открытая как прогимназия 15 сентября 1905 г., была преобразована в гимназию 10 ноября 1908 г.[607]. Лаишевская женская гимназия, открытая как прогимназия в 1911 г., была переведена в разряд гимназий 15 августа 1915 г.[608] Мамадышская женская гимназия, открытая как прогимназия 25 ноября 1908г., была реорганизована в гимназию в 1910 г.[609]. Спасская и Свияжская женские прогимназии были открыты в 1913 г. (не преобразованы в гимназии)[610]. Тетюшская женская гимназия, открытая 19 мая 1906 г. как прогимназия, была преобразована в гимназию в 1910 г.[611]. Были открыты и многие другие мужские и женские гимназии. Для гимназий, открываемых в уездных городах Казанской губернии, был характерен первый путь (когда инициативу развития образования брало на себя правительство). Второй путь был присущ для Казани: там состоятельные горожане активно

---

[606] Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 100.
[607] Там же. Оп. 2. Д. 13638. Л. 16.
[608] Там же. Д. 9715. Л. 6.
[609] Там же. Д. 9742. Л. 2.
[610] Там же. Д. 23926. Л. 68.
[611] Там же. Д. 9685. Л. 7.

участвовали в развитии образования. Частные школы можно было перевести в статус гимназий в том случае, если содержание образования в них было приближено к гимназическому.

Е.А. Тончу

«Издательский Дом ТОНЧУ», Региональное общественное движение «Матери Отчизны», г. Москва

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ОТ ЧАСТНОГО К ГОСУДАРСТВЕННОМУ И ОБЩЕСТВЕННОМУ

Образование является одним из прав человека и важнейших средств достижения таких целей, как равенство, развитие и мир. Недискриминационное образование способствует развитию более равноправных отношений между мужчинами и женщинами. Равенство в доступе к образованию и возможность его получения необходимы для того, чтобы женщины могли быть активными участниками общественной жизни страны, экономических и социальных преобразований.

Образование женщин на всех этапах развития истории играло большую роль. Первое известие об обучении девочек в древней Руси относится к XI в. В 1086 г. Анна Всеволодовна, сестра Владимира Мономаха, открыла девичье училище при Андреевском монастыре в Киеве, где обучали закону божиему, чтению, письму, пению и швейному делу. В XII в. такое же женское училище было учреждено в Суздале дочерью полоцкого князя Ефросинией, где обучались не только монахини, но женщины–мирянки. В первой половине XVI в. митрополит Данил в своих поучениях говорил, что обучение необходимо не только монахам, но и мирянам – отрокам и девицам. Эти факты говорят о необходимости распространении грамотности среди женщин Древней Руси, об их участии в развитии книжного дела и просвещения.

Еще более ярким примером самостоятельности и образованности является царевна Софья. С ее именем связан переход от женщин

допетровской Руси к женщинам Руси современной. До момента начала царствования Петра I в России еще не помышляли о массовом женском образовании. Его просто не существовало. Софья подготовила почву для реформ Петра I в области образования. Одним из достижений петровских нововведений является то, что он позволил «выйти» женщине из терема, а в 1724 г. обязал монахинь открывать приюты–школы.

В царствование Анны Иоанновны значительно поднялся уровень просвещения. В 1755 г. по проекту графа И.И. Шувалова в Москве был основан первый в России университет. При нем – две гимназии: для дворян и разночинцев. В столице и крупнейших городах были учреждены общеобразовательные и специальные учебные заведения. В Казани открылась первая гимназия.

Начинания Петра I и Елизаветы Петровны были продолжены императрицей Екатериной II. В учрежденном ею в 1763 г. Московском воспитательном доме открыли мужской и женский институты для воспитания и образования сирот чиновников и военнослужащих. Позднее мужской институт был преобразован в Сиротский кадетский корпус, а женский – в Александринский, а потом в Николаевский сиротский институт, где готовили домашних наставниц, а также домашних учительниц с правом обучения началам наук, языков, искусств и преподавания в гимназии.

Началом светского женского образования в Российской империи принято считать время, когда по проекту И.И. Бецкого в 1764 г. в Петербурге было основано «Воспитательное общество благородных девиц» закрытого типа при Смольном монастыре (Смольный институт) – первое в России женское учебное заведение для дворянок. Одновременно появились школы и для мещанок.

Защитницей равноправия женщин в области образования в эпоху Екатерины II являлась ее сподвижница, княгиня Екатерина Романовна Дашкова. За необычайный ум и организаторский талант впервые женщину

удостоили высокой должности, ее назначили президентом Петербургской Академии наук, а по указу 1783 г. – Российской Академии наук. Выступая в защиту прав женщин, она доказала на что может быть способна высоко одаренная женщина.

При участии императрицы Марии Федоровны, жены Павла Петровича, по образцу Смольного создавались институты для благородных девиц, получившие название «Мариинские». Этот новый тип учебных заведений удовлетворял потребность в женском профессиональном образовании.

До начала 60–х гг. XIX в. единственным видом женских учебных заведений, содержащихся за счет государства, оставались институты благородных девиц. Наряду с ними существовали частные женские пансионы.

Первой ласточкой, возвестившей о начале обсуждения широкого женского образования на страницах русской прессы, явилась статья Н.И. Пирогова «Вопросы воспитания». Под влиянием этой полемики правительство было вынужденным несколько пересмотреть свою политику в области женского образования.

С середины XIX века наблюдается бурный рост женских воскресных школ. По окончании этих школ, мариинских и народных училищ женщины стремились учиться дальше, чтобы обрести самостоятельность, доступ к различным профессиям, но высшее образование для женщин было закрыто. Первым учебным заведением в России, открывшим двери для женщин, стал Петербургский университет. Однако этого было явно недостаточно. И начиная с середины 60–х наблюдается массовая эмиграцию русских женщин в Швейцарию в поисках высшего образования.

Правительство было вынуждено создать специальную комиссию, которая признала возможным не только допустить женщин к университетским лекциям, но дать им права на педагогическую и медицинскую практику. Однако заключения комиссии не были одобрены правительством, считая это «мерой совершенно

неудобной и могущей только дать повод к новым беспорядкам». В 1861 г. доступ женщин в университеты был закрыт. Но волну женщин, стремившихся к знаниям и самосовершенствованию, к реализации личных способностей, уже было трудно удержать. Они стали подавать прошения о разрешении продолжать слушание лекций, но в ответ получили категорический отказ. Вскоре был принят правительственный указ об обязательном возвращении цюрихских студенток на Родину. Однако никакое противостояние не смогло остановить стремление русских женщин к образованию.

Борьба женщин за высшее образование привела к определенным результатам. Стали появляться женщины на студенческих скамьях Императорской Академии художеств. Многих женщин побудило к организации публичных лекций. В 1862 г. в Петербурге был создан Вольный университет. С 1868 г. поднялась широкая кампания прогрессивной прессы в защиту женских прав в области образования. В условиях бюрократической волокиты особую роль играли частная инициатива и благотворительность. Начиная с 1870 г. было открыто много специальных учебных заведений для представительниц средних сословий: медицинские и педагогические курсы, художественные училища, различные «профессиональные», «реальные», «ремесленные» и прочие школы. Наивысшим же достижением на пути к высшему женскому образованию стало открытие Бестужевских высших курсов в Петербурге в 1878 г. Другой заметной вехой в истории борьбы за высшее женское образование в России являлось открытие в 1872 г. Высших врачебных курсов.

Общественный подъем конца XIX – начала XX вв. внес оживление в область высшего женского образования. Потребности экономического развития, а также давление общественности позволили принять меры по профессиональному образованию женщин. В ответ на просьбу коммерсантов было разрешено открыть в Москве Высшие женские коммерческие курсы.

Широкий доступ к высшему образованию женщинам открыл XX век. Под влиянием начавшейся первой русской революции движение за право женщин на равное образование активизировалось. Новые волны общественного натиска привели в 1911 г. к допуску женщин в высшую школу на правах вольнослушательниц. И лишь нужды Первой мировой войны вынудили допустить женщин к полноправному высшему медицинскому образованию.

Октябрьская революции 1917 г. ликвидировала старую систему образования. Советская школа строилась уже совсем на других принципах. В результате политики всеобщего обязательного обучения уровень женского образования в стране сравнялся с уровнем образования мужчин. Была создана единая система высших педагогических заведений без разделения на мужские и женские.

Как свидетельствует статистика, сегодня женщины по уровню своего образования устойчиво обгоняют мужчин. Они глубоко проникли во многие сферы профессиональной деятельности. На фоне этих достижений проблема дискриминации женщин в сфере интеллектуальной деятельности кажется надуманной, однако в массовом сознании вновь набирают силу патриархальные настроения, приписывающие женщине исключительно социальные роли жены, матери и домашней хозяйки. Гендерные проблемы существовали всегда, и если сегодня на фоне общего положения дел они стали казаться менее актуальными, то это не значит, что они исчезли окончательно.

Е.Ю. Казакова–Апкаримова

Екатеринбург, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГОРОДАХ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ЧАСТНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Во второй половине XIX – начале XX в. наблюдалось широкое общественное движение за предоставление женщинам права получения среднего и высшего образования. На волне общественного подъема 60–х гг. XIX в. и последующего издания «Положения о женских училищах» (1860 г.), замененного «Положением о женских гимназиях и прогимназиях» (в 1870 г.) в городах Урала и Западной Сибири стали возникать женские учебные заведения.

Примеры из истории Екатеринбурга свидетельствуют о значении частных и общественных инициатив в развитии женского образования в целом и открытии средних женских учебных заведений, в частности. Об этом свидетельствуют факты щедрых пожертвований на их благоустройство и помощь со стороны городского общественного самоуправления.

Исследователи Западной Сибири отмечают, что женщины принимали энергичное участие в создании школ (особенно девичьих). В форме женской благотворительности во второй половине XIX в. и на Урале, и в Сибири значительные средства стали вкладываться в развитие женского образования. В Западной Сибири наиболее активную роль в этом процессе сыграли жены и взрослые дочери чиновников, женщины из купечества, мещанства и духовенства.

Таким образом, женские учебные заведения на Урале и в Сибири пользовались поддержкой со стороны представителей городской элиты. В культурно–просветительской деятельности лидировали женщины высшего общества, женщины разночинной интеллигенции, по мере развития среднего женского образования в нее втягивались женщины среднего звена.

Так, в Перми успешно развивалась общественная благотворительность, направленная на поддержку «недостаточных учениц гимназии».

Благотворительные общества при женских учебных заведениях действовали и в Западной Сибири, например, Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Тюменской женской прогимназии. Поскольку

большинство учащихся составляли дети мещанских семей, возникали трудности с оплатой за учение. Для поиска средств начальница прогимназии организовывала концерты, спектакли. По ее же инициативе в конце 1899 г. было учреждено общество вспомоществования нуждающимся ученицам Тюменской женской прогимназии.

Государственная власть отмечала знаками отличая самоотверженный труд и успехи женщин на ниве просвещения. Подобные факты освещались в хронике общественной жизни городов.

Таким образом, развитие женского образования в городах Урала и Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. было обусловлено частными и общественными инициативами горожан. Женщины передовых взглядов проявляли инициативу создания женских учебных заведений и активно участвовали в общественной жизни городов. Приметной чертой рассматриваемого времени являлась женская благотворительность на ниве просвещения и образования. Рост грамотности и образованности женщин, их участие в добровольных общественных организациях меняли их социальный статус, заметно эволюционировало их мировоззрение в целом.

В.Н. Паршина

Пенза, Пензенский государственный педагогический университет

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛКИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В начале XX века патриархальной модели, определяющей место женщины дома, противостоит модель самореализации личности путем получения образования и занятия общественно полезным трудом и проявлением общественной активной позиции. Это сказывается на увеличении числа женских учебных заведений. Развитие женского образования идет более интенсивно, чем в предыдущие десятилетия. Если к 1905 году в Пензенской губернии насчитывалось 2 женские гимназии и 1

прогимназия, к 1915 году женских гимназий стало 11, начальных женских училищ только в городе Пензе – 14.

К 1914 году 60,2% учителей в земских школах Пензенской губернии составляли учительницы, выпускницы епархиального училища, женских гимназий и прогимназий, начальных женских городских училищ, в 1889 году этот показатель составлял лишь 23%[612]. В целом по России число учительниц начальных народных училищ к 1911 году составляло 53,8% от общего количества народных учителей[613]. Многие выпускницы гимназий своей активной деятельностью вносили значительный вклад в формирование культуры провинции.

В начале XX века вопрос о женском профессиональном образовании получил общественное признание. В 1900 г. при отделении Ученого комитета по техническому профессиональному образованию Министерства народного просвещения создан специальный отдел по руководству 129 женскими профессиональными учебными заведениями (в них насчитывалось 9920 учащихся).

В начале XX века в Пензенской губернии из 20 профессиональных учебных заведений 6 были женскими, примерно такое же положение было во всех Средневолжских губерниях. Почти все заведения принадлежали к низшему типу учебных заведений и содержались за счет городского земства и частных пожертвований.

Одним из крупных учебных заведений данного типа в г. Пензе была ремесленная школа Л.А. Татищевой. В ремесленную школу могли поступать девочки всех сословий не моложе 12 лет. После завершения курса обучения

---

[612] Никулин В.И. Пензенское земство. Пенза, 1996. С. 115.
[613] Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Вып. XVI. СПб., 1916. С. 89.

воспитанницы могли работать закройщицами, учительницами рукоделия, белошвейками и вышивальщицами.

Провинциальная печать того времени писала, что девочек к образованию привлекает практическая направленность учения: «За отсутствием практических школ по женскому образованию в селах и деревнях учиться негде. Откройте училища с рукодельными курсами, и школы привлекут симпатию народа, и недостатка в ученицах не будет»[614]. Автор данного высказывания был прав лишь отчасти: рукоделие преподавалось в народных школах. Но число таких учебных заведений было не велико.

Нет оснований сомневаться в том, что создание ремесленных отделений и классов при общеобразовательных и низших школах и училищах имело положительное значение, поскольку способствовало приобщению девочек несостоятельных городских сословий и крестьян к различным ремеслам. Это давало им возможность в дальнейшем трудоустроиться и обеспечить свой доход. Но, с другой стороны, подобное направление таило в себе опасность падения и без того крайне низкого уровня общего образования, получаемого в народной школе.

Медицинское направление профессиональной подготовки было представлено в регионе фельдшерской школой и земской повивальной школой 2–го разряда[615]. Ежегодно земская повивальная школа готовила от 20 до 30 выпускниц. Средний возраст поступающих учениц в данные заведения в России составлял 16—21 год, и пензенская школа не была исключением. Поздний срок поступления объяснялся тем, что в учебные заведения поступали в основном замужние женщины или вдовы.

---

[614] Женские рукодельные школы //Пензенские губернские ведомости. 1908. № 157. Л. 3.
[615] Учебные заведения: списки всех учебных заведений: высших, средних, низших. М.,1910. С. 230.

Политическому воспитанию женщины, по мнению Н.П. Ефремовой способствовала борьба за высшее образование[616]. Мы бы уточнили, получение образования различного уровня способствовало политической активности женщин. В архивных фондах имеются документы об активной деятельности сельских учительниц среди местного населения. Так, в 1908 году в местном департаменте полиции было заведено дело о высылке из Пензенской губернии учительницы Богородского училища Мокшанского уезда Большаковой Варвары Матвеевны за противоправительственную агитацию среди крестьян и своих учеников[617].

Таким образом, благодаря модернизационными процессам, в начале XX века в России происходит изменение стереотипного взгляда на образование девочек, оно перестает рассматриваться только в связи с обязанностями жен и матерей, в большей степени оно связывается с нуждами женщин как индивидов. Хотя дискуссии о наиболее подходящей сфере для женщин в общественной жизни продолжаются.

Под влиянием быстро растущей потребности общества в дешевых интеллигентных работниках, которую не могло удовлетворить занятое в этой сфере число мужчин, обладающих соответствующими знаниями и находящих вполне достаточным существующий в той или иной профессии размер заработка, разные интеллигентные профессии – сначала наименее оплачиваемые, – делались доступными и женщинам средних классов. Активная деятельность общественности способствовала развитию начального и среднего образования, что позволило девушкам занять определенное место в профессиональной структуре общества.

---

[616] Ефремова Н.П. Шаги русских женщин к высшему образованию // Вопросы истории. 1983. № 5. С. 82.
[617] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7854. Л. 5, 7, 8, 9.

Труд выпускниц женских гимназий и прогимназий, епархиального училища на ниве просвещения внес свой вклад в формирование культурного пространства провинции, ликвидации неграмотности среди населения. Образованные барышни выступали в качестве мощного фактора социокультурной трансформации общества.

О.Д. Попова

Рязань, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова

МЕЧТЫ И ГРЕЗЫ ЕПАРХИАЛКИ… (ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ВОСПИТАННИЦ ЗАКРЫТЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ)

Для изучения особенностей исторической эпохи является важным изучение различных ментальных аспектов восприятия действительности: мечты, грезы, психологические установки. Данная проблема является актуальной, поскольку позволяет понять мотивы поведения личности в условиях различной исторической реальности, процесс формирования стереотипов поведения. Реформы второй половины XIX века не только способствовали вхождению женщин в активную общественную жизнь, но и их поставили в условие сложного психологического поиска и выбора. Во второй половине XIX – начале XX века стремительно менялись представления о том, что должна и чего не должна делать женщина, при этом сама женщина оказывалась в состоянии сложного психологического выбора.

Особым психологическим складом отличались воспитанницы закрытых учебных заведений, к которым относились женские институты благородных девиц и женские епархиальные училища. Именно эти учебные заведения оказались на перекрестке консервативных и реформаторских тенденций рубежа XIX – начала XX века.

Проблема оценки психологического состояния воспитанниц является одной из самых сложных, поскольку не имеет развернутой и четко фиксированной источниковедческой базы. Наиболее полно раскрывают психологическое состояние источники личного происхождения — мемуары и дневники. Однако для истории женского образования это довольно редкий вид источника. Полнее сохранились воспоминания воспитанниц женских институтов благородных девиц, часть из которых была опубликована в наши дни. Воспоминаний воспитанниц женских епархиальных училищ известно меньше. Из всего комплекса воспоминаний воспитанниц епархиальных училищ для понимания психологического состояния наибольший интерес представляют воспоминания воспитанницы Калужского епархиального училища М.С. Преображенской, Тобольского епархиального училища Х. Игнатовой, Рязанского женского епархиального училища Л. Худзинской[618].

В воспоминаниях Маши Преображенской и Харитины Игнатовой наиболее эмоционально переданы чувства связанные с окончанием учебного года и отъезд на каникулы. Так, оценивания свое психологическое состояние Харитина Игнатова, неоднократно отмечает, что училище для нее стало родным домом, она употребляет такие слова как «хорошее любимое дело, любимая книга, дорогие друзья»[619]. Однако одновременно она замечает, что тоска по родному дому не раз овладевала ею. Поэтому ожидание каникул передано с особым чувством восторга и радости.

А вот в воспоминаниях тех воспитанниц, которых не отпускали домой на каникулы, мечты о доме, встречах с близкими родственниками практически

---

[618] Воспоминания Л. Худзинской, Е. Вяземской, А. Звуковой // Научный архив Рязанского историко–архитектурного музея–заповедника. Д. 965. Воспоминания М.С. Преображенской // Фонды музея школы–гимназии № 9 г. Калуги; *Х.И. [Харитина Игнатова]* Воспоминания // Тобольские епархиальные ведомости (в приложение к журналу «Школьный листок»).1914. № 10, 11, 13, 14, 17.

[619] Х.И. [Харитина Игнатова]. Указ. соч. № 11. С. 83.

отсутствуют. Е.Н. Водовозова, которая получила образование в Смольном институте благородных девиц, это объясняет следующим образом: «Воспитанниц не пускали к родным ни на лето, ни на праздники, и они мало–помалу забывали обо всем, что делалось вне их стен»[620]. Подобное же отчуждение отмечается и в воспоминаниях воспитанницы Ярославского училища девиц духовного звания Разумовской[621].

Мемуары Игнатовой свидетельствуют, что воспоминания о доме, о своей родной деревне были для воспитанниц источником творческого вдохновения[622]. Разумовская же в своих воспоминаниях пишет о том, что даже самое простое сочинение на тему «Весна» вызывало у девочек массу трудностей[623]. Е.Н. Водовозова так же отмечает, что из–за затворнического образа жизни к концу пребывания в Смольном институте совершенно утрачивали чувства любви к природе, и смолянки оставались равнодушными к красотам родных просторов[624].

Изоляция от внешнего мира, которая сочеталась процессом гормональной перестройки, приводила к тому, что чувство первой влюбленности и противоположный пол становились источником немалых душевных страданий. В большинстве закрытых учебных заведений на общение с молодыми людьми накладывалось строгое табу, даже общение с родственниками находилось под строгим контролем воспитательниц. Поэтому любые, даже самые мимолетные встречи с братьями или родственниками своих одноклассниц были источником грез и мечтаний.

---

[620] Водовозова Е.Н. На заре жизни // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2003. С. 254.
[621] Разумовская Е. Воспоминания об учении в Ярославском училище девиц духовного звания в 1855 — 60 годы. СПб., 1899. С. 31.
[622] Х.И. [Харитина Игнатова].Указ. соч. № 10. С. 79.
[623] Разумовская Е. Указ. соч. С. 12—13.
[624] Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 255.

Заменой подлинным чувствам в закрытых учебных заведениях стал психологический феномен «обожание», который получил довольно подробное описание в мемуарах воспитанниц институтов благородных девиц и женских епархиальных училищ[625]. «Обожание» простиралось на старших воспитанниц, на учителей. В орбиту обожания попал даже К.Э. Циолковский, который преподавал в Калужском епархиальном училище физику[626].

Условия закрытого учебного заведения приводили к тому, что девочки, с одной стороны, так или иначе были обеспечены содержанием и питанием, а с другой стороны, находились под строгим нравственным контролем, им постоянно внушали нормы поведения, которые опирались на идеи «Домостроя» XVI века. В атмосфере стремительно развивающихся общественных отношений, женского образования и вхождения женщин в общественную жизнь мечты воспитанниц могли входить в противоречие с официальной доктриной православия и вызывать чувства смятения и неуверенности. Так, например, автора воспоминаний о Тобольском епархиальном училище Харитину Игнатову и ее подругу в чувство замешательства привела проповедь, произнесенная о. Иоанном Кронштадтским на день рожденья государыни императрицы Марии Федоровны – 14 ноября 1902 г., название которой говорило само за себя: «Горькая правда о современных девушках и женщинах. (Назначение и место женщины в мире и церкви)». Позиция любимого воспитанницами проповедника по женскому вопросу вызвала у девочек смущение, сомнение и не мало размышлений[627].

---

[625] Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 254; Стерлигова А.В. Воспоминания // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2003. С. 90.
[626] Циолковский в воспоминаниях современников. Тула, 1971. С. 138.
[627] Х.И. [Харитина Игнатова]. Указ. соч. № 15. С. 117.

Желание заниматься общественной деятельностью могло войти в резкое противоречие с атмосферой учебного заведения и даже стать причиной весьма трагических поступков. Например, материалы ревизий в Екатериновславском женском епархиальном училище 1878 года свидетельствуют о трагическом случае в училище – попытке самоубийства двух воспитанниц[628].

Таким образом, на психологическое восприятие действительности воспитанниц закрытых учебных заведений оказывали влияние как возрастные особенности девушек, так и процесс реформ женского образования, активное вхождение женщин в общественную жизнь.

Девушки во второй половине XIX – начале XX века находились в состоянии сложного психологического выбора. Переход от полностью закрытой системы образования к полузакрытой оказал значительное позитивное влияние. Встречи с родным домом и родственниками стали источником позитивных эмоций, поддерживали чувства любви к родным, становились источником творческого вдохновения. С другой стороны, стремительно меняющийся внешний мир настолько редко приоткрывался воспитанницам, что был для них страшным и неизведанным, становился источником не только душевных исканий и страданий, но и причиной весьма уродливых явлений и даже трагических поступков.

В.В. Смеюха

Ростов–на–Дону, Южный федеральный университет

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЯ «ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»)

[628] Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 162. Д. 40. Л. 4 об.

Во второй половине XIX в. обозначились значительные изменения в сфере отечественного женского образования. С 1858 г. начался прием в «училища для приходящих девиц» или женские гимназии. В этот год в Петербурге было основано четыре среднеобразовательных училища, названных позже «мариинскими». Сословных закрытых заведений для девушек привилегированных сословий, институтов благородных девиц, в 1853 г. насчитывалось 25. Высшее женское образование в стране отсутствовало, но в 1859 г. первые студентки появились на лекциях Петербургского, Харьковского, Киевского университетов и медицинско–хирургической академии, занятия посещались без особого разрешения правительства.

Женское образование и воспитание, необходимость их реорганизации стали одной из превалирующих тем отечественной периодики. Впервые они публично подверглись критике Н.И. Пироговым. Известный хирург был убежден в необходимости преобразований женской школы.

Тема женского образования активно обсуждалась в общественных кругах, журналы публиковали статьи, посвященные данной теме. Под влиянием прессы общественная инициатива стала играть определяющую роль в совершенствовании женского образования. Количество гимназий увеличилось в пять раз, прогимназий – почти в два с половиной. При этом борьба за получение женщинами высшего образования не прекращалась. Прессой освещались любые достижения в данной области.

Идея женского образования стала столь популярной, что послужила одной из причин возникновения в 1876 г. при Санкт–Путербургских женских гимназиях специального педагогического журнала для родителей, наставниц и наставников «Женское образование». Журнал выходил до 1892 г. (затем был преобразован в издание «Образование»).

Впервые о женском образовании на государственном уровне «задумались» еще в годы правления Екатерины II. По инициативе

императрицы была начата реформа образования, в ходе которой правительство проявило внимание и к женскому образованию, основав в 1764 г. первый Институт благородных девиц. Наиболее же распространенной являлась форма домашнего воспитания, так же действовали частные учебные заведения и пансионаты.

В XIX в. отсутствие системы женского образования, специальных обучающих программ вело к тому, что пресса брала на себя задачи обучения женской аудитории. Так, в 1850 г. А.О. Ишимова открыла журнал «для девиц» «Лучи», в котором действовал отдел «Науки», в нем публиковались материалы, знакомившие аудиторию с различными научными сферами. Редактор открывшегося в 1859 г. женского журнала «Рассвет» В.А. Кремпин в структуру издания ввел ряд научных разделов: словесности, исторический и землеописательный, естествознания, изящных искусств, педагогики.

Кроме того, в прессе активно обсуждались преимущества и перспективы женского образования. Однако общественные дискуссии не привели к становлению системы женского образования и его популяризации по причине безынициативности широкой общественности и скептического отношения к возможности ее дальнейшей профессиональной задействованности.

Таким образом, во второй половине XIX в. обозначилось усиление общественного внимания к вопросу женского образования. Пресса освещала его развитие, в частности, публиковались статьи, обзоры, организовывались дискуссии, направленные на формирование позитивного отношения общественности к обучению женщин, утверждение системы женского образования. Материалы, опубликованные в таком издании, как «Женское образование», характеризуются культурной, социальной, экономической, педагогической значимостью, что делает изучение журнала актуальным с точки зрения представления развития женского образования в исторической ретроспективе.

Т.А. Минеева

Москва, ИЭА им.Н.Н. Миклухо–Маклая РАН

СЕМЬЯ ИЛИ НАУКА? НЕРАЗРЫВНОСТЬ ЧАСТНОЙ И ПУБЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН—ИСТОРИКОВ В РОССИИ XIX—НАЧАЛА XX В.

Вторая половина XIX в. стала очередным рубежом, связанным с изменением привычного статуса женщины. Роль женщины в семье стала меняться, постепенно происходит уход от привычного уклада жизни. Процесс интеграции женщин в общественную жизнь сопровождался неизбежной ломкой представлений мужской части общества о том, что должна и не должна делать женщина.

Вторжение женщины в университет явилось поистине революционным актом и положило начало их длительной борьбе за доступ к высшему образованию. Первый шаг — выступление против установившихся традиций и обычаев, принятых в обществе[629].

Для многих женщин во второй половине XIX века одним из первых препятствий стала собственная семья. Даже в просвещенной дворянской среде желание дочерей учиться вызывало у родителей настороженное отношение и неодобрение. Для женщин, посвятивших свою жизнь исторической науке, проблема приоритета частной или публичной жизни не существовала. Показательно то, что ситуация, сложившаяся в семьях женщин–историков, оказалась абсолютно противоположной сложившейся тенденции. Семейные традиции, нормы и морали, стали стимулом и главным фактором становления женщин–ученых.

В семье знаменитого историка К.Д. Кавелина родилась С.К. Брюллова. Семейная обстановка и общение с людьми, собиравшимися в доме ее

---

[629] Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988. С. 1—5.

знаменитого отца, имели огромное значение для ее умственного и нравственного развития. Так вспоминает о С.К. Брюлловой И.С. Тургенев в некрологе в 1877 г.: «Чуждая всему мелкому, низкому, узкому, деятельная, трудолюбивая, всегда готовая помочь, принести пользу, кроткая при всей энергии, веселая при всей глубине натуры»[630].

В семье ученого родилась и О.А. Добиаш–Рождественская, ее отец, А.В. Добиаш, был профессором греческой филологии Нежинского историко–филологического института.

Что касается В.Н. Харузиной, то семья давала ей возможность приобщиться к последним достижениям науки и культуры. Это во многом определило ее жизненный путь, заложило нравственные начала, трезвое и разумное отношение к великим и малым событиям, которыми изобиловал XX век. Для В.Н. Харузиной самым настоящим «университетом» стали ее братья – Михаил, Алексей и Николай, все оставившие большой след в естествознании, антропологии, этнографии и немалое научное наследие.

А.Н. Островский, отец М.А. Островской, был адвокатом, окончившим в 1866 г. курс наук в Императорском Московском университете со степенью кандидата юридических наук. Будучи состоятельным человеком, Андрей Николаевич смог оплатить обучение дочери на курсах, и в августе 1901 г. Мария была принята в число слушательниц историко–филологического отделения Высших женских (Бестужевских) курсов в Санкт–Петербурге[631], что впоследствии повлияло на ее дальнейшую судьбу.

Стоит отметить, что супруги играли порой самую важную роль в становлении женщины как ученого. Так для А.Я. Ефименко будущий муж П.С. Ефименко стал первым учителем, обладавшим, по воспоминаниям

---

[630] Тургенев И.С. Из письма в редакцию «Вестника Европы» по поводу смерти С.К. Брюлловой // Тургенев И.С. Собрание сочинений. В 12 т. Т. . М., 1979. С. 44.
[631] Семевский В.И. Диспут М.А. Островской // Голос минувшего. 1914. № 4. С. 4.

современников, талантом исследователя и хорошего организатора. Безусловно, политический образ мыслей П.С. Ефименко, ставшего действительно первым научным руководителем Александры Яковлевны, оказал в начальный период ее деятельности существенное влияние на формирование её мировоззрения[632]. Весной 1865 года началась совместная деятельность А.Я. Ставровской и П.С. Ефименко. Проявляя удивительные способности в исторических исследованиях, она, между тем, в своих воспоминаниях жаловалась, что ей не хватало знаний «в связи с настроениями мыслей, господствовавших в начале 70–х годов»[633]. Но надо только удивляться, с каким упорством и быстротой она заполняет этот пробел. П.С. Ефименко говорил, что ученица в течение года превзошла самого учителя. По совету заботливого консультанта, Александра Яковлевна часто посещала Архангельский архив, и за короткий срок собрала большой материал по истории, праву, экономике и этнографии северного края.

Удачное замужество являлось одним из первостепенных факторов в жизни и деятельности женщин—ученых. Так, большую роль для Н.А. Белозерской сыграло замужество с В.М. Белозерским. Он являлся одним из основателей Кирилло–Мефодиевского общества, а в дальнейшем издателем украинского журнала «Основы», посвященного идее возрождения малороссийской народности[634]. Это обстоятельство сблизило с Белозерскими Н.И. Костомарова, который скоро сделался близким человеком в их семье. Под влиянием Н.И. Костомарова Н.А. Белозерская пристрастилась к русской истории и принялась за ее изучение.

---

[632] Скакун О.Ф. Исторические взгляды А.Я. Ефименко. Автореф. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Харьков, 1968. С. 5.
[633] Смолий В.А. А.Я. Ефименко: Очерк жизни и научного творчества // Ефименко А.Я. История украинского народа. Киев, 1990. С. 403—426.
[634] Белозерская Н.А. (Надежда Александровна Белозерская, урожденная Генъ) Автобиография. // Исторический вестник. 1913. Июнь. С. 33.

Другом и помощником для Н.И. Спрыгиной стал ее муж, известный геоботаник И.И. Спрыгин. Она стремилась следовать его примеру и поэтому принимала активное участие в организации, а затем и в деятельности музея. Н.И. Спрыгина много занималась самоподготовкой в области философии, русской и зарубежной литературы и искусства. Спрыгина создала и возглавила отдел археологии и этнографии в Пензенском музее. В основании этого отдела положен местный материал со стоянки первобытного человека близ г. Пензы, ею обследованный и изученный[635].

XIX век представляется нам временем борьбы и противостояний между мужчиной и женщиной, ломкой традиционных представлений о статусе и роли женщины в науке и обществе. Возможно, частная жизнь в большей степени предопределила в женщине занятие наукой. Общая тенденция, сложившаяся в этот исторический период, определяет взаимосвязь частной и публичной жизни, но никак не объединяет их, и уж тем более не показывает их неразрывность. Для женщин—историков не было деления на эти две сферы, для них занятие наукой стало воплощением их частной жизни. Вклад семьи — родителей, братьев, супругов, — стал неоценимым для становления и формирования женщины как ученого.

З.К. Соколовская

Москва, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

ЖЕНЩИНЫ–УЧЕНЫЕ – ГЕРОИНИ КНИГ СЕРИИ «НАУЧНО–БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Общеакадемическая серия «Научно–биографическая литература» была создана в 1959 г. по инициативе сотрудников Института истории естествознания и техники АН СССР. За прошедшие 50 лет увидели свет

[635] Спрыгин И.И. 1873—1942. М., 1982. С. 24—28.

более 650–ти выпущенных издательством «Наука» биографий ученых естественнонаучного направления, выдающихся инженеров и изобретателей разных эпох – от Аристотеля до наших дней. Редколлегию серии, состоявшую из ученых, известных своими работами в области истории науки и техники, сорок лет возглавлял выдающийся ученый академик Александр Леонидович Яншин (1911–1999).

Ответственный редактор всех четырех справочников А.Л. Яншин так сказал об этих книгах: «Стало уже доброй традицией отмечать выпускаемые в свет в серии Академии наук СССР «Научно–биографическая литература. Естествознание и техника» каждые последующие сто научных биографий изданием очередного справочника–путеводителя по серии в целом. Каждый новый справочник более информативен, и не только за счет увеличения числа изданных книг, но и благодаря новой обстоятельной вводной статье и новым обобщающим приложениям».

К сожалению, среди сотен серийных книг всего семь – научные биографии женщин–ученых. Об этих книгах я и хочу здесь рассказать, тем более, что они – первые в мировой историко–научной литературе.

Выдающийся историк науки Татьяна Аркадьевна Лукина, посвятившая много лет жизни исследованию творчества Марии Сибиллы Мериан, так охарактеризовала свою героиню: «Ее имя знали и чтили коллекционеры и кабинетные ученые». Она «была одной из первых женщин, дерзнувших посвятить себя научной деятельности, а из наук – избрать ту, которую многие презирали. Всю жизнь она изучала «омерзительных тварей» (как тогда называли насекомых), стремясь познать их и облагородить своим искусством... Она, пожалуй, впервые сумела соединить высокое искусство с целями биологической науки, заставить их послужить друг другу». Наиболее известным почитателем таланта художницы был Петр I. Ему обязана Академия наук СССР своей самой богатой коллекцией рисунков М. –

С. Мериан, имя которой связывают с зарождением научной иллюстрации. Книга Т.А. Лукиной написана прекрасным языком, великолепно иллюстрирована цветными репродукциями рисунков М. –С. Мериан.

В замечательных книгах серии о С.В. Ковалевской, Ю.В. Лермонтовой и В.А. Кашеваровой–Рудневой рассматриваются проблемы женского высшего образования в России во второй половине XIX в. Авторы этих книг – академик П.Я. Кочина, профессор–химик из Ярославля Ю.С. Мусабеков и профессор–биолог из Ворошиловграда С.М. Дионесов, — много лет изучали труды этих выдающихся женщин, исследовали архивы, подбирали интересные иллюстрации. Эти материалы позволили обстоятельно осветить жизненный путь и результаты борьбы женщин за возможность получить образование. В книге С.М. Дионесова есть большой раздел «У истоков высшего женского образования».

Две прекрасные научно–биографические книги посвящены известным ботаникам–путешественникам. Кандидат исторических наук О.А. Валькова, автор «первой полноценной биографии» О.А. Федченко, в качестве эпиграфа привела слова академика Н.И. Вавилова: «Многие из нас хорошо помнят Ольгу Александровну Федченко, замечательного ботаника, автора превосходных флористических работ, посвященных Средней Азии и Памиру, члена–корреспондента Академии наук СССР. Вспоминаются ее спокойные и всегда мудрые советы начинающим ботаникам, в том числе и автору этих строк». Автор изучила огромные архивные материалы, разыскала рисунки О.А. Федченко, привела их в книге, которая явилась украшением академической серии. Книга кандидата географических наук З.Н. Донцовой посвящена жизни, научной и педагогической деятельности члена–корреспондента АН Узбекской ССР, почетного члена Всесоюзного Ботанического и Географического обществ, профессора Ташкентского университета Илирии Алексеевны Райковой, сорок лет жизни посвятившей исследованиям природных условий и растительности Памира, одной из

основателей первого высокогорного биологического стационара. Ее часто называли «хозяйкой Памира».

Еще одна изданная в серии научная биография женщины–ученого так же как и предыдущая – первая в мировой историко–научной литературе, – это книга кандидата технических наук Н.К. Ламана «Вера Ильинична Глебова. Выдающийся организатор советской науки и промышленности». Она получила образование в Швейцарии в Лозанском университете, стала химиком–аналитиком, получила ученую степень доктора естественных наук. По возвращении в Россию заведовала химико–бактериологической лабораторией, была организатором радиевой промышленности, Радиевого института, Бюро редких элементов, основателем и первым директором Гиредмета – НИИ редких элементов. Приведенная в книге переписка и изучение обширных архивных материалов позволили автору создать образ умной, энергичной, деловой женщины.

Названные книги серии о женщинах–ученых прекрасны. Приходится только сожалеть, что их так мало... Будем надеяться, что в будущем появятся новые героини и книги о них.

О.А. Валькова

Москва, Институт Истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

«И ЧТО ТАКОЕ... УЧЕНАЯ ЖЕНЩИНА, ФИЛОСОФКА, ЖЕНЩИНА СО ВКУСОМ»… В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА?

В первое десятилетие XIX века в русском литературном языке получают распространение определения: «философка», «ученая женщина», употребляемые по отношению к некоторым дамам – представительницам дворянского сословия. Например, Ф.Ф. Вигель (1786–1856), описывая в мемуарах историю своего знакомства с некоей девицей А.А. Турчаниновой, имевшего место примерно на рубеже XVIII и XIX веков, говорит о ней: «У нас

ее знали под именем философки»[636]. В 1810 г. писательница Екатерина Наумовна Пучкова (1792–1867) в одной из своих статей вкладывает следующий вопрос в уста героя, точнее, антигероя повествования: «И что такое..., – спрашивает он, – ученая женщина, философка, женщина со вкусом?» В последующие 1811–1815 годы употребленные в различных контекстах словосочетания «ученая женщина», «ученая дама» или просто определение «ученая», высказанное по отношению к женщине, становятся вполне привычными и часто встречаемыми на страницах отечественных журналов. Естественно предположить, что эти определения пришли на страницы периодических изданий из повседневной жизни, что журналисты в данном случае отреагировали на возникновение какого–то уже заметного в обществе явления, а именно на появление женщин, открыто интересовавшихся различными науками.

Еще в 1793 г. журнал «Чтение для вкуса, разума и чувствований» опубликовал статью француза по фамилии Гартиг, переведенную на русский язык под названием «Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках», в которой автор подробно рассматривает способность или неспособность женщин к занятию различными науками и искусствами, приводя в пример знаменитых европейских дам, прославившихся своими познаниями или даже заслугами в науке, и приходит к выводу, что никаких препятствий, обусловленных «природой» женщины для занятий этим видом деятельности не существует[637]. Придя к подобному умозаключению, автор приводит различные доводы, стремясь убедить женщин в том, что занятие науками может быть им очень приятно и полезно, объясняя, почему невежество

[636] Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2003. Т. 1. С. 107.
[637] Гартиг. Рассуждение о женщинах… 1793. Ч. 11. № 62. С. 55, 57–58.

превращает всю их жизнь в «цепь огорчений и страданий». Завершается статья пылким, можно сказать, пламенным призывом к женщинам заниматься наукой.

Вполне обоснованно можно предположить, что этот призыв не остался незамеченным, и что в первые годы XIX в. в России не только появляются дамы, интересующиеся науками, но что и научные учреждения империи относятся к этому явлению с одобрением. Так, в 1803 г., через 10 лет после опубликования статьи господина Гартига, организаторы публичных лекций в Московском университете нашли возможным специально приглашать на них дам. «Почтеннейшие любители и любительницы наук, кому только благоугодно будет, сим приглашаются к удостоению оных лекций своим присутствием», – писали они в объявлении о новом начинании университета, опубликованном в журнале «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения[638]. И надо сказать, приглашение это не пропало даром. Автор статьи, опубликованной в номере 23/24 «Вестника Европы» за 1803 г., рассказывая о публичных лекциях 1803–1804 гг., проходивших в Московском университете, заметил и записал следующее: «Счастливое избрание предметов для сих публичных лекций доказывается числом слушателей, которые в назначенные дни собираются в Университетской зале. Любитель просвещения с душевным удовольствием видит там *знатных московских дам,* благородных молодых людей, духовных, купцов, студентов Заиконоспасской академии и людей всякого звания, которые в глубокой тишине и со вниманием устремляют глаза на профессорскую кафедру»[639]. Предметы упомянутых лекций были очень разнообразны, в том числе: опытная физика, натуральная история, экономика, средневековая история Европы.

---

[638] Начертание о новоучреждаемом при Императорском Московском университете преподавании нужнейших и полезнейших наук для почтенной Московской публики // Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1803. № 3. С. 290.
[639] О публичном преподавании Наук в Московском Университете // Вестник Европы. 1803. № 23—24. С. 263—264.

Примерно в эти же годы Московский и некоторые другие российские университеты охотно пользуются плодами научных трудов или, по крайней мере, научных интересов некоторых высокопоставленных дам. В 1807 г. княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743–1810) подарила Московскому университету свои собственные естественнонаучные коллекции. Некоторые из подаренных ею предметов оказались редкими и очень ценными с научной точки зрения, на основании их изучения были сделаны научные открытия, в частности, профессором Московского университета Фишером фон Вальдгеймом (1771–1853).

В примечании к статье о Ф.Г. Политковском, написанной для «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского Московского университета», первый профессор геологии и минералогии Московского университета, один из выдающихся отечественных геологов Григорий Ефимович Щуровский (1803–1884) пишет: «…Княгиня Екатерина Романовна Дашкова пожертвовала в пользу Московского университета богатейшее в тогдашнем ученом свете собрание минералов».

Но уже в начале 1810–х годов XIX в. словосочетание «ученая женщина» не является нейтральным. Так, оставшийся анонимным автор статьи «О учености прекрасного пола» в 1811 г. задавался следующим вопросом: «Удивительно, почему прилагательное ученый – в женском роде, щекотливо для уха мужчин…?»[640] Несколько лет, предшествовавших Отечественной войне 1812 г., в российской публицистике были ознаменованы целым потоком статей, обсуждавших проблемы женской учености, женского образования, отношения женщин к наукам. Стилистические жанры этих публикаций достаточно разнообразны. Они представлены как серьезными, написанными в академическом стиле работами, рецензиями и псевдо рецензиями на

[640] О учености прекрасного пола // Улей. 1811. № VII. Ч. II. С. 42.

иностранные труды по теме, так и ярко–полемическими статьями, содержащими известную долю язвительности, а также краткими, можно сказать энциклопедическими, биографиями известных ученых и просвещенных женщин, принадлежавших к разным странам и временам. Содержание их гораздо менее разнообразно. В сухом остатке мнения авторов делились между двумя лагерями: противников и защитников женской учености.

В заключение хотелось бы отметить следующее: определение «ученой женщины», «философки» появляется в российской публицистике в 1810–е гг. и является, предположительно, реакцией на уже имевшее место существование в российском обществе некоторого числа высокообразованных и увлеченных науками женщин. На протяжении последующих двадцати лет усилиями публицистики, художественной литературы, театральных постановок определение это сделалось уничижительным. Существует вероятность того, что это распространенное мнение несколько расходилось с исторической действительностью, поскольку уже в первой половине XIX в. в России жило немало женщин, известных своими занятиями наукой и, можно предположить, еще больше неизвестных, вынужденных скрывать свои увлечения от всех, кроме самых близких людей, из–за вполне обоснованной боязни общественного остракизма.

О.И. Курто

Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо–Маклая РАН

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И БЫТ ВОСПИТАННИЦ ШКОЛЫ ПРИ КОНВЕНТЕ СЕСТЁР ФРАНЦИСКАНОК–МИССИОНЕРОК ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ (1924—1950 гг.) В ХАРБИНЕ

В 1921 г. в Харбине французский консул г–н Лепись с группой филантропов начинают работу по созданию приюта для бездомных русских детей, оставшихся сиротами после различных трагедий в жизни русских беженцев. Результатом их усилий стал маньчжурский Франко–Русский Приют.

Число его воспитанниц постоянно росло. И вскоре маленький дом, снятый под приют г–ном Леписсье, перестал вмещать всех нуждающихся. Для решения проблемы жена начальника КВЖД г–жа Хорват, одна из попечительниц, отдала в пользование Конвента одно из зданий «хорватовской усадьбы». Усадьба оставила тёплые воспоминания в душах воспитанниц.

Руководство в Конвенте осуществлялось выдающимися женщинами игуменьями: Мэр М. Альфредой, Мэр Бенуатой Езус и др. Примечательно, что интерес к помощи русским христианам в то время проявлял Папа Пий XI. После специального разрешения, подписанного Папой, Конвент получил право служить литургии по обряду «Русской католической епархии византийско–славянского обряда в Маньчжурии» (указ от 12 декабря 1928 г.). В 1929 г. Конвент получил денежную помощь от Комиссии католической церкви (называвшейся также «Помощь России»), благодаря которой монахини смогли арендовать на пять лет большой дом рядом с первой школой и принять больше учениц, которых после страшного наводнения с последующей эпидемией холеры стало очень много. Всего Св. Престолу принадлежало несколько учебных заведений в Китае, среди которых польская семинария Св. Кароля, Колледж для девушек при монастыре сс. Урсулинок, приют–школа для девочек при монастыре сс. Францисканок, Колледж в г. Синьцзяне и др.

В 1935 г. Конвент построил собственное пятиэтажное здание, позади которого размещался огород, фруктовый сад, коровник. С 1935 по 1945 гг. время расцвета деятельности Конвента и всех трёх учебных заведений, находящихся под руководством Католической миссии в Харбине: Лицея Св. Николая, Колледжа сс. Урсулинок и Конвента сс. Францисканок. Позднее китайское правительство стало нетерпимым ко всему, что относилось к религии: сначала было конфисковано здание Колледжа св. Урсулы, затем были арестованы монахи, руководившие работой в Лицее Св. Николая, затем конфисковали здание обоих конвентов. Только трём монахиням разрешили остаться при детях. Однако, в 1950 г. из

Харбина были изгнаны и они. Число сирот к моменту закрытия Конвента составляло 20—25% от всего числа интернаток.

Двадцать пять лет монахини провели в заботе о русских детях, переживая вместе со своими подопечными войны, революцию и ужасную бедность. Кроме того, им пришлось преодолевать колоссальные трудности в общении с людьми, говорящими на незнакомом языке, в переходе на неизвестный им до этого восточный обряд богослужения. Тем не менее, они испытывали чувство радости за исполненный долг и за то, что их воспитанницы имели полную свободу выбора вероисповедания, вне зависимости от того, были ли они православными греческого или славянского обряда или другой религии. Девочки получили прекрасное образование, а также светское воспитание и необходимые деловые навыки.

В 2002 г. в Австралии была издана уникальная книга – «Школа при Конвенте сестёр Францисканок–миссионерок Пресвятой Девы Марии (1924—1950) в г. Харбине»[641]. Воспоминания о жизни в Конвенте собрали воедино сами воспитанницы, разбросанные волею судеб по разным странам. И всех их объединяла непростая судьба их семей, а также враждебная политическая и социальная среда. Их опыт выживания в таких условиях заслуживает внимания и вдумчивого изучения.

Е.С. Соболева

Санкт–Петербург, Музей Кунсткамера

СОЗИДАТЕЛЬНИЦЫ КУНСТКАМЕРЫ: ПЕРВЫЕ ЖЕНЩИНЫ НА СЛУЖБЕ В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В 1890–е — НАЧАЛЕ 1920–х ГОДОВ

С самых первых лет вновь созданный в Санкт–Петербурге (1879 г.) академический Музей антропологии и этнографии (далее: МАЭ) развивался и

[641] Школа при Конвенте сестёр Францисканок–миссионерок Пресвятой Девы Марии (1924—1950) в г. Харбине. Австралия, 2002. С. 144.

совершенствовался самоотверженным трудом работавших в нём энтузиастов. В 1890–е — 1910–е годы огромный объём как повседневной, так и сложной творческой работы взяли на себя женщины, служившие при МАЭ по вольному найму. Документы МАЭ и Санкт–Петербургского Филиала Архива РАН (далее: СПбФА РАН) дают основание высоко оценить вклад первых сотрудниц Музея.

В 1894 г. директором МАЭ стал академик В.В. Радлов (1937—1918). Он последовательно добился увеличения музейных площадей и финансовой поддержки, повышения статуса музея, привлёк квалифицированный персонал. К 1909 г. в штате МАЭ имелось три штатные единицы, с 1909 г. – девять, но костяк Музея составляли люди, служившие ему десятилетиями, прежде всего, вольнонаемные.

Введение нового штата ИАН в 1912 г. дало сотрудницам шанс проявить себя. В 1912 г. в числе лиц, содействовавших устройству и открытию новой экспозиции МАЭ, были представлены к Высочайшей благодарности Петри Е.Л. и Романова Е.М., денежное вознаграждение получила Филаретова М.А.

В 1913 г. в МАЭ было 14 постоянных служащих, в 1916 г. – 24. В 1918 г. две трети команды работников, долгие годы связанных с МАЭ, достигли пожилого возраста; персонал и младшие служащие и их семьи недоедали, болели, мёрзли, но выполняли свои профессиональные обязанности.

В 1919 г. персонал МАЭ состоял из 13 мужчин и 8 женщин (Е.Л. Петри, Е.М. Романова, Е.М. Кубиш, С.А. Ратнер–Штернберг входили в состав ученого персонала).

Евгения Львовна Петри, ур. Гринберг (1856—1923), прослушала курс медицинских наук на женских медицинских курсах в Санкт–Петербурге и в Бернском Университете, куда бежал из ссылки её супруг Эдуард Юльевич фон Петри (1854—1899), географ и антрополог. С 1895 г. по вольному найму работала в МАЭ. В 1903 г. на новой экспозиции МАЭ подготовила витрины по

Индонезии, Австралии, Африке, курировала отделы Океании и Индии. После отставки первого хранителя Ф.К. Руссова (1904) стала и.о. второго младшего этнографа, одновременно выполняла обязанности счетовода, занималась хозяйством[642]. Решением Конференции ИАН с 1 июня по 1 сентября 1906 г.[643] её как помощника директора командировали для обозрения соответствующих отделов в музеях Берлина, Лейпцига и Вены, а также для переговоров с Лейпцигским музеем об обмене коллекциями из жизни африканских народов, выдав 300 р. из сумм МАЭ. В 1912 г. она была вновь командирована для научной работы в Венский Этнографический Музей на три летних месяца (с ассигнованием 100 р.)[644], избрана на должность младшего этнографа МАЭ. В 1916 г. имела VII класс должности, заведовала Отделом Индонезии, Океании и Африки. В 1915 г. как лицо, состоящее на госслужбе в ИАН, была представлена к Высочайшей награде. Занималась регистрацией новых поступлений, делала переводы с немецкого языка, подготовила путеводитель по Отделу Океании (1913). Ученый хранитель МАЭ по отделу Индонезии Е.Л. Петри скончалась 1 марта 1923 г.

Екатерина Михайловна Романова (1853–1925) поступила приватно на работу в МАЭ в 1902 г. и 24 года комплектовала музейную библиотеку[645]. Наладила переписку и обмен изданиями с зарубежными музеями и частными лицами, участвовала в регистрационной работе.

Елена–Эмма Маврикиевна Кубиш (1879–1942) окончила Смольный Институт в Петербурге. Свободно владела немецким, французским,

---

[642] СПбФ РАН. Ф. 6. Оп. 1. Е.х. 31. Л. 93 об.
[643] РГИА. Ф. 733, Оп. 145. Д. 65. 1906. Л. 48, 51.
[644] СПбФА РАН. Ф. 4. Оп. 2. 1912. Е.х. 26. Л. 45, 47.
[645] Романова Е.М. Библиотека Музея антропологии и этнографии, её основание и рост за 11 лет // Сборник МАЭ. Т. 3. Петроград, 1916. С. 191—204.

английским, итальянским языками[646]. Когда в 1909 г. Радлов предложил масштабную программу развития МАЭ, он привлек её по вольному найму письмоводительницей – вести счетоводство, огромную русскую и иностранную переписку на машинке. Так же Е.М. Кубиш занималась библиографией, иностранной комплектацией[647].

Мария Арсеньевна Филаретова–Кржевская с 1910 г. работала в МАЭ сверхштатно препаратором, затем – регистратором при Антропологическом отделе.

Сара Аркадьевна Ратнер–Штернберг (1870–1942) закончила естественноисторическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов (1890). Супруга Л.Я. Штернберга, поступившего в МАЭ в 1902 г. (с 1904 г. – старшего этнографа). С 1910 г. работала в МАЭ приватно, регистратор (1916), постоянный служащий (1917) – научный сотрудник I–го разряда, зав. Отделом Северной Америки (1919—1920 и с 1924 г.). Переводила этнографическую литературу с немецкого, французского, английского языков. Подготовила путеводитель по Отделу Северной Америки МАЭ (1916), автор более 30 научных работ[648].

Вера Сороко с 1914 г. работала в МАЭ служителем. В январе 1922 г. В.О. Сороко–Полякова, младшая служащая МАЭ, уехала в д. Слобода Виленской губ., не смогла вернуться в Петроград и была уволена.

Мария Семеновна Виллевейт, жена столяра МАЭ (с 1895 г.) Людвига–Иоганна Виллевейта, после его смерти в 1915 г. осталась без средств с тремя детьми. Ей было выдано 100 р. из сумм от продажи входных билетов в МАЭ.

---

[646] Решетов А.М. Отдание долга // Этнографическое обозрение. 1995. Вып. 2. С. 54.
[647] Панеях А.В. История библиотеки Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) 1894—1941 годы // Кунсткамера: этнографические тетради. Вып. 8—9. СПб., 1995. С. 141—142.
[648] Корсун С.А. Американистика в МАЭ в XX—XXI веках: Собирательская и исследовательская деятельность // Этнография и археология коренного населения Америки (Сборник МАЭ, т. 56). СПб., 2010. С. 5—136.

Елизавета Прокофьевна Саминова, дочь помощника служителя МАЭ П. Саминова, в октябре 1917 г. поступила как вольнонаемная служащая лаборанткой в Фотографическую мастерскую Музея.

Адель Ней, жена сторожа МАЭ (с 1901 г.) Ивана (Яна) Андреевича Нея, когда его уволили за грубость, исполняла обязанности служителя музея.

Василиса Андреевна Кондратьева (1883—1942), жена служителя МАЭ (с 1911 г.) Григория Кондратьева. Когда в 1917 г. он был призван на военную службу и оказался в австрийском плену, была переведена на положение служителя с окладом ее мужа в 30 р.

После революции 1917 г. Совет Музея использовал все способы, чтобы спасти и защитить своих сотрудников и членов их семей. Так, Елена Андреевна Пекарская, супруга Э.К. Пекарского (1858—1934), числившегося за МАЭ с 1911 г., в 1918 г. была зачислена машинисткой.

Дина Лазаревна Иохельсон–Бродская, супруга сверхштатного младшего этнографа МАЭ (с 1912 г.), ученого хранителя, зав. Отделом Африки В.И. Иохельсона (1855—1937), была избрана Советом Музея сверхштатным научным сотрудником без содержания, занималась антропологическими исследованиями. В 1922 г. оба командированы на свои средства на год в музеи Германии и США для обработки собранных ими материалов.

Надежда Владимировна Брюллова–Шаскольская (1889–1937) окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы. Видный член партии эсэров. В 1921 г. избрана и.о. ученого хранителя для занятий в Отделе Африки и Океании, научная сотрудница I–го разряда.

Совет Музея хлопотал о разрешении поживать в Петрограде вернувшимся из длительных поездок в тропические страны А.С. Эстрину и А.Я. Смотрицкой (1923), Г.Х. и Л.А. Мерварт (1924).

Всех этих женщин справедливо можно считать созидательницами Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН –

наследника первого общедоступного музея России. Талантливые женщины доказали свою общественную значимость и профессиональную пригодность. Традиции преданности музею, искренней самоотдачи на службе ему, товарищеского единства и взаимной поддержки сохранялись сотрудниками МАЭ и в последующие десятилетия.

РАЗДЕЛ 7. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

М.В. Каиль

Смоленск, Смоленский государственный университет

ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩИНА: ГРАНИЦЫ ЧАСТНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО В РЕАЛИЯХ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ НАЧАЛА 1920–Х ГГ.

Советская реальность традиционно воспринимается как коллективная, а потому ущемлявшая частную сферу жизни. Эта особенность советского конструирования социальной реальности коснулась и религиозной сферы. В советских реалиях конфронтации светской и церковной властей исповедание религиозных взглядов, оставаясь de jure сферой частной жизни в силу политической ангажированности вопроса потеряло свой замкнутый индивидуально–личностный план, будучи вытеснено в сферу «общественного». Защитить отрицаемые на государственном уровне ценности можно было только в публичном пространстве, либо убрать собственную религиозность из общественной сферы. Реальный выбор между этими крайностями был подчас драматичным и решался как каждым верующим индивидуально, так и на уровне православных общин.

Коллективный опыт отстаивания религиозных ценностей в предельно обобществленной постреволюционной реальности представляет отдельный

интерес. Перед нами яркий пример религиозной общины Вознесенского прихода г. Смоленска. Ее история демонстрирует, что в первые советские годы приход оставался мощным институтом консолидации православных и формирования их стратегии взаимоотношений с властью. Вознесенская община возникла в 1918 г., когда вокруг храмов упраздненного по решению Смолревтрибунала монастыря оформились сразу две общины: одна из монахинь и насельниц обители, вторая из «светских» прихожан монастырских храмов, поспешивших принять соборный храм в свое управление. Монастырская администрация в момент упразднения передала обе церкви обители приходскому совету. Это повлекло необходимость для насельниц определять свое будущее самостоятельно. Был избран путь организации трудовой артели – коммуны[649].

С этого момента в частную жизнь бывших монахинь вторглись недружелюбные силы, намеренно распространившие слух об их сожительстве с военными, размещенными в соответствии с действовавшим законодательством[650] в монастырских покоях. За монахинями закрепилось непонятное для многих и даже оскорбительное определение «коммунисток» (умышленно неверное производное от понятия «коммуна»). Представительницы коммуны были вынуждены обращаться в епархиальный совет, разъясняя свое положение и прося защиты «истинно христианскому» начинанию по организации трудовой коммуны[651].

В феврале 1919 г. оформился и приход, в ведение которого перешли Вознесенский храм бывшего монастыря и церковь Ахтырской Божией Матери[652]. Приходской совет также инициативно взялся за решение

---

[649] ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 320. Л. 11–15, 43–49.
[650] Известия ВЦИК. 1919. 5 февраля. № 26(578).
[651] ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 320. Л. 47–48.
[652] Там же. Ф. Р–161. Оп. 1. Д. 566. Л. 2.

внутриприходских проблем[653], однако на них не замыкается, последовательно придерживаясь принципа активного участия в общественной жизни.

Социальная активность общины не снижается и после 1922 г., когда ряд деятельных членов, в том числе секретарь совета общины А.Ф. Шмидт попадает на суд трибунала за участие в сопротивлении изъятию церковных ценностей[654]. Присущий общине социальный оптимизм, однако, постепенно изживается по мере ужесточения государственного контроля за религиозной жизнью. А в 1923 г. в жизни общины произошел перелом: уходят в прошлое общие собрания прихожан, работает лишь совет.

Подстраиваясь под изменения политической конъюнктуры, община стремится сохранить ориентацию в социальной действительности. Желание быть в курсе законоустановлений власти побуждает приход, несмотря на возникающие материальные трудности, выписывать газеты. Осенью 1923 г. община ведет бой с отделом управления губисполкома за здание церкви Ахтырской Божией Матери, изымаемое под культурные нужды. Советом используется не только примирительная тактика, но и стратегический прием – в новых условиях попытаться передать здание союзным и близким по духу структурам, в данном случае коммуне из бывших насельниц монастыря. По всей видимости, к 1923 г. приходской общине пришлось оставить свои амбициозные планы по развитию бывшего монастырского комплекса и в союзе с коммуной перейти к обороне, пример которой и являет казус с Ахтырской церковью.

Из дальнейшей истории прихода известно, что настоятель о. Иоанн Ольховский входил в 1925 г. в состав обновленческого епархиального

---

[653] Там же. Л. 43–45.
[654] АУФСБ СО. Арх. № 11018–С. Л. 65.

управления[655]. Этот факт явно свидетельствует, что девизом Вознесенской общины могло стать высказывание «приспособление ради выживания».

Рядом своих действий руководство приходского совета показало принципиальную готовность к приспособлению к духу времени: сама инициативная организация коммуны в стенах монастыря и религиозной общины, получившей регистрацию и контактировавшей с властью, высокая степень социальной, хозяйственной активности общины, свободный диалог с органами новой власти и высокий уровень правовой культуры не дает возможности характеризовать общину как последовательно патриаршую по ориентации. Вместе с тем не обнаружено и признаков вольного отношения к каноническим вопросам. Феномен Вознесенской общины заключается в ее высокой социально–политической активности в рамках не запрещенной церковным структурам деятельности.

Для Вознесенской общины с первых дней ее существования был характерен прямой и конструктивный контакт с местными органами власти, ведающими церковными вопросами. А строгое следование букве закона позволило общине успешно пройти один из сложнейших этапов развития государственно–церковных отношений – период их становления.

Пример Вознесенской общины ясно демонстрирует взаимоотношения сферы частного и общественного в религиозной жизни постреволюционной провинции. Законодательно вытесненные из общественной жизни формы исповедания веры могли приобрести особый импульс развития в случае волевого возвращения их в общественную жизнь. Развитие и полноценная жизнь православного прихода были связаны с возможностью легализации его деятельности, достижение которой было невозможно без «приспособления к духу времени». Приспособление же предполагало применение различных

---

[655] ГАСО. Ф. Р—161. Оп. 1. Д. 1852. Л. 7.

средств мимикрии, в религиозной сфере неминуемо влекущих уступки морально–этического и канонического плана. Неразрешенность коллизии частного и общественного в религиозной жизни постреволюционной провинции было одним из наиболее болезненных последствий революционного переустройства общества.

М.И. Мирошниченко

Челябинск, Южно–Уральский государственный университет

ЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ В ЖИЗНИ ДЕВИЦ–КАЗАЧЕК НА УРАЛЕ В СЕРЕДИНЕ 1920–Х гг.

Социогенез частной жизни представляет собой интересную и относительно новую область гуманитарных исследований. Под частной жизнью подразумевают, как правило, те сферы человеческого поведения, в которых индивид волен самостоятельно, без всякого вмешательства извне, со стороны каких–либо организаций и групп, определять цели и средства своих действий. Сфера частного и личного в 1920–е гг. в уральской глубинке в жизни женщин–казачек была чрезвычайно мала. Это было связано как с традициями общинности казачьего быта, так и с патриархальным характером семьи и самим укладом хозяйства мелкого производителя, пусть во главе его даже и стояла вдова казака. Жизнь женщин–казачек является одной из наименее изученных областей женской истории Урала. В этом отношении глубокие и подробные наблюдения были оставлены выдающимся уральским краеведом Д.М. Голубых.

В 1920–е гг. девушек называли словом «девицы», этим же термином обозначался официально и статус «незамужняя»[656]. К девицам относились девочки–подростки от 11 до 17 лет и все остальные старшие по возрасту девушки, это было общепринятым обозначением девушки до выхода ее замуж. В Тимофеевском поселке, по свидетельству Д.М. Голубых, девочки (и

[656] ОГАЧО. Ф. Р–767. Оп. 2. Д. 125. Л. 1.

мальчики) в возрасте 11–13 лет составляли первую группу молодежи, девочки (и мальчики) 14–16 лет – вторую, девушки (и юноши) от семнадцати лет – третью группу. Верхним возрастным пределом выступало время замужества (для юношей – женитьбы). Иногда девочку лет 12–13 можно было встретить во второй группе, а девочку 14–16 лет в первой. Каждая присоединялась к той группе, которую считала для себя наиболее подходящей[657]. Гулянья были важной областью личной жизни девушек. Они происходили только в праздничные дни, которых в году выпадало 59 дней. В небольших казачьих поселках молодежь всей деревни гуляла вместе, в «одной кампании»: там девицы старших возрастов вместе с парнями плясали под гармошку, пели песни, а младшие девочки смотрели на развлечения старших[658].

Утром в праздничные дни девицы вместе с семьей отправлялись в церковь[659]. После обедни молодежь собиралась у «амбара»: каждая группа в отдельности на глазах у взрослых пела песни и танцевала. Почти весь праздничный день девицы с парнями проводили около сельсовета «у амбара». Одни уходили обедать, другие отдыхать, но через некоторое время снова возвращались к амбару. В большие праздники чаще всего уходили домой девицы, чтобы сменить платье (девицы из семей зажиточных казаков меняли платья и платки по 3–4 раза в день). После того, как молодежи надоедало сидеть у амбара, они шли (каждая возрастная группа обособленно) гулять по улице.

Часто парни и девицы уходили в лес, там они танцевали и пели, чувствуя себя свободнее, чем в поселке. В лесу молодежь расходилась парочками. Там происходили объяснения в любви, там «заклинались» (клялись в верности).

---

[657] Голубой Д.М. Казачья деревня. М., Л., 1930. С. 187.
[658] Там же. С. 175.
[659] Там же. С. 221.

Все знали, кто с какой девицей ходил в лес, но на такие развлечения взрослые смотрели снисходительно[660]. Хотя слово «шмара» в годы Гражданской войны широко употреблялось в значении «проститутка», «сожительница», здесь оно значило «любая женщина», вероятно, в контаминации «моя женщина». Формой проявления любви были подарки. До революции подарки своим миленьким делали только девицы (дарили носовые платки и кисеты), в середине 1920–х гг. парни также стали дарить девицам (приколки, мыло, шпильки).

В большинстве случаев ухаживания не обязывали к браку. И парни и девицы женились и выходили замуж за любимого человека чрезвычайно редко. Браки совершались по указанию родителей. Молодежь покорно соглашалась с родителями.

Девицы–казачки были непременными участницами «половинок» – совместных гуляний молодежи двух поселков (Коркинского, Томинского, Шумаковского и др.), которые проходили на равном расстоянии от каждого поселка в поле или в лесу по договоренности между парнями. Там танцевали под гармонику, пели песни, играли в «разлучки». Парни приносили с собой самогон и закуску, иногда юноши приходили на «половинки» уже изрядно выпившими. Ребята одной деревни начинали отбивать «шмар» у своих товарищей из другой деревни: ухаживали за ними, уделяя им большое внимание, попарно удалялись в лес. Чаще пострадавшие затевали открытую драку. Девицы некоторое время поджидали своих парней, но, если драка становилась затяжной, то убегали в деревню. «Половинки», устраиваемые всеми тремя группами молодежи, причем первая не завершала их дракой, были наиболее веселой многолюдной гулянкой, где парни «знакомились» с

[660] Там же. С. 176–177.

девицами из другой деревни, но после не «играли» с ними, то есть ухаживаний не продолжали[661].

Пространство частной жизни расширялось зимой, когда устраивались «попрядухи», «супрядки», «вечерки». «Попрядухи» начинались с утра, на них приглашались обрабатывать лен и коноплю только девицы. Хозяйка угощала всех пирогами и самогоном. Это заменяло денежную плату. К вечеру приходили парни с гармоникой (потом они провожали девиц по домам), и работа сменялась весельем с танцами и шутками. Парней ничем не угощали. «Супрядки» («посиделки») устраивала девица тогда, когда ее родители уезжали куда–нибудь из дома на всю ночь. Рано утром, до появления взрослых, молодежь расходилась. Супрядки проходили мирно, без драк.

Драки часто случались на вечерках. На вечерках бывало много парней и девушек, никто на глазах у всех не обнимался, целовались только во время игры. Целоваться и миловаться выходили из избы в сени или во двор[662]. По свидетельству Д.М. Голубых, тимофеевская молодежь за крайне редкими исключениями не переступала в своих отношениях определенных границ. Парни целовались, обнимались с девицами, но не вступали с ними в половую связь. Даже в те ночи, когда парни после супрядок оставались ночевать у девиц, они не имели половых сношений: от поцелуев девка не умрет, говорили, а больше нам ничего и не нужно – все равно, как только исполнится нам 18 лет, так отцы женят[663].

Участие в «гуляньях» было той областью частной жизни девушек–казачек, в которой в общепринятых и строго установленных социумом границах вырабатывались навыки общения с противоположным полом, важным было и то, что приобретался опыт тактильной совместимости.

---

[661] Там же. С. 178, 186.
[662] Там же. С. 179–181.
[663] Там же. С. 187.

Л.В. Лебедева

Пенза, Пензенская государственная технологическая академия

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНКИ РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКИ ПЕРИОДА НЭПа

Повседневность является важной составной частью в изучении исторических процессов. В частности, картины реальной жизни крестьян позволяют заглянуть в глубины народной жизни, точнее понять специфику их жизни в конкретно–исторический период. На примере Пензенской губернии мы попытаемся реконструировать одну из сторон повседневной жизни крестьянки – ее хозяйственную роль в жизни семьи в период НЭПа.

В 1920–х гг. возрождение крестьянского хозяйства проходило крайне медленно. Социальное выравнивание выразилось в маломощности большинства крестьянских хозяйств. Жилище, орудия труда, приемы хозяйствования практически оставались традиционными. Сельскохозяйственное производство держалось в первую очередь на физической силе семейного коллектива. В механизме его существования женщина участвовала в полевых работах, ухаживала за скотом, готовила пищу, одевала всю семью.

В земледельческих работах женщина играла значительную, но в тоже время, вспомогательную роль. Большая нагрузка лежала на плечах крестьянки по обработке огородных культур, прополке посевов. Относительно облегченный и чистый труд был на сенокосе. Больших сил требовало жнитво. Поэтому в период страды в поле выезжали все взрослые люди и молодежь. Косили мужчины, а женщины собирали снопы, чтобы успевать, должны были следовать две вязальщицы.

Сельскохозяйственные работы для женщины были дополнены заботой о детях и питании семьи. Там, где поля были недалеко, устраивали палатки из торпищ. Здесь же готовили пищу. Если же участки были слишком удалены, то

семьи целиком, с большим запасом продовольствия, отправлялись в отъезд на целые недели[664].

В семейном разделении труда крестьянка главенствовала в домоводстве. Чтобы разобраться в объеме работ, который лежал на плечах женщины, необходимо представить условия жизни крестьянской семьи 1920–х гг. Жилища крестьян разного достатка отличались друг от друга. В тоже время, его планировка, элементы, убранство, утварь оставались в рамках традиции. Жилище отличалось теснотой и превращалось в зимнее время в хозяйственное помещение, в котором ткали, чинили инвентарь, содержали скот. Избы середняков были обустроены лучше: имелся деревянный пол, печь по–белому, было больше окон и в целом, она была просторнее. Уют в доме поддерживали женщины.

В 1920–е гг. продолжали укореняться новые явления в домашней обстановке крестьянского жилища. Новшества в крестьянском быту проявлялись в распространении мебели, часов, зеркал, украшении стен фотографиями, картинками, плакатами, разведении комнатных цветов, оклейке стен обоями, более чистом содержании жилья[665]. Из всех перечисленных нововведений наиболее значимой была тенденция к чистоте жилища.

Пространство для приготовления пищи находилось в предпечье, где сосредотачивалось все необходимое для этих целей. От печи до передней стены стояла лавка, которую использовали в качестве стола для приготовления пищи. Над лавкой, выше человеческого роста, к стене прибивалась полочка – ящик для чугунной и глиняной посуды различных размеров в зависимости от назначения. Женщины к ней относились очень бережно. Если сохранность глиняной посуды нарушалась, её обертывали

---

[664] Пензенский государственный краеведческий музей (далее ПГКМ). О.Ф. № 12960/4. Л. 7.
[665] ПГКМ. Н.А. № 88.

берестой для дальнейшего использования. Для сбивания сливочного масла использовали пахталки. Воду из колодца женщины приносили в деревянных ведрах при помощи коромысла. В избе ее держали в кадках, ведрах, больших глиняных сосудах. Основной запас хлеба и круп хранился в амбаре, а небольшая часть находилась в сенях в деревянных ларях. Наряду с размолом зерна на мельницах, применяли ручные жернова и ступы.

Готовили крестьянки один раз в сутки – утром, а потом весь день были свободны от этих хлопот. В крестьянских семьях было трехразовое питание. Каждый, в том числе и дети, имел за столом свое постоянное место. Это было связано с большим количеством членов семьи. Чтобы не было скученности, самых маленьких детей, стариков и больных кормили отдельно. Подавала на стол старшая женщина в доме. Поэтому есть со всеми, у нее не получалось. Хозяйка, согласно обычаю, ела стоя или позднее[666].

Традиционная крестьянская пища зависела от продуктов, получаемых в собственном хозяйстве. Основу питания крестьян составляли продукты растительного происхождения, основная доля которых приходилась на хлеб и хлебопродукты. В повседневном рационе употреблялось много овощей, в первую очередь картофель и соления из капусты, огурцов, меньше из помидор и свеклы. Из продуктов животного происхождения первое место занимали молочные продукты, среди которых главенствовало молоко. Однако его употребление было недостаточным и напрямую зависело от наличия в хозяйстве коровы. Масло, сметана, творог, сливки шли на продажу и появлялись на крестьянском столе, как и мясо, сало, рыба, яйца только в праздничные дни. Среди напитков крестьянки готовили солодовый и хлебный квас, отвары и настои из трав и овощей.

---

[666] ПГКМ. О.Ф. № 12960/4. Л. 8.

Важной и ответственной обязанностью крестьянки было обеспечение своей семьи одеждой. Отсутствие средств на покупку тканей и готовых изделий приводило к увеличению изготовления и пошива одежды из холста и сукна собственного изготовления. Навыками производства владела каждая женщина. Обязанностью женщины было не только изготовление одежды и белья, но и содержание их в чистоте. Для стирки использовали корыта и лохани. После просушки белье гладили вальком на камнях или наматывали на деревянную скалку и прокатывали длинным ребристым вальком – рубелем. Покупка мыла в послереволюционное десятилетие была затруднена в большинстве крестьянских хозяйств. Стирали крестьянки, большей частью, применяя белую глину, которой натирали белье и толкли в ступе и в щелоке, который приготавливали из печной золы[667]. Также в малых количествах использовались: мел, известь, сырой картофель, кислое молоко[668].

Преобладание традиций в повседневной жизни деревни 1920–х гг. было сдерживающим фактором развития и одновременно гарантом выживания. Кризис крестьянской экономики, возрождая в быту архаичные черты, обострял возможности и способности полов. Такие качества женщины, как высокая степень адаптивности, умение подстраиваться под внешние обстоятельства, прагматизм в критической ситуации помогли справиться крестьянской семье с жизненными трудностями 1920–х гг.

Н.В. Обрезкова

Новочеркасск, Южно–Российский государственный технический университет

КЛУБНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК НОВАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУГА ГОРОЖАНОК ЮГА РОССИИ (1920–е гг.)

[667] ПГКМ. Н.А. № 109. С. 7.
[668] ПГКМ. Н.А. № 88.

Период 1920–х годов связан с изменением отношения государства к роли женщины в обществе. На первый план ставится задача появления раскрепощенной женщины, активно участвующей наравне с мужчинами в процессе производства и политической жизни страны. Подобные цели неизбежно влекли за собой не только изменения в политическом устройстве страны, но и модернизацию всего уклада общественной жизни и всех деталей повседневности.

Обширную и многогранную область занятий горожанок юга России в 1920–е годы после трудового дня составляла домашняя работа. И оставалось небольшое количество свободного времени, которое она могла посвятить лично себе. Это время могло было быть посвящено традиционному хождению в гости, посещению кинотеатров, проведению свободного времени в кругу семьи, либо участию в официальных мероприятиях.

Новым в организации досуга горожанок юга России в 1920–е годы становится общение в рамках клубов. В общем русле тотальной социализации в клубах виделось одно из важных средств коммунистической организации свободного времени, форма обобществления быта[669]. Предполагалось, что клуб станет местом, располагающим к отдыху, местом, куда женщина и члены ее семьи могут прийти прямо с работы, получить пищу в буфете, посидеть в уютной комнате, побеседовать, почитать газету. Соответственно, должны были быть оборудованы комнаты отдыха, гардеробные, туалетные комнаты, буфет. В сентябре 1923 г. ЦК РКП(б) утвердил примерный устав партийного клуба и краткую инструкцию о его практической работе. В обязанности правлений клубов входили организация и проведение докладов, лекций, диспутов по общественно–политическим вопросам, создание секций[670]. Предусматривалось развитие художественного

[669] Клуб и быт // Коммунистка. 1926. № 2. С. 55.
[670] Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р–1818. Оп. 1. Д. 78. Л. 5.

творчества путем создания литературных, драматических, музыкальных и других кружков.

На протяжении 1920–х годов на юге России возрастало количество горожанок–членов клубов. Большой популярностью среди женщин пользовались кружки кройки и шитья. Горожанки охотно шли в эти кружки, так как из занятий ими извлекалась и чисто практическая польза. Так, в кружке кройки и шитья в клубе советских торговых служащих г. Таганрога женщины изучали кройку дамского белья, детского белья и платья, мужского белья, дамского платья[671]. Однако создание подобных кружков требовало больших материальных затрат, связанных с закупкой машин. Поэтому не все клубы юга России были на это способны[672]. Создавались и кружки домашнего хозяйства, в которых женщины знакомились с вопросами воспитания детей, правилами домашней гигиены и питания, обсуждали взаимоотношения в семье, те или иные семейные события[673].

В 1920–е годы клуб признавался важным средством политического воздействия на женщин. В кружках и секциях при клубах женщины слушали лекции на политические, медицинские, антирелигиозные темы, читали газеты и книги. Растущий клубный актив женщин проводил самостоятельную работу. Еженедельно в клубах устраивались специальные женские дни – «вечера пролетарки». Программа вечера состояла из докладов, бесед, театральных постановок[674]. Также в клубах устраивались и семейные вечера.

Одним из средств вовлечения женщин в клубы явилось создание при клубах детских комнат. К 1928 г. детские комнаты имелись в 20% клубов юга

---

[671] Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 71. Л. 45 об.
[672] ГАРО. Ф. Р–2287. Оп. 1. Д. 406. Л. 214 об.
[673] ГАРО. Ф. Р–2327. Оп. 1. Д. 185. Л. 13.
[674] ГАРО. Ф. Р–3712. Оп. 1. Д. 51. Л. 6.

России[675]. Часто сами женщины выступали инициаторами создания подобных комнат. Для наблюдения за детьми в порядке выполнения общественной нагрузки привлекались девушки с педагогических факультетов вузов, дошкольные работники, фельдшерицы, медицинские сестры[676].

Характерным явлением для 1920–х годов стало развитие в рамках клубов женского физкультурно–спортивного движения. При этом физкультура рассматривалась не только как средство физического воспитания и оздоровления женщин, но и как средство их культурно–политического воспитания и организации досуга. В циркуляре ВЦСПС «Об очередных задачах союзной физкультуры» ближайшей задачей союзов признавалось «углубление работы по вовлечению в физкультуру взрослых рабочих, особенно женщин, внедрение в быт санитарных, гигиенических навыков»[677]. Для этих целей при клубах создавались кружки физкультуры. Велся постоянный учет достижений физкультурниц. В клубах в стенных газетах опубликовывались в диаграммах цифровые результаты в отношении развития тела физкультурниц: размеры до начала занятий в кружке (объем мускулов, среднее состояние сердца). Подобные измерения повторялись через 3, 6, 9 месяцев[678]. Массовая работа кружков физкультуры среди горожанок юга России выражалась в пропаганде значения санитарных условий труда и быта. С этой целью данные вопросы освещались в стенгазетах, устраивались различные беседы, лекции, ставились специальные инсценировки, массовые вечера, демонстрация диапозитивов. В задачи кружков также входила пропаганда вопросов оздоровления,

[675] ГАРО. Ф. Р–2327. Оп. 1. Д. 185. Л. 13.
[676] ГАРО. Ф. Р–3712. Оп. 1. Д. 52. Л. 2. ГАРО. Ф. Р–1849. Оп. 1. Д. 70. Л. 9.
[677] ГАРО. Ф. Р–2287. Оп. 1. Д. 1013. Т. 1. Л. 79.
[678] ГАРО. Ф. Р–2287. Оп. 1. Д. 1013.Т. 1. Л. 24.

предупреждения профессиональных заболеваний и борьбы с ними[679]. Многочисленные публикации на страницах периодических изданий свидетельствуют о том, что физкультурно–спортивная жизнь горожанок юга России в 1920–е годы была весьма насыщенной и масштабной. Источники рассказывают о массовых женских соревнованиях по легкой атлетике, гандболу, баскетболу, шахматах, стрельбе[680].

Помимо активного участия в соревнованиях, физкультура входила в досуг горожанок в виде участия в различных экскурсиях, народных гуляниях с участием в различных играх, забавах, всевозможных видах гимнастических и спортивных развлечений. В зимние месяцы руководством клубов устраивались массовые экскурсии на лыжах, катание на санках. Летом использовались летние виды спорта, легкой атлетики, организовывались водные экскурсии, поездки на велосипедах, длительные экскурсии в период отпусков[681].

В целом, несмотря на проводившиеся мероприятия популяризации клубного досуга, на протяжении 1920–х годов наблюдалось снижение интереса горожанок юга России к подобной форме общения. Для большинства горожанок посещение клубов являлось дополнительной нагрузкой. Сказывалась и агитационно–пропагандисткая модель клубов, в рамках которых не оставалось места ни свободному общению, ни обыкновенному отдыху.

---

[679] Королев Н.Д. Краткое руководство по физической культуре женщины. Л., 1925. С. 13; Гориневская В. Физкультура работницы. М., 1925. С. 134.
[680] Женщины и физкультура // Молот. 1926. 16 мар. С. 5; Женщины за шахматами // Молот. 1928. 24 февр. С. 5; «Приз открытия» по баскетболу и гандболу // Молот. 1927. 27 апр. С. 5; День Всесоюзных достижений // Молот. 1927. 11 авг. С. 3; Новые достижения // Молот. 1927. 10 авг. С. 5; Конкурс лучшего стрелка // Молот. 1927. 14 июля. С. 3.
[681] ГАРО. Ф. Р–2287. Оп. 1. Д. 550. Л. 71.

А.П. Скорик

Новочеркасск, Южно–Российский государственный технический университет

КАЗАЧИЙ ФОЛЬКЛОР ЮГА РОССИИ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧАСТНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ СФЕРЫ 1930–х гг.

Казачий фольклор Юга России отражал те реальные изменения, которые происходили в противоречивые 1930–е годы, а понимание отношения к нему позволяет осмыслить многие сюжеты повседневности казаков и казачек того времени, выявить трансформации казачьего менталитета. Репертуар донских, кубанских, терских казачьих фольклорных коллективов состоял в значительной мере из старинных песен, чей «возраст» измерялся зачастую многими десятками лет. В частности, Вешенский районный казачий хор осенью 1935 г. в Москве «играл песни», которые звучали в казачьих станицах задолго до наступления советской эпохи. Их содержание отражало особое отношение казаков–мужчин к традиционной военной службе в кавалерийских частях и к общественному признанию важности такой службы.

В то же время, эпоха «великого перелома» оказала существенное влияние на казачий фольклор, дополнив его песнями, в которых прославлялись колхозная система, советское устройство и «любимый вождь товарищ И.В. Сталин». Такое дополнение можно считать неизбежным, ибо органы власти сознательно и целенаправленно стремились к осовремениванию казачьего фольклора, указывая, что «нужно дать молодежи новые песни»[682].

В 1936 г. терский казак Белигуров сочинил песню с характерными строками: «Шагай вперед, казачье племя, // Крепи колхозы! В добрый путь!»[683] «Любимой казачьей песней»[684] в 1930–х гг., как утверждали советские журналисты, являлась

---

[682] Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 60. Л. 10.
[683] Андреев С. Из–за Терека буйного // Северо–Кавказский большевик. 1936. 11 декабря.
[684] Чекалин Ю. Красное знамя // Орджоникидзевская правда. 1939. 12 октября.

«Дума о Сталине», в которой идеологически настойчиво проводилась мысль о неизбежном укреплении колхозной системы и ее положительном воздействии на жизнь казаков и казачек. Тем самым в репертуаре казачьих фольклорных коллективов в 1930–х гг. сочетались (причем, зачастую достаточно органично) как традиционные, так и советские песни.

Сочетание в казачьем фольклоре традиционных элементов и советских новаций хорошо заметно в собрании старинных и советских песен, пословиц, поговорок донских казаков, подготовленном в 1938 г. Обществом изучения Ростовской области при Президиуме облисполкома[685]. Эти материалы, свидетельствуют о компоновке с обязательным подчеркиванием «проклятого» дореволюционного казачьего прошлого и «счастливого» советского настоящего казаков и казачек. Содержание досоветского фольклора отражало исключительно негативные стороны казачьей жизни (тяготы военной службы, зависимость от войсковой администрации, и пр.), в то время как советские песни, сказы, поговорки отличались, по меткому выражению В.С. Сидорова, «оголтелой советскостью», повествуя о великой любви казаков и казачек к советской власти, колхозной системе и «товарищу Сталину».

Надо сказать, что, несмотря на четко выраженную идеологическую, агитационно–пропагандистскую мотивацию, сам факт собирания досоветского казачьего фольклора оказал положительное воздействие на устойчивость песен, сказов, пословиц и поговорок казаков. Так, послевоенная, совершенная в 1945 г., экспедиция в гребенские казачьи станицы «показала, что казачья песня сохранилась, она жива. Это не только остатки былевого эпоса, баллад,

---

[685] ЦДНИ РО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 230. Л. 1–26.

исторических песен, но и военно–бытовая лирика, мужская и женская, любовные песни, протяжные и частые»[686].

Специфическим элементом казачьего фольклора 1930–х гг. являлись частушки, которые традиционно чаще сохраняли и исполняли женщины–казачки. Специфика частушек заключается в том, что по отношению к ним приходится говорить не о сочетании традиционных элементов и новаций, а о коллизионности содержания. Частушки живо отражали действительность колхозной казачьей станицы Юга России, но при этом характер отражения разнился в зависимости от того, кто являлся автором частушек. Немало частушек, авторство которых принадлежало либо просоветски настроенным казакам–активистам, либо же штатным пропагандистам властных структур, воспевали неопровержимые (скорее, якобы) достоинства колхозной системы. Неофициальные же частушки в своей вербальной форме выражения четко фиксировали гораздо более суровое отношение вполне определенной части южно–российского казачества к колхозам и советской власти. Особенно жестко оценивались в этом народном фольклоре события 1932 – 1933 гг. в пострадавших от голода регионах, как о том свидетельствуют материалы полевых исследований, опубликованные в солидной монографии В.В. Кондрашина[687]. Неофициальные частушки, естественно, распространялись из уст в уста в казачьих регионах, хотя, конечно же, их исполняли только в узком домашнем кругу. В частности, на Дону пели: «Как Ленин умирал, // Сталину наказывал, // Чтобы хлеба не давал, // Сала не показывал»; «Едет Ленин на телеге, // А телега на боку. // Ты куда, плешивый,

---

[686] Белецкая Е.М. Фольклор станицы Червленной: память поколений (1890 – 1990 гг.) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Шестой Междунар. Кубанско–Терской конф. / Под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. Краснодар, 2008. С. 33.
[687] Кондрашин В.В. Голод 1932 – 1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 507–514.

едешь? // Ликвидировать муку»[688]. В данном случае казачий фольклор 1930–х гг. ярко и эмоционально отражал негативные черты советской действительности, которыми изобиловала эпоха «великого перелома».

Таким образом, фольклорное творчество казаков и казачек Юга России раскрывало характерные черты исторического времени сплошной форсированной коллективизации. В этом творчестве протуберанцами прорываются общественные настроения, царившие в казачьей среде в те годы. Бережное отношение к лирике в фольклоре свидетельствовало о стремлении казаков и казачек сохранить свою партикулярную культуру. Наличие двойственности в сочинительстве и исполнении частушек показывает неоднозначное отношение казаков к проводимым общественным преобразованиям, когда они отчетливо видели и осознавали дистанцию между словами и делами власть предержащих. Однако нельзя не замечать и общую позитивную историческую тенденцию изменения отношения казаков и казачек к советской власти, когда часть из них вполне искренне воспевала новое социалистическое настоящее.

А.А. Савчук

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

ПРИЧИНЫ ПРОСТИТУЦИИ И МЕРЫ БОРЬБЫ С НЕЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920–х гг.

Дискуссия о том, кем же является проститутка – жертвой обстоятельств или своего характера, – существовали и в дореволюционной России. Большевики разделяли мнение А. Бебеля о том, что «если брак представляет одну сторону половой жизни гражданского мира, то проституция представляет

[688] Записано со слов Ю.Н. Шматовой в Кашарском районе Ростовской области (ноябрь 2008 г.) // Личный архив автора.

другую сторону»[689], и воспринимали проститутку исключительно как жертву обстоятельств, в первую очередь тяжелого материального положения. Этот подход делал упор на проституцию как социальное явление, а не как патологию женского организма, и, соответственно, предполагалась борьба в первую очередь с социальными причинами, порождающими проституцию.

Временное правительство предприняло попытку решить проблему проституции путем закрытия борделей. В результате проститутки потеряли возможность зарабатывать на жизнь привычным способом – клиенты боялись венерических заболеваний (относительной страховкой от которых служил врачебный осмотр их обитательниц), лишились поддержки своих бывших хозяек и по–прежнему считались людьми второго сорта[690].

В годы военного коммунизма профессиональная проституция ушла в подполье, занятие проституцией стало одной из специфических женских стратегий выживания[691]. Считалось, что в годы военного коммунизма вопрос профессиональной проституции потерял свою остроту, так как не было условий, благоприятствовавших её развитию[692]. В годы НЭПа возросло благосостояние населения, и профессиональная проституция вышла из подполья.

Основные вехи борьбы с проституцией нашли свое отражение в специализированных женских журналах, статистических обзорах и популярной литературе перв. пол. 1920–х гг. Проституция была объявлена пережитком капиталистического строя, борьба с проституцией – борьбой с её

---

[689] Бебель А. Хуже рабства. Капитализм и проституция. М., 1917. С. 1.
[690] Токмачева А.Ю. Организационно–правовые основы борьбы с проституцией в годы НЭПа (1921–1928 гг.). Автореферат на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2006. С. 17.
[691] Нарский И.В. «Комплекс мачо», продажная любовь и вкус человечины: гендерные составляющие выживания в русской революции – http:// library.gender – ehu.org/hms/uniobject.php?type = article&id=56. Дата обращения 11.11.2008.
[692] Броннер В.М. Проституция и пути её ликвидации. М. –Л., 1931. С. 21.

первопричинами[693]. Основными причинами были признаны: нужда, плохие жилищные условия, ведущие к раннему началу беспорядочной половой жизни, беспризорность, отсутствие трудовых навыков, недостаточная материальная помощь, оказываемая беременным, и, хоть прямо это нигде не указывалось, рост числа разводов.

Основные меры борьбы с проституцией делились на две категории: предупредительные и репрессивные. К предупредительным мерам относились:

1. выполнение опубликованных Наркомтрудом указаний при увольнении женщин в связи с сокращением штатов проявлять особую осторожность в отношении наиболее необеспеченных и экономически неустойчивых групп женщин;
2. создание промышленных и земледельческих артелей, могущих поглотить некоторые группы женщин недостаточной квалификации;
3. повышение профессиональной квалификации женщин путем бронирования за ними достаточного количества вакансий в школах профессионально–технического образования;
4. борьба с женской беспризорностью путем устройства общежитий для безработных женщин и домов временного пребывания для вновь прибывающих в другие города женщин;
5. усиление заботы о беспризорных детях для пресечения детской проституции;
6. расширение агитационно–просветительной работы среди взрослых и подростков о сущности проституции, её недопустимости и связанных с нею опасностях.

Меры репрессивного характера включали в себя:

---

[693] Коллонтай А.М. Трудовая республика и проституция // Коммунистка. 1920. № 6. С. 16.

1. усиление административного надзора за всеми местами, где могло иметь место вовлечение трудового населения в разврат, а женщин в проституцию;

2. решительная борьба с посредниками и пособниками проституции, притонодержателями, под какими бы замаскированными вывесками эти притоны не существовали, с применением всех средств административного и судебного воздействия[694].

Наряду с пропагандой этих мер на страницах журналов шло резкое осуждение дореволюционных методов борьбы против проституции: облав, принудительного освидетельствования и лечения проституток.

Изначально встал вопрос наказуемости женщин за проституцию. Проститутки были поделены на три категории: несовершеннолетние проститутки, профессиональные проститутки и женщины, для которых проституция являлась подсобным промыслом. Первая и третья категории считались жертвами обстоятельств, и несовершеннолетних проституток изымали в специальные детские учреждения, а к женщинам, подрабатывающим проституцией, применялось моральное воздействие: им разъяснялся вред их занятий.

Иначе обстояло дело с профессиональными проститутками. Они воспринимались как трудовые дезертиры, наносящие своими действиями вред коллективу. Их не могли привлечь к ответственности как проституток, но могли это сделать на общих основаниях со всеми остальными женщинами и мужчинами – *дезертирами труда*[695].В популярной литературе падшие женщины, не желавшие расставаться с позорным промыслом, стали

---

[694] Меры борьбы с проституцией // Коммунистка. 1922. № 12. С. 15–16.
[695] Там же. С. 16.

характеризоваться как «социально вредная часть трудового коллектива»[696], к которой неприменимо убеждение и перевоспитание, а необходимо принятие более жестких репрессивных мер.

Таким образом, основной задачей популярной литературы и статей в специализированных женских журналах перв. пол. 1920–х гг. было формирование общественного мнения, направленного на преодоление сложившегося отношения к проститутке как к существу второго сорта, и формирование убеждения, что проституция является пережитком буржуазного строя, а проститутка – его жертвой. Привлекалось внимание к основным причинам, порождающим проституцию, и мерам борьбы с ним.

Т.П. Хлынина

Ростов–на– Дону, Институт социально–экономических

и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН

«ДУМАЮ, ЧТО ЭТО ПИСЬМО НЕ ОСТАНЕТСЯ БЕЗ ВНИМАНИЯ, ИБО ЭТО ГОЛОС МАСС»: «ЖЕНСКОЕ» И «МУЖСКОЕ» В ОТНОШЕНИИ К АБОРТАМ В 1930–е ГОДЫ

Своеобразным подведением итогов дискуссии о природе и характере советского политического режима, сложившегося в 1920–е – 1930–е гг., могла бы стать книга американской исследовательницы В. Голдман, а вернее ее название «Террор и демократия в эпоху Сталина»[697]. Сосуществование этих, казалось бы, взаимоисключающих институтов в обыденной жизни порождало причудливую смесь социального энтузиазма, апатии и растущего сопротивления давлению государства. Последнее все чаще приобретало характер письменного протеста граждан против «неразумных» официальных постановлений власти, одним из которых стало запрещение абортов.

---

[696] Броннер В.М. Указ. соч. С. 42.

[697] Голдман В. Террор и демократия в эпоху Сталина: Динамика социальных репрессий. М., 2010.

В рассматриваемый период времени право видится *«системой общих правил поведения, установленных социалистическим государством и выражающих материально обусловленную и направляемую партией волю трудящихся масс во главе с рабочим классом и охраняемых от нарушения принудительной силой государства»*. По заключению современных исследователей, *«в такой трактовке право …становилось рычагом централизации, подчинения всего огромного государственно–управленческого аппарата воле центра, воле диктатора»*[698]. Новый Семейный кодекс 1926 г. признавал фактический брак, то есть уравнивал в правах зарегистрированный и незарегистрированный браки. С этого времени исчезло из употребления такое понятие, как внебрачные дети. Любое сожительство считалось браком, что не устраняло процедуры установления отцовства. Конституция 1936 г. закрепила формальное равенство мужчины и женщины. Стремясь создать стимулы к увеличению деторождения, сильно упавшего в 1930–е гг., правительство предпринимает меры, укрепляющие семью и брак.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» грозило одним или двумя годами тюремного заключения врачам, которые производили неразрешенные аборты. Для немедицинского персонала, производившего аборты, устанавливался еще более длительный тюремный срок – три года. Прерывание беременности могло осуществляться только по медицинским показаниям.

---

[698] Особенности развития системы и отдельных отраслей права. – www.agmi.ru/.../osobennosti_raz...slei_prava.phtml

Вместе с тем постановление содержало пункты, стимулировавшие деторождаемость. В комплекс мер входила финансовая поддержка многосемейных женщин, выделение средств для строительства родильных домов, яслей и детских садов, усложнение процедуры получения развода, увеличение штрафов за уклонение от алиментов. Параллельный указ повышал ответственность руководителей предприятий и учреждений, дискриминировавших путем увольнения или отказа принимать на работу беременных женщин. Секретное распоряжение Наркомата здравоохранения предписывало изъятие из торговой сети всех противозачаточных средств. Соответственно, разрешение на производство аборта выдавалось лишь в исключительных случаях по медицинским показаниям.

Новый закон привел к массовому росту подпольных абортов, хотя произошло также и повышение уровня рождаемости[699]. Постановление вызвало шквал писем в высшие органы государственной власти. Их писали и женщины, и мужчины, надеявшиеся таким образом привлечь внимание руководства страны к «*тяжелейшим для женщины последствиям запрещения абортов».*

Предметом анализа являются два письма, адресованные председателю ЦИК СССР М.И. Калинину и написанные приблизительно в одно и то же время – весной 1937 г. Несмотря на схожесть волновавших респондентов вопросов, они кардинальным образом отличаются друг от друга не только стилистикой написания, но и аргументацией относительно неправильных действий власти.

Мотивом, побудившим написать письмо *«аж самому всесоюзному старосте»* 24–летнюю Н. Браун, стало горячее стремление рассказать *«тов. Калинину какие терпит мучения, и какое несет бремя тяжести на своих плечах женщина нашей родины после выхода этого постановления. И то, о*

---

[699] Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 203–212.

чем я вам напишу, – это не только мое индивидуальное мнение – это голос всех женщин, лишенных необходимых условий иметь детей»[700].

Н. Браун рассказывает о себе, сообщая, что, является матерью ребенка, которого с большим трудом воспитывает; работает техником с окладом 200 руб.; на иждивении имеет 70–летнюю мать и мужа–студента 3 курса со стипендией в 130 руб. Весь свой день проводит на работе и в занятиях с ребенком, не имея никакого времени *«культурно развлечься»*.

Автор с болью пишет, что вместо раскрепощения, обещанного революцией, женщина произволом правящей партии превращена в родильную машину. В заключении Н. Браун обращается к М.И. Калинину с предложением «оптимизировать» отношения государства к абортам и начать «контролировать комиссии и врачей, которые принимают на аборт, чтобы не было злоупотреблений с их стороны; учитывать материальные возможности родителей.

Причиной обращения рабочего–электромонтера П.Г. Агафонова к М.И. Калинину стало конкретное событие, связанное с *«несерьезным подходом к делу как районной абортной тройки Приморского р–на (Ленинграда – Т.Х.), а также и центральной городской»*[701]. Суть проблемы заключалась в том, что у его беременной жены имелись серьезные противопоказания к родам: она страдала пороком сердца и обладала *«чрезвычайно малым тазом»*.

Тем не менее, столь веские и авторитетные доводы не стали основанием для врачебной комиссии по прерыванию повторной беременности: *«Для них*

---

[700] Письмо Н. Браун М.И. Калинину // Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 2002. С. 343–344.

[701] Заявление Председателю ЦИК СССР т. Калинину Мих. Ивановичу от рабочего эл. монтера Агафонова П.Г. // Письма во власть… С. 348–349.

это, что темная ночь, они ничего не признают и знать не хотят, у них есть закон от правительства, должна рожать, раз родила одного, так значит и будет второй, такие рассуждения у Ленинградских комиссий по абортам, а сердце что, ну что, поболело годков 10, а на 11–м перестало. Вот и начинают рядиться, уговаривать, что, мол, это и не так–то страшно, это так на районной тройке говорят». Автор подчеркивает, что он не из тех, кто не желает иметь детей. Единственное, чем он озабочен, – положительным исходом родов. Последней инстанцией для него, как и многих других отчаявшихся граждан, стал М.И. Калинин.

Сравнение двух нарративов, «женского» и «мужского», показывает, что если первый из них апеллирует к власти как высшей инстанции по поводу нарушения природных прав женщины относительно самостоятельного определения ею своего предназначения; то второй, напротив, требует от власти лишь обеспечения надлежащего исполнения ее же постановлений. Демократия с «женским лицом» все чаще оказывается противопоставленной мужскому оправданию очередного произвола власти.

Е.А. Борисенко

Красноярск, Гуманитарный институт Сибирского федерального университета

СКОЛЬКО СТОИТ ЧЕЛОВЕК: ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ–ЗАКЛЮЧЕННОГО В НОРИЛЬСКОМ ИТЛ

Советская история на всех этапах своего развития содержит уникальные свидетельства решения «женского вопроса», однако отечественная историография, рассматривающая проблематику «женской темы» и феминизма, до середины 1980–х гг. характеризуется малочисленностью затрагиваемых аспектов, которые зачастую предписывались «сверху».

С принятием Конституции 1936 г.[702] руководство партии торжественно объявило, что «женский вопрос решен», т.к. выполнена задача достижения полного равноправия мужчин и женщин. Оно было «обеспечено» также и в местах лишения свободы, ставших неотъемлемым атрибутом сталинского времени. Значительную часть осужденных по политическим мотивам составляли женщины.

История политических репрессий в СССР содержит большое количество имен людей, однако далеко не всем уделено достаточно внимания. Среди них потрясающе сильная женщина, которая сумела справиться со всеми выпадавшими на ее долю испытаниями, Евфросиния Антоновна Керсновская. Она не просто написала труд по «гулаговедению», но и зарисовала свой жизненный путь. Это изописание является ценным источником, рассказывающем о положении женщины в исправительно–трудовом лагере (ИТЛ)[703].

Евфросиния Антоновна родилась в Одессе, в Российской империи, за 9 лет до ее падения. Она получила прекрасное образование, знала 11 европейских языков. После окончания гимназии, Евфросиния Антоновна твердо решила стать фермером, именно поэтому она поступила в Ветеринарный институт в Кишиневе, хотя отец советовал поехать учиться в Париж, где уже был ее старший брат. Во время гражданской войны семья была вынуждена перебраться в Бессарабию.

После заключения пакта Риббентропа–Молотова на территорию Бессарабии пришли войска Красной Армии, и народ из «поделенных сфер влияния» отправляется в вагонах для скота на восток. Среди них была и Керсновская – «помещица, использующая наемный труд крестьян».

---

[702] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (1936 г.) // Советские конституции. Справочник. М., 1963. С. 455.
[703] Керсновская Е.А. Сколько стоит человек: Повесть о пережитом в 12 тетрадях и 6 томах. М., 2001.

На каких же островах «архипелага ГУЛАГ» она побывала? Лесоповал в Томской области, следствие на Алтае, затем Новосибирск, Красноярск, Злобино, как она его назвала, «невольничий рынок Норильска». Ну а потом и сам Норильский ИТЛ. Выйдя на свободу, уже после окончания ссылки, отразила «историю тех лет – ужасных, грустных лет «университетов», так она называла те уроки, которые преподносила ей жизнь.

«Сколько стоит человек?» – название шеститомного издания воспоминаний Е.А. Керсновской и одновременно принцип, которым она руководствовалась в течение всего своего пребывания в Норильском ИТЛ: человек стоит ровно столько, сколько стоит его слово. Ни разу за срок Евфросиния Антоновна не нарушила своих моральных принципов, хотя условия, в которых приходилось существовать, были поистине нечеловеческими. Так, она вспоминает, что из–за постоянного недоедания и изнурительных работ, на которые отправляли з/к в зависимости от его принадлежности к категории пригодности, а не к полу, у нее 4 года не было менструации. Однако эта женщина любила труд, и, может быть, благодаря этому могла приспособиться к любой ситуации и выполнять отлично любую работу, за которую бы она не взялась: она выносила параши, мыла бараки, носила неподъемные кирпичи и цемент, грузила вагоны, работала санитаркой в Центральной лагерной больнице, делала зарисовки хирургических операций, производила вскрытия в прозекторской, наконец, была забойщиком в шахте. Весь этот большой список работ она выполняла добросовестно, не щадя своих сил, иногда по 20 часов в сутки, порой после пребывания в ШИЗО на урезанной пайке. Но везде, где бы ей не приходилось трудиться, оставались благодарные ей люди, которым она помогала чем могла в трудные минуты – подменяла на смене, старалась облегчить боли даже под страхом наказания, повышая дозу медикаментов, отдавала действительно последний кусочек хлеба нуждающемуся. Эта безграничная любовь к людям,

доверчивость и доброта, позволили ей не озлобиться, сохранить человеческую сущность, которую потеряли многие заключенные, сломавшиеся под гнетом трудных условий содержания.

Естественно, были различные способы выживания в НИТЛ, тот, кто послабее «стучал» лагерному начальству, кто сильнее, а это, как правило, уголовницы, промышляли воровством и торговлей, действуя по своим законам, кто похитрее – пресмыкались перед «власть имущими» в администрации.

Е.А. Керсновская вспоминала о том, как ее и четырех «жучек» – так называли уголовниц, отправили в вохровскую (ВОХР – вооруженная охрана) казарму мыть полы после побелки. Компаньонки скрылись сразу, как только пришли, а она всю ночь мыла и скоблила полы, хлорная известь разъела руки до глубоких дыр, кровь окрашивала белую воду в ведре. К утру пришли жучки, многозначительно хмыкали, что–то жевали и в узелках несли пшенную кашу. Когда они вернулись в изолятор, ее снова отправили на работу. Евфросиния обратилась к медсестре и попросила помощи, на что та только рассмеялась. Позже ей объяснили, что женщин посылали в казарму не для работы, а в качестве проституток, их кормили, поили, платили по договоренности, и им это нравилось.

Тяжелые условия пребывания в лагере приводили к расслоению содержащегося там общества, в данном случае, определяющим фактором выступало воспитание и образование, полученное до заключения. Женщины–интеллигентки никогда не вели себя, как уголовницы. Им не чужды были чувства. Многие стремились завести «лагерного мужа», чтобы выплескивать на него ласку и заботу, которым не было выхода в стенах женского барака, часть из них смогли испытать кратковременную радость материнства, до тех пор, пока ребенка не определяли в детдом. Но некоторые падали настолько низко, что это вызывало отвращение у воспитанных женщин – они были носителями венерических заболеваний и вели исключительно приспособленческий образ жизни, не собираясь работать и торгуя своим телом.

А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» писал: «Не пяти лет, а пяти недель довольно, чтоб уничтожить и женщину и человека». В исправительно–трудовых учреждениях грань между мужчиной и женщиной становится зыбкой, от голода физические силы покидают всех, и постепенно человек превращается в «свечку», у которой огонь в душе еле теплится. И здесь на первый план выдвигается сила духовная, которая сохраняет курс на выживание, борьбу, сопротивление.

Евфросиния Антоновна Керсновская прошла все «университеты», и при этом сумела сохранить любовь к своей стране, не озлобилась на режим и советскую власть, несмотря на то, что оставила свою молодость в Норильске.

Жизнь Е.А. Керсновской – это очередной подвиг женщины–героя, которая всегда была верна своему слову. Ее моральные установки доказывают, что выжить и не опуститься в нечеловеческих условиях всегда возможно, вне зависимости от половой принадлежности.

Н.Н. Макарова

Магнитогорск, Магнитогорский государственный университет

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ: ЧАСТНОЕ VS ОБЩЕСТВЕННОЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МАГНИТОГОРСКА 1930–х ГОДОВ)

Повседневная жизнь женщины периода форсированной индустриализации претерпевала существенные изменения. Женщина оценивалась советским правительством как «большая сила», которая могла быть задействована не только в традицинно женской сфере деятельности, но и в абсолютно новой для женщины роли труженицы на промышленных предприятиях. Магнитогорск один из крупнейших индустриальных центров Советского Союза активно привлекал рабочую силу. Женщины преимущественно прибывали на Магнитострой вслед за своими мужьями, отцами и братьями, которые вербовались на строительство

крупнейшего завода. В результате уже в 1932 г. женское население превышало мужское на 8%.

Рост женского населения в Магнитогорске привел к формированию социального облика населения среди представительниц слабого пола. Значительную часть среди горожанок составляли женщины малограмотные, низкоквалифицированные репродуктивного трудоспособного возраста, незнакомые или малознакомые с урбанистической культурой.

Общественное играло, в соответствии с идеологией государства, более важную и значимую роль, поэтому женское население активно вовлекалось в новые, малознакомые для женщин отрасли деятельности. В Магнитогорске с женским населением работали общественные, партийные и производственные организации. В городе, где строился не только новый металлургический завод, а прежде всего новый быт, развернулась широкая культурно–воспитательная работа среди женщин.

В условиях новой реальности женщины были вынуждены покидать пределы дома. Вместо ведения домашнего хозяйства, заботы о семье и детях магнитогорки устраивались на работу. И дело было не только в пропаганде и агитации, которые активно проводились для вовлечения женщин в производство. В условиях латентного голода женщины были вынуждены менять статус иждивенца на статус рабочего и получать больший продовольственный паек. Женщины также начали освоение традиционно мужских профессий. Однако число неработающих женщин по–прежнему оставалось высоким. В Магнитогорске, как в СССР в целом, улучшение положения жизни женщины связывались не только с предоставлением ей прав, но и изменением ее функций в семье, т.е. изменением в частной жизни. Предполагалось освободить женщину от рутины домашнего труда. Но недостаточная развитость инфраструктуры привела к тому, что домашние хлопоты и забота о детях оставались приоритетными задачами в жизни женщин.

Советское законодательство поощряло и делало легальным использование женщин в производстве. В период с 1929 по 1932 гг. вышла серия постановлений об использовании труда женщин на призводстве. Число неженских профессий было существенно сокращено. В результате в Магнитогорске широчайшее распространение получило применение женской рабочей силы на низкооплачиваемой и физически тяжелой работе. Следует отметить, что женщины на производстве, работая среди мужчин, оказывались в сложном положении: многие магнитогорки сталкивались с пренебрежительным отношением к себе. Мужчины часто отказывались работать с женщинами без объяснения причин.

Уникальность советского варианта медикализации материнства заключалось в том, что «нуждаясь как никогда в женщинах на производстве, государство одновременно не могло себе позволить ослабить роль женщины в сфере воспроизводства»[704]. В 1938 г. отпуск по беременности и родам сократился до 9 недель[705]. Беременность и материнство трактовались как производственная деятельность наряду с другими работами. Объявляя рождение детей максимально естественным, данным женщине самой природой, власть получила возможность эксплуатировать женскую репродуктивную сферу[706].

В результате «оппортунистическая теория» об ухудшении женского здоровья в Магнитогорске становилась реальностью. Безопасность на производстве, профилактика и лечение профзаболеваний становились приоритетными вопросами лишь в конце 1930–х гг. Наиболее

---

[704] Лебина Н.Б. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930–е годы // Советская социальная политика 1920–1930–х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 48.
[705] Там же. С. 40.
[706] Градскова Ю. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. М., 1999. С. 135.

распространенным профзаболеванием среди женского населения Магнитогорска, занятого на физически тяжелых работах, было нарушение работы репродуктивной системы.

В условиях занятости на работе в Магнитогорске традиции многодетности ушли в прошлое[707]. Отказ от ценностей традиционного общества, нестабильные семейные отношения, сложные жилищные условия, сменный график работы вынуждали горожан отказываться от многодетности[708]. Это обусловило востребованность абортных операций. Чтобы восстановить семью как базовую единицу советского общества и повлиять на темпы роста рождаемости в середине 1930–х гг., государство развернуло широкомасштабную кампанию по увеличению рождаемости. Использовались поощрительные и запретительные методы. Одновременно в городских газетах регулярно публиковали письма–благодарности матерей, в которых сообщалось, что советская власть оказывает существенную помощь в воспитании детей[709].

Вовлечение женщин в общественное производство оказало большое влияние на самовосприятие женщин, изменение их социального статуса. Наибольшие перемены пережили магнитогорки, которые переехали из деревни в город и переживали переход от крестьянской доиндустриальной идентичности к рабочей, урбанистической. Реальный контраст новой жизни женщин, переселившихся в Магнитогорск, был настолько велик, что, действительно, порождал в некоторых случаях ощущение «раскрепощения».

---

[707] Макарова Н.Н. Семья и воспитание детей в первой половине 1930–х гг. (по материалам Магнитогорска) // Проблемы российской истории. М. –Магнитогорск, 2010. С. 518–530.
[708] Антонов А.М. Эволюция норм детности и типов демографического поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М., 1986. С. 19–22.
[709] Магнитогорский рабочий. 1937. 3 января.

С другой стороны, низкая квалификация, уровень заработной платы, весомая физическая нагрузка на работе и в быту, порождали чувство некой малозначимости. Товарный дефицит, низкое качество социальных услуг при сохранении традиционных гендерных ролей вели к усилению трудовой нагрузки на женское население в большей степени, чем на мужское. Государство активно использовало женщин в новой роли — роли труженика производства, но и продолжало выступать за сохранение традиционной модели семьи, отношение к материнству как к «естественной женской роли».

Таким образом, в Магнитогорске, как и по стране в целом, было расхождение между пропагандируемыми правами женского населения и их реальной реализацией.

Ю.А. Стецура

Армавир, Армавирская государственная педагогическая академия

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРИЗЫВ МОЛОДЁЖИ И ЕЁ ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Один из крупнейших историков XX века Ф. Бродель писал: «…повседневность – это мелкие факты, едва заметные во времени и пространстве». Воплощая основополагающие принципы историографической школы, сформировавшейся вокруг журнала «Анналов», он констатировал, что «из маленьких происшествий, из путевых заметок, вырисовывается общество… Эти «мимолетности» к тому же фиксируют от общества к обществу контрасты и несходства вовсе не поверхностные»[710].

О.С. Поршнева отмечает, что «центральными в анализе повседневности являются жизненные проблемы так называемых «маленьких», «простых», «рядовых» людей. Ольга Сергеевна подчеркивает, что «история

[710] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структура повседневности: возможное и невозможное. М., 2007. С. 38–39.

повседневности позволяет решить одну из фундаментальных методологических проблем исторической науки: изучение взаимосвязей между социальными структурами и практикой субъекта»[711].

Н.Л. Пушкарева даёт собственное понимание категории повседневности, подчеркивая, что она включает «событийную область публичной повседневной жизни, прежде всего, мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира. Обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле. Эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей»[712].

Нами предпринята попытка исследовать «каждодневную, ничем не примечательную, обыденную, будничную» жизнь молодежи 20–30–х годов в период советской модернизации, отойти от «умозрительных построений», раскрывая «историю подробности жизни» в первые годы советской индустриализации, когда трудовая, производственная повседневность составляла «событийную область публичной повседневной жизни» и «эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей».

Советские преобразования отличались от классической модернизации Западной Европы. С одной стороны, модернизация в СССР носила догоняющий, форсированный, характер, а, с другой, – идеологические преференции влияли на повседневную жизнь всего общества. Решения провести индустриализацию высокими темпами, любой ценой заставляли политическое руководство компенсировать нехватку материальных средств

---

[711] Поршнева О.С. Междисциплинарные методы в историко–антропологических исследованиях. Екатеринбург, 2009. С. 44–45.
[712] Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований. – http:// www.perspektivy.info/print.php?ID=50280.

за счет эксплуатации собственного народа, обрекая его на огромные материальные, социальные, экономические трудности.

Официальной пропагандой изо дня в день абсолютизировалась идея строительства нового общества. Каждодневная жертвенность рассматривалась, верхами, как доказательство истинной «веры в социализм», «преданность классовым интересам». Общественный призыв юношей и девушек на ударные стройки стал нормой трудовой повседневности страны. Участвуя в процессе модернизации, молодежь внесла значительный вклад в индустриализацию страны и, прежде всего, восточных районов СССР[713].

В газетах, по радио официальная пропаганда рассказывала только о положительном опыте участия молодежи в хозяйственном строительстве. В реальности же на строительстве гигантов первой пятилетки молодежь встречалась с обманом, бесхозяйственностью, уголовщиной[714]. Особенно остро испытывали на себе «эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств» девушки. Поехав по призыву на строительство новой жизни, они встретились с гендерным неравенством на ударных стройках[715].

Диалектика трудовой повседневности состояла в том, что многие читавшие газеты, слушавшие радио, в материалах которых рассказывалось только о положительном опыте, о трудовой романтике и героизме. Однако в органы ОГПУ, в партийные, советские, комсомольские органы шли письма, заявления, в которых рассказывалось о каждодневной жизни юношей и девушек на строительстве промышленных гигантов. Так, члены бригады

---

[713] С огнем большевистским в груди. Очерки истории комсомола Урала (1917–1979). Свердловск,1979. С. 35.
[714] Российский Государственный Архив социально–политической истории (Далее – РГАСПИ). Ф. М 1. Оп. 23. Д. 993. Л. 13.
[715] Свердловский областной центр документаций общественных организаций (Далее – СОЦДОО). Ф. 61. Оп. 1. Д. 445. Л. 17.

Носкова («Коксохимстрой», город Нижний Тагил) в письме в ЦК ВЛКСМ рассказывали, что «на строительство многие комсомольцы ходили на работу почти босиком, не имели одежды, часто ходили на работу голодными. Заработная плата была очень низкая. Имелись случаи прямого обсчета рабочих. Строительные организации к приему молодежи были не подготовлены, общежития не отремонтированы и не оборудованы»[716].

Документы повседневности свидетельствует о том, что официальная точка зрения расходилась с обыденной жизнью молодежи. Обобщая материалы с мест, информстатсектор ЦК ВЛКСМ, показывая массовый героизм, жертвенность молодежи, вынужден был констатировать о трудностях, противоречиях, недовольствах юношей и девушек, собирать, анализировать в специальном отделе и передавать материалы для принятия мер в ОГПУ.

Диалектика трудовой повседневности состояла в том, что именно юноши и девушки ежедневно активно занимались созиданием. Однако руководство страны, используя молодёжь, как социальную опору модернизационного процесса мало думало о жизненных проблемах тех, кто в основном, оставались безымянными, о «маленьких», «простых», «рядовых» людях, но которые составляли в тоже время большинство участников исторического процесса.

Повседневная жизнь молодёжи в первые годы советской модернизации свидетельствует о том, главная цель «верхов» состояла в том, чтобы использовать дешевый массовый труд миллионов юношей и девушек, не заботясь о нормальных человеческих условиях, прикрываясь идеологизацией исторического процесса, формировать новый социальный тип «Homo Sovetous».

Е.А. Ялозина

Москва, Всероссийская государственная налоговая академия Минфина России

[716] РГАСПИ. Ф. М. 1. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1383. Л. 56.

ТРУЖЕНИЦЫ «ТРЕТЬЕГО ФРОНТА»: ЖЕНЩИНЫ–УЧИТЕЛЯ В 1920–Е ГОДЫ

В истории советского периода метафора «третий фронт» — удачный пропагандистский ход власти в условиях «военного коммунизма», нестабильности НЭПа, когда необходимо было мобилизовать энтузиазм, патриотические чувства учительства. Вместе с тем власть прагматично декларировала, что мощным оружием является материальная сторона школьного дела и быта учителей, в первую очередь, оплата их труда. Социально–экономические проблемы системы просвещения в 1920–е гг. в значительной мере ложились на плечи женщин–учителей. Процесс феминизации российской системы образования первой трети XX века был ускорен революционными событиями 1917 г.

Деструктуризация школьной системы образования в условиях финансово–экономического кризиса 1920—1923 гг. катастрофически сказалась на жизни учителей. Нарком просвещения А.В. Луначарский с болью признавал, что они голодают[717]. Оплата труда школьных работников в этот период была нерегулярной и несвоевременной и в сравнении с дореволюционными окладами составляла около 20% жалованья земского учителя. В 1922 г. была разработана и введена единая тарифная сетка. Финансовое положение учителей теперь зависело от региона, ведомственной принадлежности школы, но по–прежнему оставалось бедственным.

Материально и психологически подавленные тяжелыми социально–экономическими обстоятельствами существования, женщины — учителя искали любую возможность заработать своим трудом[718]. Распространенным явлением

---

[717] РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 192. Л. 13.
[718] ГАРО. Ф. Р. – 1818. Оп. 1. Д. 96. Л. 2. Д. 62. Л. 191.

стал массовый уход учителей из школ в поисках более оплачиваемой работы. В печати развернулась их травля как дезертиров с «третьего фронта».

Партийно–правительственными директивами 1924 г. была поставлена задача довести минимум зарплаты учителей до 30 руб. По данным из 46 губерний, жалование учителя, вместе с субвенциями, в среднем удалось повысить лишь до 20 руб. 50 коп. Существовал целый ряд губерний, где учителя продолжали голодать, влачить нищенское существование, получая мизерный оклад в 6—11 руб. При этом около трети этой суммы уходило на членские взносы, отчисления в комитет взаимопомощи, подписку на газеты[719]. Любопытно, что одной из причин недофинансирования зарплат учителей, была практика внутрибюджетного заимствования: местные власти использовали средства, поступавшие из центра на содержание учебных заведений, на свое усмотрение для нужд других ведомств.

Первый Всесоюзный учительский съезд (январь 1925 г.) проходил в конъюнктуре относительной экономической стабилизации, что позволяло власти сделать заявления о важных намерениях в социально–культурной области, обеспечить благоприятную атмосферу мероприятия–праздника для приезжающих делегатов. После съезда были введены новые ставки оплаты труда, в результате абсолютные показатели выплачиваемых учителям сумм увеличились в последующие два года в 1,5 раза и составили, в среднем, 30 руб. Однако размер их зарплаты по–прежнему оставался ниже довоенного уровня и прожиточного минимума.

Тем временем административно–командная система продолжала активную деятельность по улучшению материальных условий жизни и работы просвещенцев: в сентябре 1927 г. на заседании СНК РСФСР был поставлен вопрос о нарушениях, связанных с выплатами учителям; на XIV

[719] Народное просвещение. 1924. № 10. С. 1; Народный учитель. 1924. № 12. С. 6—8.

Всероссийском съезде Советов (май 1929 г.) и на XVI съезде ВКП(б) (июль 1930 г.) речь шла о трудностях работы школы, материальном положении учительства. В развитие решений съездов были опубликованы постановления, а на места разосланы циркуляры с указанием рассмотреть жалобы и принять срочные меры по их устранению.

Сведения о размерах заработной платы более 300 тысяч советских учителей были получены в ходе Всесоюзной школьной переписи 15 декабря 1927 г., а также дополнены инспекторскими обследованиями Наркомпроса в 1929 г. Так, учителя городских школ I и II ступени получали в среднем 60 – 102 руб. Заработная плата сельских учителей составляла 52 – 85 руб. В относительных показателях это составляло 2/3 среднего заработка рабочего и 40 — 65% от учительских зарплат довоенного уровня[720]. Приведенные цифры являлись совокупным доходом учителей от совместительства по предметам или должностям, частных уроков, других различных приработков, то есть давались большим напряжением эмоциональных и физических сил, в ущерб семье, здоровью, качеству работы. Официальная статистика дополнялась информацией о нарушениях элементарных прав просвещенцев со стороны местных властей: занижение размеров жалования, задержки его выдачи на 3—4 месяца. Зарплату рассылали по почте за счет учителей или выплачивали облигациями займов, зачастую выдавали небольшими частями, и лишь тогда, когда сами учителя приходили за ней за десятки верст[721].

Таким образом, революционная действительность, реалии «военного коммунизма», перемежающиеся кризисы НЭП сформировали утилитарно–структурное отношение советской власти к вопросу места просвещения –

---

[720] РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 194. Л. 54. Материалы Всесоюзной школьной переписи 15 декабря 1927 года. Т. 1. Социальное воспитание. Экономико–статистический сектор Госплана СССР. М., 1928. С. XXIX.
[721] Народное просвещение. 1929. № 8—9. С. 105.

«третьего фронта» в системе государственных приоритетов. Внешне оно прикрывалось красноречивыми реляциями большевистской элиты, множественными директивами в области материально–правового положения учительства, дезавуировавшими себя в условиях правового нигилизма и финансово–экономической нестабильности 1920–х гг. Повседневность учителей, представленных в подавляющем большинстве женщинами, рассмотренная через призму оплаты труда, позволяет судить об их унизительном маргинальном социально–экономическом статусе, планка которого в значительной мере определялась уровнем зарплаты, формировавшейся по остаточному принципу.

Экстраполируя на современность, следует отметить, что уровень оплаты труда — это концентрированное выражение политической воли, микро– и макропоказателей состояния финансово–экономической системы государства, которая, к сожалению, не развивается строго по восходящей. Финансово–экономическая дестабилизация 1990–х гг. и кризис последних лет — наглядное тому подтверждение.

В.С. Околотин

Иваново, Ивановская государственная технологическая академия

ИЗ ИСТОРИИ УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН В РЕАЛИЗАЦИИ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Модернизация национальной экономики в 1930–е годы насыщена различными примерами вовлечения женщин в строительство новой жизни. Их участие наравне с мужчинами в общем производительном труде стало возможным благодаря провозглашению Конституцией 1918 г. принципа равноправия женщин. В тот период революционной пропагандой женщины рассматривались не только в качестве объекта воздействия, но и проводника большевистской идеологии. В этой связи центральные органы ВКП(б) циркулярно

требовали от органов власти на местах проведения различных мероприятий по привлечению широких женских масс к общественной жизни[722].

В октябре 1929 г. по инициативе С. Орджоникидзе «к делу ликвидации недоимочности с частника, к проверке работы финансово–налогового надзора…причин образования недоимки и способов ее ликвидации… была привлечена рабочая общественность ряда крупных московских заводов».

По утверждению М.О. Лифшица, работа рабочих бригад была насыщена «политическим содержанием и дала крупные положительные и политические результаты». Разговоры об ошибках и искривлениях при взыскании недоимки он назвал «обывательским хныканьем», которое должно быть пресечено[723]. В ИПО такая работа была начата с проведения крупномасштабной операции по взысканию недоимки в декабре 1929 г. В целом результативность принятых мер оказалась диаметрально противоположной имевшимся ожиданиям[724].

К 10 марта 1932 г. ИПО досрочно выполнило первый квартальный финплан на 103,8%, намного опередив Московскую и Ленинградскую области. В результате Иваново был избран местом проведения 24 апреля 1932 г. межкраевого финслета[725]. Подготовка к нему была омрачена беспрецендентными по своему масштабу и накалу рабочими волнениями, охватившими ИПО в начале апреля и в которых приняли активное участие работницы вичугских фабрик и тейковского текстильного комбината. Предзабастовочная ситуация наблюдалась на фабриках и заводах других городов. В закрытом письме от 17 апреля 1932 г. ЦК ВКП(б) обязал местные органы власти, кроме всего прочего «облегчить налоговое обложение и местные сборы с рабочих, имеющих собственных коров и сельское

---

[722] Кутырова О.В. Из истории советского феминизма // Отечественная история. 2007. № 5. С. 218—219.
[723] Лифшиц М.О. Реконструкция бюджетных изъятий из обобществленного сектора // Экономическая жизнь. 1930. 23 апреля. С. 3.
[724] Лифшиц М.О. Реконструкция бюджетных изъятий из обобществленного сектора. С.3.
[725] Межкраевой слет ударников финплана // Экономическая жизнь. 1932. 8 апреля. С. 4.

хозяйство потребительского типа»[726]. Несмотря на рабочие волнения, межкраевой слет финударников в Иваново–Вознесенске состоялся. В докладе завоблфо ИПО В.Ф. Королев среди новых форм массовой работы назвал соцсоревнование, большинством участников которого стали женщины. Только силами женских бригад на территории 16 районов области было мобилизовано более 1500 тыс. руб.

Трудовой порыв сопровождался сложным положением на предприятиях области. Так, в январе 1933 г. ударницы и работницы фабрики в г. Гусь–Хрустальный, делясь с Н.К. Крупской в своем письме «горем и тем, что с нами делают», приводили примеры невыносимых условий жизни, высоких цен на продукты и о том, что вынуждены «спекулировать — продавать свои пожитки с прежних лет»[727].

В праздничном номере «Экономической жизни» от 8 марта 1935 г. была опубликована целая подборка статей, эпиграфом к которым послужили слова И.В. Сталина, о том, что «мы должны приветствовать растущую общественную активность трудящихся женщин и их выдвижение на руководящие посты…». Там же М. Каганович в статье «Женщина в управлении государством» озвучила ряд положений, ставшими ключевыми в развертывании этого движения среди финактива. По ее словам, «наше внимание к женщине должно быть неизмеримо большим, … воспитывать и беречь женский финактив, решительно выдвигать финактивисток на руководящую финработу – вот что требуется и что обязаны делать финансовые органы»[728]. В тот же день в Центральной комиссии содействия при президиуме ВЦИК состоялось совещание финактивисток МО, которые

---

[726] ГАИО. Ф. П. —327. Оп. 5. Д. 243. Л. 51—53.
[727] ГАИО. Ф. П. —327. Оп. 5. Д. 92. Л. 129—130.
[728] Каганович М. Женщина в управлении государством // Экономическая жизнь. 1935. 8 марта. С. 3.

приняли обращение ко всем женщинам в комсодах РСФСР внести свою лепту в выполнении финплана[729].

18 ноября 1935 г. состоялось первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев промышленности и транспорта, на котором с докладом «О значении стахановского движения» выступил И.В. Сталин. На следующий день его выступление обсуждалось в НКФ СССР, где прозвучал вывод о том, что «стахановское движение — это не серия вспыхивающих и погасающих рекордов, а начало новой производственной эпохи невиданных размеров народного движения…»[730].

На совещании финактива ИПО 10 декабря 1935 г. из уст орденоносцев М.И и Е.В. Виноградовых, Т.И. Одинцовой прозвучали упреки в адрес местных финорганов в отставании от того мощного трудового подъема, который был поднят стахановским движением[731]. С целью немедленного исправления положения собравшимися было принято решение выбрать 150 лучших финансовых ударников Иванова, Ярославля, Рыбинска, Костромы, Ростова, Родников и Вичуги и «послать их туда, где плохо с финансовой работой»[732]. «Экономическая жизнь» НКФ СССР вновь поддержала инициативу ивановцев и обратилась ко всем финработникам с предложением «поднять волну отличничества в финансовой работе, выдвинуть передовых людей, которые бы возглавили это движение»[733]. Однако работать за финаппарат активисты не могут и не должны[734].

---

[729] Вызов финактивисток Московской области // Экономическая жизнь. 1935. 12 марта. С. 1.
[730] Досрочно выполним финансовый план // Экономическая жизнь. 1935. 24 ноября. С. 1.
[731] Экономическая жизнь. 1935. 10 декабря. С. 2.
[732] Никулов Н., Дубнов Я. Сила актива // Экономическая жизнь. 1935. 16 декабря. С. 3.
[733] Аболин К. Пойдем в ногу со стахановским движением // Экономическая жизнь. 1935. 18 декабря. С. 3.
[734] Кто следующий // Экономическая жизнь. 1935. 18 декабря. С. 1.

Таким образом, модернизация национальной экономики осуществлялась при массовом участии рабочих и служащих, среди которых было немало женщин. Формы такого участия изменялись не только под воздействием установок из центра, но и по инициативе идущей «снизу». Однако не всегда инициативы «снизу» возникали как следствие трудового порыва передовых рабочих и работниц. В ряде случаев они были акциями, спланированными органами власти на местах. Передовой опыт нашел применение и в реализации налоговой политики. Однако здесь, в силу специфичности финансовой и налоговой работы, он мог дать положительные результаты только при его использовании на более длительном этапе.

Ю.Г. Салова

Ярославль, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

ЯРОСЛАВСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ–ДОШКОЛЬНИКОВ В 1920–е гг.

Одним из главных новшеств в реформировании народного образования в 1920–е годы стало создание дошкольных учреждений для детей младшего возраста. Первым государственным документом, регулировавшим эту работу, стала «Декларация по дошкольному воспитанию», принятая Наркомпросом 20 ноября 1917 года. В ней определялись основные типы детских дошкольных учреждений. Руководство учреждениями возлагалось на дошкольные подотделы губернских и уездных отделов народного образования.

На 1–м Всероссийском съезде по дошкольному воспитанию 1919 г. закреплялась структура дошкольных учреждений и определялась необходимость подготовки кадров. В последующие годы на съездах обсуждались формы и методы работы детских дошкольных учреждений.

Поскольку кадровая проблема встала довольно остро, то были предприняты шаги к привлечению в эту сферу воспитания людей,

разделявших принципы новой педагогики. Чаще всего воспитателями становились простые работницы с предприятий. Так было и в Ярославле.

Первый детский сад в городе появился благодаря частной инициативе О.И. Нечаевой, которая вместе с А.Н.Надеждиной открыла его для детей интеллигенции в частной квартире в 1906 году[735]. Именно из него в 1918 году и создавался первый советский детский сад «Светлячок». Параллельно шло формирование дошкольных подотделов на губернском и городском и уездном уровнях. В Ярославле инспекторские должности заняли О.И. Нечаева, Н.А. Соколов, Н.П. Ширяева.

Самый трудный период пришелся на время ликвидации последствий мятежа лета 1918 г., когда нужно было искать помещения для размещения детей. Но даже в этих условиях к осени удалось открыть еще три детских сада.

В Ярославле частновладельческие сады и парки закреплялись за летними детскими площадками. Для руководства работой площадок привлекались как учителя, так и непрофессиональные сотрудницы, которые получили элементарные навыки работы с детьми на специальных трехмесячных курсах.

С переходом к НЭПу ситуация в деле дошкольного воспитания стала изменяться. И без того непростая финансовая ситуация осложнялась прибытием на территорию губернии большого количества беспризорных детей из охваченного голодом Поволжья. Для помощи дошкольным учреждениям в трудных финансовых условиях в 1922 г. при Ярославском губернском женотделе была создана комиссия из представителей профсоюзных, комсомольских организаций, женотделов, здравотдела, политпросвета. Аналогичные комиссии действовали и в уездах. Благодаря их посредничеству в работу включились предприятия, в городе был проведен

---

[735] Салова Ю.Г. Из истории дошкольного образования в Ярославле // Ярославский архив. СПб., 1996. С. 321—349.

День ребенка, во время которого собирались средства в фонд помощи детям. Но процесс сокращения сети этими мероприятиями невозможно было остановить. Сокращались в первую очередь сельские учреждения.

Именно поэтому главной задачей для губернских управленческих структур стало развитие сельских детских дошкольных учреждений. Весной 1925 г. прошла 4–я губернская конференция по дошкольному воспитанию. Было принято решение о создании в сельской местности детских площадок, как менее затратных учреждений[736]. Для этого была создана специальная комиссия при ГубОНО. В качестве образца для работы был взят Ростовский уезд, где подобная работа носила более организованный характер, поскольку здесь был разработан специальный план их создания, который предусматривал открытие площадок в 10 волостях уезда[737].

Летом 1925 г. в губернии было открыто 68 площадок для 3 000 детей. В дальнейшем количество детских дошкольных учреждений продолжало расти, уже через два года их было 150. Важную роль в их создании играла общественная инициатива.

Руководительницы большинства первых советских детских садов основывались в воспитании на системе Ф. Фребеля, включавшей идеи о приспособлении ребенка к жизни, о дополнении детским садом семейного воспитания, о связи детского сада со школой. Особое внимание уделялось детским играм, творческим занятиям. Параллельно практиковались методы «свободного воспитания», пропагандируемые К.Н. Вентцелем и Е.И. Тихеевой.

О.И. Нечаева сама инструктировала первых воспитательниц по вопросам педагогической работы. С появлением новых методических материалов стали внедряться и новые формы работы с детьми. В Ярославле методическим

---

[736] Наш труд. 1925. № 3. С. 46.
[737] Там же. С. 47.

центром стал опытный очаг «Звездочка», которым руководила Н.А. Белякова. Она же являлась председателем методического объединения работников дошкольных учреждений.

В практику детских садов стали внедряться идеи коллективизма и самоуправления. Именно с этого времени стали запрещать проведение рождественских елок в детских садах, в детскую жизнь стали приходить новые советские праздники. Рекомендовалось убрать из жизни ребенка сказку и куклу.

Воспитатели сожалели о запрещении кукол, отмечая, что эта игрушка необходима ребенку. Дети часто сами делали куклы из «брусочков, рисуя им лицо». Новые идеи воспитания диктовали и новые игры. Так, для приближения ребенка «к жизни», воспитатели водили их на экскурсии, в результате которых появлялись новые игры в «пожарников», «в паровоз», «в комсомольцев», «в клуб пионеров», «в похороны Ленина».

Во второй половине 20–х годов все чаще в отчетах детских учреждений отмечалось, что «потихоньку, но уверенно проводится в жизнь принцип политического воспитания в революционном духе». Для проведения этих идей прежде всего были необходимы в дошкольных учреждениях соответствующие сотрудники. Сначала в губернии были организованы краткосрочные курсы по подготовке воспитателей. С начала 20–х годов кадровый вопрос стал решаться через организацию кружков самообразования для дошкольных работников. С весны 1923 г. особенно активным стал такой кружок в Ярославле, работавший при детском саде «Звездочка». Им руководил психолог Н.А. Соколов. Все нововведения в воспитательный процесс обязательно рассматривались в кружке.

Такой подход к кадрам диктовался тем, что специальное педагогическое образование было только у 2% сотрудниц. Выходом из ситуации стало открытие дошкольных отделений в педагогических учебных заведениях.

Несмотря на трудности, к концу 20–х годов в губернии сложилась организованная в первую очередь ярославскими женщинами система дошкольных учреждений, которая позволила решать поставленные властью задачи общественного воспитания детей и формировать человека нового социалистического общества.

Н.А. Белова

Москва, ИЭА РАН

ГЕНДЕРНЫЙ СОСТАВ УЧИТЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920–Е ГОДЫ

В основу изучения гендерного состава мы возьмем понятие Н.Л. Пушкаревой: «Гендер – это система межличностных отношений, которая является основой общественной стратификации по признаку пола»[738]. Исходя из данного определения, учитывая политику советского государства в женском вопросе, в данной статье анализируются изменения в гендерной ситуации в профессии учителей в 1920–х гг.

Октябрьская революция 1917 года явилась переломным этапом в истории России, характеризующимся кардинальными изменениями в социальной и политической структуре общества. Полноправное участие женщин в хозяйственном строительстве неизбежно вело к повышению их социальной активности, развитию личности женщины и изменению положения в семье. В этом советское государство и видело основную задачу. В статьях 3, 7, 18 и 64 Конституции 1918 года законодательно закреплены положения о том, что женщина и мужчина имеют равные права и что одним из путей осуществления этих прав является предоставление женщинам равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки. В Основах законодательства о народном образовании равное

[738] Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 170.

право мужчин и женщин на получение образования во всех типах учебных заведений подчеркнуто в положении об осуществлении совместного обучения лиц обоего пола[739].

В Костромской губернии в 1920 году из 1775 учителей 1367 (77%) были женщинами[740]. Таким образом, из приведенных данных видно, что численный перевес в Костромской крае наблюдался в пользу женщин. Тогда как официальные данные по стране за этот период называют удельный вес женщин в 65,1%, т.е. из 111521 учителей, женщин было 72488[741]. Из этого следует вывод, что данное положение связано с демографической ситуацией в Костромской губернии. Женское население здесь всегда численно преобладало над мужским.

Одной из главных задач советского правительства было увеличение учительских кадров из благонадежных социальных слоев населения. Но данный процесс был усложнен рядом причин: «Бытовые условия, консерватизм родителей, а иногда и самих работниц и крестьянок также немало влияли на темп вовлечения женщин в профшколы». Целый ряд мероприятий исключительного порядка, предпринятых органами — Наркомироса, женотделами, профсоюзами и комсомолом, — был вызван привлечением женского состава населения для обучения и подготовки новых специалистов. Эта работа проходила в 1920–е гг. и тщательно отслеживалась партийными органами власти. В результате проделанной работы количество женщин на факультетах педагогических учебных заведений увеличилось на 13,2%. Всесоюзная школьная перепись 1927 года дает такую характеристику

---

[739] Конституция СССР. Политико–правовой комментарий. М., 1982. С. 128.
[740] Костромская губерния в цифрах 1923—24 г. Статистический справочник, год IV–й. Кострома,1925.
[741] Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 1930–х гг. М., 1979. С. 146—152, 168—169.

учительства по гендерному аспекту: из 315 тысяч учителей 189668 учителей приходится на женщин, что составляло 60% от общего числа педагогов, а в Костромской губернии этот показатель составлял 57%.

Данные Всесоюзной Школьной переписи 1927 года подтверждают то, что большинство женщин учительниц в СССР были в начальной школе – 55%, а вот женщин – предметниц, преподающих в средних школах в шесть раз меньше (9%)[742]. Так же материалы переписи показывают нам, что количество молодых советских педагогов постепенно увеличивается. Причем в сравнении с дореволюционным положением, количество женщин постепенно растет, а в возрастном составе наблюдается тенденция на советизацию педагогического персонала, при помощи молодых женских кадров, выпущенных из новых советских педагогических учреждений. Все эти меры были направлены на создание благонадежного слоя среди учителей, на которых возлагалась ответственная задача в воспитании и подготовке людей для нового коммунистического общества.

Ситуация в Костромской губернии того периода несколько отличалась от общей ситуации в РСФСР. Большинство учителей было сосредоточено в городе. Этот факт объясняется тем, что в сельской местности сеть школьных учреждений была развита слабо, и в основном это были школы I ступени. В подобных школах численный перевес женщин достигал 80%, тогда как в школах II ступени не доходил и до 37%. Данная ситуация объясняется тем, что заработная плата учителей–предметников в школах II ступени, была значительно выше, чем у их коллег групповиков. Так в 1926 году учителя школ I ступени получали 35 рублей в месяц, а во II ступени 50 рублей[743].

---

[742] Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 года в III частях. Ч. III. М. 1930. С. XXVI.
[743] Отчет отдела Народного образования за 1925/26 учебный год. Кострома, 1926. С. 134.

Однако в школы выше II ступени брали работников только из социально благонадежного слоя или из состава молодого советского учительства. По данным статистики, из пятидесяти двух преподавателей в Школах Рабочей и крестьянской молодежи 12 человек являлись членами РКП(б), 9 человек были членами ВЛКСМ, остальные 31 являлись членами Союза Работников Просвещения. Тогда как в школах II ступени двадцать девять учителей не входили ни в одно государственное или партийное объединение.

В 1927 году начинается резкий поворот в деле народного образования, который был направлен на чистку учителей и удаление из ее состава неблагонадежной прослойки.

Весной 1928 года, а особенно осенью, перед началом учебного года по всему СССР прокатилась волна массовых увольнений и перемещений учительства, главным образом сельского. Данное положение было объяснено местными партийными организациями «желанием улучшить работу школ, обеспечить их работе классовую направленность»[744]. Но на практике это здоровое желание улучшить работу школы, привело к значительному росту правонарушений в отношении сельского и городского учительства, особенно среди женщин[745].

Таким образом, феминизация учительской интеллигенции в Костромской губернии началась ещё на ранних этапах становления советского государства. Основная часть женских кадров учительниц была сосредоточена в начальных школах, по возрасту – это были специалисты от 20 до 40 лет.

С.А. Бочан

Новочеркасск, Южно–Российский государственный технический университет

ФЕМИНИЗАЦИЯ «МУЖСКИХ ОТРАСЛЕЙ» НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В 1930–х ГОДАХ (НА МАТЕРИАЛАХ ДОНА И КУБАНИ)

---

[744] Смирнов И. На борьбу с формализмом // Народное просвещение.1 929. № 3–4.
[745] Ефременко Л. Проблема педкадров // Народное просвещение. 1929. № 8–9.

Согласно известному выражению, равные права предполагают и наличие равных обязанностей. Эти слова с полным основанием могут быть отнесены к мероприятиям большевиков по устранению гендерного неравенства в Советской России, имевшим весьма неоднозначные результаты. Сосредоточенные усилия партийно–советских структур уже в 1920–х гг. привели к определенному сглаживанию гендерных диспропорций, к некоторому увеличению роли и значения женщин в советском обществе. Однако негативными результатами все тех же усилий стали возрастание трудовой нагрузки на женщин и ухудшение их здоровья (а, значит, – и здоровья рожденных ими детей) вследствие активного вовлечения в типично «мужские» сферы занятости.

Женщины в СССР рассматривались в качестве важного ресурса укрепления обороноспособности страны, необходимого не только для замены на производстве призванных в армию мужчин, но и для кадрового пополнения отдельных военных специальностей. С этой целью органы власти советского государства развернули систему военного обучения населения, игнорировавшую гендерные различия.

Уже в 1920–х гг. большевики озаботились организацией военного обучения женщин. Особую актуальность вопросы оборонной работы среди женской части населения СССР обрели в последней трети второго десятилетия XX в., когда советско–английские отношения обострились настолько, что лидеры компартии во всеуслышание заговорили о близкой войне.

В 1930–х гг. опасность масштабного вооруженного конфликта между Советским Союзом и «мировым капиталом» еще более возросла. В связи с этим советское руководство активизировало усилия по вовлечению женщин в оборонно–патриотическое движение. Разумеется, от инициатив правительственных органов и лидеров компартии не могли остаться в

стороне и, не остались, работники партийно–советских структур Дона и Кубани. Следуя указаниям ЦК ВКП(б) и правительства, партийные функционеры и сотрудники советской администрации на Дону и Кубани озаботились внесением элементов милитаризации в жизнедеятельность как горожанок, так и жительниц колхозной деревни.

Говоря о распространенных в 1930–х гг. формах и методах вовлечения советских женщин в движение за оборону, необходимо отметить, что ведущим направлением здесь являлось ознакомление женщин с азами военного мастерства с целью феминизации вооруженных сил СССР в случае нападения вероятного противника и развертывания большой войны. Однако гендерные аспекты оборонного движения не ограничивались лишь военным обучением женщин, поскольку представители властных структур советского государства заботились о феминизации не только армии, но и тыла. В этой связи отдельным направлением оборонного движения в границах третьего десятилетия XX в. являлась профессиональная подготовка женских кадров для традиционно «мужских» отраслей народного хозяйства, дабы представительницы слабого пола в случае начала войны и последовавших за этим мобилизаций в армию могли заменить на производстве мужчин.

Сосредоточим внимание на вовлечении сельских женщин лишь в одну типично «мужскую» сферу аграрного производства, каковой являлась механизация. В результате титанических усилий правительства, промышленности и самих жителей коллективизированной деревни, в колхозах и совхозах 1930–х гг. уровень механизации был неизмеримо выше, чем в рамках предшествующего десятилетия, не говоря уже о досоветских временах. Соответственно, трактористами и комбайнерами стали десятки тысяч деревенских мужчин, трудившихся в совхозах и на машинно–тракторных станциях. В случае войны и неизбежных при этом мобилизаций покрыть убыль кадров механизаторов за счет мужского населения деревни не

представлялось возможным, почему представители власти и проявили повышенную заинтересованность к идее обучения женщин соответствующим специальностям. В связи с этим, партийно–советское руководство в приказном порядке направляло сельских девушек обучаться на курсах трактористов. Усилия властей возрастали по мере обострения международной обстановки, достигнув пика к исходу 1930–х гг., когда опасность новой мировой войны приняла вполне осязаемые черты: именно в конце отмеченного десятилетия в СССР была развернута масштабная кампания под лозунгом «девушки, на трактор!».

Доминирующим мотивом, при этом, продолжало оставаться стремление сформировать как можно более внушительную по численности когорту женщин–механизаторов, способных заменить на производстве мужчин в случае войны. Причем, не только представители власти, но и многие рядовые сельские жители полагали желательным обучить возможно большее количество женщин профессиям механизаторов в преддверии будущих боев. Немало молодых колхозниц с воодушевлением стремились получить профессию тракториста: «одних в ней привлекала своеобразная романтика, другие верили советским пропагандистским фильмам, выставлявшим механизаторов в виде передовых людей колхозной деревни, третьи желали получить востребованную профессию как гарантию самостоятельности и материальной стабильности». Ряд таких энтузиасток за свои производственные достижения получил широкую известность не только на Юге России, но и по всему СССР.

Однако усилия партийно–советских органов власти по формированию кадров женщин–механизаторов зачастую не давали должного эффекта, поскольку «обучение и оплата труда трактористов не соответствовали требованиям жизни, а сопряженная с большой ответственностью профессия занимала

невысокое место в колхозной иерархии»[746]. Даже мужчинам было не так просто работать на тракторах и комбайнах, а женщинам и того сложнее. Поэтому удельный вес женских кадров в составе механизаторов был невысок как по всей стране, так и на Дону, и на Кубани.

Тяжелые условия труда и быта на производстве, невнимание законодателя к специфическим проблемам женщин–механизаторов (в частности, недостаточные размеры помощи в случае беременности), прямое противодействие руководства МТС и совхозов вели к тому, что даже к исходу 1930–х гг. численность женщин среди трактористов, комбайнеров и т. д. была невысокой. Можно сказать, что лидеры Советского Союза даже к концу 1930–х гг. имели все основания быть недовольными как недостаточно активными темпами, так и далекими от желаемого идеала результатами вовлечения сельских девушек и женщин в такую типично «мужскую» сферу деятельности, как механизация.

Н.П. Миронова

Сыктывкар, Коми НЦ УрО РАН

ОБРАЗ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ–УЧЕНОГО В КОМИ ФИЛИАЛЕ АН СССР В 1950–х ГОДАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЛОВЫХ ДНЕВНИКОВ)

Гендерная тематика в применении к профессиональной сфере обычно обсуждается в связи с проблемой сегрегации и обусловленного ею разрыва в доходах между работниками по признаку пола, анализируются механизмы исключения женщин из наиболее престижных и высокооплачиваемых сфер[747]. Антропология академической жизни лишь недавно стала восприниматься в российском научном сообществе как отдельная область исследований. В

[746] Оджей М. К вопросу о кадрах механизаторов в советском сельском хозяйстве (1929 – 1939 гг.) // Отечественная история. 1993. № 2. С. 177.

[747] Хайнтц Б., Надаи Е. Пол и контекст: деинституционализация и половая дифференциация // Современная немецкая социология: 1990–е гг. СПб., 2002. С. 282–309. С. 295.

отечественной науке подобные исследования ведутся Г.А. Комаровой и Т.Б. Щепанской.

Использование термина «антропология» предполагает не столько изучение человека вообще, но изучение конкретного способа существования «академического» человека или человека академического образа жизни, а также совокупности ритуалов, коммуникативных и повседневных практик, сформированных сообществом «академических» людей. В данном случае, антропологические и этнографические по своему содержанию подходы к анализу функционирования научного сообщества в различные временные периоды тесно сопряжены с историей повседневности, которая возникла на волне «историко–антропологического поворота» в гуманитарных науках 60–х гг. XX века[748]. Описание образа жизни в истории повседневности основано на микро–анализе небольшой географической и временной локализации. Исследование может рассматривать небольшой регион и малый период времени, но при этом представлять глубокий анализ жизненных историй представителей разных возрастных, профессиональных, половых и других социальных когорт, «сетей» их взаимосвязей и взаимодействий в частной, домашней и внедомашней, производственной жизни[749].

Научный архив Коми НЦ УрО РАН осуществляет издание серии научно–справочных материалов к документальным фондам и коллекциям, хранящимся в архиве. В 2007 г. коллективом авторов Научного архива Коми НЦ УрО РАН был подготовлен и издан справочник по фондам личного происхождения,

[748] Оболенская С.В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей: Человек в истории. 1990. М., 1990; Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 1997; Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999; Пушкарева Н.Л. История повседневности и частной жизни глазами историка // Социальная история. 2003. М., 2003.

[749] Пушкарева Н.Л. История повседневности. Онлайн энциклопедия Кругосвет. – http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ISTORIYA_POVSEDNEVNOSTI

который включает сведения по личным фондам ученых, содержит биографические справки о фондообразователях, подробные аннотации о видах и содержании документов.

Документы личных фондов составляют около 20% от общего объема документов и представляют значительную ценность как «живые» свидетели индивидуального творчества человека. С другой стороны, они представляют и некий срез определенной эпохи, причем срез, имеющий своеобразный субъективный личностный оттенок, что в значительной мере привлекает исследователей повседневности. Основу данного исследования составили рабочие дневниковые записи двух женщин–ученых Коми филиала АН СССР: заведующей лабораторией ихтиологии и гидробиологии, д.б.н. О.С. Зверевой (1952–1954 гг.) и младшего научного сотрудника отдела леса А.Н. Лащенковой (1955–1957 гг.). Дневники представляют собой деловые рабочие тетради, содержащие подневные записи, в которых представлен распорядок рабочего дня. Представленные рабочие дневники (тетради) позволяют сравнить особенности профессиональной и повседневной деятельности двух разных женщин. Одна из них, Ольга Степановна Зверева, находится на пике своей профессиональной карьеры, активно ведет научно–организационную работу. Ко времени написания дневника, в 1952–1954 гг., Ольга Степановна имела степень кандидата биологических наук, докторскую диссертацию она защитит в 1965 г. Тем не менее, для такого молодого научного учреждения, как Коми филиал АН СССР, где на тот период остро стояла проблема нехватки квалифицированных кадров, Ольга Степановна была очень ценным специалистом. В 1952–1954 гг. Ольга Степановна являлась заведующей сектором зоологии Коми филиала АН СССР. Вторая героиня – Ариадна Николаевна Лащенкова, в рассматриваемый период активно занимается подготовкой к защите кандидатской диссертации, можно сказать, находится в начале своего самостоятельного пути в науке. Текст

записей достаточно сух, во многом содержит только конкретную информацию о профессиональной и общественной деятельности героинь. Но при всей скудности и формализованном характере источника, деловые дневники позволяют определить некоторые особенности быта и образа жизни женщины–ученого, что и является основной целью данного исследования.

Прежде всего, подневные рабочие записи позволяют оценить интенсивность и продолжительность рабочего дня. Поскольку в рабочем дневнике обычно указывается количество часов, отведенных на тот или иной вид работ, то можно отметить, что рабочий день научного работника длился в среднем от 9 до 12 часов. Высокую интенсивность научной работы показывает и тот факт, что ученый работает практически непрерывно, вечером, на выходных и в праздничные дни. В своих рабочих дневниках О.С. Зверева специально отмечает, «вечером не работала», т.е. это было чем–то особенным, что требовало специальной оговорки. Действитетельно, абсолютно свободных вечеров у О.С. Зверевой и А.Н. Лащенковой, практически не было, все вечера заняты, если не научной работой, то общественной деятельностью. За весь описанный в дневниках период у О.С. Зверевой было 46 воскресных дней, из них 22 в той или иной степени посвящены работе. В дневниках А.Н. Лащенковой отмечено 116 воскресений, из которых 61 рабочее, причем по интенсивности и загруженности выходной день ничем не отличается от рабочего. Такая же ситуация и с праздниками, не может быть и речи о длительном праздновании Нового года или длительных майских каникулах, которые стали нормой для современников.

Таким образом, анализ рабочих дневников женщин–ученых Коми филиала АН СССР 1950–х гг. показывает, насколько насыщенным и плотным был их рабочий график, научная деятельность занимает большую часть и их свободного времени. При этом профессиональная деятельность тесно сопряжена с общественной жизнью и идеологическим воспитанием.

Е.В. Стяжкина

Донецк, Донецкий национальный университет

«…ОСОБЕННО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ЕЙ УДАВАЛИСЬ НУЖНЫЕ ЗНАКОМСТВА»: ЖЕНСКИЕ ПРАКТИКИ В СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1960 – СЕР. 1980–х гг.

В данной работе мы попытаемся определить пространство повседневности как «обычное, каждодневное, бытовое, которое всеми самими членами коллектива воспринимается как «естественное», единственно возможное, нормальное»[750] и, отграничить его от сферы официальной и профессиональной жизни. Мы сосредоточимся на понимании советской повседневности как определенного каркаса, который обеспечивал жизнеспособность общества, и сконцентрируем внимание на тех практиках, которые были направлены на поддержание биологических потребностей человека – потребностях в еде и одежде.

Проблема «где и как достать» продукты – ключевая, но совершенно обыденная в истории женской повседневности. Решения ее кажутся ситуативными и очень вариативными. В каждом конкретном случае они наполнены разными человеческими отношениями, но опыт освоения повседневности оказывается повторяющимся, схожим, типичным. И это означает, что в пространстве обыденной жизни формировались правила и нормы, не регулируемые государством. Вероятно, не будет преувеличением предположить, что в возникновении этих новых правил, иных способов гражданской активности ключевую роль сыграли женщины–работающие матери.

Самая простая (на первый взгляд) практика добычи еды и одежды – это купить необходимое в магазине. В советских реалиях просто купить необходимое

---

[750] Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Избранные статьи. Т. 1. С. 249.

было непросто. Поход в магазин с четким списком продуктов/товаров был невозможен. «Брать, что дают», а не то, что нужно[751], можно было в обеденный перерыв, а также после работы. Следует признать, что для сотрудниц некоторых советских учреждений поход в магазин был возможен и в рабочее время. Кроме того, собственно рабочее время женщины–служащие старались использовать с максимальной выгодой «для дома, для семьи».

Феномен советской эпохи и предмет отдельного анализа – очередь. Предметом отдельного анализа являются и практики ее организации, «стояния и избегания». Так, наиболее распространенный сценарий избегания очереди – это поиски «своего продавца» и установления с ним долгосрочных связей. «Свой продавец», «своя портниха», «свой парикмахер» мог быть родственником, соседом, но чаще оказывался человеком, включенным в систему «ты – мне, я – тебе».

На систему связей, поддерживающих и нормирующих повседневную жизнь, можно взглянуть и с точки зрения формирования сетей гражданской активности, которые смещали акцент значимости со сферы публичного в сферу приватного. Границы приватной сферы раздвигались, и она, собственно, становилась уже не частной историей, но по–настоящему общественной жизнью, включающей массу социальных агентов, социальных групп. В этой новой «общественной приватности» формировались мнения, отношения и новые практики, которые меняли советское общество. Здесь повышался уровень обыденной компетентности и широко использовались коммуникационные технологии. Распространение информации о «выброшенных» товарах, равно как и о «хороших врачах», «профессиональных репетиторах», «чудесных малярах» происходило мгновенно. Организовывая свою и чужую (родственную, дружескую)

---

[751] Варианты описания этой практики: «напасть на товар», «взять по случаю», «схватить».

повседневную жизнь, женщины «взяли почты и телеграфы», расширяя географию горизонтальных сетей. Благодаря невысокой цене на почтовые услуги, можно было достаточно свободно обмениваться «дефицитом», «доставать» и посылать необходимые товары «Дефицит» отправляли не только родственникам, но и друзьям и знакомым, бывшим коллегам и соседям.

Городские пространства наполнялись не только чужими, не знакомыми, враждебными, но и «нужными», хорошими, добрыми людьми, отличными специалистами («которые много не возьмут»), «честными продавцами нехапугами». Пространство коммуникаций обыденной жизни было женским.

«Женское лицо» повседневных боев за пищу и одежду, за устройство детей в сады, родственников в больницу определялось не только нормативными предписаниями, но и структурой женской занятости на рынке труда. Наибольший процент женщин в общей численности рабочих и служащих в середине 80–х годов был зафиксирован в торговле и общественном питании – 82%, в охране здоровья, физкультуре и социальном обеспечении – 81%, в народном образовании – 75%, в культуре – 73%, женщины–инженеры составляли 58%, врачи – 67%, экономисты – 87%, бухгалтеры – 89%, библиотекари и библиографы – 91%[752]. На этом фоне «знакомства», которые устанавливались между женщинами были вполне логичными.

Однако ставить памятник женщинам, «создавшим городскую повседневность» – это поспешное решение и не вполне точный вывод. Анализ обыденных женских практик фиксирует тот факт, что многие из них были практиками традиционного общества, практиками крестьянскими и даже архаичными. «Между голодом, этим фундаментальным, архаичным и болезненным ощущением отсутствия, и беззаботной, самодовольной сытостью находится «гастрономическая мать» с ее кулинарным ритуалом, ее

[752] Женщины в СССР в 1988 г. Статистические материалы. М., 1988. С. 14, 16, 19.

пространством власти, – отмечает С. Вальчевска, – Убийственная серьезность, с которой женщины относятся к кормлению себя и семьи, возможно, адресует нас к другому, не эмансипационному, а матриархальному дискурсу, доисторическому или доцивилизационному, в котором устойчивое поддержание жизни и направленные на достижение этой цели усилия представляются приоритетной ценностью» [753].

Традиционные практики обеспечивали девушкам и женщинам возможность одеваться самим и одевать семью. Было принято «делиться вещами», «брать напрокат», одежду принято было передавать от старших к младшим (особенно детскую). И, главное, одежду принято было шить. Шить из тканей или переделывать готовые вещи. Шить самим или заказывать «у знакомой портнихи» или в ателье, но без «знакомства» этот вариант был не очень надежным.

Устойчивые традиционные практики продолжали транслироваться на протяжении всего изучаемого периода, но с конца 70–х годов их эффективность стала снижаться. Пошить, заготовить, переслать «престижное» было трудно. Находясь внутри паттерна «работающей матери» – практически невозможно. «Поле лишнего» требовало от людей не только широких сетевых коммуникаций, но серьезной мобильности, свободного времени, денежных ресурсов, умения ориентироваться в тенденциях потребительского рынка, способности к иному способу жизни, где не традиция, и не «счастливый случай», но рациональность, целесообразность и денежный расчет играли ключевую роль.

Женщины продолжали играть решающую роль в удовлетворении первичных потребностей семьи. Но иные практики организации повседневности, осуждаемые и/или недосягаемые сценарии жизни «других» женщин обретали

---

[753] Вальчевська С. Особиста свобода. Домашній матріархат // Незалежний культурологічний часопис «Ї». Львів, 2000. № 17. С. 38.

черты притягательности, успешности. Это были сценарии другой повседневности, в которых «вращающимся элементом» был мужчина–кормилец.

Экстенсивные механизмы освоения городского пространства традиционными методами начали сосуществовать с более прагматичными. «Гастрономическая мать» вступила в борьбу с женщиной, что «удачно пристроилась». Никто не проиграл, но повседневная жизнь и способы удовлетворения повседневных запросов оказались не только ресурсом новых экономических отношений, но и базовым элементом реконфигурации контракта работающей матери и изменения модели «слабого кормильца».

Э.Р. Зиннатуллина

Братск, Братский государственный университет

FEMINA SOVETICA – ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Ведущий специалист в области гендерной истории Н. Пушкарева недавно писала, что этнографические исследования об образе жизни и послевоенном быте советских работниц безнадежно устарели[754]. Вакуум в отечественной историографии начала XXI в. очевиден. Хотя современные ученые в последние два десятка лет активно восполняли недостаток исследований по женской истории 1950—1980–х гг., femina sovetica ускользает, пряча свое лицо. Немало написано добротных работ, посвященных специфике гендерного контракта в СССР, участию женщины в общественно политической и экономической жизни страны[755], но многие аспекты сложного клубка противоречий под названием «женщина и труд в СССР» еще ждут своего звездного часа.

---

[754] Пушкарёва Н. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 114.
[755] Айвазова С.Г. Контракт «работающей матери»: советский вариант // Гендерный калейдоскоп. М., 2001.С. 291—309; Здравомыслова Е., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социс. 2002. № 11. С. 4—15; Чернова Ж. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб., 2008. С. 328.

В период Великой Отечественной войны, когда работоспособные мужчины были на фронте, женщины (и подростки) заняли их рабочие места, единственно возможным способом решена была проблема дефицита рабочей силы. После войны ситуация отчасти изменилась, но степень рекрутирования женщин в трудоемкие сферы деятельности была высока.

Послевоенные годы стали тем периодом, когда советские женщины активно вступили в общественную жизнь, трудовую деятельность и стали заменой мужчин во многих «типично мужских» сферах (строительство, тяжелая промышленность). Специфика того времени такова, что сами женщины не видели непомерной тяжести своей доли, задачи экстренной реконструкции, государственная политика и формировавшиеся под ее влиянием ментальные установки советского общества изменили специфику традиционного гендерного разделения труда.

Некой «компенсацией» за тяжелые трудовые будни был культ людей труда, героизация труда в СССР. И одним из главных стереотипов массового сознания было сведение женской индивидуальности к роли передовой труженицы (наряду с непременным материнством)[756]. Все женщины, о которых далее пойдет речь, относятся именно к категории ударниц.

В.Н. Плетнева была яркой представительницей тех «кухарок» (в самом лучшем смысле этого слова), которых допустили к управлению государством. Ей не было и тридцати, когда она получила звание Героя Социалистического Труда (1960 г.). Валентина Николаевна была депутатом Верховного Совета четырех созывов. В 1960—1980–е ее личность была символической: лучшая ткачиха, героиня, ударница. Она сумела совместить две ипостаси: ударницы труда и матери. Хотя всесоюзная слава не всегда радовала В. Плетневу и ее семью. Успешная femina sovietica часто в ущерб семье реализовывала себя

[756] Айвазова С.Г. Указ. соч. С. 299.

на избранном поприще. Валентина Плетнева, обладая достоинствами профессионала и специалиста в типично «женской» отрасли промышленности, стала примером удачного сочетания выполнения советской программы по героизации женского труда и привлечения женщин к показному участию в управлении государством.

Г.Ф. Пакельчук, работавшая на строительстве Братской ГЭС, вспоминает: «Наша бригада должна была своевременно обеспечивать все строящиеся объекты материалами – песком, цементом. Погрузка осуществлялась вручную. При этом бригада была полностью женской. Если говорить о сложности работы, несомненно, это был тяжелой труд. Мы уставали неимоверно, но получалось всегда так, что друг другу помогали, что–то непонятное объясняли, поддерживали друг друга»[757]. В данном случае женская бригада в условиях форсированного строительства выполняла типично «мужскую» работу. При этом женщины осознавали «энергозатратность», тяжесть выполняемой работы, но не роптали – такова суровая необходимость, черпая силы в дружеском участии и взаимоподдержке.

Советские СМИ, естественно, транслировали выработанную властью установку: любой труд почетен для женщины. Однако за всем пафосом идеи гармоничного существования женщины в условиях тяжелого, изматывающего труда скрывалась судьба «амазонок поневоле», тех, кто вынужден был выполнять тяжелую работу, надрываясь изо всех сил, и при этом совмещать ее с обычным кругом повседневных женских забот.

Женщины, о которых шла речь, являли собой типичные воплощения советской ударницы, героини трудового фронта. В послевоенный период женщины реализовывали себя не только в типично женских отраслях (как, например, В.Н. Плетнева в швейной промышленности), но и в сугубо мужских.

---

[757] Интервью с Пакельчук Г.Ф. (Братск, 10 мая 2009) // Личный архив автора.

Долбя шурфы, управляя тяжелым грузовиков, занимаясь погрузкой материалов, женщины «демонстрировали», что находятся на «своем» месте. Таким образом, гендерные маркеры в сфере труда частично стирались, но укоренившееся в сознании трудовое разделение полов тем не менее сохранялось, как показывает анализ источников. И сами ударницы, и журналисты, и чиновники каждый раз будто пытались доказать, что сложившееся на советском рынке труда положение является органичным.

Многие из советских женщин вынуждены были выполнять типично мужскую работу, восполняя недостаток рабочей силы. Логика замены и логика эмансипированного XX в. оказалась такова, что женщины стали конкурировать с мужчинами, возвращавшимися к своему «гендерно обусловленному» физическому труду на стройках, заводах, предприятиях. Femina sovietica, не избалованная судьбой, вынесшая на своих плечах и тяготы войны, и бремя послевоенной реконструкции, уже не пасовала перед сложностями и мужским эго, расплачиваясь за это невыносимыми по нынешним меркам условиями жизни.

Т.Ю. Новинская

Пенза, Пензенская государственная технологическая академия

ЖЕНЩИНА И ГОСУДАРСТВО В СЕРЕДИНЕ ПРОШЛОГО ВЕКА

В настоящее время российское государство уделяет значительное внимание решению таких важных проблем, как укрепление института семьи, повышение рождаемости. Поиск правильных решений должен быть основан на историческом опыте. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение социальной политики советского государства. Особый интерес в этом плане представляют 50–е годы XX века, когда попытки послесталинской демократизации общества не могли не отразиться на положении женщины в обществе.

Отношение к женщине в советский период определялось с позиции морали советского государства, в котором человек рассматривался как

строитель коммунизма, член единого целого – советского общества. Однако не будем забывать, что 50–е годы XX века – это время существенных перемен в жизни всех людей, в том числе и советских. В программе государственного развития нашли отражение потребности людей в переменах – улучшении условий быта, отдыха и т.д. Многие документы советского правительства напрямую касались изменений повседневности советской женщины. В целях привлечения женщин к общественному труду была разработана целая программа, которая дала желаемые результаты.

Чтобы освободить женщин от рутинной работы – стирать, готовить пищу и т. д., в 50–х годах XX века появилось большое количество домовых кухонь, предназначение которых состояло в том, что все необходимое для трапезы советские люди должны приобрести в форме полуфабрикатов или уже в готовом виде, и прачечных.

Решить важную для государства проблему с рождаемостью должен был указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усиление охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать–героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства», принятый еще в июле 1944 г. Однако, по сути, указ содержал ощутимую помощь только для многодетных матерей и матерей—одиночек. Что касается беременных женщин, то в указе речь шла о том, что очередной отпуск приурочивался к отпуску по беременности и родам, который был непродолжительным.

В начале 1950–х годов Министерством здравоохранения были разработаны рекомендации, которыми должны были руководствоваться правления колхозов и совхозов. Например, колхозницы освобождаются от работы на тракторах за два месяца до родов. Указ обязал руководителей предприятий и учреждений оказывать помощь беременным женщинам и

кормящим матерям путем дополнительной выдачи им продуктов из подсобных хозяйств.

Другим важным направлением социальной политики советского государства стало увеличение сети дошкольных учреждений. Однако строительство детских учреждений было недостаточным. Проблема обеспечения нуждающихся семей детскими садами и яслями не была решена, как и многие другие проблемы социального плана. В виду этого большое количество увольнений женщин по семейным обстоятельствам происходило по причине ухода за малолетними детьми. Что касается сельской местности, то здесь ситуация отличалась от города только в худшую сторону[758]. Работа сельских детсадов осуществлялась по сезонному принципу.

Отсутствие в сельской местности детских дошкольных учреждений объяснялось просто – отсутствием государственного финансирования. Средства на содержания их должны были выискивать сами колхозы и совхозы, которые пытались избегать дополнительных затрат.

Оплата за содержание детей в детских садах и яслях для родителей, имеющих четырех и более детей, снижается на 50% независимо от размера заработка. Законодательством Союза ССР могли устанавливаться дополнительные льготы по оплате содержания детей в детских садах и яслях.

В 1950–е годы широкое распространение получили оздоровительные лагеря. Они чаще всего действовали во время каникул. В них имели возможность отдохнуть дети рабочих и служащих предприятий. Стоимость такой путевки составляла 480 – 760 руб. (20% – 28% от общей стоимости путевки). Даже для рабочих со средним заработком это была значительная сумма.

В 1953 г. министр здравоохранения Мария Ковригина заявила о необходимости разрешить аборты, запрещенные с 1936 г. Ковригина

---

[758] ГАПО. Ф. П–148. Оп. 1. Д. 3559. Л. 57.

аргументировала свое заявление тем, что женщина вправе сама решать, что ей делать, а также озвучила ужасающую статистику о нелегальных абортах и их последствиях.

По Пензенской области в 1953 г., по сравнению с предшествующим годом, на 24% увеличилось число абортов, в том числе по городской местности – на 29% и по сельской – на 15%. В результате чего на 100 родившихся младенцев число абортов составляло в 1953 г. по городской местности 95, по сельской – 14[759]. Необходимо уточнить, что число абортов взято по данным лечебных учреждений Министерства здравоохранения, поэтому не отражает полной картины. Существенная разница по городской и сельской местности, главным образом, и, во–первых, происходит по причине недоступности к данному виду медицинских услуг. Во–вторых, в целях увеличения прироста населения, государственная политика была направлена на сокращение числа абортов. Однако 1 ноября 1955 г. аборты вновь были разрешены.

Уверенный экономический рост в 1950–х годах привел к тому, что в европейских странах начал культивироваться новый тип общества, в котором резко разграничивались мужские и женские роли. В идеальной семье муж зарабатывал и обеспечивал семью, а жена являлась образцовой домохозяйкой и матерью. По сути, возвращалось традиционное понимание семьи. В «цивилизованных странах» женщинам отводилась роль своеобразной «визитной карточки» семьи, которая должна была выглядеть безупречно даже за хозяйственными делами.

«Визитной карточкой» в повседневной жизни советской женщине быть было трудно, так как в обществе ей приписывалась другая роль. Она должна была больше времени уделять общественному производству.

---

[759] ГАПО. Ф. П–148. Оп. 1. Д. 3190. Л. 32.

Государство в 50–е годы не изменило своего отношения к женщине как к «энергичному борцу и труженику». Материнство рассматривалось как природой данная ей способность, которую она может осуществлять при любых обстоятельствах. «Советская женщина… энергично борется за то, чтобы покой и счастье ее детей не были нарушены поджигателями новой войны. Самоотверженным, героическим трудом прославляет женщина Советскую родину, с беззаветной преданностью отдает свои силы строительству коммунизма»[760]. Этими словами заканчивался «Курс лекций для беременных и матерей», изданный в 1950–е годы.

И.В. Виниченко

Омск, Омский государственный институт сервиса

ЖЕНСКОЕ РАВНОПРАВИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ МОДЫ

В настоящее время в обществе усиливается интерес к советской культуре. Прошли годы: выросло молодое поколение, знание которого о жизни в Советском Союзе базируется на воспоминаниях родителей и советских кинофильмах, а взрослая часть населения смотрит в наше недавнее прошлое с определённой ностальгией, сравнивая, что было и что есть. Сегодня, в постсоветское время, мы можем абстрагироваться от старого мировоззрения и рассмотреть советскую культуру, в первую очередь, «как способ жизни, как совокупность практик, как процесс создания ценностей, присущих данному обществу»[761].

Обращение к изучению повседневности как целостного социокультурного мира человека высвечивает разнообразные аспекты жизни людей, ее качественные характеристики, влияющие на их внутреннее состояние.

---

[760] Охрана здоровья женщины—матери. Курс лекций для беременных и матерей. М., 1950.
[761] Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований // Введение в гендерные исследования. Ч. 1. / Под ред. И.А. Жеребкиной. СПб., 2001. С. 435–436.

Современная повседневность очень динамична, но в ней постоянно всплывают фрагменты прошлого. Особенно ярко это проявляется в моде.

Мода советского периода существенно повлияла на вкусы и предпочтения современных женщин. Рассматривая особенности моды, необходимо учитывать, что она – явление массовое, основывающееся на социально–информационных процессах, и поэтому «связана с такими социальными явлениями, как традиции, обычаи, с одной стороны, и общественным мнением и массовыми коммуникациями, с другой»[762]. Существуют мировые тенденции в моде, которые трансформируются в каждой отдельно взятой стране в зависимости от её общественной жизни. Естественно, говорить о моде в отрыве от политики невозможно.

В советской истории наиболее значимые изменения в костюме происходили в те годы, когда приоткрывался доступ к образцам мировой моды.

Период 1950–60–х годов известен своими политическими и экономическими реформами. В это время произошла и «легитимизация» моды в СССР. Коммерческое, потребительское по своей сути явление моды в тот период встраивалось в государственную просветительскую культурную политику. Руководством страны была инициирована работа по созданию особой советской моды. Именно в этот период идеологи советского государства продолжают «эксперимент» по построению «нового советского человека», и одна из основных ролей в нём отводилась женщинам. Конструировались необходимый способ мышления, чувствования и соответствующая модель поведения, которые составляли идеологическую основу мифа об эмансипации советской женщины.

Особенность 1960–х годов заключается в том, что рост занятых в народном хозяйстве происходил в этот период в основном за счёт женщин.

---

[762] Петров Л.В. Мода как общественное явление. Л., 1974. С. 3.

Таким образом, домашнее хозяйство окончательно перестало быть для женщин единственным приложением их сил. Процесс включения женщин в состав рабочей силы внёс серьёзные изменения в экономическую, политическую и культурную жизнь советского общества. На основании социологических опросов в 1950–60–е годы Б.А. Грушин сделал вывод, что именно в это время начинает пользоваться огромной популярностью идея женского равноправия, которая поддерживалась не только женской частью опрошенных, но и мужчинами, особенно молодыми[763]. При равноправии в труде легко можно проследить различия и даже особые требования к внешнему виду и костюму советской женщины.

Жизнь советского государства после XX съезда КПСС характеризуется распространением образцов и ценностей западной культуры среди советских граждан. В средствах массовой информации возникает девиз «все во имя человека, все для блага человека», который озвучивает идею нового периода в социальной и культурной истории – периода новых ценностей и новых жизненных ориентиров. Политика открытости способствовала смягчению официального отношения к западной моде. Но, в противовес западным модным тенденциям, была сформулирована концепция советской моды, которая являлась способом регламентации внешности. Для советской моды не были характерны сенсационность и экстравагантность, зато ей были свойственны удобство, практичность, функциональность и гигиеничность. Одновременно в официальном дискурсе 1950–60–х годов выстраивалась концепция советского вкуса: сдержанная норма в манере одеваться. Эту тенденцию можно наблюдать в советских фильмах того периода, где одежда служит маркером, по которому судят, плохой это или хороший человек.

---

[763] Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времени Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. В 4–х книгах. Жизнь 1–я. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 335.

Наряду со скромностью советская идеология предписывала любителям моды обязательное обладание «чувством меры». Члены советского общества, которые на взгляд этого общества не обладали чувством меры, подвергались осуждению. Так, например, существовал своеобразный «запрет» на ношение женщинами брюк. Их разрешалось носить только на производстве и занятиях спортом. Ношение брюк женщинами в повседневной жизни долго подвергалось осуждению значительной частью общества. Даже 1970–е годы женщинам в брюках могли преградить вход в общественные учреждения[764].

В 1967 году в Москве состоялась Международная выставка моды, в которой приняли участие известные фирмы из 26 стран мира. Было множество восторженных статей в советской печати, но и в них присутствовало противопоставление «правильных» модных коллекций социалистических стран и стран Запада. Женские образы, созданные западными модельерами, не могли в полной мере соответствовать требованиям социалистической моды. «Короткие платья, которые носили только девочки, вдруг «произвели взрыв» на Западе. И идеалом женственности стала женщина—ребёнок. Насмешники говорят, что это мужчины, которые на работе имеют дело с начальником—женщиной, а дома подчинены власти жены, решили одеть женщину как ребёнка, чтобы таким образом приуменьшить её значение. Может быть, в этой шутке и есть доля правды! Потому что женщины одновременно с короткими платьицами стали носить брюки (даже с элегантным жакетом), галстуки (подчёркнуто мужские и иногда длиной… до талии!), костюмы с жилетами, а–ля мужские…»[765].

---

[764] ОГИС. Записано автором в 2009 г. от В.Э. Грицюк и М.И. Тотмениной.
[765] Манкевич М. Бардзо щличне // Советская женщина. 1967. № 11. С. 29.

Таким образом, мы можем заключить, что женщина в рассматриваемый период оставалась равноправной до тех пор, пока могла выполнять установки государства в обязательной занятости в общественном производстве наравне с мужчиной – это главное и необходимое условие достижения равенства с точки зрения марксистской идеологии. В других же аспектах повседневной жизни женщины, в частности, в области костюма, к ней предъявлялись требования, ограничивающие свободу её выбора.

Одновременно, на протяжении 1960–х годов на примере развития моды особенно заметны процессы снижения идеологической знаковости в оценке действительности. Если в начале периода советский канон моды базировался на двух основных понятиях «просто» и «скромно», которые вместе составляли базу канона красоты, то к его концу приходит понимание бессмысленности тотальной знаковости одежды: человек должен одеваться так, как он хочет, это не общественная, а частная проблема. Однако рецидивы контроля внешнего облика женщины были характерны для всего советского периода.

Р.С. Черепанова

Челябинск, Южно–Уральский государственный университет

ДИСКУРС О СЧАСТЬЕ И ГРАНИЦЫ ЧАСТНОГО ПРОСТРАНСТВА В СССР 1960–Х ГОДОВ В ВОСПРИЯТИИ ШКОЛЬНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ И ЕЕ ОКРУЖЕНИЯ

По ряду причин в послесталинском Советском Союзе начинается постепенная реабилитация представлений о частном пространстве человека, а границы этого пространства существенно расширяются. Процессы эти параллельно идут и «снизу», и «сверху», поскольку власть не только разрешает, но едва ли не предписывает «советскому человеку» быть счастливым в труде, борьбе, любви, в быту. Декларируемое личное счастье становится новым доказательством в пользу коммунистической системы — в котором раньше не было потребности, но которое теперь стало более

важным, чем прочие успехи и победы, стало целью этих побед. Поэтому интересно проследить происходящие перемены по реакции именно тех, кто был воспитан в суровые тридцатые или раньше, и оказался решительно не готов к «новым веяниям».

К таким людям относилась, например, Анна Андреевна Смирнова, чьи записи хранятся в Объединенном государственном архиве Челябинской области. Родившаяся в 1899 г. в бедной крестьянской семье и уже в 1915 г. ставшая учительницей, Анна Андреевна сделала при Советской власти крепкую профессиональную карьеру. Много лет она возглавляла различные школы в Томске, Новосибирске, Челябинске, неизменно вытаскивая их из «отстающих» в «передовые» (после чего ее «перебрасывали» на новый «объект»). Уйдя на пенсию, она продолжала курировать свою последнюю школу, а также вести большую общественную работу. В ее рабочих дневниках, текстах выступлений невольно отложились следы чужих *частных* жизней и ее собственные взгляды на этот счет.

Анна Андреевна горячо приняла советскую власть со всеми ее нормами и ценностями, сформировавшимися в довоенное время и заведомо репрессивными к сфере «частной жизни». В этих представлениях «частная жизнь» была вещью довольно низменной, обывательской; чем выше поднимается человек в своем развитии и профессиональной иерархии, тем больше он становился «обобществлен» и тем меньше в нем оставалось частного. Идеалом преодоления частного выступают для Смирновой вожди – Ленин и Сталин. Для нее самой, человека публичного и образованного, сфера частного предельно узка. То, что не вошло в ее автобиографии (от 1936 г. и от 1962 г.), по–своему маркирует сферу частного для Анны Андреевны: во–первых, два ее замужества. В автобиографии 1936 г. о мужьях не сказано ни слова. В автобиографии 1962 г. оба брака деликатно слиты в один. Между тем в 1927 г. ее первый брак с Федором Кузнецовым распался, и сам Федор

Кузнецов как личная неудача (потенциально характеризующая ее как недостаточно осторожную, дальновидную, принципиальную или волевую) навсегда остался для Анны Андреевны в сфере частного.

Вторым моментом приватности для Анны Андреевны выступают дети. Обе автобиографии Смирновой обходят молчанием этот вопрос. Только уходя на пенсию, т.е. теряя свой общественный – и довольно высокий — статус, она позволяет себе прилюдно вспомнить о дочери и зяте[766]. Однако более точно было бы сказать, что «частным» моментом является только рождение детей. Воспитание – дело уже общественное[767]. Личная дружба, супружеская верность, семейное времяпрепровождение, вопросы веры или семейных обязательств, производственная лень, пьянство, озабоченность внешним видом и поисками спутника жизни или неудачный результат этого поиска также не являются, в представлении Анны Андреевны, частным делом и должны иметь общественный резонанс. Будучи сужена до взаимоотношений между полами, сфера «частного» поневоле приобретает для Анны Андреевны почти непристойный характер. Дети же выступают прекрасным инструментом контроля за родителями, за их частной жизнью.

Но начиная с сер. 50–х годов Анна Андреевна со своими принципами вдруг перестает находить понимание у окружающих. Прежде всего, начинают бунтовать родители, отвоевывая свое право на воспитание и частное, неподконтрольное государству, общение с ребенком, а ученики теряют дух коллективизма, предпочитают западную музыку песням советских композиторов, хулиганят на праздничных демонстрациях, желают видеть жизнь праздником, а на праздниках хотят только «развлекаться», «чураются»

---

[766] Выступление на встрече с десятиклассниками школы № 6 г. Челябинска // ОГАЧО. Ф. Р–1730. Оп. 1. Д. 13. Л. 48 об.
[767] ОГАЧО. Ф. Р–1730. Оп. 1. Д. 10. Л. 87 об.

физического труда. Дети все более перестают жить жизнью школьного коллектива – эта жизнь становится для них серой и скучной, а в 1966 г. на комсомольском собрании Смирнова отмечает, что старшеклассники «не любят школу, торопятся домой». Меняются и учителя. Тает учительский энтузиазм к неоплачиваемой внеурочной работе; учителя утрачивают дух коллективизма, на педсоветах разговаривают о своих личных делах.

Все эти неприятные явления Анна Андреевна объясняет ослабевшей учебно–воспитательной работой со стороны учительского коллектива, партийной и комсомольской организации. Однако то, что Анна Андреевна принимала за падение дисциплины, было, прежде всего, проявлением нового стиля общения учителей и учеников, стиля, основанного на признании за учеником права на уважение и определенную территорию свободы.

Рассуждая о всеобщем падении «сознательности», Смирнова проговаривается о том, что по старым меркам относилось к сфере «общественного», а по новым негласным правилам перешло скорее в сферу «частного», принимаемого как дело «житейское».

С формальной стороны вполне освоив новую риторику власти, Смирнова уверенно провозглашает, что «…главная цель нашей партии и правительства – сделать жизнь советского народа счастливой»[768]. Проблема в том, что для нее самой высшим счастьем стал труд — не только по идеологическим соображениям, но и потому, что он, в отличие от других сфер, не может причинить личную боль[769]. Личные разочарования идеально легли на советские идеологические клише. Поэтому смягчение этих клише в середине 1950—1970–х гг. оказалось для Смирновой столь трагически неприемлемым.

---

[768] ОГАЧО. Ф. Р–1730. Оп. 1. Д. 12. Л. 195.

[769] «Я 40 лет работала и истинное наслаждение всегда получала от труда»; «Люди могут обидеть и словом и делом; Друг может изменить, а труд **никогда**». ОГАЧО. Ф. Р–1730. Оп. 1. Д. 13. Л. 60, 60 об.

А.А. Фокин

Челябинск, Челябинский государственный университет

«ЖЕНСКИЙ КОММУНИЗМ» НА РУБЕЖЕ 1950–1960–Х ГГ.

В 1961 г. на XXII съезде КПСС принимается новая Программа партии. Одним из основных ее положений является провозглашение «развернутого строительства коммунизма». Принятие III Программы КПСС сопровождалось «всенародным обсуждением». На собраниях, лекциях и в письмах в различные институты люди высказывали свое мнение по поводу проекта новой Программы. Материалы «всенародно обсуждения» демонстрируют, что люди активно включились в этот процесс и помимо ритуальных писем с обещанием «воплотить решения съезда в жизнь», выражали индивидуальные мнения о коммунизме. Одной из тем, которые побуждали авторов обращаться с предложениями к властям, было положение женщин в СССР.

Выделение «женского коммунизма» из общих вариантов не означает, что эти общие образы являются «мужским коммунизмом». Скорее, их можно обозначить как «андрогинный коммунизм», поскольку в них не выделяется гендерная принадлежность тех, кто его строит, такой коммунизм распространяется на всех, кто при нем будет жить.

Тем не менее «женский вопрос» отчетливо артикулировался. При этом государство, несмотря на провозглашение курса заботы о женщине, не торопилось делать конкретные шаги. Женщины составляли около половины всех рабочих и служащих в народном хозяйстве, и перевод их на особый рабочий режим создал бы непреодолимые трудности в общей организации труда.

Огромной популярностью в 1960–е гг. пользовалась идея женского равноправия; она активно поддерживалась не только женской частью опрошенных, но и мужчинами, особенно молодыми, причем в среде молодых женщин нередко приобретала отчетливые черты тех представлений, которые позже оформились в стране в виде тех или иных концепций феминизма.

Чего же, собственно, жаждали советские женщины от коммунизма? В первую очередь, женщин не устраивало их двойственное положение: с одной стороны, они должны быть работницами народного хозяйства, а с другой, – играть традиционные роли — готовить, стирать, рожать детей. Поэтому во множестве писем отмечалась необходимость введения особого рабочего режима для женщин, при этом авторы многих подобных писем были не женщины, а мужчины. Далеко не все женщины активно требовали перемен, вероятно, для многих никакого «женского коммунизма» и не было, но индивидуальные и коллективные письма позволяют говорить о неком комплексе ожиданий, который позволительно анализировать в рамках исследовательской конструкции «женского коммунизма».

Комплекс писем в различные издания, и в первую очередь в журнал «Работница», демонстрирует наиболее распространенные меры, которые должны были быть осуществлены в период «развернутого строительства коммунизма». Предполагалось, что зарплата должна устанавливаться в зависимости от состава семьи или к зарплате необходимо делать прибавку в 10% за каждого ребенка. Ожидалось, что в первом десятилетии или даже с 1962 г. всех детей матерей—одиночек и детей из многодетных семей, а также женщин, не имеющих в связи с многодетностью возможности трудиться на предприятиях и в учреждениях, возьмут на полное государственное обеспечение. Выражалось надежда, что государство предоставит возможность бесплатного содержания детей в дошкольных учреждениях и в школах—интернатах и обеспечит детей в школах бесплатным питанием, одеждой и школьными принадлежностями, оплатит бюллетень по уходу за детьми за все время болезни ребенка, ликвидирует ночные смены для женщин, продлит декретный отпуск после родов. Видно, что «женский коммунизм» населения, в отличие от официального, в первую очередь, ориентировался не на кухонно–коммунальную сферу, а на воспроизводство населения.

Особой темой в «женском коммунизме» звучал мотив, исходивший из уст отдельной женской группы – одиноких матерей. Примечательно, что наиболее распространенным предложением от этой группы было устранение самого выражения «одинокая мать». Видимо, выделение их в отдельную «ущербную» группу, в то время как в сознание внедрялись идеи всеобщего равенства, создавало негативный фон, как с позиций традиционной морали, так и с точки зрения укрепления социалистической семьи. Предлагали установить одинаковую материальную и моральную ответственность для обоих родителей за воспитание детей независимо от того, зарегистрированы или не зарегистрированы отец и мать; снять прочерк в графе об отце в свидетельстве о рождении детей от незарегистрированных браков. Все эти предложения обосновывались не интересами одиноких матерей, а исключительно интересами детей. Такая позиция демонстрирует не только наличие «женского» или «материнского коммунизма», но и фрагментацию в сознании части населения образа коммунизма, предлагаемого официальным дискурсом. «Официальный коммунизм», как детский конструктор, состоял из набора элементов, которые в случае необходимости можно было менять местами, выстраивая из них свой собственный образ коммунизма.

«Материнский коммунизм» являлся частью «женского коммунизма», но не поглощал его полностью. Развитие социальной сферы помимо прямых своих обязанностей должно было выполнять и функцию освобождения женщины, что и официальным дискурсом и частью населения воспринималось как важная черта коммунистического общества. «Автоматизация быта» должна была способствовать исчезновению таких профессий, как уборщица, посудомойка и т.п., вследствие чего женщина займет равное положение с мужчиной.

Порой высказывались весьма радикальные идеи. Так, звучали призывы не только к коллективному пользованию продуктами труда и коллективному воспитанию детей, но и к ликвидации способа жительства отдельными

квартирами и устранению разделения людей на семьи, поскольку семья является источником частнособственнического воспитания.

Необходимо отметить, что подобным «прогрессивным» взглядам имелся противовес в народной среде, порожденный «традиционным» восприятием семьи. Вот что, например, пишет А. Сотеева, рассуждая о недостатках системы школы–интерната: «Если мы будем держать курс на неограниченное развитие сети детских учреждений, то это приведет к разложению семьи и к снижению морального уровня молодежи, из сознания которой выпадает чувство ответственности за воспитание своих детей»[770].

Официальный дискурс о коммунизме намечал только основные контуры «светлого будущего». Предчувствие перемен и ожидание лучшего побуждала людей наполнять идеологические формулы конкретным содержанием исходя из индивидуальных потребностей. Происходит рецепция коммунистической идеи населением. Для многих коммунизм воспринимался не как ликвидация эксплуатации или отмена товарно–денежных отношений, а как способ улучшения своей жизни, своеобразный шаг к женскому счастью.

Е.М. Жидкова

Самара, музей «Самара Космическая»

ПРОБЛЕМА ЧАСТНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО В ПОЛИТИКЕ ВОСПИТАНИЯ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» В ГОДЫ ХРУЩЕВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В 1961 г. была принята новая Программа КПСС, включившая в себя моральный кодекс строителя коммунизма. Воспитание «нового человека», которому предстояло через 20 лет вступить в коммунистическое общество, было невозможно без окончательной ликвидации пережитков прошлого в сознании людей. В годы хрущевских реформ, названных американским

[770] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 74. Л. 82—83.

историком Ш. Фицпатрик «ненормальной смесью репрессии и утопизма»[771], тема культурного строительства и мобилизации широкой общественности на решение задач культурного фронта была одной из первоочередных. Пережитки в сознании и поведении людей были связаны не только с наследием буржуазно–помещичьего строя, но и с «некультурным бытом».

В докладе будет освещено проблемное столкновение понятий «частное» и «общественное» в воспитании «нового человека» в 1950—60–ые годы на примере Куйбышева.

В послевоенном Куйбышеве значительную часть населения составляли вчерашние крестьяне, принесшие в город крестьянскую трудовую этику и образ жизни, противоречивший дисциплинарным режимам фабрик и заводов. Привитие городского образа жизни проходило очень трудно. Воспитание нового человека требовало изменения практик, связанных с телесностью и бытовым поведением. В обществе, столкнувшимся с ускоренной модернизацией, урбанизацией и индустриальным подъемом, санитарно–гигиенические и воспитательные дискурсы приобретают тотальный характер.

Подвергся ломке привычный циклический ритм жизни крестьянина, исчисление времени по делам, а не по часам, окончание которых уже не отметить выпивкой, гулянкой и танцами. Низкая степень телесного самоконтроля и отсутствие требуемых социальных качеств у рабочих заставляли заводские власти принимать меры по борьбе с тем, что на языке документов называлось «нездоровым поведением в быту».

Некоторые хрущевские инициативы воспитательного характера можно рассмотреть под углом политики «раскрестьянивания» рабочего класса.

---

[771] Фицпатрик Ш. Паразиты общества: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940—1985 / Под ред. Е. Ярской–Смирновой и П. Романова. М., 2008. С. 247.

Широко известна и официальная установка тех лет на полное вовлечение советских женщин в производство, фактически выполненная к концу хрущевского периода. Основным источником роста занятых были домохозяйки и женщины, покидавшие ЛПХ.

Начало последней советской кампании по борьбе с религией приходится на середину 1950–х годов, когда были приняты партийные постановления об усилении научно–атеистической пропаганды[772]. Необходимо было показывать безусловный вред религии и церкви как института. Праздники ведут к срыву плановых заданий, наноя вред народному хозяйству.

Формирование нового советского человека и новой семьи должно проходить в принципиально новых условиях. Согласно развернувшейся дискуссии о рожденном революцией «новом человеке», его главными чертами должны стать сознательность и соответствующие запросы, духовные и материальные[773].

Сельское население демонстрировало большую религиозность, чем городское. Семья осталась фактически единственным институтом, в котором сохранялась и передавалась религиозная культура новым поколениям. Бабушка, переехавшая из «бесперспективной» деревни в город к детям — вполне узнаваемый персонаж городского пейзажа. Материалы переписи 1959 г. выявили катастрофическое соотношение мужчин и женщин. С возраста 55 лет и старше количество женщин в 2—2,2 раза превышало количество мужчин. В урбанизированном советском обществе с поголовно работающими женщинами роль бабушек была очень специфична и важна. Однако в рамках идеологической

---

[772] Постановление ЦК КПСС о крупных недостатках в научно–атеистической пропаганде и мерах ее улучшения от 7 июля 1954 г.; Постановление ЦК КПСС о записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно–атеистической пропаганды» от 4 октября 1958 г.

[773] Вайль П., Генис А. 60–е. Мир советского человека // Собрание сочинений в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2004. С. 569.

работы «темные старухи» явили собой отживший мир, косность старого быта. Именно поэтому в ходе последней антирелигиозной кампании они были причислены к ключевым агентам трансляции религиозных традиций[774].

Атеистическая работа с населением должна была показать успехи советского строя в преодолении пережитков прошлого и социальной несправедливости, в особенности по отношению к женщине. В Советском Союзе равенство полов считалось достигнутым, что особо подчеркивалось после полета В. Терешковой в космос. Поэтому у женщин не было, по мысли идеологов, оснований прибегать к религии.

С антирелигиозной риторикой была тесно связана и антиалкогольная. Уже в 50–х проблема алкоголизма привлекла серьезное внимание. Стремительный рост потребления алкоголя коррелировал с распространением хулиганства в рабочей среде. После публикации ряда ограничительных постановлений, регламентирующих торговлю спиртными напитками, началась агитационно–воспитательная кампания. Особо подчеркивался ущерб от алкоголизма в общественном и государственном масштабе, ущерб и вред, выходящий далеко за рамки личной и семейной драмы.

Следует сказать несколько слов о феномене шефства производственных коллективов, предприятий и учреждений над колхозами и совхозами. Производственная и культурная помощь сельчанам должна была помочь в преодолении разрыва в уровне и образе жизни. В 1960 г. в центральной прессе было напечатано обращение к деятелям советского искусства с призывом помочь культурному росту села, поделиться своими знаниями в области вкуса, культуры быта и поведения.

---

[774] Жидкова Е. Антирелигиозная кампания времен «оттепели» в Куйбышевской области // Неприкосновенный запас. 2008, № 3. — http://magazines.russ.ru

Представление о человеке, человеческой природе как подручном материале, пластичном и податливом, поддающемся необходимой формовке, характерно не только для 50–60–х, но для всей советской эпохи, верящей в безграничные возможности проектирования жизнедеятельности.

Усвоение фиксированных стандартов поведения, дисциплины тела и самоконтроль были частью советской концепции «культурности», преследовавшей вполне утилитарные задачи управления большими массами людей в годы индустриального подъема, перемещения населения и распространения городского образа жизни.

И.В. Нарский

Челябинск, Южно–Уральский государственный университет

1960–е БЕЗ ПОЛИТИКИ: ВОСПОМИНАНИЯ ДОМОХОЗЯЕК О ЖИЗНИ В ПЕРИОД ОТТЕПЕЛИ

Принято считать, что 1960–е гг. в СССР были периодом массовой политизации населения, воодушевленного открывшимися перспективами расширения «горизонта ожиданий» (Р. Козеллек)[775]. Представляется, что этот тезис нуждается в более дифференцированном и осторожном применении, поскольку политическая ангажированность периода «оттепели» имела очевидные социально–групповые особенности, в том числе поколенческие и гендерные. Ниже на примере двух женских воспоминаний, хранящихся в семейных архивах[776], я попробую наметить некоторые особенности восприятия и организации действительности советскими женщинами–

[775] См., напр.: Вайль, П. 60–е. Мир советского человека.3–е изд. М., 2001; Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР 1953—1964 гг. М., 2004.
[776] Пухальская, А.С. Жизнь семьи Абрама Хазанова и Баси Пухальской / Рукопись из семейного архива А.С. Пухальской; Харькова В.А. Воспоминания россиянки, родившейся в 1922 году / Рукопись из семейного архива В.А. Харьковой.

домохозяйками, нуждающиеся в дальнейшем изучении и сформулированные здесь в самом общем и гипотетическом виде.

Хотя обе мемуаристки лично не знакомы и до недавнего времени не подозревали о существовании друг друга, их жизненные пути роднит ряд общих черт, позволяющих предположить репрезентативность их текстов для изучения повседневной, семейной и эмоциональной истории СССР.

А.С. Пухальская (1918 г.р.) и В.А. Харькова (1922 г.р.) принадлежат к первому поколению детей, родившихся в Советской России. Их матери были православными поповнами, получившими различное, но в обоих случаях крепкое дореволюционное образование, позволявшее им успешно учительствовать в советское время. Отцы мемуаристок принадлежали двум поколениям российских революционеров.

Обе мемуаристки получили высшее образование в Москве. А.С. Пухальская училась в Московском текстильном институте (1936 – 1942), В.А. Харькова – в Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (1939 – 1943). Однако обе предпочли не делать самостоятельную карьеру, а остаться в тени успешных и по человеческим качествам неординарных мужей – крупного хозяйственника А.П. Хазанова (1918 – 2000) и бывшего фронтового офицера, ученого, изобретателя и организатора науки Г.Г. Павлова (1906 – 1973). Обе были счастливы в браке и материнстве. Обе пережили мужей и одного из детей. И после смерти близких, на рубеже тысячелетий, принялись за составление семейных мемуаров.

В обоих случаях мы имеем дела с повествованием, в котором повседневная семейная жизнь описывается как «подлинность» и отстаивается как самоценность, которая не служит фоном для описания «великой» истории. Именно благодаря этому читатель может познакомиться с темами, редко встречающимися с такой интенсивностью в прочих

исторических источниках – с семейным воспитанием детей, поколенческими и супружескими отношениями.

Место действия в мемуарах В.А. Харьковой – преимущественно Москва и Ленинград, в хрониках А.С. Пухальской с 1940–х до 1970–х гг. – Узбекская и Армянская ССР. Поэтому советская повседневность живописуется мемуаристками из разных географических ракурсов, из столичной и провинциальной, русской и колоритной национальной перспектив.

Многочисленная русская во всех ветвях родня Веры Афанасьевны, судя по отдельным проговоркам, разделяла культурные стереотипы, в которых «полячки» воспринимались как мстительные, а евреи – как некое экзотическое отклонение от нормы. Семья же Агнии Стефановны была многонациональной – русско–польско–еврейской и нередко сама испытывала неудобства, связанные с русскими этнокультурными стереотипами.

С точки зрения стратегии формирования и поддержания семейной идентичности мемуары В.А. Харьковой и А.С. Пухальской демонстрируют две модели, которые с долей упрощения можно было бы обозначить как «патриархальную» и «космополитическую».

Обе семьи в описании мемуаристок предстают дружными, сплоченными взаимным уважением и любовью ее членов. Показательно, что члены обеих семей имели ласковые прозвища – традиция, видимо, вымирающая в современной России. Не случайно в обоих воспоминаниях семья описывается с помощью метафоры «гнездо», семантика которого включает представление о защищенном, уютном месте, в котором родители заботливо выращивают потомство.

Обе мемуаристки описывают стратегии семейного воспитания детей. Они пишут об излюбленных семейных играх, о коллективном и индивидуальном чтении домашних и библиотечных книг, которые были «культурной базой семьи» (А.С. Пухальская), о месте музыки и группового пения, любительских

стихотворных поздравлений членов семьи, домашних спектаклей и концертов в семейном досуге. Итог воспитания детей в любви и согласии в обеих семьях выглядит в воспоминаниях идентично.

Несмотря на скромность обеих мемуаристок, в своих воспоминаниях предпочитающих держаться в тени любимых мужей и успешных детей, их тексты свидетельствуют о том, что семейная сплоченность вовнутрь и вовне в значительной части лежала на женских плечах. Они гасили взрывной характер темпераментных супругов, вели переписку и телефонное общение с многочисленными иногородними родственниками. Семейная и межсемейная коммуникация, воспитание детей и поддержание теплого эмоционального климата в семье, учитывая занятость мужей, «горевших на работе», принадлежала в значительной степени женам, матерям и бабушкам.

И все же отзвуки политической жизни в воспоминаниях А.С. Пухальской и В.А. Харьковой имеются. Оба автора мемуаров выступают как вполне лояльные советские люди, с пиететом относящиеся к Сталину. Примечательно, что период «оттепели» в мемуарах обеих женщин не богат на события «большой» истории. Политические события (за исключением денежных реформ) в той или иной степени исчезают из их мемуаров до «перестройки».

Вместе с тем, «деполитизация» семейной истории в рассматриваемых случаях претерпела разную степень интенсивности и радикализма. Семья А.С. Пухальской в силу многих обстоятельсв сталкивалась с более многоликим «несоветским» и интенсивно его осваивала, в том числе с помощью освоения литературы и публицистики на иностранных языках и слушания «голосов». В более замкнутой, «патриархальной» семье В.А. Харьковой с главой–коммунистом аполитичность оказалась искомой и достигнутой стратегией семейного коллектива.

Таким образом, «оттепельная» политическая ангажированность в той или иной степени обошла стороной представительниц советского поколения,

прошедшего социализацию в сталинский период и создавших семью накануне или в годы Второй мировой войны. Травматические столкновения с миром политики в 1930–е – 1940–е гг., воспринимаемым как опасный и враждебный, желание оградить близких от внешних пертурбаций, сосредоточенность на выживании и благополучии семьи – все это могло создать достаточное основание для аполитичности, которая была развеяна бурными событиями 2–й половины 1980–х гг.

О.С. Микова

Пермский государственный институт искусства и культуры

ЭЛЕМЕНТЫ СОВЕТСКОГО УЮТА В ИНТЕРЬЕРЕ КОМНАТЫ СОВРЕМЕННОГО ПЕРМСКОГО ГОРОЖАНИНА

Интерьер современных российских квартир насыщен элементами советского быта. Это, прежде всего, вещи: часы, холодильники, диваны, комоды, столы и другие предметы мебели и хозяйственные вещи, которые хозяйки используют в быту. Удивительно, что при наличии моющих пылесосов и многообразия чистящих средств мы еще встречаем ритуал выбивания пыли из ковров во дворах домов.

Пермское городское пространство пестро. Оно вмещает в себя редкие купеческие дома дореволюционной застройки, бараки, «хрущевки», «панельные высотки» эпохи «застоя», постсоветские дома, маркируемые застройщиками как «элитное» или «экономичное» жилье.

С середины 1950–х гг. в Перми значительно увеличивается численность работников предприятий тяжелой промышленности. Это прежде всего выходцы из деревень. Привлекая на работу, администрация заводов обеспечивала новых работников жильем. Новоселы, недавно оставившие крестьянские дома, осваивали новые социальные практики, а также по–новому организовывали свой быт. Предоставляемое в это время жилье можно разделить на три группы: а) дома, в которых предусмотрены трех–

четырехкомнатные квартиры, в которых проживают несколько семей; б) дома, в которых предусмотрен неполный комплекс элементов комфорта (наличие водопровода, центрального отопления, отсутствие канализации); в) дома коридорного типа, предусматривающие изолированные друг от друга комнаты, для которых общим является коридор и один санитарный узел на этаже. Несмотря на время постройки, речь идет о домах, оснащенных электричеством и водопроводом. Канализацией, газовой колонкой, центральным отоплением были оснащены далеко не все дома. Некоторые квартиры имели печное отопление, которое предполагает наличие дровеников на придомовой территории. Жители домов пользуются общественными колонками, расположенными, как правило, в шаговой доступности от дома. Тем не менее, названные факты не имели для новоселов середины XX века отрицательной коннотации. Пространство приватной сферы осваивается по традиционной (деревенской) модели.

Фотографии жилых помещений, сделанные в 2009—2010 гг. в связи с тем, что дома были объявлены ветхими, запечатлели советский стиль в обустройстве комнат.

Пространство жилой комнаты условно дифференцировано: предметы мебели, как правило, расположены по периметру комнаты таким образом, что центральная ее часть всегда свободна, но, выделяются зона сна, зона питания и зона кухни. Складывается обманчивая иллюзия множества помещений. Расположение в комнате предметов мебели: диван, телевизор и стол, — построено по принципу сегментации.

Пространство жилого помещения иерархично: оно имеет два яруса бытования вещей. В верхнем ярусе складируются старые вещи, которыми временно не пользуются, признают возможно нужными. Накопление старых вещей не только являлось темой для высмеивания «мещанского стиля жизни» на страницах сатирического журнала «Крокодил».

Анализируя материал, можно выделить повторяющиеся элементы. Однотипные вещи находят место в каждой семье (круглый стол на четырех ножках, буфет, настенные часы). Разнообразия добавляют небольшие детали: например, рога, прикрепленные над входной дверью (они вызывают ассоциацию в подковой, располагавшейся в крестьянской избе). В советской культуре вещью–символом, демонстрирующим достаток семьи, являлся висящий на стене ковер[777]. Стены в комнатах всегда оклеены обоями. Обои – это элемент дизайна личного пространства. Масляная краска использовалась исключительно для кухни, санитарного узла и коридоров.

Неотъемлемым элементом комнаты является холодильник. Он, как правило, выполняет две функции: хранение продуктов и подставка для мелких вещей. Если это комната, то обязательным атрибутом в ней является стол, за отсутствием которого его функции выполняет тумба. Обязательно присутствует скатерть, либо покрывало, закрывающее изъяны поверхности мебели. Как и полвека назад, понятие «ненужная вещь» отсутствует: любая вещь может использоваться в другом деле.

Особенности коммуникаций с соседями влияют на внешний вид жилой комнаты: ее «захламленность» предметами. В домах коридорной системы кухня расположена отдельно от комнат. Здесь может располагаться сервант с посудой, раковина, небольшой столик и множество навесных полочек.

Публичное пространство квартиры воспринималось как чужое, несмотря на то, что имело важное функциональное значение. В домах коридорной системы коридор является по площади самой крупной частью общего пространства. Это пространство не требовало тщательного ухода и индивидуального преобразования.

---

[777] Из 15 жилых помещений, в которых были сделаны фотографии, в 11 комнатах присутствует ковер.

Советский стиль обустройства приватного пространства воспроизводит элементы крестьянской традиции. В первую очередь, можно говорить о наследовании значений помещений и вещей. Как в традиционной, так и в советской культуре кухня отгораживалась и считалась чисто женским[778] местом, местом грязной работы.

На фотографиях двух комнат на полу расстелены тканые половики. В крестьянской традиции половик символизировал уют в доме. Наследование крестьянской традиции обустройства быта проявляется в лозунге «все своими руками». Отчасти это связано с ситуацией дефицита товаров народного потребления.

Советский город можно рассматривать в контексте модернизационных процессов, которые имеют всеобщий характер. Одним из итогов модернизации является общество потребления. Обычным явлением было стоять в очереди, порой даже не зная, какой товар предлагается. Качества вещи в данном случае не имеют значения, главное — ее наличие. Так, отсутствие разнообразия товаров народного потребления, их дефицит привели к тому, что интерьеры советских квартир были однотипными. Отношение человека к вещи, добытой таким трудом, становится нерациональным.

В квартирах современных горожан, покидающих жилье, признанное ветхим, воспроизводится советский стиль в интерьере жилой комнаты. Признаками советского уюта можно считать как сохранение структуры жилища (условная дифференциация, иерархичность), так и отношение к вещам (нерациональное). Создание комфортной среды относится исключительно к личному пространству. Места «общественного пользования» могли являться объектами заботы жильцов в зависимости от особенностей

---

[778] Баранов Д.А. Мужики и бабы «Мужское и женское» в русской традиционной культуре: энциклопедический словарь. СПб., 2005. С. 6.

коммуникации с соседями. Обустройство пространства советского жилья регламентируется крестьянской (традиционной) моделью поведения. Однажды освоенный алгоритм не меняется и продолжает функционировать даже в современной городской культуре.

Т.А. Мищенко

Брянск, Брянский государственный университет им.И.Г. Петровского

ЦЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В 1960–1980 ГОДЫ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В ГЕНДЕРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Проблема времени обладает особым значением в жизни человека. Любое проявление человеческой деятельности не просто погружено во время, происходит в нем, но и само выступает процессом освоения, очеловечивания времени. Различают существование времени физического, социального и индивидуального человеческого бытия. Категория времени была включена в круг социальных исследований в 1920–е годы. В СССР проблематика социального времени рассматривалась с точки зрения анализа бюджетов времени трудящихся, продуктивного использования внерабочего времени.

В целом развитие отечественной традиции интерпретации эмпирических данных бюджетов времени позволяет анализировать накопленную информацию в различных теоретических плоскостях изучения социального времени. Так, анализ ценности времени женщины и мужчины реконструирует историческую динамику в гендерной перспективе.

Проведенные исследования второй половины 1960 – 1970 гг. по изучению бюджетов времени семей свидетельствовали о неравных затратах внерабочего времени на все виды домашнего труда мужчин и женщин. В целом женщины были заняты домашним трудом в 2–2,5 раза больше, чем

мужчины[779], а по некоторым видам труда в домашнем хозяйстве затраты времени у женщин были в 4–5 раз больше, чем у мужчин[780]. В распределении времени женщин исследователи выявили ряд закономерностей:

1. Затраты на все виды домашнего труда возрастали с увеличением числа детей. Появление в семье первого ребенка превышало затраты времени женщины на домашний труд в среднем на 76%, при двоих детях затраты времени на домашнюю работу увеличивались еще на 22%[781].

2. Затраты времени зависели от возраста детей. Наиболее «затратный период» — от одного года до шести лет, когда на домашнюю работу женщина тратила в будний день от 5 часов 40 минут до 4 часов 15 минут[782].

3. Временные затраты на домашний труд оказались связаны с возрастом женщины, резко увеличиваясь с 25 лет (29,9 ч. в будние дни недели) и достигая максимума в возрасте 50 лет и старше (46,3 ч.)[783].

4. В связи с сокращением репродуктивного периода до 10 – 12 лет и совпадением этого периода со временем учебы и карьерного роста максимально уплотнялось время женщины, сокращались возможности профессионального и культурного роста, возникали сложные бытовые и психологические проблемы в семье[784].

Для советской науки были характерны две концепции высвобождения и перераспределения времени женщины: концепция «государственной заботы», предусматривавшая создание условий для выполнения женщиной

---

[779] Гордон Л.А. Груздева Е.Б. Быт молодой семьи // Молодая семья (Народонаселение. Вып. 18). М., 1977. С. 32.
[780] Патрушев В.Д. Время как экономическая категория. М., 1966. С. 105.
[781] Кряжев В.Г. Внерабочее время и сфера обслуживания. М., 1966. С. 106.
[782] Там же. С. 106.
[783] Патрушев В.Д. Указ. соч. С. 108–109.
[784] Данилов Е.З. Социальные проблемы труда женщины–работницы. М., 1968. С. 11; Янкова З.А. Советская женщина (социальный портрет). М., 1979. С. 79.

множества социальных функций, и концепция «справедливого разделения обязанностей», акцентированная на появление новых социо–культурных норм в семейных взаимоотношениях в условиях научно–технического прогресса.

Предполагалось, что появившееся свободное время женщины будут тратить на воспитание детей, образование и самообразование, активный отдых. Различные исследования бюджетов времени в Таганроге (1978 г.), Пскове (1965 г., 1986 г.), Костроме (1966 г., 1971 г.) установили определенную динамику роста свободного времени женщин, при этом величина затрат времени на воспитание детей осталась неизменной, составляла 5,5 – 5,4 часа в неделю, т.е. около 50 минут в день[785]. Активный отдых (спорт, туризм, путешествия, посещения театров, музеев), популярный в 1960–е гг., в 1970–х гг. сменяется времяпрепровождением у телевизора.

Не отрицая связи между использованием резерва времени и ценностными установками личности, необходимо принимать во внимание последствия технологического прогресса и отдельные эффекты общества потребления. С начала 1960–х гг. в центр государственной политики под лозунгом «развитого строительства коммунизма» была поставлена задача максимального удовлетворения все возрастающих потребностей людей.

В 1970–х гг., согласно ежегодному отчету о развитии человечества, СССР по уровню жизни (ИРЧП) входил в первую десятку развитых стран мира[786]. В 1977 г. в СССР 77 семей из 100 имели телевизор, 65 семей стиральную машину, 18 – пылесос, в 1981 г. 90, 69 и 31 семья соответственно[787]. Приобретение телевизора опережало машины бытового назначения, так как

---

[785] Караханова Т.М. Ценностные ориентации работающих женщин и использование времени // Социс. 2006. № 3. С. 80.
[786] htpp://hdr.undp.org/media/hdr_1990_en_indicators1.pdf.
[787] СССР в цифрах в 1981 г. М., 1982. С. 98.

все члены семьи получали возможность пользоваться значительной частью социальной информации и общественных развлечений, оставаясь дома.

Домашнему времяпрепровождению способствовал и рост жилищного строительства. С 1960 по 1980 гг. в СССР было построено 55641 тыс. отдельных квартир[788], большинство из них имело водопровод, канализацию, центральное отопление, газовую плиту, ванную и другие удобства.

Трансформация структуры жизненных ценностей женщин, в которых все большее значение приобретало свободное время, к 1990–м годам, по данным Т.М. Караханової, привела к использованию образовавшего ресурса времени в 5,8 часов в неделю по сравнению с 1965 г. для сна и ухода за собой[789].

Итак, социальное время следует рассматривать как особый экономический ресурс. Ценность социального времени определяется невозможностью его сохранения и накопления при одновременном ускорении хода социальных изменений («уплотнения» социального времени). Время женщины как основного производителя потребительских благ домохозяйства представляет из себя дефицитный ресурс с высокими альтернативными издержками при распределении на виды деятельности. Для советских женщин поиск резервов времени выражался в стремлении использовать помощь государства, механизации быта, справедливом распределении обязанностей в семье. Стремление женщин упорядочить быт, «уплотнить» и «сжать» время домашнего труда приводило к формированию новых социальных качеств: организованности, четкости, инициативности. Ценность времени женщины способствовала стремлению ограничить количество детей в семье и самостоятельно использовать образовавшийся ресурс свободного времени.

---

[788] Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 510.
[789] Караханова Т.М. Указ. соч. С. 77.

РАЗДЕЛ 8. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЙН

Ю.В. Щербинина, П.П. Щербинин

Тамбов, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

СОЛДАТСКИЕ ДЕВКИ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII—XIX ВЕКАХ

Солдатские дети представляли собой удивительный социально–демографический, сословно–правовой и повседневно–бытовой феномен развития российского государства и общества. Эта часть населения Российской империи жила по особым законам, подчинялась своеобразным ритмам жизненного цикла, вбирала в себя явные противоречия частного и общественного, личного и группового, уникального и обыденного. Гендерные аспекты изучения потомства военного сословия представлены в историографии весьма неравномерно. Так, солдатские сыновья – кантонисты – стали предметом пристального изучения и внимания с середины XIX в. Солдатским же дочерям – солдатским девкам – повезло гораздо меньше. Они не учитывались в официальной статистике государства, на них не выделяли землю общины и помещики, они мало интересовали власти и общество, так как не являлись ревизскими душами (не платили налогов) и не обязаны были служить в армии.

Анализ обыденных структур солдатских дочерей, их своеобразного ментального и психологического склада, каждодневных практик, представляет актуальную задачу современного исторического знания, в том числе и гендерных исследований. Феномен их адаптации к суровым условиям жизни в мирные и военные времена может быть успешно изучен с позиций истории повседневности, военно–исторической антропологии и истории частной жизни.

Термин «солдатская девка» активно использовался как в российском военном и гражданском законодательстве, так и в повседневной речи. В фольклорных и других этнографические источники сохранилась

характеристика солдатских дочерей. Солдатская дочь почти всегда росла сиротой или фактически ею считалась.

Изучение повседневной жизни солдатских дочерей, как и частной жизни других представителей военного сословия, осложняется тем, что немногие материалы отложились в источниках. Военная цензура весьма строго следила за тем, чтобы данные о повседневной жизни солдат и членов их семей не были обнародованы в официальных изданиях. Более того, в статистических сводках публиковались лишь сведения о количестве солдат, реже солдатских женах – солдатках и солдатских сыновьях – кантонистах[790]. Солдатские дочери (или как их называли – солдатские девки) не имели значения при подсчете членов семей военнослужащих, так как их не призывали служить в армию.

Анализ списков военнослужащих показывает, что женами военнослужащих в период их полковой жизни становились в основном дочери тех же солдат. По всей видимости, девушки, подраставшие или в полку при отцах, или при матерях, если те не уходили подыскивать работу, не обладая приданным, никак не могли рассчитывать на хорошую партию, а поэтому и не выходили из военного сословия, становясь солдатскими женами и рожая потом солдатских детей.

Анализ ревизских сказок показывает, что замужние солдатские дочери писались в них без отчеств в любом возрасте, не пользуясь правами «честных отецких» дочерей, которым отчество полагалось с момента выхода замуж[791]. В записи о браке священники обязательно указывали факт незаконнорожденности девушки и отсутствие «настоящего» отчества. И хотя

---

[790] См. напр.,: Статистические таблицы Российской империи, изданные по распоряжению МВД Центральным статистическим комитетом. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 г. СПб., 1863.

[791] Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 181. Оп. 1. Д. 667.

выйти замуж солдатская дочь по причине своего неподатного состояния могла за представителя любого сословия – от дворян до дворовых людей, все же случаи браков этой категории россиянок редко встречаются в метриках. Основную массу женихов для них в первой половине XIX в. составляли удельные крестьяне, однодворцы или те же отставные и бессрочно отпускные солдаты.

С женщинами солдатских семей в общественном мнении часто ассоциировались отрицательные характеристики, критическое отношение, обвинение в разврате и сексуальной невоздержанности. Часть солдаток действительно вынуждена была заниматься проституцией, как организованной, зарегистрированной, так и «нелегальной», тайной. Некоторые солдатские дочери вынуждены были довольствоваться в городах поденной работой или даже мирским подаянием. В 1838 г. в Санкт–Петербурге из задержанных полицией нищих большинство относились к отставным нижним чинам, их женам, вдовам и дочерям[792].

Ценным источником по истории повседневности солдатских дочерей является фольклор. По справедливому утверждению Л.Н. Пушкарева, этот тип источников дает историкам дополнительный материал, ибо песни, сказки, поговорки и пословицы отразили в художественной, образной форме отношение народа к военной службе, к «солдатчине», которая в народном сознании отразилась как «горе великое»[793].

Отметим, что если в целом в императорской России положение и будущее ребенка зависело от социального положения его отца, то в солдатских семьях к военному сословию относились и еще не рожденные дети, а также все потомство

---

[792] Варадинов Н. История МВД. Ч. 3. Кн. 2. СПб., 1862. С. 377.

[793] См.: Пушкарев Л.Н. Солдатская песня – источник по истории военного быта русской регулярной армии XVIII – первой половины XIX в. // Вопросы военной истории России. М., 1969. С. 422.

не только от солдатских жен, но и от солдатских дочерей, от солдатских внучек, даже если они были прижиты незаконно. Обнаружив незаконнорожденного ребенка, вернувшийся солдат имел право отказаться от него, передав на воспитание в другие семьи как сироту. За содержание такого «сироты»—мальчика воспитателям государство выплачивало денежное пособие[794]. Впрочем, при Николае I правительство позаботилось о судьбе осиротевшей дочери солдата. При отсутствии обоих родителей солдатские дочери направлялись в приказы общественного призрения до 12–летнего возраста либо отдавались на воспитание частным лицам с выплатой сиротского содержания. Девочки могли быть направлены в Московский воспитательный дом или в другие аналогичные сиротские благотворительные учреждения[795].

Подводя итоги, можно заметить, что изучение гендерных аспектов правового положения и повседневной жизни таких представительниц военного сословия, как солдатские дочери, несет в себе большой потенциал и позволяет прояснить малоизученные страницы и стороны жизни русского общества, в том числе повседневно–бытовые реалии отдельных семей и «обычных» россиянок.

И.Г. Воробьёва

Тверь, Тверской государственный университет

ЖЕНЩИНЫ ВО ВРЕМЯ РУССКО–ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ.

Всем памятен фильм, поставленный в 2005 г. по роману Бориса Акунина «Турецкий гамбит». Его героиня, столичная барышня Варя Суворова, едущая к жениху, оказывается в центре военных событий, и ее личная жизнь соприкасается с мощным общественным движением на Балканах 1870–х гг. В реальности немало русских женщин приняли участие в Русско–турецкой

[794] Свод постановлений о солдатских детях. СПб., 1848. С. 12.
[795] Свод постановлений о солдатских детях… С. 60.

войне, прежде всего как сестры милосердия. Одна их них, погибшая на этой войне баронесса Юлия Вревская, вдохновила И.С. Тургенева на поэтические строки о ее драматической судьбе.

Общественное движение по оказанию помощи «страждующим славянам» как–то неожиданно охватило все слои российского общества. Его центром были славянские благотворительные комитеты, куда получили возможность вступать и женщины. У русских женщин появилась возможность реального участия в общественной жизни страны, действуя почти наравне с мужчинами. В Государственном архиве Тверской области сохранились уникальные документы, показывающие участие женщин в сборе благотворительных средств в пользу больных и раненых на Балканском полуострове и реакцию на это государственных чиновников.

В одном из дел, составленном уездным исправником, сообщалось о вызывающем поведении в городе Старице приехавшей к брату дворянки Марии Ватсон (1848–1932). Дама собирала денежные средства, агитировала записываться на войну в Сербию, организовала «молебствие и панихиду… с торжественным ходом от собора до часовни, с поднятием запрестольных образов, в черном траурном облачении». Дама вела себя независимо не только в Тверской губернии, она собирала средства и в окрестностях Петербурга. Но стремилась она к публичным выступлениям, публиковалась в прессе.

Ольга Кондратьевна Граве, председательница «Дамского кружка в пользу славян», пригласила М.В. Ватсон к сотрудничеству. После уплаты членского взноса в 10 рублей ей выдали кружку для сбора средств, и в тот вечер она собрала 75 рублей. «Это очень подбодрило меня, я всецело отдалась этому делу. Вставала рано утром, шла с кружкой на вокзал, садилась в поезд, собирала по дороге, по Петербургу весь день разъезжала по Невскому. Давали очень много, и кружка быстро наполнялась… на другое утро то же самое, и так изо дня в день».

Каждодневный труд не смущал М.В. Ватсон, ведь она жертвовала своим здоровьем на пользу многим, неизвестным ей людям на Балканах.

Стремление к самореализации не закончилось для М.В. Ватсон с окончанием войны. Она владела английским, немецким, французским, испанским, итальянским и португальским языками, что позволило ей найти работу литературной переводчицы. Ее муж тяжело заболел, и необходимы были средства для лечения за границей. Ситуация была настолько критической, что писательница вспоминала: «Я была готова банк ограбить, лишь бы достать денег». Ее поэтические и прозаические переводы, а также литературоведческие статьи печатали «толстые» журналы («Вестник Европы», «Русская мысль»). В 1891 г. муж умер, и теперь она могла рассчитывать только на себя.

Однако к литературной деятельности М.В. Ватсон обратилась не только в поисках средств к существованию. Была еще одна причина – страстное желание оказать помощь молодому и талантливому, но тяжело болевшему поэту Семену Яковлевичу Надсону (1862–1887). Ради него в 1884 г. М.В. оставила мужа и отправилась за границу для лечения Надсона. Она сделала все возможное, чтобы в 1885 г. в Петербурге вышла первая его книга «Стихотворения». Успех ее был невероятным. Сборник переиздавался 29 раз суммарным тиражом более 200 тыс. экз. В историю русской литературы начала XX в. М.В. Ватсон вошла как издатель полного собрания сочинений С.Я. Надсона (Пг., 1917) и автор его биографии. После смерти поэта она стала хранительницей его архива, который передала в Пушкинский дом. Даже в своем завещании она просила Литературный фонд «за счет оставшихся после моей смерти средств принять заботу об уходе за могилой С.Я. Надсона» и «ежегодно 19 января в два часа дня устраивать на Волковом кладбище на его могиле панихиду с певчими».

М.В. Ватсон тяжело, но стойко перенесла смерть близких людей и, собрав

все силы, продолжала заниматься литературой. Для биографического издания Ф.Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей» она написала книги «Данте, его жизнь и литературная деятельность» (СПб., 1891, 1902) и «Шиллер, его жизнь и литературная деятельность» (СПб., 1892). Важным для М.В. Ватсон стало ее самостоятельное дело – издание «Итальянской библиотеки». В 1905 г. она получила работу, «дорогую моему сердцу». Это был перевод с испанского «Дон Кихота» Сервантеса.

М.В. Ватсон была членом Союза взаимопомощи русских писателей, Всероссийского литературного общества, Комитета грамотности, участницей Первого съезда журналистов в апреле 1905 г. В ее архиве есть членский билет за № 78, выданный 24 апреля 1917 г. как члену Всероссийского союза женских демократических организаций. Женский вопрос в России ее живо интересовал. Как корреспондент газеты «Сын отечества» она была командирована в 1896 г. в Лондон на Международный женский конгресс. Ее обстоятельный и образный отчет был опубликован, а черновик статьи сохранился в архиве.

В жизни и творчестве Марии Ватсон мужчины играли важную роль, ее жертвенность за воинов, мужа, поэта С.Я. Надсона превратили девушку из рода русско–испанских дворян в известную писательницу и переводчицу, чьи труды и ныне являются частью живой культуры.

Д.С. Трусова

Тамбов, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

САНИТАРНЫЙ ПОЕЗД ТАМБОВСКОГО ДАМСКОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА

В июле 1877 г. начались первые сражения при Плевне, отличавшиеся чрезвычайной жестокостью. В Россию потянулись обозы с ранеными. Тогда же появилась мысль об устройстве специальных санитарных поездов. Действительно, транспортировка раненых в обычных вагонах была связана с

множеством трудностей, а создание передвижных госпиталей позволило бы не только транспортировать раненых, но и оказывать врачебную помощь во время движения. Кроме того, в прифронтовой полосе медицинский персонал при всех своих усилиях не мог оказать полноценную помощь пострадавшим. В этой обстановке железнодорожный транспорт играл исключительно важную роль. Первый благотворительный поезд появился в мае 1877 года благодаря материальной поддержке императрицы[796].

Инициатива создания санитарных поездов возникла и в провинции. Одним из первых таких составов стал санитарный поезд Тамбовского Дамского Комитета.

В конце июля 1877 года благотворительный Тамбовский Дамский Комитет, возглавляемый женой губернатора княгиней Шаховской–Глебовой–Стрешневой Е.Ф., принял решение о создании собственного санитарного поезда и начале сбора средств на эти цели. К этому времени уже было известно о том, что полевые лазареты переполнены, а на приграничных железных дорогах творится неразбериха. Появляются первые санитарные поезда, но их недостаточно.

Создание специализированного поезда было делом достаточно непростым. В данном случае речь шла не только о сборе пожертвований. Перед Комитетом встало множество организационных вопросов. Требовалось найти необходимое количество вагонов, переоборудовать их с учетом требований перевозки раненых, подобрать медицинский персонал, снабдить его необходимым инструментарием и медикаментами.

Комитет взывал к патриотическим чувствам общества, прося оказать ему посильное содействие, т.к. предполагались дальнейшие расходы на

---

[796] Фонды Российского государственного военно–исторического архива. 15. 11. 1. Военно–санитарный поезд имени императрицы Марии Федоровны. Ф. 16308. 1904—1906.

перевозку раненых и жалование персоналу. Помимо денежных пожертвований принимались также вещи, продукты питания.

После переделки вагонов в Козловской железнодорожной мастерской, поезд, совершенно готовый к отправлению, прибыл 25 сентября, в Тамбов, откуда, по распоряжению Военного Министерства, пошел в Киев утром 29–го числа. По свидетельству 250 № Московских Ведомостей известно, что устроенный Дамским Комитетом поезд отличался изящной простотой и необходимыми для перевозки раненых удобствами, состоял из 18 вагонов, причем собственно для помещения раненых и больных приспособлено 12 вагонов третьего класса всего на 143 человека. В 7 вагонах были поставлены станки (по 5 в вагоне) последней системы Городецкого с двумя носилками, одна над другой. В 3 вагонах размещены обыкновенные железные кровати, в числе 18, на каучуковых подставках, чем, как предполагали, устранялась тряска при движении поезда. Над каждой кроватью – подвесные носилки на каучуковых кольцах, прикрепленные к потолку ремнями; такими же кольцами носилки прикреплялись к боковой стене вагона для уменьшения качки. Помимо того, в двух вагонах были расставлены 8 раскидных кресел–кроватей системы Городецкого (одна из самых комфортных систем в то время)[797], по 4 в вагоне. Затем, в остальных 2 вагонах, предназначенных для размещения легкораненых, поставлено 19 таких же кресел Городецкого, а над ними – подвесные носилки. Для тяжелораненых, которых приходилось выносить из вагонов на носилках, сделано в 3 вагонах широкие двери в боковой стене. Прочие 6 вагонов были приспособлены для помещения санитарного персонала, прислуги и службы. В каждом вагоне в полу и потолке был вентилятор.

В вагонах для помещения раненых были сделаны все необходимые приспособления; так, например, в каждом вагоне имелись: неподвижный

[797] Приселков В.И. О железных дорогах в военно–санитарном отношении; военно–санитарные поезда во время войны. М., 1888.

металлический умывальник, водоочистительная машинка, бочонок с водой, термометр, прибитые к стене дощечки для записи назначаемых больным порций и книжечка для рецептов и другие удобства. Сравнительно с другими санитарными поездами, не приспособленными даже к зимнему времени и значительно уступающими Тамбовскому по удобствам, устройство описываемого поезда обошлось недорого.

Персонал поезда был составлен из лиц, приглашённых уполномоченным по найму: двух врачей, провизора, двух фельдшеров, 12 сестёр милосердия, 6 санитаров, экономки, её помощника (он же счетовод), двух поваров и слесаря, он же истопник. На первый рейс с поездом отправился, по собственному желанию, безвозмездно врачебный инспектор В.М. Каменев, в качестве старшего врача. Он пользовался репутацией сведущего и опытного медика, преданного своему делу.

Санитарный поезд начал свою деятельность и уже в скором времени появились первые неофициальные благодарственные отзывы о работе персонала.

Содержание больных и раненых на поезде с включением содержания служебного персонала и необходимой в пути ремонтировки, обошлось за время с 29 сентября 1877 г. по 10 марта 1878 г. в 12169 руб. Всего денег было употреблено на устройство и содержание санитарного поезда 28940 руб., являющихся исключительно собственными средствами Тамбовского Дамского Комитета, образовавшимися от собранных пожертвований. Принимая во внимание общую цифру расхода, а также число перевезённых на поезде во все время раненых и больных воинов, оказывается, что каждый перевезённый на санитарном поезде больной обошелся Комитету до 22 руб., 95 коп., включая и всё содержание служебного персонала. При дальнейшей перевозке раненых и больных воинов стоимость содержания каждого из них должна была уменьшиться. Благодаря заботам Дамского Комитета казна не

несла по Тамбовскому поезду таких расходов, которые были обязательны для неё на других поездах.

Таким образом, работа тамбовского санитарного поезда была достаточно продуктивной и своё основное назначение он выполнил. В условиях войны для страны была важна любая помощь, тем более такая дорогостоящая как санитарный поезд. Участницы Тамбовского Дамского Комитета внесли свою посильную лепту в историю освобождения братских славянских народов, спасая жизни русских воинов. Женщины проявили истинную гражданственность, решившись на очень трудоёмкое дело – формирование санитарного поезда, но тем самым заслужили искреннюю благодарность не только со стороны правительства, о чём свидетельствуют телеграммы императрицы, но и со стороны тех, кому поезд помог в действительности. Поезд вырвал и унёс раненых из ужасной обстановки войны, где слабым и раненым чрезвычайно трудно. И первое возвращение этих людей к нормальной действительности прошло именно в санитарном поезде Тамбовского Дамского Комитета.

И.И. Юкина

Санкт–Петербург, Невский институт языка и культуры

ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА ЖЕНЩИН

Сегодня I Мировая война исследуется во многих национальных историографиях не только в рамках политической истории, но и в рамках социальной истории, истории идей, истории женщин, гендерной истории и др. Работы с использованием аналитической категории «гендер» уже давно апробированы в национальных историографиях разных стран применительно к теме I Мировой войны. В отечественной историографии методологические подходы женской/ гендерной истории практически не применяются к этой теме, хотя очевидно, что влияние войны на все сферы жизнедеятельности российского общества было тотальным и что изменение социального порядка

не может не иметь гендерного измерения. Эта ситуация затрудняет возможность сравнительных исследований и препятствует формированию общего видения того культурного, экономического и политического разлома, который произошел в Европе в результате войны, хотя в какой–то степени работы зарубежных историков — исследователей русской истории, восполняют этот пробел.

В тех исследованиях зарубежных авторов о I Мировой войне, которые выполнены на стыке политической истории России и истории женщин России, рассматриваются следующие темы:

1. радикализация женщин в годы войны в связи с вынужденным включением их в производственную деятельность взамен ушедших на фронт мужчин–«кормильцев» и в связи с перебоями с продовольствием;

2. роль женщин в продовольственных бунтах и политических акциях, что привело к началу Февральской революции — 23 февраля в Петрограде работницы праздновали Международный День солидарности трудящихся женщин.

3. патриотическая позиция участниц феминистского движения, которые переориентировали свою деятельность в помощь фронту, утверждали, что война опрокинула последние аргументы противников равноправия женщин и выступали за продолжение войны.

В работах отечественных историков обычно развивается тема об эмансипационном эффекте войны. Война принесла огромные изменения в жизнь россиянок, как женщин низших классов, так средних. Число работниц значительно выросло в целом по стране, включая тяжелую промышленность, что означало дополнительные нагрузки, ответственность и радикализацию последних. Для образованных женщин открылись новые возможности – их допустили в университеты на общих с мужчинами основаниях, расширились возможности получения профессиональной работы. Как правило, описывая

участие женщин в продовольственных беспорядках, историки не пишут, что их требования быстро перерастали в политические, и наравне с требованиями мира звучали требования равных избирательных прав для женщин. Эти права действительно были получены в России в результате войны и революции. В годы войны и под ее влиянием формировалась новая, более демократическая политическая культура, и женщины смогли вписать в нее гендерную составляющую. 15 апреля 1917 года вышло Постановление Временного правительства «О производстве выборов гласных городских дум, об участковых городских управлениях», согласно которому россиянки получили пассивные и активные избирательные права на выборах в органы местного самоуправления. В июне – августе 1917 г. в России прошли первые всеобщие выборы в городские думы и впервые появились женщины–гласные (депутаты). Самые первые женщины–гласные, по имеющимся сведениям, появились в Вологде. В столице выборы проходили в 27—29 мая 1917 г., и практически все партии включили женщин в свои партийные списки. Лига равноправия, единственная из женских организаций, сформировала свой собственный избирательный список. В результате выборов в Городскую думу Петрограда 20 августа 1917 г. 5% депутатских кресел заняли женщины. Положение о выборах в Учредительное собрание от 20 июля, 11 и 23 сентября 1917 г. утвердило всю полноту избирательных прав россиянок на выборах всех уровней, включая Учредительное собрание.

Меня интересуют следующее вопросы, которые могли бы сблизить исследовательские стратегии, развиваемые в отечественной и зарубежной историографии, и которые я хотела бы осветить в своем докладе:

1. Какие еще факторы, кроме деятельности феминистских организаций, способствовали распространению идеи политического равноправия женщин среди различных социальных групп?

2. Почему феминистки занимали прогосударственную позицию и как они концептуализировали категорию гражданства для женщин? Анализ текстов, посвященных войне в таких женских журналах как «Женщина и война», «Женское дело», «Женский вестник», позволят ответить на вопрос, чем была вызвана «патриотическая» позиция русских феминисток, как формировалось представление о женской гражданственности.

3. Имело ли влияние женское политическое лидерство на развитие политической культуры России?

В.Ю. Садовская

Иваново, Ивановский государственный университет

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ (1918—1925 ГГ.): ЛИЧНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ

Первая мировая война оказала огромное влияние на судьбы всех стран и народов, особенно тех, которые принимали в ней самое активное участие. Это относится прежде всего к Германии, которая возглавляла в ходе войны один из двух противостоящих друг другу военно–политических блоков и потерпела сокрушительное поражение. В результате немцы потеряли 13,5% своей территории с населением в 7,3 млн. человек. К 1925 г. в Германии проживало 62 410.619 человек, из которых мужчины составляли 30.196.823 или 48,4%, а женщины – 32.213.796 или 51,6%[798]. Эти данные свидетельствуют о превышении числа женщин над численностью мужчин. Убыль мужского населения – это результат участия мужчин в военных действиях. Однако и после войны мужская смертность была выше женской, что объяснялось увеличением числа смертей инвалидов войны и тех, кто получил серьезные ранения. К 1925 г. в Германии образовался избыток женского населения. Так, в возрастной группе 25—30 лет на 1000 мужчин

[798] Statistik des Deutschen Reiches. Bd. 401(2) Berlin, 1930. S. 491.

приходилось 1150 женщин, в возрастной группе 30–35 лет на 1000 мужчин уже приходилось 1269 женщин[799]. Недостаток мужского населения породил такую проблему как снижение уровня брачности и рождаемости.

К причинам низкого уровня рождаемости, кроме нехватки мужчин, можно отнести урбанизацию, увеличение числа женщин, занятых на производстве, материальную необеспеченность, тяжелые жилищные условия. Власти боролись с этой тенденцией запретительными мерами. В послевоенной Германии были запрещены противозачаточные средства и аборты. Аборты разрешались только в исключительных случаях. Однако женщины, оказывающиеся в сложной жизненной ситуации, находили возможность избавиться от нежелательного ребенка. Криминальные аборты ежегодно уносили в могилу 8 тыс. женщин и 25 тыс. превращали в калек[800].

Для повышения рождаемости власти планировали организовать охрану материнства и детства. В 20–е гг. в Германии была создана сеть консультаций и родовспомогательных учреждений, велась борьба с венерическими заболеваниями. Распространение венерических болезней было связано с проституцией. В послевоенный период древнейшей профессией занимались не только проститутки со стажем, но и женщины, лишившиеся отцов и мужей и доведенные до крайней нищеты и голода. Для борьбы с проституцией в 1927 г. власти запретили публичные дома и ввели принудительное лечение венерических больных и ответственность за заражение другого лица.

В послевоенный период в Германии встала проблема занятости, что было связано с экономическим кризисом. К 1925 г. общая численность трудящегося населения составляла 35.853.730 чел., из них 5.538.500 самостоятельных,

[799] Ibid. S. 526.
[800] Годан М. Реклама здравоохранения в Германии. // Профилактическая медицина. 1926. № 9. С. 126.

5.274.232 служащих и чиновников, 14.434.754 рабочих, 5.437.227 помогающих членов семьи[801]. Число работающих женщин в этот период составляло 11.478.012. Из них 3.645.326 женщин были замужними и 7.832.686 незамужними. Эти цифры демонстрируют тенденцию увеличения занятости женщин, не имеющих семьи. Сама жизнь заставляла незамужних женщин проявлять экономическую активность. Они должны были сами содержать себя.

Процесс усиления социальной роли женщин в Германии шел противоречиво, что проявлялось в локализации женского труда по некоторым профессиям и отраслям. Женщины были заняты в основном в сельском хозяйстве, текстильном и картонажном производстве.

За равный с мужчинами труд женщины получали меньшую заработную плату. Так, их средняя зарплата в годы инфляции в сельском хозяйстве составляла 40% от заработка мужчин, а в годы стабилизации в текстильной и картонажной отраслях промышленности – 70%[802].

Не все женщины, желающие работать, имели такую возможность. В период послевоенного экономического кризиса существовала весьма значительная безработица. Среди безработных было много женщин.

Тяжелые условия жизни заставляли людей искать причины бедственного положения. Поэтому многие немцы вступали в различные политические организации, в том числе НСДАП. Национал–социалисты стремились привлечь в свою партию прежде всего юношей и девушек. В 1922 г. по инициативе полировщика пианино из Мюнхена Густава Адольфа Ленка был основан Молодежный Союз НСДАП. С марта по ноябрь 1923 г. в его составе действовало отделение для девушек под руководством Э. Тайзингер. После

---

[801] Statistische Jarbuch fur das Deutsche Reich. 1928. Berlin, 1928. S. 21.
[802] Биск И.Я. История повседневной жизни населения в Веймарской республике. Иваново, 1990. С. 59.

неудачного «пивного путча» этот союз был запрещен, и девушек привлекли в свои ряды участницы Немецкого женского ордена – «Красной свастики».

Политическая активность женского населения выражалась не только в их стремлении вступать в разного рода организации, партии, общества. В Веймарской республике женщины имели право голоса и охотно участвовали в выборах. Причем они имели более консервативные взгляды, чем мужчины.

Тяготы своей жизни немцы связывали прежде всего с результатами Первой мировой войны. Для большинства республика была побочным продуктом поражения. В стране отсутствовали республиканские традиции. Единственной отдушиной было оживление общественной жизни в Берлине.

В 1920–е годы достигли расцвета театральное искусство, кинематограф. Кабаре и варьете были переполнены посетителями, женские прически и платья заметно укоротились. Все желали танцевать и развлекаться. Танцевали на открытых площадках, в квартирах, барах, кафе и ресторанах, в дорогих дансингах; под граммофон или сменивший его патефон и под оркестры. Популярны были и старый вальс, и новые танцы – чарльстон, танго, румба, фокстрот. В это время идеалом для женщин стала высокая, стройная фигура без подчеркнутых бедер и груди. В связи с тем, что женщины стали работать, увлекались спортом и танцами, изменилась мода. Основой женских туалетов стало платье со спущенной талией. Женщины стали носить длинные спортивные или домашние брюки и свитера. Вместо сложных причесок вошла в моду короткая стрижка «под мальчика». Все это подчеркивало равенство женщин с мужчинами, их право на активное участие во всех сферах жизни общества.

Таким образом, тяжелые послевоенные годы, несомненно, сказались на положении немецких женщин. Они активно вовлекались в общественное производство, что было связано с сокращением численности мужского населения. Женщины содержали свои семьи, занимались домашним

хозяйством, следили за своей внешностью, развлекались, участвовали в политической жизни страны. Они становились активными действующими лицами истории. Без женского участия уже невозможно было решать текущие экономические и политические проблемы.

Е.А. Бокова

Иваново, Ивановский государственный университет

ЖЕНЩИНЫ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1914 – 1918 ГГ.)

Если история Второй мировой и Великой отечественной войны по ряду причин изучалась очень подробно, то события Первой мировой войны и участие в ней России остаются даже на сегодняшний день слабо освещенными. В последние несколько лет в связи с приближением столетия начала Первой мировой войны интерес к ней повышается как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Однако внимание ученых прежде всего обращено непосредственно к хронике военных действий. Но тема тыла и, в особенности, роли в его жизни женщин, не является популярной.

Объектом нашего исследования служат различные виды деятельности русских героинь, нашедшие отражение в газетах и журналах военного времени. Периодическая печать – один из самых ярких источников, позволяющих не только узнать конкретный фактический материал, но и проследить динамику происходящих событий.

Среди ведущих изданий, используемых нами, следует отметить журнал «Женский вестник», издаваемый с 1904 года Женской прогрессивной партией и провозгласивший целью «разбудить русских женщин», не осознающих свое бесправие и бедственное положение. В годы войны журнал продолжал регулярно выходить и включал в себя статьи не только о жизни женщин в России и за рубежом, но и о событиях на фронтах и в тылу.

Портреты русских женщин, отличившихся в годы Первой мировой, можно увидеть на страницах «Альбома героев войны». Определенную пользу в изучении социальных ролей женщины в военные годы принесли материалы приложений к журналам «Хуторянин» и «Родина». Некоторые аспекты интересующих нас событий нашли отражение на страницах журналов «Исторический вестник», «Вестник Европы» и «Русская мысль». На основе материалов периодической печати можно говорить о двух основных типах деятельности женщин на фронте и в тылу: те или иные действия были результатом либо частной, либо организационной инициативы.

К первому типу следует отнести уход женщин на фронт. Мировую известность получила М. Бочкарева и деятельность «батальонов смерти», созданных уже к концу войны. Однако этому организованному этапу развития данного вида деятельности предшествовала целая волна стихийного ухода на фронт женщин и девушек в качестве рядовых солдат под чужими именами. Количество сообщений в прессе дает право говорить о таких действиях как об отдельном направлении патриотического движения, имевшем широкие масштабы. Его участницами становились женщины всех социальных слоев, национальностей, возрастов. Их фронтовая жизнь имела огромное значение: она доказывала способность женщин действовать наравне с мужчинами даже на войне.

Женщины, прежде всего, дворянки, писали письма, содержащие информацию о расположении врага, с предложениями по улучшению военной тактики, и отправляли их на фронт, хоть и не без помощи разного рода объединений.

Второй вид деятельности, возникший спонтанно и абсолютно естественно – добровольная помощь медицинскому персоналу в лазаретах, больницах, санаториях. В приводимых в газетах письмах солдат очень часто встречается упоминание о «нянях», «сестрах», «сестрицах», которые спасали им жизнь, ухаживали за ними (совершенно безвозмездно), развлекали и утешали бодрыми разговорами и смехом.

Другим направлением деятельности женщин по всей стране стала материальная помощь фронту. В случае частной инициативы речь чаще шла не о денежной, а о натуральной форме благотворительности, которая имела место и среди зажиточных женщин, и среди крестьянок, жертвовавших плоды своего ручного труда.

Второй тип деятельности – организованной – проявлялся в тех же формах, но мотивы, методы и ее результаты были несколько иными. Наличие руководства, своего рода центра увеличивало не только масштабы помощи, но и влияние на общество тех женщин, которые ее оказывали. Основателями и идейными вдохновителями патриотической, благотворительной деятельности стали женские организации, созданные еще до войны с целью борьбы за равноправие. Служение Родине было для них символическим вхождением в категорию граждан и рассматривалась как гражданская ответственность. Членами таких организаций становились женщины всех слоев и национальностей.

Особую роль в патриотической деятельности играли курсистки, а также представительницы высшего света, в том числе императорской семьи, нанимавшиеся добровольными помощницами медицинскому персоналу. Многие женщины брали под опеку семьи ушедших на фронт, погибших солдат.

Еще одним направлением работы женских организаций было создание параллельной интендантской службы: их члены занимались изготовлением, сбором и транспортировкой одежды, обуви, провианта, необходимых на фронтах. Женщинами оказывалась и материальная помощь фронту: собранные, в том числе в результате пожертвований и благотворительных акций, средства направлялись на строительство лазаретов, приютов, покупку провианта для солдат и их семей.

Таким образом, столь многоплановая работа не могла пройти незамеченной. Для повышения ее эффективности женские объединения наладили контакт с Земским союзом и Союзом городов и, устраивая

совместные акции и сборы, также продемонстрировали удивительную работоспособность и истинный героизм. На страницах журналов справедливо стали говорить о «добровольной женской армии».

Другим направлением и одновременно побудительным мотивом активной деятельности женских организаций была борьба за равноправие. Как уже отмечалось выше, война стала стимулом для пробуждения самосознания женщин, для демонстрации их весомой роли в обществе. Женские организации лоббировали расширения прав женщин, изменения семейно–брачного законодательства. Однако реакция на подобную активность женских организаций была неоднозначной: имели место случаи, когда клубы и объединения закрывались местными властями после признания их «вредными». Это происходило несмотря на то, что министром внутренних дел Н.А. Маклаковым был издан специальный циркуляр, призывающий местные власти поддерживать и «не лишать свободы частную инициативу».

Таким образом, деятельность женщин в годы Первой мировой войны была очень активной, широкой и многоплановой и привела к серьезным изменениям в сфере гендерных отношений. Вне зависимости от мотивов и поставленных целей, женщины проявляли истинный героизм и на фронте, и в тылу, который, к сожалению, даже сегодня остается до конца не оцененным.

Т.В. Королева

Иваново, Ивановский государственный энергетический университет

СУФРАЖИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война – событие глобального масштаба, которое привело к изменениям во всех сферах жизни общества, предопределив его развитие во многих отраслях на целые десятилетия. Огромное влияние война оказала на изменение роли женщин в обществе и на развитие женских, в том числе и суфражистских движений, которые в большинстве стран Европы смогли

добиться предоставления женщинам избирательных прав, обеспечив формальное равенство мужчин и женщин в публичной сфере. Однако, одна из загадок истории состоит в том, что француженки добились права голоса позднее, чем в большинстве западных стран – только в 1945 г. Представляется интересным выяснить, почему суфражистское движение во Франции после Первой мировой войны не смогло решить проблему предоставления женщинам равных с мужчинами политических прав.

Суфражистское движение во Франции накануне войны имело ряд особенностей: оно не занимало лидирующих позиций в либеральном женском движении, носило умеренный характер, действовало с оглядкой на ценности и традиции общества. Главной причиной слабого влияния суфражистских идей было широко распространенное опасение, что предоставление избирательных прав женщинам вызовет усиление правых и приведет к краху республики и демократии. К началу Первой мировой войны движение смогло преодолеть большинство трудностей. Оно создало разветвленную структуру с многочисленными региональными объединениями, поэтому в потенциале имело неплохие шансы на успех.

Начавшаяся Первая мировая война привела к «священному единению» французской нации. Все политические партии и общественные движения (в том числе и женское) выступили с поддержкой политики правительства и практически отказались от активных действий по реализации своих интересов.

На первый взгляд, война была прогрессивным явлением, способствовавшим вовлечению женщин в публичную сферу. Однако на самом деле произошла замена противопоставления «частное – публичное» на более глобальное: «фронт – тыл». Мужчина, по–прежнему, занимал активную позицию на фронте, а женщина продолжала играть пассивную роль домашней хозяйки, в данном случае – хозяйки страны. Поэтому война не привела к глобальным социально–экономическим и политическим

изменениям в положении женщин. После подписания Компьенского перемирия и демобилизации армии началась общественная кампания за возвращение женщин в частную сферу.

В ноябре 1919 г. правые силы объединились в Национальный блок, который одержал победу на выборах. Политика блока в женском вопросе имела ярко выраженный патриархальный характер. 1 июля 1920 г. был принят закон, запрещавший аборты и использование контрацептивных средств. Был Создан Высший Совет рождаемости, который должен был проводить и регулировать демографическую политику.

Эту ситуацию должны были учитывать представительницы женского движения для успешной мобилизации ресурсов и для реализации своих целей и задач после войны.

В 1919 г. ФССЖ при поддержке НСФЖ[803] и «Лиги за эмансипацию женщин» сумели получить принципиальное согласие всех политических партий о поддержке при парламентском голосовании законопроекта о женском избирательном праве. 20 мая 1919 г. Палата депутатов впервые приняла законопроект, устанавливающий полное избирательное право для женщин. Однако Сенат сначала отказался рассматривать этот законопроект, а позже вовсе его отверг.

В 1924 г политика Национального блока зашла в тупик. Провал оккупации Рура способствовал росту демократических настроений во французском обществе и победе на парламентских выборах 1924 г. Картеля левых (объединение радикальной и социалистической партии). В 1924 г. радикальная партия открыла женщинам доступ в члены партии. Усилия ФССЖ по мобилизации ресурсов оказались успешными: 7 апреля 1925 г.

[803] НСФЖ – Национальный совет французских женщин, самое влиятельное во Франции объединение «социального феминизма», которое поддерживало умеренные суфражистские инициативы.

палата депутатов приняла более умеренный законопроект, предоставлявший женщинам право голоса на муниципальных и кантональных выборах[804].

В мае 1925 г., пользуясь пробелами в законодательстве и желая привлечь на свою сторону симпатии работниц и социалистов, Коммунистическая партия Франции включила женские кандидатуры в избирательные списки на муниципальных выборах во всех районах парижского пригорода. Но вскоре было вынесено судебное постановление о «вычеркивании» женских кандидатур на том основании, что Сенат не одобрил проект закона 1925 г[805].

12 июля 1927 г. Палата депутатов приняла обращение к Сенату ускорить рассмотрение законопроекта, касающегося избирательного права для женщин на муниципальных выборах. Безынициативность Сената спровоцировала суфражисток на проведение радикальных акций, от которых француженки прежде принципиально отказывались. Однако Сенат никак не отреагировал на эти акции. Постоянный провал попыток продвинуть вопрос о женском избирательном праве и нежелание Сената обсуждать эту тему привели к спаду суфражистской активности и сокращению численности членов суфражистских организаций.

В 1934 г. журналистка Л. Вайс попыталась дать новый импульс суфражистскому движению, основав «Новую женщину» – ассоциацию для равенства политических прав. Она выставила свою кандидатуру на муниципальных выборах в провинции для привлечения внимания к женскому избирательному праву. Однако ее попытка была встречена враждебно не только мужчинами, но и женщинами.

30 июля 1936 г. Палата депутатов последний раз обсуждала вопрос о предоставлении женщинам избирательных прав и единогласно приняла

---

[804] Bard C. Les Filles de Marianne. Histoire des féminismes. 1914—1940. Paris, 1995. P. 147.
[805] Faure Ch. La democratie sans les femmes. Essai sur la liberalism en France. Paris, 1985. P. 203.

проект закона о полном политическом равноправии полов. Сенат принципиально отказался ставить этот вопрос на повестку дня. После провала последней попытки решить вопрос женского избирательного права большая часть суфражистских организаций, обществ и федераций прекратила свое существование или переориентировалась на другую деятельность.

Таким образом, влияние войны на суфражистское движение во Франции было огромным. Характерные для довоенной эпохи эгалитарные устремления были забыты, и дихотомия полов снова стала нормой в социальной и политической мысли. Женское тело, семья, рождение детей из частного дела после войны стали делом политическим и должны были теперь служить общественным целям, решая проблемы депопуляции населения.

Суфражистское движение не смогло полностью отказаться от идеи равноправия полов и не поддержало идею возвращения женщины в семью. Поскольку цели и ценности движения не соответствовали государственным, то его агитация не нашла общественной поддержки, и оно прекратило свое существование. Стремясь восстановить рождаемость, государство запретило своим гражданам принимать меры по планированию семьи и отказало француженкам в праве голоса.

Е.Ю. Семенова

Самара, Самарский государственный технический университет

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОНТАКТЫ ЖЕНЩИН ПОВОЛЖСКОГО ГОРОДА С ВОЕННОПЛЕННЫМИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СТОЛКНОВЕНИЕ ИНДИВИДА С КОЛЛЕКТИВНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТАНОВКОЙ

В годы Первой мировой войны на территории городов Поволжья появилась новая социальная группа – военнопленные. Часть из них имели ранения и размещались в лазаретах. Здоровых солдат и офицеров

определяли на жительство в специально отведенные помещения или селили на частных квартирах у городских обывателей.

Отношение местного общества к военнопленным, размещенным в поволжских городах, не было одинаковым в разных городах, изменялось на протяжении военных лет, включая широкий спектр настроений: от сочувствия до ненависти. Среди обывательниц, у которых военнопленные вызывали сочувствие, в городах Поволжья отмечались случаи как осуществления системной индивидуальной практики помощи им продуктами и деньгами, так и проявления симпатии со стороны женщины к мужчине. Подобные истории выбивались не только из транслируемой официальной идеологией критики врага и преобладающей в ряде городов тенденции негативного отношения к военнопленным, но и противоположной тенденции, добросердечного отношения к военнопленным, как пострадавшим в условиях боевых действий. Они обращали на себя внимание обывателей и властей, вызывали осуждение.

Выявленные на территории поволжских городов случаи поведения представительниц женского пола в отношении военнопленных, выходящие за рамки принятых в обществе норм, являются примерами столкновения позиции индивида с представлениями социума. Обращает на себя внимание хронология выявленных случаев возмущения обывателей «нестандартным» отношением некоторых представительниц женской части горожан Поволжья к военнопленным. Исследуемые истории относятся к началу 1915 г., когда наблюдался всплеск критики противника, антигерманских настроений в России.

Одной из тревожащих коллективное сознание индивидуальных практик в условиях Первой мировой войны стала систематическая помощь военнопленным, размещенным на территории города, причем не просто необходимыми продуктами, а различными «вкусностями». Это выделяло «сердобольную» из массы обывателей, оказывающих помощь единично или время от времени, из сострадания к тем, кто «недоедает». В феврале 1915 г.

в сатире «Стыдно», опубликованной в казанской газете, прозвучал укор автора в адрес проявляющих чрезмерную заботу о раненых военнопленных, в то время, как российские военнопленные терпят страдания.

Общение с военнопленными, организация для них развлечений, передача подарков имеет неоднозначный контекст. Можно характеризовать данные явления как экзальтированность некоторых дам – горожанок, желающих оказать помощь любому пострадавшему, кем бы он ни являлся, главное, чтобы был поставлен в условия максимально «обездоленного». А положение военнопленных, особенно раненых и, прежде всего, офицеров, утративших положенные по статусу возможности, вполне подходило для реализации роли заботливой, помогающей пострадавшим натуры. С другой стороны, можно рассматривать такую деятельность и как проявление обычной сердечности, взаимопомощи, человечности. Следует учитывать также и интерес, проявляемый к военнопленным, как новой социальной группе, столкновение с которой порождало различие в восприятии военного – «врага» и военного плененного, как нуждающегося в поддержке.

В некоторых лазаретах, где находились на лечении военнопленные, между ними и сестрами милосердия устанавливались теплые отношения, их воспринимали не как подлежащих лечению врагов, а как подопечных, нуждающихся в помощи, и радовались исцелению. Так в Самаре 1 апреля 1915 г. проходящим мимо 6–го земского лазарета прохожим представилась картина «проводов» уходящих из лазарета вылеченных военнопленных. Служащие в лазарете женщины, одетые в форменные белые передники и косынки, устраивали «овации» — махали военнопленным платками, руками посылали приветствия. Некоторые обыватели расценили такое поведение как возмутительное и оскорбительное «для русских, жертвующих свои средства и

труд на борьбу с варварами»[806], а, по мнению персонала, это было обычным выражением «приветствия» при проводах *всех* раненых[807]. Характеристика «всех» в объяснениях служащих в лазарете, данная в ходе разбирательства, подчеркивает, что в представлении сестер милосердия различия между ранеными россиянами и военнопленными не выделялось, военнопленных не разделяли на славян и немцев, австрийцев, турок.

В Саратове получил распространение слух, касающийся «безобразнаго поведения» некоторых сестер милосердия в лазарете № 4 Всероссийского Земского Союза, где помещались больные и раненые военнопленные германцы и австрийцы. Горожанам стало известно, что одна из сестер милосердия, Н. Гаевская, обнимается и целуется с военнопленными, а с одним из них была «застигнута» сторожем лазарета «лежащей в одной сорочке на кровати». Другая сестра милосердия, Н. Монахова, приходя на дежурство, приносила с собой «разных закусок и сластей» для пленного И. Руднян, запиралась с ним на продолжительное время в ванной комнате, а во время проводов военнопленного на вокзале «плакала до истерики, и, не стесняясь публики, бросалась на шею». Среди горожан из–за подобного поведения некоторых сестер милосердия данный лазарет получил «славу» «русского бардака для пленных», а многих служащих в нем возмущала «внимательность к пленным», выражающаяся в подарках им подушек, пуховых носков, хорошего белья, приготовлении пищи по желанию самих пленных[808].

Такого рода примеры поднимают проблему не просто столкновения в условиях войны индивидуального и общественного мировоззрения, но и сочетания в сознании представительниц женского городского населения противоречивых ценностных ориентиров, при котором происходило

[806] ГУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 61. Д. 26. Л. 324.
[807] ГУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 61. Д. 26. Л. 331.
[808] ОГУ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1915. Д. 10. Л. 25.

наложение и замещение одних ценностей другими. В отмеченных выше случаях чувство влечения перерастало в жизненную практику, которая в условиях мирного времени воспринималась бы как любовный роман между мужчиной и женщиной, а в условиях войны получила в глазах окружающих оценку развратных действий.

Межличностные контакты представительниц женского населения поволжских городов с военнопленными характеризуют разобщенность сознания городского общества периода Первой мировой войны, наличие распада массового мировоззрения, выделение индивидуальных практик, переходящих в социальные тенденции. В противоречии индивидуальных практик общественным ценностям обращает на себя внимание тенденция их пограничности в соотнесении с пониманием патриотичной и не патриотичной деятельности.

О.В. Шнырова

Иваново, Ивановский государственный университет

ФЕМИНИЗМ, СУФРАЖИЗМ И ВОЙНА: ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Начало Первой мировой войны в России породило взрыв патриотических чувств независимо от пола. Вскоре после начала военных действий в прессе стали появляться сообщения о женщинах, которые, скрыв свой пол, записывались добровольцами в армию. Правда обнаруживалась только в случае ранения или плена. Их героизм вызывал восхищение у публики, однако такие проявления патриотизма были все же исключением. Так же, как и в других воюющих странах, от женщин ожидали проявления патриотических чувств в рамках традиционных сфер деятельности: благотворительности и заботы. Наиболее востребованным видом деятельности был уход за ранеными. Для многих сестра милосердия была больше чем воплощением профессиональной

медицинской заботы или благотворительной и патриотической деятельности. Ее образ ассоциировался с жертвенностью и служением, а работа сестрой милосердия рассматривалась женщинами как способ обретения жизненной цели и достижения равенства с воюющими мужчинами.

В период 1914—1915 гг. сестра милосердия становится наиболее популярной героиней «Огонька». Фотографии медсестер, несущих службу в госпиталях на линии фронта, часто проявлявших подлинный героизм, появлялись в каждом номере. Медсестра стала подлинной национальной героиней, воплощением новой женственности военного времени.

Проявления патриотизма становятся модными. Хорошей иллюстрацией этого феномена является журнал «Женщина». На обложке одного из его номеров за 1915 г. изображена Ида Рубинштейн в форме сестры милосердия. Страницы других номеров журнала содержат большое количество фотографий и рисунков сражений, лагерей беженцев, ужасов войны, странным образом перемежающихся с рекламой мод, косметических средств и кулинарными рецептами.

Журнал «Огонек» информировал читателей о проявлениях патриотизма другой примадонны, известной актрисы Лидии Яворской (сценический псевдоним княгини Барятинской), которая с большим успехом играла роль героини Отечественной войны 1812 г. Надежды Дуровой в пьесе «За Россию!» в лондонском Колизее.

Представительницы высших и средних слоев принимали участие в различных видах патриотической благотворительности. С началом войны стали создаваться многочисленные благотворительные комитеты в помощь фронту, деятельность которых была вполне традиционной: изготовление бинтов, корпии, вязание носков, пошив нижнего белья для солдат, формирование рождественских и пасхальных подарков. Популярной деятельностью светских дам было написание писем воинам для поддержания их боевого духа.

Война также предъявляла новые требования к рынку труда, что привело к серьезным изменениям в экономическом и социальном статусе работающих женщин, поскольку их труд становился все более востребованным по мере того, как мужчины мобилизовывались на фронт. В некоторых отраслях женщины составляли от 50 до 80% работающих и получали одинаковую с мужчинами заработную плату[809]. За годы войны женщины получили доступ ко многим, ранее закрытых для них профессиям: фабричных инспекторов, адвокатов, инженеров, государственных служащих. Наиболее востребованы были женщины–врачи.

Все эти изменения приводили к существенным изменениям в общественном дискурсе. Либеральные и радикальные авторы и ранее воздавали дань женщинам за их участие в революционном движении. Теперь же их патриотическая деятельность давала основания для восхищения иного рода: их высоким уровнем гражданственности и самопожертвования. Война вывела дебаты о женском равноправии на новый уровень.

Эти факторы создавали новые возможности для русских феминисток, которые также активно включились в патриотическую деятельность, стараясь доказать, что женщина способна играть важную роль в годину тяжких испытаний для нации. Так же, как и суфражистки в Великобритании, русские равноправки выступили в поддержку правительства и сосредоточили свою деятельность на оказании помощи фронту. Представительницы русских женских организаций, так же как и французских, отсутствовали на пацифистском конгрессе в Гааге в 1915 г., т.к. в России ни одна женская организация не заняла пацифистских позиций.

Следует отметить, что в России, так же, как и в других европейских странах, алкоголизм вызывал серьезную озабоченность феминисток, которые

---

[809] Jus Suffragii. 1915. № 4. P. 224.

поддерживали антиалкогольные кампании. Женские выступления против алкоголя были стимулом к введению сухого закона в военное время. Газеты сообщали о том, что работницы врывались в трактиры и били бутылки, требуя прекратить продажу водки их мужьям. Суфражистки использовали антиалкогольные выступления как аргумент предоставления женщинам политических прав. Они утверждали, что если женщины получат избирательные права, борьба с алкоголизмом будет вестись более успешно.

Суфражистские организации стремились сочетать патриотическую деятельность с лоббированием предоставления женщинам политических прав. Наиболее активной в этом плане были Лига равноправия женщин во главе с Поликсеной Шишикиной–Явейн и отдел избирательных прав женщин Русского Женского Взаимноблаготворительного Общества (РЖВБО). Первым шагом была борьба за включение женщин в число избирателей на местных выборах, поскольку Дума намеревалась принять закон о реформе муниципального избирательного права. В 1915 г. РЖВБО направило в Думу две петиции с требованием допустить женщин в местные органы власти. Лидер РЖВБО Анна Шабанова писала: «Русские женщины платят те же налоги, как и мужчины, обладают университетским образованием, самостоятельно ведут торгово–промышленные дела и своей деятельностью в попечительствах, лазаретах и даже в армии доказали, что они могут быть полезными работницами и в городском хозяйстве. Поэтому мы требуем допустить женщин к городскому управлению»[810]. Многие городские думы благожелательно отнеслись к этому заявлению, и РЖВБО организовали курсы для женщин, чтобы подготовить их к будущей роли избирательниц и депутаток.

---

[810] Шабанова А. Заявление совета Женского взаимноблаготворительного общества, отправленное в столичные и губернские городские думы.// Женский вестник. 1916. № 1. С. 3.

Таким образом, война существенно изменила представления о гендерных ролях и традиционной феминности и открыла новые возможности как для женщин в целом, так и для женских организаций. Как видим, уже в первые военные годы были сделаны заметные шаги в достижении равноправия в гражданской и профессиональной сферах. Следующий шаг, как мы знаем, был сделан во время Февральской революции, также произошедшей в результате войны, когда российским женщинам удалось одним из первых в Европе добиться равноправия и в политической сфере.

Н.Б. Гафизова

Иваново, Ивановский государственный университет

МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ: ДИСКУССИИ О СТРАТЕГИИ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ И РОССИЙСКИХ ЖЕНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ (1914—1917 ГГ.)

В годы Первой мировой войны взаимодействие российского женского движения с зарубежными и международными женскими организациями определялось рядом факторов. Во–первых, противостоянием либеральной, суфражистской и социал–демократической идеологий, каждая из которых предлагала свой оригинальный путь конструирования глобальной женской солидарности, а также противостоянием течений милитаризма и пацифизма, национализма и интернационализма, оказавших серьезное влияние на судьбы самих международных организаций. Во–вторых, ролью иных международных акторов (II Интернационал, пацифистские организации), имевших свои интересы в женском вопросе.

Ведущие международные женские объединения еще с момента своего возникновения провозглашали приверженность идеям пацифизма. Так, делегации Международного женского совета (МЖС) с 1899 года принимали участие в мирных конференциях в Гааге (1899, 1907), а Международный женский суфражистский альянс (МЖСА) стал инициатором создания в 1915 г.

«Международного комитета женщин за перманентный мир». Еще в 1913 году было решено, что следующий конгресс Альянса состоится в Берлине в 1915 году. Однако после начала военных действий Союз избирательных прав женщин Германии заявил о невозможности его проведения в Берлине. В ответ на предложение представительниц Германии провести конгресс в нейтральной Голландии лидерами МЖСА было принято решение о крайней нежелательности созыва конгресса во время войны, так как «война может создать на конгрессе настроение, которое станет причиной глубоких разногласий между делегатками... Национализм станет в оппозицию интернационализму и на конгрессе может произойти недоразумение вроде бывавших на международных конгрессах мира, где делегаты со словами мира на устах начинали драку кулаками»[811].

Серьезным камнем преткновения стал вопрос о возможности сотрудничества женских организаций воюющих держав. Инициативу по созыву женского конгресса в защиту мира в свои руки взял Союз избирательных прав Голландии, предложив созвать конгресс в Гааге, лишь с одним пунктом в повестке дня — мир и международная безопасность. Однако многие женские организации, в том числе и российские отказались принять в нем участие. Так, на страницах «Женского вестника» отмечалось, что француженки, отказываясь от участия, подчеркивали, что они были и остались убежденными пацифистками и по окончании войны будут всячески бороться против ненависти и за цивилизацию, но в данное время не может быть и речи о пацифизме. «Мы вполне солидарны со своими мужчинами…. Разве можно говорить о мире, когда часть его страны захвачена неприятелем и пока они не освободили истерзанную Бельгию? Разве женщины могут

[811] Вопрос о международном конгрессе // Женский вестник. 1915. № 3. С. 76.

теперь спокойно обсуждать вопросы о перемирии, об арбитражах, о соглашениях? Это слишком рано или слишком поздно»[812].

Ведущие российские организации (Российская лига равноправия женщин, Русское женское взаимноблаготворительное общество и др.) в сложившихся условиях также приняли решение об отказе в участии в конференции, выбрав «патриотический путь». Дилемма женская солидарность *vs* патриотизм в условиях мировой войны была разрешена русскими феминистками в пользу второго. В этот период либеральные и суфражистские женские организации сумели, используя патриотические практики, усилить свои позиции и влияние в политической элите, приблизиться и, умело используя политическую ситуацию, достичь главной цели – избирательных прав для женщин.

По иному развивалась ситуация в рядах Международного женского социалистического секретариата (МЖСС). Идеологические расхождения по вопросу позиции социал–демократов в отношении войны разделили II Интернационал. Центристы во главе с К. Цеткин поддерживали идеи пацифизма и высказывали поддержку мирной конференции в Гааге. Радикальная позиция была сформулирована В.И. Лениным. Он считал, что империалистическая война должна перерасти в революционную борьбу пролетариата с капитализмом.

В России основным органом, продвигающим эту позицию, стал журнал «Работница». Одна из лидеров русского рабочего женского движения, Л. Сталь разъясняла позицию Циммервальдской и Кинтальской социалистических конференций, цитировала их воззвания: «Пролетарии! С начала войны вы отдали вашу действенную силу, вашу отвагу на службу господствующим классам. Теперь вы должны начать борьбу за свое собственное дело, за священную цель социализма, за освобождение

[812] Женский вестник. 1915. № 5—6. С. 114.

подавленных народов и порабощенных классов – путем *непримиримой классовой борьбы!»*[813].

На страницах журнала эта политическая позиция нашла свое подтверждение и в негативном отношении к любой патриотической деятельности, которая у либеральных феминистских организаций вызывала восхищение. Например, это проявилось в критике пацифистской деятельности и участия женщин в военных действиях. Так, А.М. Коллонтай в статье «Женские батальоны» рассматривая зарубежный и отечественный опыт участия женщин в армии, отмечала, что «…батальоны смерти», «женские штурмовые колонны» – игрушечное, показное (буржуазное) женское войско. Англия первая показала пример организации «женских армий» против «ненавистного немца». Англичанки в агитации и вербовке доходили до того, что «грозили не пойти замуж за человека, если он не оденет на себя военной формы»[814]. Пацифистская деятельность представлялась ею как нечто негативное: «Старуха Панкерхст и ее дочь Элеонора – оборонки, ездят агитируют (в США, и России), а вот Сильвия Панкерхст (ее другая дочь) вместе с Адамсом Бриджем и соц–й «Лигой Работниц» борется против войны, не раз была арестована за антивоенную пропаганду»[815].

Позиция Коллонтай подтверждалась и другими авторами журнала: «Петроградский совет крестьянских депутатов… постановил: В организации этих батальонов мы видим не только совершенно недопустимый в настоящий момент водевиль с переодеванием, но вполне ясный и определенный шаг буржуазии, стремящейся всеми способами протянуть до желательного ей конца эту ужасную войну»[816] и «…как могут они не понимать своего

---

[813] Сталь Л. Война и Интернационал // Работница. 1917. № 6. С. 6—7.
[814] Коллонтай А.М. Женские батальоны // Работница. 1917. № 6. С. 7.
[815] Там же. С. 8.
[816] Крестьянский совет о женских батальонах // Работница. 1917. № 7. С. 16.

гражданского долга перед родиной. Не лучше ли было бы им поехать в деревню на хлебную уборку, если, конечно, им все равно, где работать – в кругу мужчин или женщин»[817].

Таким образом, первая мировая война привела к существенным изменениям во взаимодействии между национальными и международными организациями и, в конечном счете, стала важнейшим фактором, обусловившим завершение первой волны феминизма.

Т.Ю. Шестова

Пермь, Западно–Уральский институт экономики права

ЖЕНЩИНЫ—ВРАЧИ И АРМИЯ В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

С созданием Временного правительства появился печатный орган новой власти – «Вестник Временного правительства». Структура газеты включала в себя основные рубрики: указы, постановления и инструкции Временного правительства, обстановка в Петрограде, вести с фронтов, новости из–за рубежа. Судя по материалам, март и апрель прошли под знаком приветствий изменения государственного строя и многочисленных митингов, апрель ознаменовался чередой съездов, а конкретные действия стали предприниматься Временным правительством только летом 1917 г. Опорными точками становились «Свобода» и «Война». В «Вестнике» эпизодически освещалась проблема участия женщин в военных действиях.

Отдельные факты присутствия женщин в армии отмечались в начале I Мировой войны, но, как правило, девушки скрывали свой пол. Единственной структурой, дающей возможность женщинам попасть на фронт, стал Красный Крест. Общество патронировалось императорской семьей, а на местах – губернаторами и их женами. Для женщин, участвовавших в военных событиях

---

[817] О женском батальоне (мысли солдата) // Там же.

1878 г., устанавливался знак Красного Креста двух ступеней, вручаемый императрицей. Позже знак присваивался женщинам, «которые своей деятельностью и рвением на означенном поприще оказывают особенные заслуги и известны при том своими высшими нравственными качествами»[818].

Одной из первых женских организаций, обратившихся 19 марта 1917 г. к Временному Правительству, стала «Лига равноправия женщин». Делегация «Лиги» высказала мнение, что главной их задачей является равноправие с мужчинами в области избирательных прав, в особенности в преддверие выборов в Учредительное собрание. Политические лидеры доброжелательно отнеслись к инициативе расширения избирательного поля, но общественное мнение это расценило негативно. «Многие из солдат, переполнивших с утра Таврический дворец, доказывали, что сначала нужно кончать войну, а потом думать о правах женщин»[819].

Временное Правительство, провозгласив демократические права, быстро определило и обязанности женщин–врачей. Основной задачей стал их призыв на действительную службу. Помимо беременных от призыва освобождались женщины, имеющие детей до 3 лет. Если возраст детей был от 3 до 16 лет, женщину могли призвать для прохождения действительной службы по месту жительства. От мобилизации освобождались преподавательницы медицинских курсов и читающие лекции на медицинских факультетах. При этом звучала оговорка, что освобождение следует только в том случае «если пострадает дело».

Временное правительство требовало от армейских служб предоставить призванным женщинам–врачам «все служебные права и преимущества военных врачей, как в отношении назначения на должность, так и

---

[818] РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 5688. Л. 1–5.
[819] ВВП. 1917. № 14.

производство содержания и прочих видов денежного и прочего довольствия». Женщины получали единовременное пособие и прогонные деньги «в размерах, установленных для врачей, не имеющих чинов в зависимости от ученых степеней».

По аналогии с врачами–мужчинами женщинам выдавались «призывные листы» для ополченцев. С момента вручения листа женщины–врачи считались призванными и не могли покинуть места жительства или работы до окончательного решения о назначении главным военно–санитарным управлением[820].

В «Вестнике» была опубликована «Инструкция о порядке учета, призыва и распределения женщин–врачей». Армейские службы должны были наладить их точный учет. В «Инструкции» очень часто используется слово «немедленно», т.е. все этапы призыва шли очень быстро, и времени на оспаривание призыва у женщин не было[821].

Первая позиция по призыву принадлежала девушкам, заканчивающим медицинские факультеты. После сдачи выпускных экзаменов немедленно проводился медосмотр, совмещенный с призывом. Во время этого осмотра должны были «приниматься во внимание особенности женского организма». Заключение медкомиссии считалось окончательным.

Также армейские службы должны были проанализировать списки всех женщин–медиков и отобрать по возрасту до 45 лет. Они представляли вместо медицинского осмотра свидетельство лечащего врача.

Третьей категорией стали женщины, «занимающие должности в правительственных или общественных организациях, врачебно–санитарных учреждениях Красного Креста, всероссийского союза земств и городов, иных

---

[820] ВВП. 1917. № 79.
[821] ВВП. 1917. № 80.

организаций, обслуживающих больных и раненных». Видимо, для того, чтобы не нарушить работу этих учреждений, следовало подать сведения о роде занятий для того, чтобы не призвать на фронт женщину, которой более важно было оставаться на месте.

Все прошедшие призыв немедленно вносились в постоянно корректируемый список, который в двух экземплярах направлялся в главное и окружное военно–санитарное правление.

Собрав сведения о «неподлежащих отправлению на фронт», Главное военно–санитарное управление по телефону (что весьма ускоряло дело) распределяло женщин по вакансиям. Женщины, прибывшие в месту назначения, определялись к должности начальниками санитарной части армий фронта, а в округах – военно–санитарными инспекторами»[822].

Оставшиеся по месту жительства не имели права менять место работы и должность до окончания войны. Разрешалось только переходить на службу в военное ведомство»[823].

Массовый призыв в армию женщин был тесно связан с низким уровнем образования зауряд–врачей мужчин. С 1915 по 1917 гг. по распоряжению Министерства народного просвещения производились ускоренные выпуски врачей после 8 семестров обучения. «Эта ускоренная подготовка, по отзывам медицинских факультетов, не могла, конечно, не отразиться более или менее отрицательным образом на полноте подготовки и глубине специализации»[824].

Министр народного просвещения А.А. Мануйлов 28 июня 1917 г. потребовал ввести в университетах повторительные курсы для зауряд–врачей мужчин. Первыми должны были вернуться зауряд–врачи II разряда,

---

[822] ВВП. 1917. № 80.
[823] ВВП. 1917. № 79.
[824] ВВП. 1917. № 99.

призванные в 1915 г. – «ввиду призыва женщин–врачей на воинскую службу и возможности заменить зауряд– врачей в действующей армии»[825].

Таким образом, наделение женщин гражданскими правами сразу обернулось массовым призывом в армию. Возраст призываемых впоследствии колебался от 35 лет при Советской власти до 45 лет при правительстве А.В. Колчака. Военному призыву подлежат женщины–врачи и в наши дни. Пользуясь сложностью военного времени, Временное правительство реформировало женские учебные заведения под свои кадровые потребности.

К.В. Левшин

Санкт–Петербург, Санкт–Петербургский государственный университет

ДЕЗЕРТИРЫ КРАСНОЙ АРМИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ (1918 – 1921 гг.)

На протяжении человеческой истории война оставалась делом почти исключительно мужским и напрямую ассоциировалась с «сильным полом», превратив военное ремесло в символ мужественности. Дезертирство в том или ином виде, равно как и борьба с ним, было присуще любой армии и неизменно рассматривалось как тяжкое преступление, особенно в военное время. Процедура наказания у разных народов подчеркивала его позорность.

Но так ли уж прочно мужественность увязывалась с прохождением воинской службы, а дезертирство, соответственно, с утратой гендерного признака в специфических условиях «всероссийского потопа» 1917–1921 гг.?

До гражданской войны в народе не было однозначно неприязненного отношения к дезертирам. Война воспринималась как Божье наказание за грехи, служба носила характер религиозного ритуала. Быть призванным или счастливо избежать службы – вопрос фатального характера.

---

[825] ВВП. 1917. № 83.

Представления о государстве–левиафане, присваивающем себе жизнь подданных, не могли вызвать резко отрицательного отношения к дезертирам. Солдаты встречали жалость и сочувствие на самом что ни на есть личном уровне. Революционные потрясения, ослабление государственных институтов, крах старой «армии–каторги» и принудительные мобилизации сторон–участниц гражданской войны в России подняли дезертирский вопрос во всей сложности на небывалую высоту.

Дезертир был силен тем, что мог рассчитывать на поддержку и защиту семьи, односельчан. Бороться с этим массовым социальным явлением исключительно силовыми и карательными средствами было невозможно. Вот какую модель поведения предписывала в такой ситуации советская пресса: «пусть сестра не подает руку брату–дезертиру. Пусть мать проклянет сына–труса и беглеца. Клеймите презрением труса, обходите его как зачумленного»[826]. В августе 1918 г. по Петрограду распространялась листовка, адресованная матерям, женам и сестрам рабочих с требованием «звать» их на призывные пункты. Ставка делалась не на женщин вообще, а лишь на наиболее «сознательных».

Там, где не справлялась тяжелая артиллерия большевистской агитации, должна была сработать архетипическая схема: дезертирство – оступок, отнимающий право именоваться мужчиной. Официальная пресса делала упор именно на такой тип неприятия. Публикации в прессе призваны были успокоить честных красноармейцев: *они* настоящие герои, по *ним* тоскуют девушки, которые останутся верны, несмотря на отнюдь не обезлюдившую после мобилизаций деревню.

Одним из излюбленных приемов Д. Бедного было обыгрывание вопросов службы, уклонения, побега в гендерном аспекте. В произведении

[826] Беднота. 1919. 31 января.

«Красноармейская походная» девушки заглядываются на проходящих по деревне красноармейцев, делая вывод: «Все парнишки наши, право, Перед ними – мелкота». Это вызвало ответную реакцию уклонистов–односельчан: стыд, обида сожаление о своих глупых страхах перед мобилизацией. В другом стихотворении выражено сожаление девушки, которая служила бы в Красной Армии, если б уродилась мужчиной.

Облавы и проверки документов вынуждали дезертиров идти на различные хитрости вплоть до переодевания в не вызывающих подозрения женщин.

Наглядным, понятным и сильным орудием борьбы с дезертирством даже для неграмотных была карикатура. Беглецов следовало гнать метлой обратно на фронт[827]. Метла – не так страшно и больно, сколь унизительно. Тем же чисто женским «оружием» на плакате «Позор дезертирам» (1919) мать возвращает сына в армию, ей в этом помогают собаки и даже мальчик, замахнувшийся снежком. Горе–вояка бежал и от вражеской пули, и от сыновнего снежка. Кто он после этого? На белогвардейском плакате «Дезертир не даст мира ни своей семье, ни своему народу» отражено чувство тотального женского превосходства и гордого гнева: выражение лица женщины, к которой прижались несчастные дети, указующий перст в сторону только–только отворенной двери поясняют дезертиру, где должен быть в это время настоящий русский человек, мужчина, отец.

В советской прессе особо подчеркивалось, что, дезертировав, красноармеец менял свою классовую принадлежность: становился эксплуататором – сам отлынивает, а его товарищ на фронте должен «работать» и за себя, и за него. Одновременно с этим, он терял и свой сермяжный гендерный признак, оставшись в итоге ни с чем и став никем.

---

[827] Деревенская коммуна. 1919. 21 января, 8 февраля.

Вот пример работы с населением через прессу со стороны Петроградской комдезертир: «… жены и дети красноармейцев, к вам… мы обращаемся с призывом: помогите нам возвращать в ряды красной армии… словом убеждения тех, кого можно убедить искупить свое преступление, и, указывая нам на тех, кто упорным шкурничеством обрекает вас на голод, холод и разруху»[828].

Банальная трусость, столь крепко увязанная в сознании с понятием «дезертир», была далеко не главной причиной данного преступления. Часто побег из армии был вызван необходимостью прокормить семью – реализовать моральное право кормильца уйти домой. Это было «одним из самых законнейших оснований для дезертирства»[829]. Что является более мужским поступком: воевать неизвестно за что вдали от дома, или спасать хозяйство от разорения, а семью – от голодной смерти? Дезертирство в сложнейшее и переломное время нередко было не более чем способом устроиться и выжить. Эта личностность, индивидуальность вытеснила на задний план любые государственно–правовые установки.

То, что человек не является собственностью советского государства или его противников, а должен принадлежать себе и своей семье, отчасти отразилось в «женских» волнениях. Когда в одно из поволжских сел 25 марта 1920г. приехал отряд для ловли дезертиров, его окружила «разъяренная толпа женщин». Они жестоко убили троих красноармейцев, обратив остальных в бегство[830]. На одном из сельских сходов в Петроградской губ., по заявлению большевистского агитатора, «был нервный женщины выкрик,

---

[828] Известия Петроградского Совета. 1920. 24 января.
[829] Мовчин Н.Н. Комплектование Красной Армии. М., 1926. С. 129.
[830] Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. В 4–х т. / Т.1. 1918–1922. М., 2000. С. 270.

что, мол, мы должны соединиться с белыми женщинами для того, чтобы заявить, что нам война не нужна»[831].

Отказ дезертиру в праве считаться мужчиной был свойственен скорее официальной пропаганде, нежели общественному мнению. Конкретная женщина сталкивалась не с «голосующей ногами» единицей, а с близким ей человеком – отцом, мужем, сыном. Он бежал от невыносимых условий службы, голода, от обязанности воевать за чуждые идеалы.

Р. Марквик

School of Humanities and Social Science

The University of Newcastle, Australia

«EVERY ROSE HAS ITS THORNS»: DIARY OF A DECEASED FEMALE FLYER IN THE GREAT PATRIOTIC WAR, 1941—45

The Red Army's defeat of fascism in the Great Patriotic War, 1941—45, was rightly a source of great pride for the Soviet state and people. Yet official and uncritical depictions of the war, especially in the Soviet era, as a war fought by self–sacrificing super heroes, has often dehumanised the war, masking the real humanity and psychology of those who risked life and limb for their Motherland. In such depictions, the passions, strengths and weaknesses of the actual human beings who fought the war are replaced by fearless, flawless, stereotypes, devoid of individual characteristics.

The gulf between the wartime private writings and the post–war public depiction of a young woman Red Army flyer, Galina Dokutovich, who was shot down in flames at the age of 22 in May 1943, provides a clear example of how sanitizing the war has dehumanized and masked its 'womanly face', to borrow from the title of Svetlana Alekseivich's classic collection of women's recollections of the war. This

---

[831] Балашов Е.М. Крестьянство глазами партийных агитаторов (1918–1925 гг.) // Северо–Запад в аграрной истории России. Калининград, 1997. С. 87.

paper compares the depictions of the deceased Dokutovich in a memoir of her written by her mother in 1954 and also in *Gvardeiskii Tamanskii aviatsionnyi polk* by A. S. Magid, first published in 1956, with Dokutovich's own observations, reflections and actions recorded in her wartime diary. In stark contrast to the one–dimensional, public depictions of Dokutovich, her diary reveals not only a resolute, fearless, fighter, but a young woman confronting killing, death and destruction, the ups and downs of personal and comradely relations, and her own terrible injuries, all at the expense of her youth.

Э. Чарон

School of Humanities and Social Science

The University of Newcastle, Australia

«GIRLS» OR «YOUNG WOMEN»? CLASSIFYING FEMALE SOVIET COMBATANTS IN THE GREAT PATRIOTIC WAR, 1941—45

The famous anthropologist Frederik Barth argued that if a person described her/himself as "a" and is described by others as "a", the analyst should consider her/him as "a". During the Second World War the Soviet media and officials mainly used the term '*devushki*', i.e. 'girls', when referring to the one million young Soviet women who fought against the Nazi invaders in a variety of roles. Mainly in their late teens and early twenties, these *devushki* were a new generation of well educated, sports minded, patriotic and politically committed youth, brought up under the Stalin regime. This paper will explore how adolescent girlhood was understood and constructed in Soviet Russia at the time. It will analyze the notions and implications of the term '*devushki*' and its derivatives in the Russian context and consider the most appropriate way to convey its meanings for an English speaking historical study. The article will focus its attention on the issue of naming and its implications for historians. Perhaps, Western historians should call these young women 'girls', as a literal translation from the Russian language suggests – even if it transgresses politically correct English.

С.В. Матвеева

Алатырь, Чувашский ГУ им. И.Н.Ульянова АФ

ГЕРОИНИ ТРУДОВОГО ФРОНТА: О ВКЛАДЕ ЖЕНЩИН ГОРОДА АЛАТЫРЯ И АЛАТЫРСКОГО РАЙОНА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Великая Отечественная война тяжелым испытанием легла на плечи всех советских людей. На защиту Родины встал весь народ. Успехи на фронте напрямую зависели от того, насколько был крепок тыл.

В марте 1942 года шли кровопролитные бои на всех фронтах. Из городов и сел страны шло пополнение армии людьми, техникой, продовольствием. Мужья, братья, сыновья ушли на фронт, женщины заменили ушедших и овладели мужскими профессиями.

Курсантки МТС колхоза «Путь Ильича» Алатырского района Екатерина Бабасина и Александра Федосеева сообщают в газету о том, как они овладевают профессией тракториста: «Твердо и уверенно ведут свои грозные танки на фронтах Отечественной войны бывшие комбайнеры, трактористы нашего района. Их места в колхозах и совхозах занимаем мы – женщины. Мы… изучаем новые профессии, овладеваем новыми специальностями».

Мария Назарова, трактористка Алатырского МТС, берет на себя обязательство увеличить выработку. «Женщина теперь – основная сила в хозяйстве. На нас ложится вся тяжесть полевых работ. Я лично буду трудиться вдвойне, втройне, лишь бы быстрее покончить с немецкими захватчиками, обязуюсь вспахать 500 гектаров пашни, сэкономить горючего и смазочных материалов не менее 10 процентов, обучить двух плугарей тракторному делу»[832].

---

[832] Из статьи С. Вишнякова // Алатырские вести. 7 сентября 2004. № 108. С. 3.

За станки фабрик и заводов вставали подростки и женщины. Куделькина Елизавета Степановна, родилась в 1924 году в г. Алатыре. В 1943 году поступила на работу на паровозоремонтный завод. «Меня поставили ученицей в цех, где точили на станке снаряды. Учила меня девушка–токарь. Через год я была токарем. Дневная норма: обработать 12 снарядов, а они по 16 кг каждый. Росточком я маленькая, 150 см, худенькая от недоедания, а работали по 12–16 часов в сутки, без выходных и отпусков. Мужчин на заводе не было, работали инвалиды, женщины–вдовы, молодежь и подростки».

Весь тыл работал под лозунгами: «Всё для фронта, всё для победы», «Кто работает сегодня хорошо – пусть завтра работает отлично! Кто сегодня выполняет план – пусть завтра его перекрывает! Кто сегодня работает за одного – пусть завтра работает за двоих!».

Труженицы тыла выполняли порой невыносимо тяжелую работу. Коршунова Любовь Михайловна из г. Алатыря, 1925 г.р., вспоминает: «В 1942 году я ушла из школы, не закончив восемь классов, на работу в артель «Красная швея». Работать в самой артели мне пришлось мало, нас – молодежь, отправляли рыть окопы за Суру, в колхозы и совхозы на полевые работы и на заготовку дров в лес. Рабочая норма была 10 кубометров на 10 дней. Сначала меня поставили на пилку деревьев с корня, но труд для меня был непосильным – пила трудно вытягивалась, постоянно застревала. Тогда меня поставили на обработку веток... Потом я стала пилить 2–х метровые заготовки. Из–за тяжести дров я могла лишь перекатывать их. Жили мы в больших землянках, спали на полу, ходили в лаптях. Варили нам пшенный суп один раз в день и давали кусочек хлеба».

Юнусова Александра Дмитриевна, родилась в 1922 году в с. Ясное Горьковской области. Когда началась война, ей было 19 лет. «На моих руках была старенькая мама, малолетние племянницы, их мать умерла, а отец погиб на фронте. Я проводила политинформацию в райвоенкомате для

отправляемых на войну солдат, работала в колхозе в своем селе. В доме в семье была безысходность, холодно, топить было нечем. В колхозе за работу не получали ничего, и люди, голодные и уставшие, не роптали, не ругались. Они знали и надеялись: «Отдаем все для скорой победы».

Вахатова Антонина Ивановна, 1914 г.р., из д. Турдаково Порецкого района. Во время войны, как она сама вспоминала, ее посылали на любую работу: «Женщины выполняли всякую работу, ведь мужчин не было. Работали в лесу – валили лес, рубили сучки, занимались лесосплавом по р. Бездне. Затем меня по мобилизации отправили в Ивановскую область на торфоразработки. Жили в бараках, кормили нас не очень хорошо, но были молодые, здоровые, не чувствовали боли и усталости. По мобилизации отправили в Куйбышевскую область, работали на заводе… Рабочий день длился 12 часов, не успевали отдыхать».

В условиях войны роль женщин в колхозной жизни стала решающей. Александра Михайловна Куликова, 1913 г.р., из с. Иваньково–Ленино Алатырского района, муж которой пропал без вести, в полной мере испытала на себе все тяготы тыловой сельской труженицы. Всю войну она проработала конюхом, потом свинаркой. Еще пасла личных коров односельчан. В с. Иваньково–Ленино не вернулось 500 мужчин. И на хрупкие женские плечи лег мужской труд до седьмого пота.

Баканова Анастасия Ивановна, родилась в 1916 году в с. Кувакино Алатырского района. «Война началась для меня, когда нас с сестрой угнали на трассу рыть окопы, а моего брата и мужа сестры забрали на фронт. Работали и днем, и ночью. Было очень холодно. Не хватало теплой одежды, не было даже варежек и сапог. Ходили в лаптях, ступнях и с голыми руками. Сейчас даже удивляюсь, как мы выжили?! За работу, естественно, ничего не получали, ставили на бумаге «палочку», вот и вся плата. На бригаду давали

один большой каравай хлеба, мы резали его на маленькие кусочки, и еще выдавали по кусочку сахара... Работали почти без отдыха».

В исторических публикациях, посвященных Великой Отечественной войне, традиционным сюжетом являлся массовый патриотизм и трудовой вклад женщин, при этом недостаточно отводилось места изучению роли женщин как определяющего фактора социально–экономических трансформаций в обществе, приуменьшались выпавшие на их долю тяжкие испытания и лишения в годы войны.

В чрезвычайных условиях войны все жизненные нормы и устои мирного времени подверглись ломке, произошло резкое падение уровня жизни, ухудшение условий быта и труда женского населения, практически женщин приравнивали к мужчинам, не считаясь с тем, что для работы им необходимы совершенно иные условия. Подвиг женщин–тыловиков, их патриотизм и героизм, великое терпение, осознанная жертвенность навсегда останутся на страницах российской истории, в нашей памяти и в наших сердцах.

В.В. Соловьева

Екатеринбург, Уральский ГУ им. А.М.Горького

БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВЕТСКОМ ТЫЛУ (1941–1945 гг.): ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Проблемы бытовых условий обычно относятся к сфере частной жизни. Однако в советской истории 1930–50 гг. границы между «частным» и «общественным» размыты. С одной стороны, «бытовые условия трудящихся» занимали важное место в большевистской пропаганде, а создаваемый образ «заботящегося государства» позволял проникать в сферу повседневной жизни. С другой стороны, для этого периода характерно отношение к бытовым трудностям как к чему–то второстепенному, не достойному жалоб и описания.

Официальная память о жизни и труде в тылу выводит на первый план образ женщины, «заменившей мужчину у станка», который начал

закладываться в периодической печати. Как правило, это происходило в контексте описания героического и самоотверженного труда. Негативные же аспекты положения женщины–работницы до сих пор мало исследованы. В обществе прочно укоренилось мнение о том, что «все необходимое для фронта вооружение было изготовлено в основном руками женщин и подростков»[833]. Не отрицая серьезных изменений в половозрастном составе промышленных кадров в результате войны и роли женского труда, А.А. Антуфьев приводит данные, согласно которым практически во всех отраслях тяжелой промышленности преобладали мужчины в возрасте от 18 до 49 лет. Доля женщин в танковой промышленности Среднего Урала на 15 декабря 1942 г. составляла 26,6%.

«Женский вопрос» сохранял политическое значение, что выразилось в ряде постановлений: «О медико–санитарном обслуживании женщин, работающих на оборонных предприятиях» Наркомздрава СССР 10 ноября 1942 г., «О порядке выдачи пособия в военное время по беременности и родам» Секретариата ВЦСПС 11 марта 1944 г. и других. Видение администрацией предприятия военного времени места женщины во многом характеризуется словами заместителя директора Кировского завода в начале войны: «Надо помнить и беречь женщину на производстве. Мы имеем рабочие колонны, их в любое время могут от нас забрать и мы должны быть дальновидными, выход будет в ремесленниках и женщинах».

Большое значение для положения женщины имело наличие и количество детей. По данным А.А. Антуфьева, на многих заводах основной причиной выбытия работников были «семейные обстоятельства», что чаще всего

---

[833] Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 227.

означало отсутствие мест для детей в детских садах и яслях[834]. На заседании партактива УЗТМ в декабре 1942 г. отмечалось, что многие «красноармейки» не работают именно потому, что «некуда девать детей».

Проблема добывания еды, одежды, решения различных бытовых вопросов стояла перед женщинами с детьми более остро. Наибольшее число жалоб от жен военнослужащих относится к крайне тяжелой ситуации в вопросе с жильем. На втором месте – просьбы оказать медицинскую помощь и направить детей в детские учреждения. Далее следуют проблемы снабжения, назначения пособия.

У работающих на заводах женщин зачастую возникали конфликты с начальством, связанные с нехваткой времени на решение бытовых вопросов семьи. Женщины, участвовавшие во встрече с руководством завода, подчеркивали неравенство в снабжении между мужчинами и женщинами: «В современных условиях вся тяжесть положения – на женщину легла. Женщина на производстве, женщина в быту…И всего при всем желании охватить нет сил…На станках мы работаем не хуже многих мужчин, отношение к работе у женщины лучше. А вот сравнять с мужчинами нас не хотят. Мужчине дают 200 г дополнительно хлеба, а женщине – нет…».

Отдельную категорию представляли мобилизованные и эвакуированные, проживавшие в общежитиях. Комиссии, проверявшие состояние общежитий, отмечали, что женские общежития в целом более благоустроенные, чем мужские, в которых чаще «царит антисанитария и грязь». Женщины также чаще сообщали о «нетерпимых бытовых условиях» в коллективных заявлениях и личных жалобах[835]. Пропаганда и литература рассказывают о случаях, когда женщины брали шефство над мужчинами, подростками:

---

[834] Антуфьев А.А. Уральская промышленность… С. 243.
[835] ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1496. Л. 74.

«Женщинам принадлежит много хорошей инициативы: организовать горячее питание в ночной смене, своими силами изготовить миски и ложки»[836]. Это отношение четко высказал директор Молотовского завода № 19 А.Г. Солдатов на одном из заводских собраний, призывая «общественниц» заняться бытовым устройством живущих в общежитиях[837].

Из оценок работницами своего положения: «Положение женщины гораздо труднее. Взять хотя бы вопрос питания. Какая мать из своего скромного обеда не принесет что–нибудь своему ребенку? Почти каждая. А мужчина в большинстве своем питает самого себя»[838]. Вместе с тем, далеко не всем мужчинам удавалось «питать себя». Судя по материалам специальных комиссий, проверявших состояние здоровья работников крупных предприятий, от дистрофии чаще всего умирали одинокие мужчины, жившие в общежитиях и занятые тяжелой физической работой[839].

В связи с этим следует отметить, что роль семьи в годы войны приобретала особое значение в бытовом положении человека. С одной стороны, от количества иждивенцев и детей у рабочего зависела его потребность в продуктах питания, предметах потребления, жилполщади. В особенно тяжелом положении оказывались те, чьи семьи были эвакуированы в сельскую местность. С другой стороны, наличие в семье не занятых на производстве людей давало дополнительные возможности самообеспечения. Одиночки же чаще всего вынуждены были довольствоваться общественным питанием, не имея времени на поиск продуктов.

Пропагандистским образцом, таким образом, являлась женщина–работница, мать, общественная деятельница, которая также еще успевала

---

[836] Магид А.С. Солдаты в рабочих ватниках. Страницы дневника. М., 1969. С. 25.
[837] ГАПК. Р–1655. Оп. 1. Д. 318. Л.112.
[838] ЦДООСО. Ф. 1020. Оп. 2. Д. 270. Л. 13.
[839] ОГАЧО. Ф. П–234. Оп. 18. Д. 70. Л. 45. ЦДООСО. Ф. 1667. Оп. 1. Д. 24. Л. 42 об.

повышать квалификацию. Образец мужчины более прост и размыт: основная его роль, судя по всему, заключалась в том, чтобы ударно трудится круглыми сутками для фронта, не замечая бытовых трудностей.

Имеющиеся источники показывают, что женщины осознавали свое положение как более сложное и чаще, чем мужчины, высказывали свои проблемы в «письмах во власть» и на различных собраниях. Можно говорить также о складывании женской и мужской памяти о жизни в тылу, которая в целом различается вниманием к бытовым сюжетам и отношением к ним.

М.В. Золотухина

Институт социальной инженерии, Московский государственный университет дизайна и технологии

ДЕТСТВО ДЕВОЧЕК ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ УСТОЙ ИСТОРИИ

Акцент в выступлении будет сделан на современной интерпретации детских воспоминаний, сопряжении бытовых деталей (одежда, еда, медицинская помощь), занятий (игры, школа, досуг дома и вне его) и глобальных тем (ожидание войны, эвакуация, самоощущение в кризисные ситуации). Значимость представляют как собственно содержательные элементы нарративов, так и те логических связи и объяснения, которые позволяют респонденткам приходить к тем или иным выводам о детстве как особом, счастливом периоде, несмотря на тяжкие жизненные обстоятельства, об ожиданиях от них как представительниц женского пола, о выстраивании собственных стратегий поведения и выживания. Доклад основан на авторском материале, сопоставленном с опубликованными работами о детстве того же периода.

РАЗДЕЛ 9. ЖЕНСКАЯ И МУЖСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

Л.Е. Морозова

Москва, Институт российской истории РАН

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРИИ ЯРОСЛАВНЫ

В зарубежной историографии утвердилось мнение о том, что с XIII по XVII в. русские женщины элитных слоев общества были теремными затворницами и в жизни страны и общества участия не принимали. Причину «затворничества» зарубежные исследовательницы видели в желании мужчин оградить женщин от опасности, исходящей от ордынцев, а также невозможности их самореализации в период укрепления великокняжеской власти и усиления могущества боярской аристократии.

Расширение источниковой базы при исследовании вопроса о теремном затворничестве русских женщин высших слоев общества дало возможность полностью его пересмотреть для эпохи Древнерусского государства. Оказалось, что в X–XIII вв. княгини наравне с мужьями участвовали в развитии и укреплении страны, способствовали расширению международных контактов во всех сферах жизнедеятельности, играли определенную роль в формировании национальной культуры и общественной мысли[840].

В настоящее время ставится задача определить роль женщин в становлении Русского централизованного государства в XV – начале XVI вв. Одной из наиболее заметных женских фигур в это время была великая княгиня Мария Ярославна, жена Василия II Темного и мать Ивана III.

Главными источниками являются: Симеоновская летопись, доводящая описание событий до 1493/94 гг., Московский летописный свод конца XV в., Ермолинская, Воскресенская, Иоасафовская летописи и ряд других.

---

[840] Морозова Л.Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. М., 2009.

К сожалению, в документальных источниках нет данных о дате рождения Марии Ярославны. Известно лишь, что она была внучкой знаменитого сподвижника Дмитрия Донского серпуховского князя Владимира Храброго. Ее отец, Ярослав, был третьим сыном Владимира Андреевича и считался малоярославским князем. Матерью ее являлась дочь московского боярина Федора Федоровича Голтяя (из рода Кобылиных–Кошкиных) Мария.

В семье Ярослава Владимировича и Марии Федоровны было трое детей: Василий, Мария и Елена, вышедшая замуж за верейского князя Михаила Андреевича, двоюродного брата Василия Темного. Свадьба Марии и Василия II состоялась 8 февраля 1433 г. На ней произошла знаменитая ссора между родственниками из–за пояса, которая стала толчком для многолетней междоусобной войны. Ослепление Василия II в 1446 г. и смерть свекрови Софьи Витовтовны в 1453 г. привели к тому, что Мария Ярославна начинает заниматься самостоятельной хозяйственной деятельностью.

Всевозможные жалованные грамоты Марии Ярославны свидетельствуют о том, что она обладала землями в различных районах Русского государства. В каждом городе и каждой местности находился штат местных управляющих, подчинявшихся великой княгине. Они осуществляли не только сбор налогов, но и судебную деятельность. За разбирательством некоторых дел Мария Ярославна следила лично. В это же время, по мнению историков, великая княгиня получила от мужа в управление половину Ростовского княжества.

Из Духовной грамоты Василия II известно, что его вдова получила очень значительные земельные владения. Главным его подарком, несомненно, была половина Ростова, выкупленная у местных князей. Кроме того, она получила часть земель князя–изменника Ивана Можайского и вотчины целого

ряда бояр, предавших Василия во время междоусобной войны[841]. В 1474 г. ее владения увеличились, поскольку Иван III отдал под управление матери и вторую половину Ростова, выкупленную у местных князей[842]. В итоге Мария Ярославна становится ростовской удельной княгиней и получает такую же самостоятельность, как и ее младшие сыновья при в.кн. Иване III.

Исследователи обнаружили, что уже зимой 1474 г. княгиня пересмотрела всю владельческую документацию в бывшем Ростовском княжестве и некоторые права подтвердила, а некоторые нет. Так она не подтвердила права на ряд земель Троице–Сергиева монастыря, выкупила соляную варницу у Симонова монастыря.

Одновременно Мария Ярославна увеличила штат своей администрации. В итоге самостоятельный двор великой княгини существенно увеличился по своему составу. Прочное материальное положение позволило Марии Ярославне не только щедро жертвовать земли монастырям, но и заниматься строительной деятельностью.

Подобно всем удельным князьям Мария Ярославна не только имела собственные обширные земельные владения, свой двор, но и свое войско. Это говорит об ее полной хозяйственной и политической самостоятельности. Она являлась весьма влиятельной политической фигурой в формирующемся централизованном Русском государстве. Можно даже предположить, что в общегосударственном масштабе она занимала третье место после великого князя Ивана III и митрополита: государь всегда звал ее на совет вместе с митрополитом и боярами, а братьев, удельных князей, никогда.

Хотя в 1478 г. Мария Ярославна приняла постриг и стала инокиней Марфой, она продолжала принимать активное участие в делах государства.

---

[841] Соловьев С.М.Сочинения. Книга III. М., 1989. С. 459–460.
[842] Стрельников С.В. Указ. соч. С. 8.

Именно ей удалось помирить Ивана III с младшими братьями, Андреем Большим и Борисом, и с их помощью усилить оборону на Угре от ордынских полчищ Ахмата. Ей с митрополитом Геронтием и мужем сестры Михаилом Андреевичем пришлось организовывать оборону Москвы на случай, если бы татарам удалось прорваться к столице.

Великая княгиня умерла 4 июля 1485 г. и была похоронена в Вознесенском монастыре[843]. Принадлежащее ей Ростовское княжество и наиболее крупные владения влились в состав великокняжеских земель. К младшим сыновьям отошли лишь незначительные населенные пункты. Это способствовало централизации всего земельного фонда в руках великого князя. Летописные данные и актовый материал свидетельствуют о том, что великая княгиня Мария Ярославна отнюдь не являлась теремной затворницей. Она принимала самое активное участие в строительстве Русского централизованного государства и всегда являлась надежной опорой мужа Василия II Темного и одной из главных советчиц сына, Ивана III. Кроме того, она занималась самостоятельной политической и хозяйственной деятельностью, поскольку считалась удельной княгиней бывшего Ростовского княжества. При этом ее усилия были направлены не к отделению от Москвы, а, напротив, были в русле объединительной политики Ивана III и способствовали централизации государства.

М.О. Логунова

Санкт–Петербург, Государственный музей истории Санкт–Петербурга

ВДОВСТВУЮЩАЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА

Елизавета Алексеевна (13 января 1779 – 4 мая 1826) остается, пожалуй, наименее известной из российских императриц, занимая особое место в русской истории. Она всегда оставалась в тени, по большому счету, не найдя себя в строгой иерархии императорской семьи. Ее образ, также как образ ее

[843] ПСРЛ. Т.18. М., 2007. С. 97.

венценосного супруга, по сегодняшний день будоражит воображение мистиков, склонных продолжить ее жизнь и после реальной смерти.

Свадьба великого князя Александра Павловича состоялась 28 сентября 1793 г., когда жениху не исполнилось 16 лет, его невесте, принцессе Баденской было 14. Брак детей дал прогнозируемые результаты: отношения супругов складывались сложно. Супруги сблизились незадолго до смерти Александра I и ушли из этой жизни с промежутком в полгода, что дало повод к появлению мифов, живущих по сегодняшний день.

Императрица Елизавета Алексеевна не обладала крепким здоровьем, около 1824 г. ее здоровье сильно ухудшилось. Доктора предписывали поездку в Италию, в более теплый климат, но она предпочла Таганрог. Вдали от света царственные супруги не расставались, но поездка императора в монастырь св. Георгия имела роковые последствия – Александр Павлович заболел и скончался 19 ноября 1825 г. Елизавета Алексеевна в состоянии вдовства провела совсем немного времени.

Тело Александра I было перевезено в Троицкий собор Александровского монастыря 11 декабря 1825 г. Каждый день проходили службы, на которых присутствовала и овдовевшая императрица. Ее здоровье послужило причиной последнего в жизни супругов совместного путешествия, оно же не позволило ей сопровождать гроб с телом мужа.

22 марта 1826 г. поезд императрицы отправился в путь. Окружение заранее проложило маршрут от Таганрога до Калуги, намереваясь делать около 20 верст в день, чтобы не утомить путешественницу.

Последний перед остановкой в Белеве переезд был большим – сто верст от Орла. На подъезде к городу императрица почувствовала себя дурно. В город были посланы белевские капитан–исправник и городничий Колениус, чтобы отправить по домам народ и духовенство, приготовившихся к торжественной встрече. Вечером 3 июня царский поезд остановился около

выбранного для постоя дома купцов Дорофеевых. Последним днем жизни Елизаветы Алексеевны стал день 4 мая 1826 г. В 4 часа утра она почувствовала недомогание и попросила камер–медхену Тиссон позвать лейб–медика Э.И. Рейнгольта. В 5 часов утра врачу оставалось только констатировать смерть. В этот же день в 8 часов вечера в Белев прибыла императрица–мать. На следующий день по приказу Марии Федоровны в комнате усопшей поставили походную церковь императора Александра I и прошли панихиды по обоим покойным супругам. Тело Елизаветы Алексеевны было вскрыто и бальзамировано, при этом обнаружено, что «…долгие и мучительные страдания ее величества происходили от ненормального строения сердца, затруднявшего циркуляцию крови. Полное прекращение циркуляции крови послужило причиной скоропостижной смерти»[844].

9 мая 1826 г. Высочайший манифест сообщил народу о кончине императрицы Елизаветы Алексеевны. К 15 мая 1826 г. были изготовлены гробы: деревянный, в который был положен свинцовый гроб с телом Елизаветы Алексеевны в белом глазетовом платье, порфире и короне[845]. 16 мая 1826 г. началось Печальное шествие в Санкт–Петербург. При пересечении границы Санкт–Петербургской губернии дубовый гроб, используемый в шествии, заменили парадным.

Пока тело умершей с подобающими почестями медленно направлялось по последнему пути, в Петербурге готовилась Печальная церемония. На погребение императрицы выделили из государственной казны скромную сумму с расчетом, что на оформление пойдут материалы, оставшиеся от погребения Александра I. 14 июня Петербург наблюдал торжественное шествие Печального кортежа Елизаветы Алексеевны от Чесменского дворца

---

[844] ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1381. Л. 3.
[845] РГИА. Ф. 516. Оп. 1/28/1618. Д. 130. Л. 47–51.

к Петропавловскому собору, повторившее маршрут Александра I. Да и церемониал походил на тот, что был составлен для похорон Александра I за исключением элементов, относящихся только к царствующему императору. В Белеве в доме, где скончалась императрица, была учреждена богадельня для 24 вдов, просуществовавшая до 1917 г., здание сохранилось доныне.

Супруги соединились после смерти, но эта смерть, так близко стоящая во времени и произошедшая где–то далеко от столицы, вызвала к жизни не только мифы и подозрения. Смерть императорской четы послужила поводом к созданию нового династического сценария, идеалистического представления о правящей семье. Практически во всех воспоминаниях описывалось нежное соединение супругов перед роковой поездкой, кончина императора на руках заботливой жены, ее предчувствие своей смерти. Широко цитировалось ее письмо свекрови: «Наш Ангел на небесах, а я должна прозябать на земле! Кто мог подумать, что я, слабая и больная, переживу Его?».

Многочисленные изобразительные произведения показывали смерть императора в скромной комнате на походной кровати в окружении свиты и сидящей рядом супруги. Н. Данилевский назвал это «духом венценосных супругов», представляя трагический миг смерти как момент духовного единения[846]. С этого времени культ династии, семьи достигает бессмертия, семейного союза в будущем[847]. После полного сложностей династических отношениях XVIII века, сближение, смерть, и похороны императорской четы в 1825–26 гг. стали образцом для идеализации семейных ценностей и сплочения нации в соболезновании столь великому общегосударственному горю.

---

[846] Данилевский Н. Дух венценосных супругов в Бозе почивающих Императора Александра Iого и Императрицы Елизаветы. М., 1829. Т. 2. С. 25–26.
[847] Уортман, Р.С. Сценарии власти… С. 361.

Очевидно, эта посмертная романтизированная горечь ухода супругов, наконец–то нашедших истинные человеческие ценности не в общественной жизни в окружении роскоши царских резиденций, а в скромной обстановке далекой провинции в трогательной заботе друг о друге, послужила причиной неодолимого желания продолжить их жизнь в образе отшельников, отказавшихся от мнимого ради настоящего. Именно этим следует объяснить рождение мифов, укладывавшихся в контекст философских и нравственно–этических исканий XIX века.

А.В. Дубровина

Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова

В.А.МОРОЗОВА: НА ПУТИ К ИДЕАЛУ

Варвара Алексеевна Морозова (урожденная Хлудова) – владелица Тверской мануфактуры, известная благотворительница и общественный деятель последней трети XIX – начала XX века. Ее судьба – удивительный пример жизни женщины, чья частная и общественная жизнь были неразрывно связаны друг с другом. Уже в юные годы Варвара Морозова сформулировала для себя те нравственные установки и жизненные принципы, которым следовала на протяжении всей жизни. Она стремилась обрести гармонию в сочетании личного и семейного счастья с общественным служением, реализацией себя как личности во всех возможных проявлениях.

В.А. Хлудова родилась в 1848 году. Ее детские и юношеские годы складывались непросто, в возрасте 6 лет она потеряла мать. Тяжело складывались ее отношения с отцом и нелюбимой гувернанткой. Она была увлекающейся молодой девушкой. Эта увлеченность отражалась и на выборе объектов сердечной симпатии, как правило, ими становились молодые люди с привлекательной внешностью, и на мечтах о будущем общественном поприще, долгое время Варя грезила театром и мечтала стать актрисой. Постоянная же тяга к познанию и самоанализу, привела к существенным

изменениям в ее мировоззрении и к выработке тех норм, которые позволяют назвать Варвару Алексеевну натурой, действительно, цельной.

В своем юношеском дневнике Варвара выводит два главных взаимодополняющих идеала, которые она постарается обрести в течение своей жизни: идеального спутника жизни и идеальный образ жизни.

В юности Варвара Алексеевна читала произведения Евгении Тур – весьма эмансипированной женщины. Чтение подобной литературы сформировало представление у Варвары об идеалах. Варвара не стремится к сумасшедшим страстям и роковой любви, она желает любви разумной, когда разум и сердце не противоречат друг другу, а живут в унисон.

Особое и, пожалуй, первое место среди любимых писателей Варвары занимал В.Г. Белинский. Он стал для нее учителем жизни, наставником. Ее поражает масштаб личности, ум Белинского. Именно ум мужчины становится у Варвары определяющим качеством в поисках идеального спутника жизни.

Главное женское предназначение, по мнению Вари, совпадает с предназначением мужчины – это общественное служение, сопряженное с постоянным развитием собственной личности. Подобные представления о роли женщины в обществе были достаточно распространены в 60–х годах среди юных девушек. Как пишут В.В. Пономарёва и Л.Б. Хорошилова, «и сами девушки, и их видение мира менялись, как менялось и время: они становились всё более активными, больше размышляли об окружающем. Их мир давно не ограничивался домом; рамки семьи сделались тесными для них»[848].

В двадцать лет Варвара была выдана замуж за Абрама Абрамовича Морозова. Брак был заключен, в обычном купеческом духе, по расчету. За

---

[848] Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б. Русское женское образование в XVIII – начале XX вв.: приобретения и потери // Мир истории. 2000. № 4.

тринадцать лет замужества в жизни Варвары Морозовой произошло немало событий. Она родила трех сыновей и при этом находила время для благотворительности и общественной деятельности.

В начале 80–х годов Варвара Алексеевна знакомится со своим будущим спутником жизни – Василием Михайловичем Соболевским. Остается загадкой, почему В.А. Морозова не обвенчалась с Соболевским, прожив вместе с ним 30 лет. На сегодняшний момент мы не обладаем никакими доподлинными документами, свидетельствами, чтобы выдвинуть и подтвердить какое–либо соображение на этот счет.

В.М. Соболевский родился в 1846 году в Орловской губернии в семье дворянина. В 1869 году он окончил юридический факультет Московского университета, а через два года получил степень магистра финансового права. Работая над магистерской диссертацией, он много времени проводит за границей. В 1882 году Соболевский фактически становится главным редактором газеты «Русские ведомости». В связи с финансовыми затруднениями было организовано «товарищество по изданию «Русских Ведомостей», т.е. главные сотрудники газеты становились и ее издателями. Соответственно, сотрудники газеты являлись абсолютно независимыми в своей работе, они все были единомышленниками, а границами дозволенного могли служить только собственная этика и официальная цензура.

Как писал сотрудник "Русских ведомостей" С. Елпатьевский к 50–летнему юбилею газеты в 1913 г.: «и сам Соболевский, и люди, собиравшиеся около "Русских ведомостей"… защищали все то, что завоевали 60–е годы, и на что продолжались неустанные атаки врагов – суд, земство, печать, женское равноправие, свобода вероисповедания. И приняли, и проводили в жизнь то новое, что несло народничество».

В рассматриваемый нами период в стране остро стояли проблемы устройства всеобщего обязательного начального образования, развития

технического образования. Именно эти вопросы широко обсуждалась на страницах «Русских Ведомостей». Характерной же особенностью благотворительной деятельности В.А. Морозовой является то, что она лично стремилась внести свою лепту в решении каждого пункта этой большой проблемы – организации и осуществления народного образования. Ведь именно ею было столько сделано для начальных школ, специальных училищ, высших учебных заведений, женского образования. Несомненно, что и Соболевский, и сотрудники газеты, обладающие большой компетентностью, в личных беседах с Морозовой обсуждали эти насущные проблемы.

Нельзя утверждать, что благотворительность В.А. Морозовой в сфере образования была прямым следствием влияния Соболевского и его друзей–единомышленников. Скорее, здесь следует говорить о взаимовлиянии. Варвара Алексеевна, обладала, прежде всего, практическими сведениями о начальных и специальных учебных заведениях, в которых она была попечительницей. Ей приходилось близко общаться с учителями, директорами училищ. Она знала проблему в лицо. Поэтому общение Морозовой с Соболевским, и его друзьями обогащало каждого. Она была женщиной, ценящей в людях, и, особенно, в мужчинах, их ум. Надо считать, что и своего мужа она ценила, в том числе, за это качество, ведь В.М. Соболевский был, несомненно, умным человеком. И, конечно, его обширные знания, собственные умозаключения служили источником для советов, идей, которые воспринимала и осуществляла жена. Проблема народного образования, являясь объективно важной и актуальной в рассматриваемый период; была одной из главных тем газеты, и одним из главных направлений благотворительности В.А. Морозовой.

В.М. Соболевский и В.А. Морозова были, прежде всего, товарищами, единомышленниками, они дышали одним воздухом и глядели в одном направлении – прогресса и просвещения.

Г.И. Любина

Москва, Институт истории естествознания и техники РАН

СЕСТРЫ ГОРТЫНСКИЕ В ПОИСКАХ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ: ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ, СРЕДЫ, ОБРАЗОВАНИЯ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА)

Имя Марии Васильевны Гортынской (в замужестве Павловой) широко известно. Она – ученый с мировым именем, первая женщина–палеонтолог в России, долгие годы (1919–1930) профессор Московского университета, член–корреспондент (1925), а затем почетный член АН СССР (1930). Ее сестра, Ольга Гортынская (1855–1903), потерялась среди армии рядовых земских врачей, хотя для своего времени ее судьба не столь уж ординарна, и жизнь ее оказалась достойной.

Отец сестер, Василий Степанович Гортынский (1819–1889), был дворянином, но без владения недвижимостью и состоянием. Он окончил Московский университет, и сделался врачом в родной Черниговской губернии.

В семье доктора было много детей, их мать Александра Михайловна умерла рано. Воспитанием детей занимался отец, в домашних делах ему помогала сестра, Мария Степановна. Дети росли в окружении интеллигентных, работящих людей. Женская половина этого общества интересовалась музыкой, увлекалась чтением современной литературы, в том числе научно–популярной, изучала иностранные языки, посещала библиотеки, театральные постановки и музыкальные концерты, обычным занятием для молодых были вечерние домашние чтения. Гортынский постарался дать детям образование, чтобы обеспечить полезное приложение сил и материальную независимость. Для девочек в этом смысле не делалось исключения. Удачное замужество не было приоритетом их воспитания. Первоначальное образование дети получили дома.

Для продолжения образования Маша была отдана в Киевский институт благородных девиц (1865–1870). Выпускницы этого института получали

свидетельство на звание «домашней наставницы». Дома, по свидетельству не вполне достоверных источников, Маша занималась преподаванием среди детей малообеспеченных родителей. В 1873 г. она вышла замуж за земского врача Иллич–Шишацкого. 1880 г. застал супругов в Черноярском уезде Казанской губернии. Мария Васильевна подала прошение на имя попечителя Казанского учебного округа о разрешении вступить в должность «домашней наставницы». Ее желание было удовлетворено. Копия документа, удостоверенная нотариусом 9 сентября того же года, гласила, что выдана она вдове титулярного советника М.В. Иллич–Шишацкой. Муж Марии Васильевны погиб «на эпидемии».

В 1882 г. молодая вдова отправилась в Париж и оставалась там до 1886 г. Она изучала в Сорбонне и Ботаническом саду Музея естественной истории ботанику, зоологию, сравнительную анатомию, геологию. Посещала лекции знаменитых французских ученых. Занималась в лабораториях. Многочисленные конспекты лекций и научных работ свидетельствуют о громадном трудолюбии Марии Васильевны. Многие из них сопровождаются виртуозными рисунками, сделанными ее рукой. В итоге Мария Васильевна выбрала предметом своих исследований палеонтологию и занималась в лаборатории уже знаменитого тогда А. Годри.

В 1884 г. в доме русской знакомой в Париже произошла ее встреча с молодым московским зоологом М.А. Мензбиром, тот в свою очередь представил ей своего коллегу геолога А.П. Павлова, доцента Московского университета. Молодые люди прониклись интересом и симпатией друг к другу. Между ними завязалась переписка. В письмах Павлов обсуждал вопрос будущего трудоустройства Марии, он звал свою корреспондентку в Москву. 26 мая 1886 г. она вышла замуж за А.П. Павлова. Это событие круто изменило всю ее жизнь. Началось восхождение к высотам научной карьеры, о которой она прежде и не помышляла.

Как и старшая сестра, Ольга Гортынская отличалась беспокойным, мятущимся характером. Она долго искала свой путь в жизни. В 1885–88 гг. Гортынский–отец был озабочен поисками места для Ольги. Вероятно, она имела к этому времени среднее медицинское образование, ведь в городе существовали женские медицинские курсы. Какое–то время казалось, что она сможет найти себе занятие при городском богоугодном заведении. Однако Гортынские, и отец и дочь, читали ниже своего достоинства обивать пороги с униженными просьбами. Кончилось тем, что Ольга в 1886 г. уехала в Москву.

Ольга поселилась в Москве в меблированных комнатах, и жила там до 1889 г., иногда отлучаясь в Петербург, Чернигов, Владикавказ. Занималась самообразованием и пыталась подрабатывать на жизнь. В сентябре 1890 г. Ольга писала старшей сестре из Парижа, куда направилась, чтобы завершить свое образование, что ее мучил вопрос, найдет ли она применение своим знаниям на родине. На какую–то реплику Марии она отвечала: «Ты говоришь: «А научно можешь ты работать в Москве или Петербурге» – в том–то и беда, что этого и нельзя. Разве я уехала бы за границу, если бы можно было работать у нас? Сеченов, ученый и профессор, не имеет своей лаборатории, и уезжает работать в Лейпциг к Людвигу. А в Москве? Ведь я 4 года тому назад, приехавши в Москву, узнавала – можно ли там работать по физиологии? И, конечно, нельзя, нет лаборатории».

В апреле 1891 г. она работала в физиологической лаборатории Женевы, а в сентябре 1894 г. обнаружила себя в селе Михайловке Екатеринославского уезда. «Я сейчас как на войне», – признавалась она. Работы всякой вдоволь: экстренные вызовы, роды, снятие катаракты, ампутации рук у двух «молодичек» (неопытные крестьяне часто становились жертвой сельскохозяйственных машин). Сначала Ольге даже показалось, что она слишком стара для такой напряженной работы. Но со временем она освоилась, стала успевать и находила удовольствие в своих занятиях. В

медицинском плане она нашла для себя много интересного, например невиданные кожные болезни, следствие грязи и жаркого климата. Казалось, что она наконец–то нашла удовлетворение своих притязаний на полезную деятельность. Долго ли длилось это удовлетворение, нам неизвестно, поскольку отсутствуют документы о последующей ее жизни, которая пресеклась довольно рано.

При разности судеб обе сестры нашли достойное применение своим силам. Внешняя среда тогдашней России мало способствовала продвижению женских талантов. Благодаря поддержке семьи, особенно отца, сестрам удалось получить блестящее научное образование. Марии повезло – в начале карьеры в борьбе против косности университетской администрации ее поддержали молодые ученые А.П. Павлов, М.А. Мензбир, В.И. Вернадский. Ольга не смогла пробиться к научной работе. Но в своей повседневной практике она успешно использовала новейшие достижения научной медицины, к которым приобщилась в лабораториях Западной Европы. В.С. Гортынский мог бы вполне гордиться своими дочерями.

А.В. Скутнев

Вятка, Санкт–Петербургский ГУ профсоюзов, Кировский филиал

А.И. КРАСОВСКИЙ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ РУССКОГО ЧИНОВНИКА XIX В.

Образ русского чиновника в XIX в. благодаря ярким произведениям лучших писателей того времени выглядит весьма колоритным и не однозначным. Конечно, герои Гоголя, Чехова, Батюшкова и других русских писателей, как и любые литературные персонажи, вымышлены. Но это не значит, что у них не было прототипов. Более того, массовое сознание наделило чиновников такими чертами и свойствами, которые сделали их образы стереотипными для всех, в том числе и писателей.

Нас заинтересовал один известный исторический деятель Александр Иванович Красовский (1776–1857). В середине XIX в. он был на виду,

особенно в литературных кругах столицы. Дело в том, что Красовский в течение 25 лет возглавлял Комитет по цензуре иностранной литературы. На этом поприще он заслужил дурную славу как типичный русский чиновник, который вершит судьбы людей, будучи сам иногда совершенно безграмотным в той области, за которую отвечает.

Безусловно, Красовский уже в силу своих профессиональных обязанностей мог бы выступить в качестве объекта исследования. Однако есть одна изюминка, которая придает нашей работе совсем иной вид. Для того, чтобы понять о чем идет речь, достаточно прочитать большую статью о Красовском в журнале «Русская старина» за 1874 г. и всем известный рассказ А.П. Чехова, написанный им в 1898 г. «Человек в футляре». Некоторые черты господина Беликова буквально срисованы с фигуры статского чиновника А.И. Красовского. Во вступлении статьи о Красовском говорится, что он был «целиком казенный человек… в нем было все… форменного образца»[849]. Жизнь Красовского, как и Беликова, была подчинена неким неписаным правилам, которые он сам придумал для себя в соответствии со своей должностью и следовал им как на работе, так и дома.

Одним из таких правил был одинокий, близкий к аскетическому, образ жизни. Красовский и Беликов до конца своей жизни были одни, у них не было никакой личной жизни. Тайный советник Красовский считал, что семья может отвлечь от исполнения служебного долга, а потому, даже своим подчиненным разрешал жениться неохотно. Оба наших героя не допускали, чтобы в квартире неженатого мужчины жила женщина. У Чехова Беликов держал у себя поваром старика Афанасия «нетрезвого и полоумного, который когда–то служил в денщиках и умел кое–как стряпать». Красовский, узнав однажды, что один из его цензоров завел в качестве прислуги женщину, лично съездил на

[849] Красовский А.И. // Русская старина. 1874. Т. IX. С. 107.

квартиру подчиненного в его отсутствие, после чего добился увольнения прислуги. В этом он напоминает Беликова, который любил ходить по квартирам коллег.

Русский чиновник должен был быть человеком религиозным. Таким был Беликов, таким был и Красовский. Он вместо денежного вознаграждения регулярно дарил лучшим работникам своего ведомства религиозные книжечки с молитвами, полагая, что это лучший подарок. Красовский считал, что «религия и казенная служба были две однородные, поддерживающие друг друга, а розно немыслимые величины»[850].

Религиозность объясняла еще одну черту русского чиновника – стремление наставлять подчиненных и соблюдение моральных норм. Беликов был возмущен тем, что учитель и женщина катаются на велосипеде. Красовский вызывал к себе по его мнению тех, кто вел непристойный образ жизни и подолгу отчитывал, заставляя учить молитвы и каяться.

С другой стороны, между героем Чехова и Красовским есть и некоторые отличия. Так, авторитет Беликова держался на чем–то непонятном даже рассказчику. В то время как Красовский пользовался своим положением начальника, авторитет которого в российском чиновничестве принял совершенно гипертрофированные формы[851]. Кроме того, Красовский был по–настоящему влюблен в свою работу. В особенности в ее бумажную сторону. Красовский потому и является человеком, а не литературным персонажем, что он натура более сложная и неоднозначная. Если Беликова в конце рассказа начинаешь жалеть, ведь видно, что ждет человека живущего в футляре. То тайного советника Красовского жалеть как будто и не за что.

---

[850] Там же. С. 110.

[851] Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3.

Особо впечатляет сохранившийся личный дневник А.И. Красовского. Вот, например, запись, которая ничем не отличается от всех остальных записей. «Пасмурно. Утром + 7, днем + 8, ночью + 6. Благодаря Всемогущему целителю душевных и телесных расслаблений, сон был хорош от 1 часу до 7 часу. Во сне виделось черновое представление о наградах чиновников министерства народного просвещения, в котором С.С. Уваров сделал изменения против статьи обо мне не в мою пользу. Оправление желудка было в 11 часов, малое, еще в 4 часа более. Обедал у генерала О.Х. Штегмана. Возвратился домой в 11 часу и лег спать в 1 часу»[852]. И так каждый день из года в год, только о погоде, обеде, снах и оправлениях желудка.

Можно однозначно сказать, что сами по себе названные черты русского чиновника не являются плохими. Что плохого в религиозности, соблюдении правил морали, увлеченности работой? В России XIX в. чиновника критиковали не за это, а за гротескность, преувеличенное, доходящее до абсурда, служебное рвение и гипертрофированное понимание своей роли, которая становилась почти мессианской. Красовский считал свой Комитет едва ли не центром вселенной. Когда он узнал, что чиновник, которого он планировал отпустить в рабочее время по семейным делам, будет в том же месте, где и император Николай I, то запретил ему уезжать под предлогом, что «…государь вас увидит и скажет: сегодня среда, у Красовского заседание, а секретарь – в Кронштадте»[853].

Вполне возможно, А.П. Чехов читал статью в Русской старине или мог слышать о ней. Во всяком случае, выражение в отношении Красовского «душа в мундире» очень напоминает «человека в футляре». С другой стороны, на момент публикации в Русской старине Антону Павловичу было

---

[852] Красовский А.И. // Русская старина. 1874. Т. IX. С. 135.
[853] Там же. С. 115.

всего 14 лет, и он учился в гимназии. Как бы там ни было, не подлежит сомнению то, что образ Красовского стал одним из типичных образов русского чиновника и утвердился в массовом сознании. А Чехов только отразил эти черты в своем произведении. Вот почему Беликов так похож на реально жившего в Петербурге чиновника Красовского.

С.Н. Третьякова

Северодвинск, С. –Петербургский государственный морской технический университет

О.А. НОВИКОВА: ЖИЗНЬ ДЛЯ РОССИИ

Судьба Ольги Алексеевны Новиковой является ярким примером тесного переплетения личного и общественного, причем последнее занимало главное место в ее жизни. С молодости она стремилась вырваться за пределы семейной жизни, чему способствовали и ее характер, и условия воспитания.

О.А. Новикова (1840–1925) родилась в дворянской семье. Отец – Алексей Николаевич Киреев был офицером, мать – Александра Васильевна, урожденная Алябьева, московская красавица. Крестным отцом Ольги Алексеевны, как и ее братьев, был Николай I. Семья принадлежала к славянофильской среде. Девочка получила отличное домашнее образование, вращалась в кругу писателей, политиков и ученых. Она интересовалась всем – искусством, музыкой, литературой, духовными делами, политикой. Уже в молодые годы у нее проявляется интерес к общению с людьми, которые были значительно старше ее, и она обзаводится широким кругом знакомств.

В 1860 г. Ольга выходит замуж за И.П. Новикова, чиновника министерства народного просвещения. В 1861 г. у Новиковых родился их единственный ребенок, сын Александр. Однако семейная жизнь не сложилась. Видимо поэтому она много выезжала за границу, а затем обосновалась в Лондоне.

Начало активной публицистической деятельности Ольги Алексеевны в Англии было вызвано трагическими событиями на Балканах. С началом

русско–турецкой войны антирусские настроения в Англии резко усилились, и Новикова энергично встала на защиту России. В английской прессе печатают ее статьи, написанные очень эмоционально, затем они выходят в авторских сборниках. Первое издание вышло под заголовком «Ошибается ли Россия?» (1878). Оно было посвящено памяти погибшего брата. В следующем году выйдет еще один сборник «Друзья или враги?». Книгу «Россия и Англия. Протест и призыв» она также посвятила памяти брата Николая. Книга имела большой успех в Англии, несколько раз переиздавалась и способствовала некоторому изменению общественного мнения. Активная позиция Новиковой, защищавшей в британской прессе дело освобождения славян, получила поддержку в лице лидера оппозиции У. Гладстона.

Прожив в Лондоне значительное время, Новикова затруднялась объяснить, почему же в Англии так враждебно относятся к России. В каждом русском, приезжающем в Англию, они готовы видеть скрытого врага, интригующего против английских интересов. Единственно возможное объяснение она видела в недостатке знаний о России.

В борьбе за британское общественное мнение ей приходилось защищать свои принципы и от русских революционеров, традиционно поддерживаемых в Лондоне. Она оправдывала репрессии русского и обвиняла английское правительство в том, что оно «предоставляет убежище динамитчикам».

Отношение к О.А. Новиковой в русском и британском обществах различалось. В Лондоне к ней относились гораздо лучше, если можно так сказать, ценили больше. В России же многие ее недолюбливали.

Круг общения Ольги Алексеевны был весьма широк, что объяснятся ее характером, желанием быть в курсе всего и принимать в этом деятельное участие. Вследствие этого часть ее знакомств вполне могла носить поверхностный характер, а чрезмерная активность воспринималась некоторыми даже негативно. И.А. Гончаров, хоть и переписывался с Новиковой, но избегал

непосредственного общения с ней. У К.П. Победоносцева поведение Новиковой также вызывало раздражение, но он вел с ней постоянную переписку и признавал важность ее лондонских знакомств.

Несмотря на обширные знакомства, по–настоящему близких людей у нее, кроме старшего брата и сына, не было. Она очень гордилась своим сыном Александром, который принес немало огорчений матери. Будучи рожден и воспитан в консервативной аристократической семье, Александр перешел на революционные позиции.

Молодой друг Новиковой, английский журналист и писатель С. Грэхем, познакомившийся с ней уже в 1910–е гг., вспоминал, что она «была заслужена и красива в свои семьдесят, и должно быть выглядела очень мило, когда летним вечером прогуливалась под руку с Гладстоном и сватала его не за себя, но за Россию. Лозунгом ее жизни было “все для России”». Она завоевала радикала Стэда, который стал защитником царской России – это само по себе было достижением, с его гибелью она лишилась своего последнего задушевного наперсника в политике и письмах[854]. Теперь Грэхем как бы заполнял эту пустоту в ее жизни. Давно ушли из жизни ее старшие друзья, потеряла она и своих ближайших родных – сына и брата.

В своей книге Стэд сравнивал Новикову с г–жой Ливен[855], но только «перевоплощенной и усовершенствованной», «демократизированной». Вполне вероятно, что сама идея написания книги о Новиковой появилась у Стэда после выхода в Англии переписки княгини Ливен с лордом Греем. Журналист считал, что О.А. Новикова являет собой не менее яркий исторический характер, она была полна неутомимой энергии и вела

---

[854] Graham S. Part of the Wonderful Scene, an Autobiography. L., 1964. P. 73.
[855] Дарья Христофоровна Ливен (урожденная Бенкендорф) – супруга Х.А. Ливена, посла Российской империи в Пруссии и в Великобритании.

«корреспонденцию с половиной значимых людей Европы»[856].

После заключения англо–русского союза Новикова была убеждена, что цель всей ее жизни наконец–то достигнута, что русская кровь на полях первой мировой войны была пролита не зря. Однако последующие события в России разрушили все, чему она посвятила свою жизнь.

На наш взгляд, имя ее было незаслуженно забыто в России, а деятельность долгое время воспринималась сквозь призму устаревших идеологических схем. Новикова стала своего рода культурным посредником между двумя странами, продемонстрировав яркий пример вполне успешной неофициальной дипломатии в период балканских событий. Отношение к ней было довольно противоречивым. У одних она вызывала восхищение, у других – раздражение. Но ее нельзя воспринимать вне эпохи, отрывать от сословного воспитания и идеологии. Всю свою жизнь она посвятила России, смело защищая столь непопулярную в Англии идею самодержавия.

О.М. Морозова

Ростов–на–Дону, Донской государственный технический университет

ЛИЧНЫЕ ДНЕВНИКИ ГЕНЕРАЛА И.Г. ЭРДЕЛИ: ЛЮБОВЬ И ВОЙНА

Эмоциональная сторона революции и гражданской войны если и привлекает внимание исследователей, то в виде ненависти, а если любовь, то, как абстрактная – к пролетариату; а по другую сторону фронта – к поруганной родине. Но любовь в значении устойчивых интимных отношений как феномен духовной жизни того периода – вещь малоизвестная.

Иван Георгиевич Эрдели (1870–1939) – один из основателей Добровольческой армии; представитель обрусевшего венгерского рода, херсонский помещик и успешный офицер. Адресатом была Мара Константиновна

---

[856] Stead W.T. Madame Olga Novikoff // The Review of Reviews. 1891. Vol. III. February. P. 123–136. – http://www.attackingthedevil.co.uk/reviews/novikoff.php

Свербеева (1870–1963), в девичестве – графиня Олив. Они встретились на балу московского дворянства в мае 1913 г., и начался бурный роман. Оба состояли в браке. Супруга генерала и Федор Дмитриевич Свербеев, муж Мары, были страдающими фигурами, оттеняющими их счастье.

Личные записки (письма–дневники) генерала И.Г. Эрдели в виде двух копий, рукописной и машинописной, находятся в фонде Истпарта бывшего Ростовского партархива. В 1925 г. эти бумаги на государственное хранение были сданы жительницей Екатеринодара Надеждой Васильевной Вечной. Мара Свербеева год с лишним снимала квартиру в ее доме, в связи с чем, той удалось хорошо узнать и саму Мару, и ее мужа, и ее любовника. Об Эрдели она рассказала, что это был довольно интересный мужчина: высокого роста, с красивой военной выправкой, пользовался большим успехом у женщин.

О Свербеевой она сообщала, что та была весьма неинтересной по внешности: высокого роста, худая, плоская шатенка, с зелено–желтыми глазами; нижняя часть лица напоминала крысиную. Муж Вечной всегда выражал удивление, чем так увлекается Иван Георгиевич, ведь руке не на чем зацепиться! Он не понимал обаяния этой женщины, которое почувствовала его жена: «Одевалась она шикарно, с огромным вкусом, была в высшей степени аккуратна и чистоплотна. Много внимания уделяла уходу за собой» и «чарующе действовала на людей».

Три замечательных полотна, вошедших в историю русской живописи под названием «Портрет М.К. Олив» (художники В.А. Серов, И.Е. Репин, Ф.А. Малявин), как и отзывы Надежды Васильевны Вечной свидетельствуют, что Мара Константиновна была далека от стандартов красоты всех времен. Но возможно именно это, дополненное природным умом, помогло ей превратиться в магнетическую женщину, чары которой действовали не только на блестящего генерала Эрдели.

Тексты, переданные в архив, представляют собой дневник, предназначенный для чтения другим человеком и полный обращениями к нему. Генерал делал записи в толстых тетрадях, которые отсылались с оказией Маре. Эрдели ежедневно обращался к дневнику, исписывая подчас за день по нескольку листов. На страницах этих писем–дневников широко представлены события текущей военно–политической жизни и суждения генерала. Свою роль вождя он воспринимал как тягость, но долг. Он хотел бы стать частным человеком, хоть б и дворником, но обязательно возле Мары. Он считал ее любовь достойной заменой карьерным успехам.

Эти тексты дают представление о мировоззрении генерала. Несмотря на то, что Иван Георгиевич профессиональный военный, жестокость этой войны вызывала у него отвращение. Он не был монархистом, хотя тепло вспоминал царя и жалел его. Никаких полемических замечаний по поводу коммунистической идеологии не высказывал. Антибольшевизм был убеждением чувства, а не мысли. Вера в неестественность подобного рода идеологии вообще, а для русского народа в особенности, основывалась на понимании второго этапа революции как приступа массового безумия, вызванного войной и злокозненной агитацией. Его общая эмоциональная установка в отношении постигшего страну хаоса выражается в формуле: это не может долго продолжаться, потому что просто не может. С Марой они были единомышленники во всем. На протяжении всего дневника его занимают две темы – судьба страны и стремление соединиться с Марой. Ей он поверял свои сокровенные мысли и чувства. Когда он терпел неудачи, ему было стыдно, прежде всего, перед ней. В разлуке ему не хватало внимающего собеседника в ее лице.

Разговор с Марой о любви к Маре – одна из самых притягательных для него тем. Несмотря на то, что он неоднократно писал и искренне думал, что

они не расстанутся ни при каких условиях, жизнь распорядилась по–своему. Когда закончился их роман пока неизвестно.

В марте 1920 г. генерал Эрдели отступил из Владикавказа в Грузию. Затем эвакуировался в Крым. В эмиграции жил в Париже с законной женой и детьми. Эрдели был музыкально одаренным человеком. Это позволило ему некоторое время служить аккомпаниатором в ресторане, который открыл дядя его жены, родной брат Софьи Андреевны Толстой. Потом он купил автомобиль и стал водителем такси. В 1923 г. он овдовел, и в тот же год женился на Анне–Амате Бенкендорф, с которой у него был роман до знакомства с Марой. Он умер в 1939 г. Мара эмигрировала вместе с семьей своей сестры. Они жили в пригороде Парижа на достаточные средства. Живя рядом, Мара и Иван Георгиевич, по–видимому, не встречались. Мара Константиновна пережила всех и умерла в 1963 г.

Те немногие обнаруженные любовные романы времен Гражданской войны могут быть признаны типичными примерами поведенческих практик в экстремальных условиях у тех, кто находился в ситуации активированного политического или ситуационного выбора, кто не мог устраниться от участия в событиях. Именно у них для компенсации рацоволевой сферы запускались эмоциональные механизмы выброса напряжения.

Представляется, что активные участники тех событий неосознанно вызывали у себя состояние исступленной влюбленности. Это помогало им пережить и постоянную опасность, и моменты неуверенности в правильности выбранного пути, и потерю привычных ценностных ориентиров. Близкий человек становился тем стабилизатором ума, воли и психики, который позволял пережить нестабильность жизни.

Эти документы также носят на себе печать культурных событий начала XX века. Эмоциональная раскрепощенность, проявленная генералом в этих письмах, может быть объяснена влиянием новой этики «серебряного века»,

заявлявшей о равной ценности мира глобального, общечеловеческого и малого, личного, сокровенного. Кроме того, этика «серебряного века» эмансипировала женщину, сделала ее равноправным субъектом духовной жизни. Целая плеяда талантливых художниц и поэтесс сформировала живо подхваченный обществом новый тип культурной женщины – эфирной и демонической, много отдающей, но и много требующей, чувствительной к высоким идеалам и практичной в жизни. Потому и была Мара Свербеева столь важна для многих мужчин в ее жизни; потому нужна была тогда слабеющему генералу сильная женщина – чтобы не потерять лицо, честь и славное имя боевого офицера.

Е.А. Долгова

Москва, Российский Государственный гуманитарный университет

СОЦИАЛЬНО–БЫТОВЫЕ КОНТУРЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ Н.И. КАРЕЕВА В 1917–1931 ГГ.

Несмотря на то, что существует немало работ о деятельности Николая Ивановича Кареева, о частной жизни ученого после 1917 г. почти нет отдельных исследований. Тем не менее, факторы экономического, бытового, социального характера накладывали свой отпечаток на особенности научно–исследовательской работы ученого в 1917–1931 гг.

Частная жизнь ученого испытала на себе влияние всех общественно–политических событий 1917–1931 гг. Переломными для семьи Н.И. Кареева стали годы I мировой войны и революции. В условиях политических, экономических, социально–бытовых перемен оставаться в хаосе столицы не представлялось возможным. Дочь Н.И. Кареева Елена Николаевна Верейская еще в 1917 г., проводив мужа на фронт, уехала с детьми в Смоленскую губернию, в имение Аносово, принадлежащее брату историка Василию

Ивановичу Карееву и его дочери Екатерине[857]. Вслед за ней в 1918 г. в Аносово перебрался и Н.И. Кареев.

В воспоминаниях историка дана яркая картина социально–бытовых трудностей жизни в провинции в 1918–1920 гг. Владелец Аносова В.И. Кареев в эти годы работал инструктором по сельскому хозяйству в Сычевском райотделении, а затем Сельхозсоюзе, состоял сотрудником по краеведению в Сычевском отделе народного образования. Е.Н. Верейская, чтобы прокормить детей, вела жизнь простой крестьянки, работала учительницей в школе, библиотекарем. Н.И. Кареев «для добывания хлеба… ездил по соседним селениям и в крестьянских избах просвещал людей относительно устройства вселенной и солнечной системы..»[858].

Лишь осенью 1922 г. Е.Н. Верейская вернулась в Петроград. За ней уехал и Н.И. Кареев. Последний раз историк посетил Аносово в 1924 г., незадолго до того, как «самому Аносову пришел конец»: 31 декабря 1925 г. Смоленская губернская междуведомственная комиссия по выселению бывших помещиков постановила выселить В.И. Кареева и его дочь из имения «за отсутствием заслуг перед Советской властью».

В фонде ЦИК СССР Государственного архива Российской Федерации отложились свидетельства нескольких письменных прошений Е.Н. Верейской о возвращении «хутора» ее отцу. Сохранилась записка, датированная 20 января 1927 г., от члена Президиума ВЦСПС А.А. Андреева секретарю ЦИК СССР А.С. Енукидзе с неформальным ходатайством о «правильном

---

[857] Тихонова А.В. Смоленское имение Н.И. Кареевых Аносово: история расцвета и разрушения // Русская усадьба: сборник общества изучения русской усадьбы. Вып. 7 (23). М., 2001. С. 509.
[858] Кареев Н.И. Прожитое и пережитое: воспоминания. Л., 1990. С. 280.

направлении дела»[859]. Обнаружены и свидетельства многочисленных обращений Е.Н. Верейской в канцелярию М.И. Калинина, во ВЦИК.

Многочисленные хлопоты Кареевых сделали свое дело. В заседании Президиума ВЦИК от 14 марта 1927 г. было решено «постановление Смоленского губисполкома о выселении бывш[его] помещика, профессора Кареева – отменить, оставив гр–на Кареева на месте». Однако, несмотря на решение центра, договоренности с местными властями достигнуть не удалось: на земле Аносова уже действовала сельскохозяйственная крестьянская артель «Вольный труд».

4 июня 1927 г. Президиум ВЦИК принял решение «предложить» Н.И. Карееву соответствующий участок земли с постройками для ведения хозяйства[860]. Н.И. Кареев получил в возмещение Аносова дачу с 1/3 десятины парка при деревне Никульское Подольского уезда Московской губернии. В этот дом переехали и Василий Иванович Кареев с дочерью.

В ходе реализации решения ВЦИК Н.И. Карееву не было выдано никакого документа, удостоверяющего предоставление дачи в собственность. Таким образом, правовое положение семьи в отношении указанного имущества оставалось неопределенным[861]. По сути, дача была предоставлена Н.И. Карееву в пожизненное владение, и проживание на ней его семьи зависело только от субъективных факторов: здоровья ученого, отношения к нему со стороны властей.

В 1929 г. Н.И. Кареев через Академию наук предпринял неудачную попытку оформить в Наркомземе право пользования предоставленным участком с постройками с тем, чтобы пользование дачею продолжилось после его смерти, пока живы его родственники. Затянувшиеся бюрократические

---

[859] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 32. Д. 42. Л. 2.
[860] ГАСО. Ф. Р–268. Оп. 3. Д. 25. Л. 44; ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 32. Д. 42. Л. 13.
[861] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 32. Д. 42. Л. 11.

формальности препятствовали благополучному исходу дела. Немало затягиванию вопроса способствовала и критика научных работ Н.И. Кареева, развернувшаяся в периодической печати. Так, на заседании методологической секции Общества историков–марксистов председатель Общества Н.М. Лукин обвинил Н.И. Кареева в стремлении «реставрировать свергнутые классы» и в «выкриках против марксизма». Сильнейшие эмоциональные переживания, несомненно, ускорили кончину исследователя.

18 февраля 1931 г. Н.И. Кареев скончался, так и не успев решить вопросы имущественного характера. В это время на даче Подольского района проживали его брат, 80–летний Василий Иванович – полный инвалид, со своею престарелою нетрудоспособною дочерью Екатериной и слепнущим зятем. Как писала Е.Н. Верейская, жили они «кормясь молоком имеющейся у них коровы и скудно доживая свой век»[862]. После кончины Н.И. Кареева они оказались на грани выселения. Однако сражение за судьбу своей семьи продолжила дочь историка, подав в марте 1931 г. во ВЦИК прошение «…ради обеспечения самым необходимым совершенно неимущих неработоспособных стариков – брата и племянницы моего покойного отца с ее мужем… не отказать в разрешении названным родичам проживать на той же даче и в будущем».

Заслуги и научный вес имени Н.И. Кареева, многочисленные прошения Елены Николаевны сделали свое дело. На заседании Секретариата ВЦИК от 25 сентября 1932 г. постановили приостановить выселение, а вопрос перенести на рассмотрение объединенного заседания Секретариатов ЦИК СССР и ВЦИК с вызовом председателя Подольского райисполкома. 13 декабря 1932 г. на Объединенном заседании секретариата ЦИК СССР и ВЦИК было решено оставить за родственниками покойного профессора Кареева занимаемую ими жилплощадь.

---

[862] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 32. Д. 42. Л. 13.

Оказавшись в сложных экономических условиях, семья Н.И. Кареева испытала на себе все перипетии жизни «бывших» в новой советской действительности. Факторы социально–экономического и бытового характера, условия повседневной жизни являлись определяющими в новых условиях жизни семьи ученого. Хрупкость существования жизни семьи подчеркивала ее зависимость от факторов исключительно субъективного характера.

Т.Ю. Гнатюк

Санкт–Петербург, ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, СПб.Ф

Е.В. КОЗЛОВА. РУССКАЯ ПУТЕШЕСТВЕННИЦА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

История российских исследований Центральной Азии конца XIX – начала XX в. представлена множеством имён учёных и путешественников, среди которых Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, П.К. Козлов, Г.Н. Потанин, В.А. Обручев, П.П. Семёнов–Тян–Шанский и др. Редкие имена женщин–путешественниц – О.А. Федченко, А.В. Потаниной, М.П. Черской, М.В. Моллесон до сих пор находятся в тени имён их прославленных мужей. К этой славной плеяде относится жена и спутница знаменитого исследователя Центральной Азии П.К. Козлова (1863–1935) – учёный–орнитолог Елизавета Владимировна Козлова. В кругу учёных–орнитологов она не нуждается в представлении.

Е.В. Козлова (в девичестве Пушкарёва) родилась 18 августа 1892 г. в Красном Селе под С. –Петербургом в семье доктора медицины. Уже в раннем детстве отличалась серьёзным отношением к приобретению знаний и независимым мышлением. В 1910 г. Е. Пушкарёва закончила с золотой медалью частную петербургскую гимназию княгини А.Л. Оболенской. Молодую девушку мало привлекали светские развлечения её круга. Отчасти причиной этого был врождённый физический недостаток – вывих тазобедренного сустава, из–за которого она всю жизнь прихрамывала и в

зрелом возрасте вынуждена была пользоваться костылём. Это неудобство, однако, не повлияло на ее активную жизненную позицию.

По окончании гимназии девушка поступила в Императорский Женский педагогический институт на естественно–историческое отделение. Блестящий преподавательский состав института оказал несомненное влияние на формирование мировоззрения Елизаветы Владимировны. Смысл жизни девушка видит в деятельном служении человечеству.

Летом 1910 г. произошло событие, круто изменившее всю её последующую жизнь. В маленьком курортном местечке Берк–Пляж во Франции юная Елизавета Пушкарёва встретила путешественника Петра Кузьмича Козлова. Археологические раскопки в Хара–Хото на окраине Гобийской пустыни принесли ему мировую известность; это был статный полковник Генерального штаба, опытный исследователь (за его плечами пять крупных экспедиций). Девушку настолько увлекли рассказы Козлова о природе Центральной Азии, и народах, её населяющих, что она всерьёз начинает мечтать о своём участии в экспедициях. Козлов для неё – пример состоявшейся, полноценной личности, нашедшей свой жизненный путь.

По возвращении в Петербург, она размышляла о характере деятельности, которую могла бы осуществлять в экспедиции, и, вспомнив свой детский интерес к птицам, решила стать орнитологом. Осознавая недостаток знаний, девушка стремится читать всю доступную литературу по географии Центральной Азии. 15 июля 1912 г. в Петербурге П.К. Козлов и Елизавета Пушкарёва обвенчались.

Осенью 1913 г. на озере Иссык–Куль в Тянь–Шане под руководством мужа Е.В. Козлова получила первые уроки стрельбы из дробового ружья и препарирования птиц для музейных коллекций. Пётр Кузьмич учил её вести дневник наблюдений над поведением птиц, проводить метеорологические и топографические измерения. Сам П.К. Козлов готовился к новой Монголо–

Тибетской экспедиции, в ходе которой планировал осуществить давнюю мечту Пржевальского – посетить Лхасу. Елизавета Владимировна занималась организацией хозяйственной базы. Однако когда Козлов доложил Совету РГО намеченный состав участников, Совет «деликатно, но решительным образом дал понять, что участие женщины в такой поездке нежелательно»[863]. Елизавета Владимировна писала, что для неё это было очень большим ударом судьбы.

Отказ со стороны РГО был вполне предсказуем. Дело в том, что в организации и снаряжении экспедиций в Центральную Азию помимо РГО значительное участие принимал высший орган военного управления России – Генеральный Штаб. Большинство путешественников–исследователей были кадровыми офицерами и рассматривали свои экспедиции как «научные рекогносцировки». Подсобный персонал и вооружённый конвой состоял из низших чинов и казаков.

В 1914 г. экспедиции П.К. Козлова не суждено было состояться. Началась Первая мировая война. В 1915 г. полковник Козлов был назначен начальником особой правительственной экспедиции («Монголэкс») по закупке скота в Восточной Сибири и Монголии для нужд действующей армии. Штаб экспедиции располагался в Иркутске. Елизавета Владимировна сопровождала мужа в разъездах, вела деловую переписку и бухгалтерские расчёты. В этой поездке она продолжила практические занятия орнитологией. А в 1916 г. был опубликован её первый литературный опыт, научно–популярный очерк «Поездка в столицу Монголии, Ургу». В конце 1917 г. П.К. Козлов был назначен правительственным комиссаром по охране

[863] АМК. Ф. 2. Оп. 16. Д. 19. Автобиография Е.В. Козловой (черновик). Предположительно написана в конце 1930–х гг.

заповедника Асканья–Нова на Херсонщине. Полтора года Е.В. Козлова вела там наблюдения над поведением птиц в условиях неволи.

В 1922 г. Совет РГО утвердил проект несостоявшейся в 1914 г. Монголо–Тибетской экспедиции. Теперь путешествие планировалось без участия военного ведомства, и Е.В. Козлова была включена в состав отряда. Е.В. Козлова отправилась в эту экспедицию (1923–26гг.) в качестве старшего помощника начальника (П.К. Козлова), зоолога–орнитолога. Становление учёного произошло не сразу. Тяжело давались многочасовые переходы в седле, Елизавета Владимировна приходила в ужас от мысли, что станет обузой, не сможет быть достаточно полезной.

Успешно зарекомендовав себя в последней экспедиции Козлова, Елизавета Владимировна ещё дважды побывала в Монголии – в 1929 и 1931 гг. уже в качестве начальника Зоологического отряда. Из этих поездок путешественница привезла в Зоологический институт в Ленинграде крупную орнитологическую коллекцию – ок. 800 экз. птиц. В 30–е гг. и во время Отечественной войны в эвакуации, будучи научным сотрудником Зоологического института, Е.В. Козлова занималась полевыми исследованиями на территории СССР.

Елизавета Владимировна писала стихи, много читала, любила музыку и сама играла на фортепиано. Очень любила животных – все «оседлые» годы в её квартире жили коты и собаки, на балконе и подоконниках кормились птицы. В её жизни было множество замечательных людей, среди которых крупный русский зоолог и географ А.П. Семёнов–Тян–Шанский, барон Ф.Э. Фальц–Фейн, поэт и художник М. Волошин, монгольский писатель и учёный Ц. Дамдинсурэн. Научные труды Е.В. Козловой принесли ей мировую известность в орнитологии. Её избрали своим членом крупные зарубежные орнитологические общества: в 1963 г. – американское, в 1969 г. – германское,

в 1971 г. – британское. Доктор наук Е.В. Козлова, выбрав в молодости не женскую профессию, оставалась верна ей всю жизнь.

О.И. Зезегова

Сыктывкар, Сыктывкарский государственный университет

С.М. ГЛАГОЛЕВА–ДАНИНИ: ИСТОРИОГРАФ И ИСТОРИК ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Современным ученым почти ничего неизвестно о Софье Михайловне Глаголевой–Данини, между тем без упоминания ее фамилии и работ не обходятся сегодня исследования, посвященные истории Французской революции или «русской исторической школе». Для восстановления имени ученого мы воспользуемся разнообразными источниками: воспоминаниями, эпистоляриями, трудами историков.

Данини обучалась на Бестужевских курсах в 1908–1913 гг., где преподавали крупнейшие представители «русской исторической школы» Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, Е.В. Тарле. Восемь месяцев она провела во Франции, изучая материалы в Национальном архиве Парижа, отделении рукописей Гренобльской библиотеки и департаментских архивах провинции Дофинэ. Ею «по крупицам» были собраны документы о крестьянских волнениях, которым было посвящено ее первое научное исследование.[864]. Современники были склонны считать эти бунты «злокозненными махинациями врагов отечества». Данини считает, что три волны крестьянских движений имеют разноликие черты и причины. Волнения, предшествовавшие революции, были вызваны беззаконием сеньоров. Восстания в революционный период порождены ложными слухами о вторжении разбойников и савойцев. Крестьянские бунты третьего периода вызваны

[864] Глаголева–Данини С.М. Крестьянские волнения в Дофинэ в конце XVIII в. // Историческое обозрение. 1912. Т. 17. С. 127–172.

декретами 15–28 марта 1790 г., определявшими способ выкупа сеньориальных прав и делавшими выкуп невозможным для крестьян[865].

В 1914 г. был подготовлен сборник, приуроченный к 40–летию профессорской деятельности Кареева, в котором была опубликована статья Данини, посвященная экономическому положению сельского населения провинции Дофинэ. Научная работа опирается на сеньориальный архив баронов Сушон дэ Про[866].

После окончания Бестужевских курсов Данини была оставлена для продолжения обучения при кафедре новой истории[867]. В это же время она приступает к преподавательской деятельности на курсах Лесгафта, где обучает воспитательниц и руководительниц физического воспитания. В эти годы Данини являлась активным членом неформального кружка молодых историков, заседания которого нередко проходили на ее квартире.

Данини также посещала и семинар Кареева, который вспоминал: «Участие в моем семинарии принимали и некоторые слушательницы Высших Женских курсов. Среди них… назову С.М. Данини, которая примкнула к семинарию после того, как самостоятельно поработала в общей сложности около года во французских архивах над историей крестьян в Дофине в эпоху революции»[868]. С семьей Кареевых Данини поддерживала тесные отношения.

Результатом работы кружка Кареева стал сборник «Из далекого и близкого прошлого»[869], в котором была опубликована статья Данини по

---

[865] Глаголева–Данини С.М. Крестьянские волнения … С. 129.
[866] Глаголева–Данини С.М. К истории сеньории в Дофинэ в XVIII в. // Н.И. Карееву. 1873–1913. СПб., 1914. С. 279.
[867] Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In Memoriam. Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М. –СПб., 1995. С. 70.
[868] Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 284.
[869] Данини С.М. Промышленность и торговля Дофинэ в эпоху Великой французской революции // Из далекого и близкого прошлого. М. –Пг., 1923.

истории промышленности и торговли в провинции Дофинэ. А.А. Матвеева–Леман в «Анналах» прорецензировала этот сборник этюдов, написав: «На основании архивных данных С.М. Глаголева–Данини дает реальную картину промышленной и торговой жизни Дофинэ в последние годы старого режима. Названная провинция была авангардом революционного движения, которое в 1789 г. охватило всю Францию, поэтому опыт ее исторического прошлого не может не представлять интереса для исследователя»[870].

Немалую роль в популяризации работ выпускниц Бестужевских курсов сыграл редактор журнала по всеобщей истории «Анналы» Тарле. В первом выпуске «Анналов» помещена статья историографического характера, в которой Данини подводит итоги тому, что сделано по аграрному вопросу во Франции в эпоху великой революции. Она определяет основные положения работ Кареева, Тарле, раскрывает различие взглядов Ковалевского и Лучицкого на проблемы аграрного строя дореволюционной Франции, высоко оценивает работу своих соотечественников, получивших признание и уважение французских коллег[871]. В следующем выпуске «Анналов» помещена ее статья, посвященная исследованию Великой Революции французами[872]. Историк А.В. Сидоров отметил, что Данини принадлежит историографический анализ аграрного вопроса в Великой Французской революции[873].

В 1930 г. начинается раскручивание «Академического дела». Консультант ОГПУ Г. Зайдель выдвинул резкие обвинения против «Анналов», назвав органом, обслуживающим русских специалистов–антимарксистов.

---

[870] Матвеева–Леман А.А. Из далекого и близкого прошлого [Рец.] // Анналы. Л., 1924. № 4. С. 311.
[871] Глаголева–Данини С.М. Крестьянство и аграрный вопрос в эпоху великой революции (Постановка вопроса в современной науке) // Анналы. 1922. № 1. С. 82.
[872] Глаголева–Данини С.М. Научное изучение Великой Революции. Сорокалетие журнала Олара "La Revolution francaise" // Анналы. 1922. № 2.
[873] Сидоров А.В. Теоретико–концептуальные проблемы историографии на страницах научной периодики России первой половины 1920–х гг. // История и историки. 2001. № 1. С. 15, 19, 27.

«Деятельными сотрудниками журнала», «плеядой молодежи, выросшей на дрожжах антимарксистской реакционной методологии»[874], среди прочих была названа Данини. На заседании методологической секции историков–марксистов, проходившей в конце того же года, с обвинениями выступил П.П. Щеголев. Он причисляет Данини к «целой плеяде эпигонов русской школы», школе «давшей кое–какие пароли, продолжавшей цвести в послереволюционный период».

Данини за активную деятельность в кружках была приговорена к пяти годам и выслана из Ленинграда в Черевковский район Северного края. Только в 1934 г. ей удалось вернуться, но о педагогической и научной работе пришлось забыть. Она поступает на службу в библиотеку Академии наук. Долгое молчание было прервано только однажды в 1939 г.: она вновь косвенно прикоснулась к истории Франции, написав предисловие к русскому переводу романа Эркмана и Шатриана «Новобранец», в котором описываются суровые испытания молодого солдата, призванного в армию Наполеона кампании 1813 г. На этом обрываются наши сведения о Глаголевой–Данини, дата ее смерти также не установлена.

Тернист был жизненный и творческий путь женщины—историка, чье научное становление пришлось на предреволюционные годы. С.М. Глаголева–Данини была отторгнута не только от научной практики, но и преподавательской работы в вузах. Немногочисленные ее труды определяют немаловажное место в истории исторической науки и истории интеллигенции первой половины XX столетия.

---

[874] Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. М. –Л., 1931.

Н.Г. Краснодембская

Санкт–Петербург, Музей антропологии и этнографии РАН

БЕСТУЖЕВКА Л.А. МЕРВАТ И ЕЕ РОЛЬ В РОССИЙСКОЙ ИНДОЛОГИИ (ИСТОРИЯ ЖЕНЩИНЫ И УЧЕНОГО)

Людмила Александровна Мерварт (1888 – 1965) была дочерью известного петербургского врача–инфекциониста Александра Михайловича Левина. Мать ее скончалась в молодом возрасте, но мачеха сумела создать в семье дружную, счастливую атмосферу для всех детей. С детства Л.А. Мерварт отличалась большими способностями к изучению языков, а еще – мечтой увидеть своими глазами Индию, о которой много слышала от отца.

А.М. Левин явился одним из врачей, командированных в Индию Россией в 1896 г. на борьбу с тяжелой эпидемией бубонной чумы, был очарован страной и передал свое увлечение дочери. Людмила Александровна росла в интеллигентной среде, в атмосфере культа просвещенности, стремилась к высокому образованию.

В 1910 году она окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы по романо–германскому отделению историко–филологического факультета, но этим не ограничилась. К этому времени уже было разрешено женщинам сдавать экзамены за университетский курс, но когда Людмила Александровна решилась это сделать, она столкнулась с нежеланием некоторых университетских начальников пойти ей навстречу. Борьба завязалась драматично: когда она сдавала один экзамен, ей, в надежде, что она не справится, на следующий же день предлагали сдать еще один, каждый трудней (как казалось экзаменаторам) предыдущего. Но устрашить ее не удалось: она была готова к сдаче экзамена и по литовскому языку, знание которого считалось редкостью, и по санскриту (ее ведь уже обучил этому древнему индийскому языку сам академик – индолог С.Ф. Ольденбург). Так что она все–таки получила необходимое свидетельство, дававшее ей право

на поступление в государственную службу, а именно в мужскую гимназию, где она стала преподавать немецкий язык. Здесь она познакомилась со своим будущим мужем – Александром Михайловичем Мервартом. И любовь к Индии стала одной из связующих нитей между молодыми людьми. Эта супружеская пара навсегда вписала свое имя в историю российской индологии и, в частности, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. Именно они, по заданию музея, совершили, до сих пор единственную, специальную этнографическую экспедицию на Цейлон и в Индию (1914–1918 гг.), накопили огромную массу научной информации, собрали обширные этнографические коллекции. Эти коллекции до сих пор составляют ценнейшее ядро южно–азиатского фонда МАЭ. Также они привезли книжное собрание самой актуальной литературы по этнографии региона. Супруги всегда работали на равных, часто в очень трудных (и физически, и морально) условиях, деля между собой направления работы (например, изучая различные языки, употребительные в том или ином регионе).

Драматичной была судьба экспедиции: удлинились ее сроки и усложнились обстоятельства из–за разразившейся мировой войны и свершившейся в России революции. Только в 1923 г. семье (а у супругов к этому времени появилось двое детей) удалось вернуться в родной город и музей. Сразу по приезде закипела разносторонняя работа: разбор и описание коллекций, подготовка принципиально новой экспозиции отдела Индии (ее готовили к юбилею Академии наук в 1924 г.), публикации книг и статей. И хотя далеко не все из задуманного удалось сделать, научное наследство Мервартов внушительно и до сих пор актуально.

Их коснулись общие для нашей страны житейские «бури»: оба супруга подверглись политическим репрессиям (1929–1930 гг.), и выжила в этой страде только Людмила Александровна. В 1935 г. она была освобождена, некоторое время еще работала в Ленинграде, помогая создать Государственный музей

истории религии. А затем переехала в Москву, где могла отвлечься от пережитых страданий и начала новый этап жизни: изучила малайский/индонезийский язык и подготовила многих учеников. Но на встречи «бестужевок» она всегда приезжала в Ленинград, несмотря на то, что плохо видела (еще с юности) и в конце жизни передвигалась с помощью трости.

Женская судьба Людмила Александровны тоже была отягчена сложностями. Кроме того, что она очень рано потеряла мужа, ей и с детьми выпало немало горя. В 1941 году, защищая Москву, погиб на фронте ее первенец – сын Андрей. Не складывалось взаимопонимание с дочерью, которая ревновала мать к ее занятиям наукой, упрекала, что получала недостаточно материнского внимания, демонстрировала, что больше привязана к няне. И только тогда, когда мать тяжело заболела, оттаяла, приблизилась к ней, ухаживала и проводила в последний путь. Уже со своим внуком она специально приезжала в Ленинград, посетила МАЭ и, с печалью, но искренне и глубоко интересовалась жизнью и трудами родителей, о чем даже не все знала. Бессребрениками были эти люди, всей жизнью служили избранному делу. У них даже не было собственного «угла», обитали в съемных или казенных квартирах. Родной территорией оставалась лишь старая квартира отца в первом этаже на улице Рылеева: хотя и «усеченная» коммунальными соседями (кстати, очень добрыми и сердечными людьми), она все еще хранила память об общей семейной жизни.

О чем говорит нам опыт этой яркой, но отнюдь не легкой женской судьбы? Что, видимо, всегда будут женщины, чья натура не может удовлетвориться только жизнью семейного круга, хотя он, разумеется, остается первичным для человека. Но разве это сильно отличает женщину от мужчины? Конечно, нет. Что те, то и другие, за малым исключением, редко готовы жить без семьи и детей. Физиологически, как будто, труднее женщине, а в то же время именно она оказывается выносливее мужчины в трудных обстоятельствах. И те, и

другие нуждаются в заботе и поддержке, и при взаимном уважении, несомненно, оказывают их друг другу. И история семьи Мервартов является тому подтверждением. Благо, семья хранила важнейшие нравственные ценности. Это и поддерживало всех в самое трудное время. По–видимому, усовершенствовать надо не столько отношения между мужчинами и женщинами, сколько в целом общественные отношения, попросту говоря, житейский миропорядок и, конечно, беречь и сохранять уважение к важнейшим жизненным ценностям, духовную культуру. А в этом смысле у современного человека угроз не меньше, если не больше, чем было 80 – 100 лет тому назад. И тут стойкость, мужество, жизнеутверждающая сила в характере прекрасной женщины из прошлого могут быть нам в пример и в помощь.

М.С. Воронина

Харьков, Харьковский НПУ им. Г.С. Сковороды

БОШ – ФАМИЛИЯ БЕЗ ЖЕНСКИХ МАРКЕРОВ

Как в советской, так и в пост советской историографии мы регулярно встречаемся с характеристиками А.М. Коллонтай: «первая женщина–министр», «первая женщина–дипломат», но при этом совершенно странная историографическая судьба у украинской революционерки Евгении Богдановны (Готлибовны) Бош (1879–1925) – главы первого украинского советского правительства. Ее воспоминания публиковались до конца 20–х годов. В сборнике документов опубликованном в 1928 году она все еще «числится» как «…председатель 1–го Советского правительства на Украине»[875], потом в 1964 году вышла книга Ж.П. Тимченко[876], где забвение объяснялось «культом личности Сталина», и, видимо, сама книга успела

[875] 1917 год на Киевщине. Хроника событий. К., 1928. С. 552.
[876] Тимченко Ж.П. Євгенія Богданівна Бош [1879 – 1925]. К., 1964. С. 92.

опубликоваться по инерции от волны «Хрущевской оттепели» и фактора «В. Терешковой». И лишь в 1990 году были переизданы воспоминания еще с некоторым идеологическим напылением, но уже с четким обозначением ее места в истории[877]. Во всей остальной историографии ситуацию с ее личностью можно считать просто одиозной: ей не нашлось места ни в одном сборнике о женщинах–революционерках.

С 30–х годов XX века Евгения Бош перестала быть «интересной» явно в результате гендерной дискриминации, поскольку из умершей в 1925 году и отошедшей от политики еще раньше, гораздо проще было сделать очередной идол: профессиональная революционерка, с 1901 года в партии, большевичка с 1903 года – вместо этого, минимум гендерных маркеров в общей истории, иногда с фото. После провозглашения независимости Украины она априори из «вражеского лагеря», к тому же, совершенно не воспринимающая идеи В.И. Ленина по национальному вопросу.

Евгения Бош также не заинтересовала феминологов – поскольку «женский вопрос» был для нее делом прошлого. Любую дискриминацию она воспринимала не как гендерную, а как личностную. За время ее руководства Киевской организацией РСДРП с 1909 (с февраля 1911 г. официально избранная секретарем) до апреля 1912 (хотя только 20 февраля 1914 года вместе с другими осужденными отправилась в ссылку, то бишь фактически еще руководила)[878] упоминаний даже о 8 Марта нет, и именно после ее отъезда впервые были распространены листовки 23 февраля (8 марта) 1914 года на улицах города с печатью Киевского комитета РСДРП, которые

[877] Бош Е.Б. Год борьбы. / Под ред. П.Л.Варгатюка. К., 1990. С. 446.
[878] Тимченко Ж.П. Євгенія Богданівна Бош… С. 12–31.

призывали работниц к забастовке в знак протеста против угнетения женщин[879].

На заседании Киевского комитета РСДРП(б) 5(18) апреля 1917 г. предлагалось создать различные комиссии, в том числе и женские, которые «ведут специальную агитацию среди женщин», «Иткинд защищает предложение докладчика о создании отдельных комиссий», но «Г. Пятаков думает, что комиссии не поднимут классового самосознания масс»[880]. 17(30) апреля на областном совещании РСДРП(б) Е.Б. Бош избрали председателем окружного и параллельно областного комитета[881]. А 21 мая (3 июня) на общегородской конференции была принята схема партийного строительства, где были и ранее предложенные комиссии, и партячейки, но женкомиссиям в этой схеме места не нашлось[882] – таким образом, вполне можно констатировать определенную тенденцию.

Перипетии украинской истории внутреннего и внешнего характера (заключение Брестского мира) привели к тому, что 4 марта 1918 года Е.Б. Бош с группой единомышленников самостоятельно вышла из состава правительства[883], поскольку считала, что ее место на передовой, а не в российском тылу[884]. Впоследствии еще занимала немало видных должностей, но явно избегала руководящей, а в 1925 году добровольно ушла из жизни. Интересно одно искреннее недоумение революционерки: «…странно мне как–то было в период легальный видеть к себе враждебное отношение некоторых

---

[879] Центральный государственный исторический архив г.Киева. Ф. 1. Оп. 20. Д. 137. Л. 17.
[880] 1917 год на Киевщине… С. 29.
[881] Там же С. 40. Бош Е.Б. Годборьбы … С. 8–15. 433–434.
[882] 1917 год на Киевщине... С. 82–84.
[883] Государственный архив Харьковской области. Ф. П. 10. Оп. 1. Д. 923. Л. 150.
[884] Бош Е.Б. Год борьбы…С. 438.

товарищей. В нелегальной работе ко мне было удивительно теплое, хорошее отношение, а среди молодой публики даже восторженно–любовное»[885].

Получалось так, что до тех пор, пока организация была не многочисленной и идея абсолютной власти казалась утопией места для открытой гендерной депривации не было, но реальной властью уже никто не хотел делиться с «другим полом». При этом она не была стереотипной маскулинной коммунисткой в кожаном реглане. А то, что обе ее дочери пошли по стопам матери, характеризует Е. Бош как хорошую мать, которая своей Идеей могла увлечь не только массы. Поскольку существенный след Евгения Бош оставила в истории России и Белоруссии, главная цель данной статьи – четко обозначить масштабность ее в Украине, дабы создать или возобновить фундамент для дальнейших исследований.

С.Н. Ивашкин

Москва, Централизованная библиотечная система №3 ЦАО

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ САМОРЕАЛИЗАЦИИ. ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА ФУРЦЕВА НА ПОСТУ МИНИСТРА КУЛЬТУРЫ СССР

Пост министра культуры СССР давал возможности для самореализации личности и Екатерина Алексеевна Фурцева использовала эту возможность. Но самореализация личностного потенциала женщины на государственном посту без развития культуры во всей стране по большинству позиций была бы не осуществима. Вот почему министр культуры принимала участие в международных переговорах, курировала театры, музеи, библиотеки, выставочную, концертную деятельность, вникала в учебные, кадровые, финансовые, строительные проблемы.

---

[885] Там же. С. 267.

У Министра культуры СССР Е.А. Фурцевой сложились наиболее доверительные и деловые контакты с итальянской стороной. Особенно прочными можно считать взаимодействия артистов и педагогов «Ла Скалы» и Большого театра. Итальянцы помогали становлению наших вокалистов, советские хореографы С. Головкина и др. из года в год отбирали будущих балерин на стажировку в Московское хореографическое училище. Директор «Ла Скалы» А. Гирингелли сыграл выдающуюся роль в организации и поддержке межкультурных обменов во всем мире никогда, впрочем, не забывая о калькуляции расходов и доходов. Но к советским артистам он несомненно имел особые симпатии. Энергия, оптимистический настрой прочитываются за сухими протокольными записями бесед Министра Е.А. Фурцевой и директора А. Гирингелли. Совместно принятые решения на приеме у Министра, в кабинете на ул. Куйбышева воплощались в реальные мастер–классы, консультации, отборы для стажировок итальянских будущих балерин и советских певцов. Несомненно, именно такая доверительность отношений этих двух активных, заинтересованных в успехе дел руководителей, смогла способствовать столь глубоко профессиональному обмену среди педагогов и исполнителей Италии и СССР.

Личное приглашение от Министра культуры СССР Е.А. Фурцевой было принято министром образования Италии Л. Гуи. За этим приглашением стоит желание советской стороны укреплять и продолжать тему выставочных обменов музейными шедеврами между двумя странами. Дело в том, что Департамент изобразительного искусства и музеев структурно входил в Министерство образования Республики Италия. Подробности пребывания итальянской делегации будут интересны тем уровнем организации приема, которые могли позволить чиновники советской стороны и служащие гуманитарной сферы для итальянского министра образования в его ознакомительной поездке по Москве и Ленинграду. Если обратиться к

архивным источникам, то по документам Российского архива литературы и искусства заметно как время, и государственный пост давали возможности выразить Е.А. Фурцевой себя в развитии межкультурных коммуникаций двух стран к концу шестидесятых годов XX в.

Согласно протоколам переговоров, Е.А. Фурцева не выходила за рамки дипломатического этикета. Министр играла свою социальную роль согласно принятым в её время условностям для руководителя–мужчины.

Исследование истории культуры периода 60–70 гг. XX в. и роли женщин в становлении развитии отрасли еще недостаточно полно. Библиографические и архивные указатели, описи, публикации сыграют еще свою весомую роль в решении этой задачи. Поиск исторических источников продолжается. Несомненно, что путь «из вчера в завтра» (по словам Ю.А. Завадского) требует концептуального осмысления. До сих пор часто для облегчения понимания широкой публике преподносили факты развития культуры, менеджмента отраслью культуры упрощенно, доводя до абсурдной простоты характеристики деятельности руководителей этого периода. Документы, подборки статей с выходными данными, отчеты, записи бесед, выписки из дневника (форма дипломатической коммуникации с советскими руководителями), письма, приказы, предварительные наброски требований на переговорах, – все эти обработанные архивные источники так и не привлекли внимания объективных исследователей. В чем же тут загадка? Какая проблема становления культуры и параллельная работа аппарата министерства скрыта за этими фактами, оставившими свой след на официальных бумагах? Поможет ли архивная и библиографическая деятельность профессиональным историкам, а позже и широким слоям населения, а главное новому поколению понять уровень межкультурных коммуникаций сформированных за годы работы Е.А. Фурцевой на посту министра культуры СССР?

Важно отметить, что Министр культуры СССР Е.А. Фурцева работала, четко понимая и оценивая уровень ответственности за принимаемые решения. Нельзя не увидеть, за официальными записями бесед, перепиской тот уровень заинтересованности в успехе дела, который обеспечивался энергичными действиями «мадам министра». Е.А. Фурцева, участвуя в переговорах и просматривая перспективы того или иного предложения умела быстро и смело принимать решения. Усвоив правила жесткой мужской системы управления страной, Е.А. Фурцева на посту министра нашла пространство для реализации потенциала своей личности.

Документы о деятельности министра СССР Е.А.Фурцевой сохранились в различных архивах (в частности, см. РГАЛИ Ф. 2329 оп. 26. ед.хр. 624, в отделе рукописей ГЦТМ им. А.А. Бахрушина и ряде других).

Е.В. Алексеева

Екатеринбург, Институт истории и археологии УО РАН

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЛИЧНОЕ В СУДЬБАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ XX ВЕКА И ИХ РОССИЙСКИХ СПУТНИЦ

Влиянию Запада на отечественную историю посвящено огромное количество исследований. Обратное воздействие – России на мировое развитие – изучалось в меньшей степени и сильно политизировалось. Одним из аспектов проблемы межкультурных взаимосвязей и взаимовлияний является человеческий, личностный фактор.

В 1964 г. в Италии впервые был опубликован очерк А.А. Ахматовой (1889–1966) «Амедео Модильяни», в котором поэтесса пишет о знакомстве с будущим знаменитым художником в 1910 г. в Париже, признавая, что они оба «вероятно, ...не понимали одну существенную вещь: все, что происходило,

было для нас обоих предысторией нашей жизни...»[886]. Знакомство с Модильяни (1884–1920) продолжилось в 1911 г., тогда же художник создал 16 рисунков–портретов Ахматовой. Помимо этих атрибутированных рисунков, в целом ряде других произведений искусствоведы находят ее черты. Н. Лянда пишет: «удалось найти около 150 работ художника, выполненных в период с 1910 по 1913 гг. В них обнаруживается портретное сходство с Ахматовой и повторяются характерные черты ее внешности». Толкование природы и символики поэзии Ахматовой, по признанию литературоведов, сегодня уже невозможно вне анализа творчества Модильяни и их отношений. С другой стороны, искусствоведы считают необходимым назвать 1910–1913 гг. «периодом Ахматовой в творчестве Модильяни»[887].

Летом 1918 г. в соборе Александра Невского в Париже обвенчались балерина Ольга Хохлова (1891–1955) и художник, основоположник кубизма Пабло Пикассо (1881–1973), оказавший исключительное влияние на развитие изобразительного искусства в XX веке. Несмотря на бурную жизнь художника, до конца своих дней Ольга оставалась «мадам Пикассо».

Еще об одном творческом дуэте – Елене Дьяконовой (1894–1982) и Сальвадоре Дали (1904–1989) французский поэт Андрэ Бретон сказал: «Дали и Гала – не муж и жена, и уж тем более не художник и его муза, они – два полушария одного мозга». Уроженка Казани Елена Дьяконова стала музой величайшего сюрреалиста современности, его натурщицей, секретарем, рекламным агентом, импресарио. До того, как в 1929 г. познакомиться с Дали и стать для него незаменимой, Гала была женой и музой П. Элюара – будущего классика французской литературы, одного из самых известных

---

[886] Ахматова А. "Я – голос ваш...". М., 1989. Носик Б. Анна и Амедео. История тайной любви Ахматовой и Модильяни, или Рисунок в интерьере. М., 2005.
[887] Лянда Н. Ангел с печальным лицом. Образ Анны Ахматовой в творчестве Модильяни. СПб., 1996. С. 5–52. http://www.akhmatova.org/articles/lianda/lianda.htm

поэтов Европы, чьи стихи еще при жизни вошли в школьные и университетские программы. «Гала – это праздник, Гала – истинная муза, она загадка и воплощение поэзии!», – говорил о ней Элюар. Гала была активной дадаисткой, вдохновляла не только Элюара, но и будущего знаменитого художника Макса Эрнста.

Знаменитый французский художник Анри Матисс (1869–1954) и дочь врача из Томска Лидия Делекторская (1910–1998) встретись в 1932 г. в Ницце, где русская эмигрантка искала работу, а известный мэтр – помощницу для ведения своих дел. Ей было 22, а ему – 63. Они пробыли вместе 22 года – до последнего дня его жизни. Она стала музой, первой помощницей и преданным другом великого французского художника. В период его болезни она взяла на себя все тяготы забот, обеспечивала ему условия для творчества. При жизни и после смерти мастера Делекторская собирала и покупала рисунки, гравюры и книги Матисса. Так составилось собрание, которое она разделила между Эрмитажем и московским Музеем изобразительных искусств им. Пушкина. После смерти мастера она написала две книги о его творчестве[888].

Русские девушки вдохновляли не только художественную богему, но и музыкантов, становившихся знаменитыми. В XIX в. это был «король вальса» Иоганн Штраус и Ольга Смирнитская, а в XX столетии – «король оперетты», автор бессмертной «Сильвы» – Имре Кальман (1882–1953).

Яркой личностью была Натали Палей (1905–1981) (кузина Николая II и внучка Александра II) – жена французского модельера Л. Лелонга, модель его модного дома и самостоятельный дизайнер, придумавшая идею создания одежды прет–а–порте. Будучи подругой французского поэта Ж. Кокто, она восхищала парижскую богему, собиравшуюся у него: Пабло Пикассо,

[888] Лидия Делекторская. Анри Матисс. Взгляд из Москвы. М., 2002.

Кристиан Берар, Сальвадор Дали, Ман Рей. Палей была подругой Эриха Ремарка. Она также была близка с А. де Сент–Экзюпери. Русскими музами зарубежных литераторов были Мария Игнатьевна Закревская (1892–1974) (Мария Бенкендорф, баронесса Будберг) и Майя Кудашева (1895—1985).

Наконец, еще одна выдающаяся соотечественница – Маргарита Ивановна Коненкова (1896–1980), урожденная Воронцова (жена скульптора С.Т. Коненкова), познакомилась с Альбертом Эйнштейном, когда ей было 39, а ему – 56. Из СССР чета Конёнковых выехала в 1924 г. для участия в выставке в Нью–Йорке, но их пребывание в Америке затянулось на двадцать лет. В 1935 г. Конёнков получил заказ на создание бронзового бюста Альберта Эйнштейна, и тот пришёл, чтобы позировать художнику. В 1936 г. не стало законной супруги учёного, и отношения Маргариты и Альберта перестали быть сугубо дружескими. Их роман длился 10 лет, пока Коненковых не отозвали на родину. Переписка «альмар» продолжалась до весны 1955 г., когда А. Эйнштейна не стало.

Обращение к личностям россиян, оказавших влияние на мировое искусство, науку «изнутри», в ходе личных взаимоотношений, их краткое перечисление показывает, что названная проблема – Россия и мир – заслуживает дальнейшей теоретической и конкретно–исторической разработки. Наше знание о выдающихся творческих личностях XX в., их жизни и деятельности в значительной степени сформировано именно их русскими спутницами, посвятивших свою жизнь вначале мэтрам, а потом их увековечиванию в музеях, публикациях и т.п. И в этом смысле большая разница в возрасте между художниками и их юными музами – огромная удача в смысле преемственности исторической памяти. Россиянки, о которых шла речь, были своего рода «протуберанцами» русской истории XX в. Часть из них была выброшена с родины революцией (В. Макинская, Л. Делекторская, Д. Верни, О. Чагодаева). Других (М. Кудашеву, М. Коненкову) советские

спецслужбы пытались сделать орудием воздействия на крупнейших интеллектуалов столетия. Учитывая то количество россиянок, которое раскидано по всему миру в наши дни, можно надеяться, что мировая культура не оскудеет, но, напротив, в обозримом будущем пополнится новыми выдающимися культурными феноменами.

Научное издание

***Частное* и *общественное*: гендерный аспект.**
Материалы Четвертой международной научной конференции
Российской Ассоциации исследователей женской истории и
Института этнологии и антропологии РАН,
20 – 22 октября 2011 года, Ярославль

Том 1

Утверждено к печати
Ученым Советом
Института этнологии и антропологии РАН
им. Н.Н.Миклухо-Маклая

Художник: Е.В.Орлова
Компьютерная верстка: Н.Л.Пушкарева

Подписано к печати 23.06.2011
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 24,2
Тираж 120 экз. Заказ № 8

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991, Москва, Ленинский проспект, 32а